

Friedrich Naumann
STIFTUNG FÜR DIE FREIHEIT

РОО ЛИБЕРАЛЬНАЯ МИССИЯ

Бизнес и Мысль

Thomas GROßBÖLTING (Hg.)

**FRIEDENSSTAAT,
LESELAND,
SPORTNATION?**

DDR-LEGENDEN AUF DEM PRÜFSTAND

ГДР

МИРОЛЮБИВОЕ ГОСУДАРСТВО, ЧИТАЮЩАЯ СТРАНА, СПОРТИВНАЯ НАЦИЯ?

ТОМАС ГРОССБЁЛЬТИНГ
редактор-составитель

·МЫСЛЬ·
Москва

УДК 94(430.2)
ББК 63.3(4Гем)63
Г26

Friedrich Naumann
STIFTUNG FÜR DIE FREIHEIT

Книга издана при поддержке
Фонда Фридриха Науманна за свободу (Германия)

РОО ЛИБЕРАЛЬНАЯ МИССИЯ

Бизнес и Мысль

Перевод с немецкого

Г26 ГДР : миролюбивое государство, читающая страна, спортивная нация? : сборник статей / редактор-составитель Т. Гроссбёльтинг : пер. с нем. — Москва : Мысль, 2017. — 384 с.
ISBN 978-5-244-01198-2

Была ли ГДР «государством мира», «читающей страной», «спортивной нацией»? По праву ли она могла называть себя «очагом антифашизма»? На самом ли деле у женщины и мужчины были равные права? И действительно ли успехи Финляндии в недавних исследованиях PISA можно объяснить копированием системы образования ГДР?

Шестнадцать известных авторов анализируют легенды ГДР, которые имеют свое воздействие по сей день. Авторы детально и непредвзято изучают суждения и предубеждения относительно социалистического немецкого государства, освещают с разных ракурсов отдельные сферы общества ГДР и противопоставляют мнениям проверенные факты.

УДК 94(430.2)
ББК 63.3(4Гем)63

ISBN 978-5-244-01198-2

© Мысль, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ТОМАС ГРОССБЕЛЬТИНГ

ЛЕГЕНДЫ ГДР В КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ И В НАУКЕ 11

РАЙНЕР КАРЛШ

«НА МИРОВОМ УРОВНЕ»	25
Предваряя тему.	25
Экономика и техника в послевоенное время	26
Фальстарт или сбой на дистанции? Дефицит производительности	29
«Репарационные отрасли»	30
В тупике «социалистической индустриализации»?	32
Технологический прорыв Ульбрихта	36
Авиастроение	37
Программа развития химической промышленности	38
Атомные электростанции	41
Технологический прогресс в станкостроении	42
Киносьемочная камера с беспараллаксным визирным устройством — экспортный товар нарасхват	43
Попытки реформ	44
«Любой ценой»: создание микроэлектроники	45
Микропроцессоры для станкостроения	47
Торможение программы автомобилестроения	49
Кризис как финал	50

ТОМАС ГРОССБЕЛЬТИНГ

ГДР — «ГОСУДАРСТВО ШТАЗИ»?	53
История Штази как «публичная история»	56
Легенды и дискуссия вокруг них: «всемогущая Штази» и «народ стукачей»	68

МАРК-ДИТРИХ ОЗЕ

«МЫ ОТЯГИВАЛИСЬ НА ПОЛНУЮ КАТУШКУ»	75
Молодежный союз как любой другой? Свободная немецкая молодежь	76
Неполитический праздник? Гражданское посвящение во взрослую жизнь	79

Равные права, равные шансы? Молодежь и церковь	82
Приспособившаяся молодежь?	
(I) Молодые люди в системе образования	84
Приспособившаяся молодежь?	
(II) Молодежная и досуговая культура	86
 Гунилла Будде	
ЭМАНСИПИРОВАННОЕ ОБЩЕСТВО	94
Традиционные семейные обязанности	94
Карьерные ограничения остаются	100
Снижение интереса к политике	104
Ограниченное стремление к эмансипации	106
Выводы	111
 Кристоф Клесман	
УГРЮМАЯ ЛОЯЛЬНОСТЬ И ПРЕКРАСНАЯ ПОКАЗУХА	113
Традиции и надежды	115
Эгалитаризм и нормы в обществе дефицита как постоянная проблема	117
Ранние формы сопротивления рабочих против «государства рабочих»	120
Восстание 17 июня 1953 г. — рабочие бунтуют против своего «авангарда»	123
Созидательный энтузиазм и ритуалы диктатуры СЕПГ	125
Производственные бригады как позитивный опыт пребывания в трудовом коллективе	127
Шансы на образование и социальный рост как связывающие силы	128
Двойственная и исчезающая лояльность	129
Рабочие как «уехавшие» и как избиратели ХДС в 1990 г.	131
Краткий итог	133
 Патрис Г. Потрус	
ГДР КАК «ОПЛОТ МЕЖДУНАРОДНОЙ СОЛИДАРНОСТИ»	135
Национал-социализм, оккупация и национализм в цветах ГДР	136
Об отношении к иностранцам в повседневной жизни в ГДР	140

«Учиться в дружественной стране»: иностранцы студенты в ГДР	141
Убежище в стране мигрантов: «политэмигранты»	144
Иностранная рабочая сила для социализма: контрактные рабочие	147
Выводы	151
Герман Вентклер	
ЗА МИР И ДРУЖБУ НАРОДОВ?	153
Три фактора, влиявших на внешнюю политику ГДР	154
Социалистический интернационализм? Отношения ГДР с Советским Союзом и с государствами Восточного блока	157
Мирное сосуществование? Отношения ГДР с ФРГ и с несоциалистическими европейскими государствами	165
Антиимпериалистическая солидарность? Отношения ГДР со странами «третьего мира»	169
Заключение	173
Ютта Браун	
«РАЗ В НЕДЕЛЮ ВСЯК ИЗ НАС СПОРТУ ПОСВЯТИ ХОТЬ ЧАС»	175
«Рационализация»	176
Бедственное положение в массовом спорте	180
«Бегство из республики» — страшный сон спортивных чиновников	183
Допинг	185
Крушение	190
Кристоф Линкс	
ГДР — СТРАНА ЧИТАТЕЛЕЙ	193
Производство книг	193
Книготорговля	197
Библиотеки	200
Отношение к чтению	202
Выводы	204
Рюдигер Шмидт	
ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОБЕДА?	205

Миф антифашизма как основа для строительства государства	207
Антифашистский героизм в прозаических литературных произведениях	213
Делегитимизация антифашизма: 17 июня 1953 г. и 13 августа 1961 г.	216
Антифашизм в коммуникативной и культурной памяти ГДР	218
«В памяти не осталось ничего...»	220
ДИРК ХОФФМАН	
ИЛЛЮЗИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИЩЕННОСТИ	223
Изменения в трудовом законодательстве	224
Политика занятости СЕПГ: между мерами «от случая к случаю» и плановой экономикой	231
Нерешенный вопрос пенсионного обеспечения в ГДР	236
ШТЕФАН ХААС	
«МЫ СТРОИМ КВАРТИРЫ»	243
Государственная жилищная политика как парадигма	244
Какие цели преследовало привлечение граждан к участию в делах государства?	246
Медиа сферы общественного участия	248
Практика общественного участия	255
МАТТИАС РОГ	
АРМИЯ НАРОДА?	263
ГДР – милитаризованное общество?	263
Военная пропаганда, мобилизация и мотивация «солдат завтрашнего дня»	266
Взгляд изнутри – жизнь в казарме ННА	271
Взгляд снаружи – контакты между гражданской и военной сферами	276
Резюме: «армия народа»?	277
ВОЛЬФГАНГ ЛАМБРЕХТ	
«УЧИТЬСЯ У ФИНЛЯНДИИ ЗНАЧИТ УЧИТЬСЯ У ГДР?»	279
Развитие системы образования в Финляндии после получения независимости в 1917 г.	280

Создание «единой социалистической системы образования» в ГДР	285
Веские причины для существенных сомнений в том, что система образования ГДР послужила образцом для финской	288
Заключение	290
Ансельма Галлинат и Забине Киттель	
О СОВРЕМЕННОМ ПОДХОДЕ	
К ГЭДЭЭРОВСКОМУ ПРОШЛОМУ	293
История повседневной жизни — часть официального осмысления прошлого?	295
Воспоминание и самосознание	298
Восточногерманский опыт в зеркале осмысления прошлого.	303
Выводы	314
ОБ АВТОРАХ	316
КОММЕНТАРИИ	321

ТОМАС ГРОССБЁЛЬТИНГ*

ЛЕГЕНДЫ ГДР В КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ И В НАУКЕ

Вместо предисловия

Мы все еще не закрыли тему немецкого государства, которое недовольство его граждан и повороты мировой политики отправили в небытие в предпоследнем десятилетии XX столетия. Вопрос о том, чем была ГДР и что она значит для нас сегодня, продолжает вызывать споры. Разброс суждений был велик еще при существовании этого государства. ГДР, которую ее основатели объявили «другой Германией» и «антифашистско-демократической» альтернативой западногерманской государственной модели, возникшей на территории нацистской Германии, по другую сторону «железного занавеса», рассматривали как «государство, не имеющее никакой легитимности»¹. И если Сталин в 1949 г. назвал образование ГДР — в духе советской великодержавной политики — «поворотным пунктом в истории Европы»², то писатель Стефан Гейм, свидетель процесса упадка той же самой ГДР, заявлявшей о себе как о государстве реального социализма, опасался, что в конечном итоге от нее останется не более чем «сноска в истории»³.

Прошло уже почти двадцать лет с начала Мирной революции и политических перемен, которые в 1989 году привели к концу ГДР, а в 1990-м — к воссоединению Германии, а интерес, по крайней мере в общественном и медийном пространстве, до сих пор не угасает. Когда сотрудники госбезопасности ГДР — Штази — продолжают оставаться на государственной службе, когда политики ломают копыя по поводу понятия «неправовое государство» или когда предполагаемый стрелок-убийца Карл-Хайнц Куррас (полицейский в Западном Берлине, в 1967 г. во время протестной

---

* Пер. с нем. Игоря Шматова.

демонстрации застрелил студента-пацифиста Бенно Онезорга. — *Перев.*) был разоблачен как агент Штази, прошлое ГДР вновь напоминает о себе кричащими заголовками в прессе, вызывая, как и прежде, в высшей степени противоречивые оценки. Воспоминания о ГДР в воссоединившейся Германии продолжают носить взаимоисключающий характер, их едва ли возможно привести к единому знаменателю. Тем не менее определенные тенденции выходят на поверхность, если попытаться «протоптать тропинки» в прошлое, ориентируясь на отдельные регионы, на мнения представителей разных поколений, на доступные документальные свидетельства, не забывая учитывать при всем этом различные политические позиции очевидцев.

На большей части страны, на ее бывшем Западе, преобладают незнание и безразличие. Тем не менее нельзя не обратить внимания на явные изменения в партийной системе: в лице «Левой партии» и ее предшественников здесь существует политическая сила с отчетливо выраженными традициями, уходящими в прошлое ГДР, которая намерена занять прочное место в старой партийной системе Федеративной Республики. Тем самым, наряду с другими факторами, она ставит под вопрос, казалось бы, незыблемое послевоенное устроство когда-то Боннской, ныне все больше смещающей-ся к Берлину республики.

На Востоке, прежде всего в восточной части Берлина, — бывшем центре власти государства СЕПГ (Социалистическая единая партия Германии. — *Перев.*) и одновременно одном из мест, где происходили решающие события Мирной революции 1989 г., — связь с ГДР более наглядна, а ее свидетельства более многочисленны. Она почти осязаема, идет ли речь о том, что Бранденбург называют «маленькой ГДР», о столичном дизайнерском отеле «Остель»⁴, в свое время образце панельной архитектуры эпохи социализма Хонеккера, или об архитектурных решениях застройки некоторых улиц. Помимо этого здесь же расположены штаб-квартиры учреждений и ведомств, занятых осмыслением немецкой истории: специальные комиссии и экспертные группы, федеральные фонды и федеральные уполномоченные не покладая рук стараются создать исторический образ ГДР, который

не противоречил бы современной политической культуре. Вместе с ними работают союзы жертв и лиц, преследовавшихся при прежнем режиме, чтобы по возможности выхлопотать своим подопечным денежную компенсацию или по крайней мере обеспечить им достойное место в пантеоне памяти республики. И наконец, здесь толкнутся некоторые из тех, кто в старые времена принадлежал к системе, кто был сотрудником министерства госбезопасности, другими словами, «вечно вчерашние», развивая бурную, но малоуспешную деятельность в попытках довести до общественности свой скомпилированный взгляд на прошлое.

О том, как наука и средства массовой информации участвуют в процессе осмысления истории, уже неоднократно писалось: история ГДР превратилась в специальную область исследований, которая породила бесчисленные проекты и соответственно огромное количество публикаций. При этом, несомненно, по крайней мере часть исследователей научились новому общению со средствами массовой информации и создали новую форму работы с материалами политической истории. Пожалуй, сложившаяся ситуация сравнима с определенными этапами изучения национал-социалистского прошлого, когда ученые, занятые в исследованиях, не только управляли грантами, выделяемыми политическими структурами, но и в качестве советников участвовали в соответствующих проектах по осмыслению исторического наследия или пытались сами выступить в роли политиков. Не менее впечатляет то, какой резонанс результаты эмпирических исследований вызывают в медийной сфере, когда они отвечают таким действующим в ней внутренним критериям, как сенсация, конкретика фактов и актуальность. Как бы ни радовал этот общественный резонанс, определенную обеспокоенность тем не менее вызывает следующее обстоятельство: там, где громкие заголовки в ежедневной прессе приобретают большую ценность, чем статьи в специальных журналах, возникает угроза пренебрежения строго научными подходами при анализе исторического материала⁵.

Такая, возможно, единственная в своем роде взаимосвязь науки и политики в вопросах исторической памяти придает дискуссиям по проблемам истории ГДР особую остроту.

В значительно большей степени, чем в других частных областях исторической науки, речь идет о делегитимации и легитимации прошлого, о сведении счетов и самоутверждении. Этой взаимосвязи история ГДР вплоть до наших дней обязана в значительной степени обращенному к ней вниманию. Осмысление прошлого, историко-политическое просвещение и современная история — как и все те, кто ими занимаются, — живут за счет этого вида *public history* («публичной истории». — *Перев.*).

Несмотря на большой интерес к этой теме и на значительные усилия, затраченные на ее изучение, итоги двадцатилетней работы выглядят неоднозначно. Такое впечатление складывается не только вследствие жалоб со стороны части самих исследователей, которые в средствах массовой информации с удивительной регулярностью сначала возмущаются неосведомленностью, особенно молодежи, привлекая к себе через СМИ внимание общественности, чтобы в качестве следующего шага потребовать больше внимания и большей финансовой поддержки, заявляя о необходимости представить ситуацию в ГДР при соответствующем учете мнения критиков⁶. Также нельзя назвать причиной такой оценки всплеск ностальгических настроений в связи с появлением на рынке некоторых типично восточногерманских изделий, как, например, светофоры с изображением человечков. Будучи продуктом средств массовой информации и промышленности потребительских товаров, такая ностальгия не может длиться долго. То, что от нее останется, никак не скажется на политической культуре воссоединенной Германии⁷.

Пытаясь составить представление о том, как немцы — теперь уже на протяжении двадцати лет — занимаются критическим осмыслением ушедшей в прошлое диктатуры СЕПГ, будет весьма полезно обратиться к наблюдениям и аналитическим материалам, которые имеются на этот счет за пределами Германии. Среди зарубежных публицистов и ученых, представляющих различные точки зрения, процесс воссоединения и то, как объединенная Германия обращается со своим ГДРовским прошлым, вызывают на удивление большой интерес. При всех различиях в оценках многие из участвующих в этом разговоре в двух из них сходятся.

С одной стороны, существует далеко идущее согласие в отношении того, насколько всесторонни и основательны были усилия, связанные с «осмыслением» диктатуры СЕПГ и ее истории. Так, один из наиболее энергичных американских исследователей истории Германии Макадамс подчеркивает, что, вероятно, трудно будет отыскать другое государство, которое действовало бы столь же «быстро, двигаясь по самым разным направлениям, чтобы разобраться с собственным прошлым»⁸.

Наряду с многочисленными словами восхищения мирным характером коренного поворота в ГДР и процесса воссоединения у немалого числа этих авторов одновременно чувствуется определенное недовольство тем, что они наблюдают. Речь идет о втором шансе, который не был использован, или о колонизации Востока⁹. «Учиться у немцев?» — вопрошает, например, Эндрю Битти. Имея в виду расширяющуюся Европу, австралийский эксперт по Германии, видимо, не посоветовал бы этому объединению государств двигаться к объединению немецким путем, а если бы и посоветовал, то только с большими оговорками. Вместо разнообразия перспектив, самокритики и саморефлексии, полагает он, внимание было сосредоточено в основном на том, чтобы спроецировать на историческое прошлое современные ценностные и этические представления. По этой причине процесс объединения и, особенно, критическое осмысление истории происходили под решающим воздействием политически несбалансированных подходов, а также перекосов в истолковании социально значимых символов. Не европейский девиз «единство в многообразии» — «diversity in unity», а противопоставление «сверхупрощенной истории успеха Запада» «ужасной истории Востока» определяет официальное направление исторических изысканий¹⁰. Работа двух специальных комиссий по «осмыслению истории и последствий диктатуры СЕПГ в Германии» вызывает критику не только Битти, но и его коллег, хорошо владеющих всем методологическим арсеналом «правосудия переходного периода»: она слишком политизирована, слишком элитарна, а главное — совершенно игнорирует граждан бывшей ГДР¹¹. «Truth without reconciliation» — «правда без примирения» — так в переводе однозначно звучит

приговор политолога Дженнифер А. Йодер, акцентирующий внимание на ее слабостях¹².

При том что результаты исследований по отдельности не могут не вызывать вопросов, они тем не менее объясняют нам, почему граждане, выросшие в ГДР, как и граждане старой Федеративной Республики, все больше и больше оказываются вне рамок этих дискуссий, довольствуясь заранее изготовленными клише или вообще утратив к ним интерес. «Следует опасаться, что многочисленный и чрезмерно политизированный аппарат, созданный для того, чтобы пролить свет на историю ГДР, скоро перестанет интересовать публику точно так же, как это удалось его предшественникам в ГДР», — написал еще в 1999 г. Лутц Нитхаммер¹³.

Наблюдения за текущей дискуссией на самом деле внушают опасения, что в этом случае историк оказался прав и как пророк. То, что, тем временем, значительная часть восточных немцев стала ностальгировать по прежней жизни, имеет различные и неравнозначные причины. Сами по себе различные опыт и судьбы большинства граждан в Восточной Германии дают немного «зацепок», чтобы задним числом выявить в них общие элементы¹⁴. Сама диктатура зачастую скорее разъединяла, чем объединяла людей, что без труда можно увидеть на примере наиболее экстремальных среди всех возможных жизненных позиций — от сотрудников Штази до критиков режима. Очевидно, что наиболее важным фактором, под воздействием которого формировалось отношение к прошлому, был опыт, приобретенный в ходе объединения страны и в последующие за ним годы. Однако помимо этого ретроспективное формирование восточногерманской идентичности также явилось реакцией на историческую политику, возникшую в русле официального осмысления прошлого ГДР. Хотя, как показали различные опросы общественного мнения, после 1990 г. во многих отношениях происходило сращивание обоих немецких обществ, тем не менее эмоционально они отдалялись друг от друга. Наряду с жесткими темами политических и социальных конфликтов в сфере распределения, таких как безработица, взнос солидарности и т.д., особенно бросался в глаза еще один элемент: взгляд на историю и связанные с этим восприятие и оценка

прошлого. Даже те из наблюдателей, которые в целом констатировали успех сближения Востока и Запада, делали при этом одно исключение, каким была, по словам американского политолога Лоуренса Макфоллса, «разумеется», историческая память¹⁵.

Даже растущее чувство принадлежности к Востоку, о чем свидетельствовали результаты демоскопических исследований, в большей мере явилось следствием ситуации, которую Мэри Фалброк в своем анализе описывает как «парадоксальное положение народа». То есть хотя многие из бывших граждан ГДР не были согласны с политической системой прошлого, они не находят ни в результатах исторической науки, ни в том, что предлагает политическое образование, адекватного описания близких и хорошо знакомых им сфер жизни, которые они воспринимали как вполне «нормальные»¹⁶. Воспоминания, нередко личного характера, о репрессивной системе ГДР утрачивают свою остроту, когда речь заходит о том, чтобы попытаться оправдать собственную жизнь или жизнь родителей ввиду их огульного осуждения, воспринимаемого как несправедливое.

К сказанному следует добавить второй аргумент: мы имеем дело с неверной дихотомией, согласно которой государства держатся или на принуждении, или на одобрении (сошлемся опять на Мэри Фалброк). Также неверно, когда те, кто указывают на подавляющее одобрение деятельности государства, оспаривают существование принуждения¹⁷. Особенно в отношении ГДР после сооружения Берлинской стены и в эпоху Хонеккера можно, по ее словам, утверждать, что на этом этапе государство «пользовалось активной поддержкой многих своих граждан». «Сотовая структура патриципаторной демократии допускала, чтобы граждане — точнее сказать, те из них, которые были готовы использовать эти структуры и придерживаться принятых правил игры, — могли самостоятельно обустроить свою жизнь и при этом испытывать чувство хотя бы крошечной независимости»¹⁸. Помимо этого, как считает Фалброк, «СЕПГ не только разделяла и отстаивала цели значительного числа граждан... более того, в ее патерналистской претензии на то, чтобы попытаться осуществить эти цели (хотя, в конечном итоге, безуспешно) в интересах

народа, даже была частичка правды»¹⁹. Несмотря на все это, люди были встроены в «прочную, как сталь» коммунистическую систему, которую государство создало и поддерживало, используя все располагаемые средства власти. В этом смысле в высшей степени противоречивыми для большинства населения ГДР были два последних десятилетия: участие граждан в социалистическом проекте и поддержка, которую они получали в его рамках, происходили в условиях политического манипулирования и при существовании ниш несогласия. Это была та реальность, с которой постоянно соприкасались не только различные группы людей, но и отдельные граждане. Там, где после падения Берлинской стены Запад увидел экономически разрушенную страну и политическое насилие, степень которого было трудно представить, в действительности ситуация носила существенно более дифференцированный характер, в которой в отдельных случаях также встречались «островки совершенно нормальной жизни».

Дискуссия о том, чем была ГДР, регулярно подогревается определенными клише и устоявшимися представлениями, которые связаны именно с этой противоречивой исходной ситуацией. Статьи, включенные в настоящую книгу, рассматривают стереотипы, которые в публичных дискуссиях вызывают наибольшие споры. Причем некоторые из них обсуждаются без учета тех данных, которые может предъявить историческая наука. Не следует переоценивать ее влияние, приписывая ей способность реально преодолеть дихотомию между «черным» и «белым» в трактовке ГДР в публичном дискурсе. С другой стороны, научная дисциплина, ориентирующаяся на идеалы просвещения, не может не быть ответственной за то, чтобы внести свою лепту в общественную дискуссию и в этом смысле способствовать созданию адекватной, прозрачной и методологически выверенной реконструкции прошлого. При этом историческая наука не начинает свою работу с нуля. Напротив, с 1990-х годов благодаря огромным исследовательским усилиям были собраны конкретные знания, которые позволяют утверждать, что ГДР, вероятно, является самым хорошо изученным периодом немецкой истории. Многие из них не были востребованы в общественной дискуссии. По этой причине цель этого сборника заключа-

ется в том, чтобы ликвидировать, хотя бы частично, разрыв, который существует между общественным восприятием проблем и их интерпретацией в сфере исторической политики, с одной стороны, и специальными знаниями исторической науки — с другой.

В этом контексте Райнер Карлш задается вопросом о том, каков был экономический и технический потенциал ГДР. Во всяком случае, ее производство и экономика не находились на «мировом уровне». Сначала его достижению мешало тяжелое исходное положение страны после Второй мировой войны. Однако в последующие годы все большим препятствием становились собственные структурные слабости, блокировавшие быстрый экономический рост, что, впрочем, было характерно для восточноевропейского экономического блока в целом.

Определение ГДР как «государства Штази» было одной из наиболее спорных ее характеристик. В статье на эту тему я не только рассматриваю вопрос о том, какое значение имело министерство государственной безопасности в системе государственной власти в ГДР, но и о том, как воссоединенная Германия обошлась с этой частью наследия ГДР.

«Тошно было до невозможности, но мы оттягивались на полную катушку». Этими выдуманскими словами одного молодого парня из повести Томаса Бруссига Марк-Дитрих Озе начинает статью о молодежи в ГДР, подтверждая в своем историческом исследовании выраженную в них противоречивость восприятия действительности того времени. Реальное поведение молодежи, которое принимало чрезвычайно разнообразные формы, никак не соответствовало надуманным представлениям СЕПП о ней как о «боевом резерве партии».

Была ли ГДР в сфере женской эмансипации более успешным государством, как часто это утверждалось? Вне всякого сомнения, социальная политика ГДР, особенно в сравнении со старой Федеративной Республикой, сильно изменила роль женщины. Тем не менее и в ГДР сохранялись рудименты неравноправных отношений между мужчиной и женщиной, более того, возникали новые формы такого неравноправия. Гунилла Будде в своем исследовании, учитывая различные точки зрения, анализирует намерения и направления

«эмансипационной политики» ГДР, сопоставляя их с реальными результатами в общественной жизни.

Формула «рабоче-крестьянского государства», которой ГДР описывала саму себя, была, несомненно, политически лживой, о чем пишет Кристоф Кисман. Тем не менее в социальном отношении она играла известную роль. Вербальная дань уважения и разносторонние усилия подчеркнуть связь ГДР с определенными базовыми требованиями немецкого рабочего движения порождали настроения лояльности, которые, однако, постоянно подавлялись в условиях режима «политической опеки».

По отношению к иностранцам из братских социалистических стран ГДР демонстрировала свой «интернационализм» и тем самым гостеприимство. Патрис Путрус в своей статье показывает, что тем не менее они не были равноправными членами социалистического общества, задуманного как транснациональное, а скорее являлись гостями, которых приходится терпеть и которые представляли общество, состоящее из многих отдельных наций.

Социалистический интернационализм, антиимпериалистическая солидарность и мирное сосуществование — таковы были максимы внешней политики ГДР, позаимствованные из государственной идеологии. Герман Венткер описывает в своей статье, насколько велик был разрыв между этими формулами и реальными побудительными причинами. Одновременно он показывает, как сильно вместо них действия правительства ГДР на международной арене определяли стремление обеспечить собственное выживание и желание расширить возможности внешнеполитического маневра.

Начиная с 1976 г. ГДР постоянно была в числе лидеров по количеству завоеванных олимпийских медалей, далеко опережая не только Федеративную Республику, но и США с их более многочисленным населением, а однажды даже оставив позади СССР. Ютта Браун не только исследует вопрос о том, какие факторы сделали возможными эти успехи спортивной нации ГДР, но и показывает, насколько психологически нездоровым и лживым был мир спорта ГДР.

ГДР называла себя «читающей страной», что, как полагает Кристоф Линкс, вполне справедливо. Не только в срав-

нении с Федеративной Республикой, но и восточноевропейскими странами чтение как форма досуга имело для граждан республики особую ценность. То, что до 1990 г. частично объяснялось специфическими функциями, в первую очередь беллетристики, постепенно утратило свое значение после глубокой перестройки книжного производства и системы реализации книгопродакции.

Изображение себя в качестве антифашистского государства и тем самым в качестве «другой Германии» было одной из наиболее эффективных легенд, связанных с основанием ГДР. Рюдигер Шмидт исследует различные этапы собственного «антифашизма» ГДР и показывает, как этот идеологический элемент все больше утрачивает свой смысл, особенно для представителей молодого поколения.

Что представляла собой система социального обеспечения в ГДР, которая и сегодня остается предметом обсуждений, мнения участников которых полярно расходятся? На примере трудового права, политики занятости и пенсионного обеспечения Дирк Хоффман представляет дифференцированную картину, наглядно демонстрирующую противоречивость процессов в этих сферах в их историческом развитии.

Какими возможностями располагали граждане в ГДР для того, чтобы принимать участие в управлении государственными и общественными делами? На примере жилищной политики Штефан Хаас анализирует формы этого участия. Посредством общественных слушаний и выставок, специально организованных в этих целях, органы управления и партия побуждали к тому, чтобы граждане принимали участие в публичных обсуждениях социально значимых вопросов и в их практическом решении. Однако эти коммуникационные процессы в первую очередь служили для того, чтобы символически представить действующую систему как демократическую партисипативную общность людей.

Армия ГДР была важным элементом общества не только из-за своей численности, но и потому, что вследствие всеобщей воинской обязанности оказывала глубокое воздействие по крайней мере на мужскую часть населения. Была ли она по этой причине Национальной «народной армией», каковой она себя называла? Маттиас Рог исследует эту тему

и показывает, что армия и общество были чужды друг другу во многих принципиальных вопросах.

Историк Вольфганг Ламбрехт посвятил свою статью системе образования ГДР, сравнивая ее якобы образцовый характер со школой в Финляндии, среднее образование которой является одним из лучших в Европе в соответствии с критериями международной программы по оценке образовательных достижений учащихся (PISA). Несмотря на имеющиеся структурные сходства, между ними остаются существенные различия, причем наиболее важными являются политические ограничения, препятствующие доступу отдельных молодых людей к более высоким ступеням образования.

Цель настоящего сборника состоит в том, чтобы проверить содержание «легенд» ГДР на их достоверность или недостоверность, но в первую очередь показать их неоднозначный характер. С одной стороны, быстро становится очевидным, что только описания фактов для этого недостаточно. Нередко мы обсуждаем историю ГДР так, как если бы речь шла прежде всего о поиске «правильной трактовки», чтобы затем в максимально концентрированном виде донести ее до получателей информации (преимущественно школьников), что могло бы, наконец, помочь им выработать правильное отношение к событиям прошлого. Такое как минимум наивное представление показывает прежде всего, что мы все еще слишком мало знаем о процессах обучения и усвоения, которые сопровождают весь путь готовых продуктов исторической науки до их «потребителей». И даже если мы знаем, что, безусловно, не только книги, а уж тем более не научные статьи формируют представления о ГДР, мы тем не менее так и не сделали из этого факта необходимых выводов для нашей исследовательской, обучающей и распространительной деятельности. Индивидуальные воспоминания, семейная память, различные печатные материалы, телевидение и разнообразные развлекательные продукты, имеющие отношение к истории, от компьютерных игр до празднований исторических событий, в этом многообразии наука и историко-политическое просвещение являются лишь одним из элементов, который при индивидуальном

приобщении к истории в лучшем случае играет подчиненную роль. Мы мало знаем о взаимодействии этих отдельных элементов. Для того чтобы понять его, видимо, требуется активное сотрудничество на стыке исследований в области исторической культуры, исторической дидактики и исторической науки²⁰.

В настоящем сборнике представлена работа, которая очерчивает круг связанных с решением этой задачи проблем исторического обучения, исторической культуры и передачи результатов проведенных исследований. Антропологи Анзельма Галлинат и Сабине Киттель, используя присущий их научной дисциплине методический инструментарий, рассматривают вопрос о том, как соотносятся между собой «официально» предлагаемые исторические сведения и индивидуальные воспоминания. При этом они показывают, насколько сложны и дисгармоничны процессы взаимодействия этих двух факторов.

Авторов предлагаемого сборника объединяет желание внести вклад в то, чтобы «приземлить» процесс осмысления диктатуры СЕПГ, сегодня часто принимающий форму дискуссий, в которых не столько важны веские аргументы, сколько (политические) пристрастия и отстаивание сиюминутных убеждений, и повернуть его к тем проблемам, которые уже раскрыты в ходе проведенных исследований и поэтому более доступны для понимания. Также авторы не только надеются на то, чтобы внести замешательство в лагерь как тех, кто приукрашивает действительность в ГДР, так и тех, кто продолжает думать категориями «холодной войны». Прежде всего речь идет об идее привлечь к настоящей теме внимание хотя бы некоторых из тех многих, кто до сих пор не проявил к ней интереса. История ГДР гораздо интереснее, интеллектуально познавательнее и в переносном смысле даже более «поучительна», чем ее слишком упрощенные трактовки.

Мы особенно благодарны Центру политического просвещения земли Саксония-Ангальт, который оказал щедрую поддержку при подготовке настоящей публикации. Слова нашей благодарности также относятся к издателю Кристофу Линксу и редактору Яне Фребель — их товарищеское

общение с коллективом автором оставило самые приятные воспоминания. Штеффи Кальтенборн из института истории Марбургского университета взяла на себя важную задачу координации между авторами и издательством.

Мюнстер,
июль 2009 г.

РАЙНЕР КАРЛШ*

«НА МИРОВОМ УРОВНЕ»

*Наивысшие достижения
в производственно-технической области ... ?*

Предваряя тему

Среди студентов-экономистов в ГДР сатирический журнал «Ойленшпигель» (*Eulenspiegel*) пользовался особым спросом, поскольку нередко они узнавали из него больше о действительном положении на предприятиях и комбинатах, нежели из других источников, не говоря уж о газетных репортажах на тему выполнения производственного плана. Сегодня, бросая взгляд в прошлое, можно высоко оценить уровень немалого числа публикаций в «Ойле», как и бесчисленных анекдотов про «узкие места в системе снабжения».

Иначе обстояло дело с пресловутым «мировым уровнем» в научно-технической и производственной областях. Исчезновением в октябре 1990 г. ГДР в немалой степени была обязана именно провалу своей экономической политики. В общественном восприятии этот факт ассоциировался главным образом с «Трабантом», автомобилем технически допотопным и одновременно притягательно-бесхитростным, на десятилетия отставшим от технического уровня и объемов производства автомобилей ведущих производителей. После 1990 г. «Траби» в качестве знакового символа перекочевал в мир искусств и медиакоммуникаций, при том что автомобиль неизменно воспринимался как явление по преимуществу трогательно-курьезное. От десятилетий напряженных усилий автомобилестроителей из Цвиккау, похоже, не осталось ничего, кроме иронии¹.

В отличие от автомобилей микрочипы никак не подходят на роль культовых объектов. И поскольку построить

---

* Пер. с нем. Олега Шматова и Игоря Шматова.

государство на автомобилях уже давно и никак не получалось, руководство СЕПГ в сентябре 1988 г. предприняло пропагандистскую попытку раскрутить факт создания прототипа компьютерного чипа емкостью в 1 мегабит, представив его как высшее достижение. Большинство граждан ГДР, годами стоявших в очереди на домашний телефон, такого рода сообщениям не верили. Одномегабитный чип оказался пустышкой в красивой обертке². Причина в том, что электронная промышленность ГДР к этому моменту достигла пределов своих возможностей в «повторном изобретении» микрочипов, отставая от уровня развития мировой отрасли лет этак на восемь.

Иногда ход событий по иронии истории принимает неожиданный оборот: спустя двадцать лет после исчезновения ГДР и ликвидации автозавода «Заксенринг» в Цвиккау и Дрезденского комбината по производству электронной техники «Роботрон» именно автомобилестроение и производство чипов по численности занятых и обороту превратились в две наиболее важные промышленные отрасли в Саксонии. Последнее было бы невозможным без квалифицированных кадров специалистов, подготовленных в ГДР. Зададимся поначалу вопросом о стартовых условиях экономического развития в восточной части Германии.

Экономика и техника в послевоенное время

О «мировом уровне» в послевоенное время не могло быть и речи. Восстанавливать хозяйство приходилось с использованием оставшейся после войны техники. Такое положение не было специфической чертой Советской зоны оккупации (СОЗ)/ГДР, оно было типичным для восстановительной фазы практически во всех национальных экономиках Европы. Несмотря на военные потери, предпосылки для восстановления хозяйства были неплохими. Достаточно сказать, что Саксония, Тюрингия и провинция Саксония (с марта 1947 г. Саксония-Ангальт) относились к наиболее индустриализованным территориям Германии, в то время как провинции Бранденбург и Мекленбург—Передняя Померания были преимущественно территориями аграрными. Промышлен-

ность Средней Германии (здесь в смысле экономического комплекса на территории будущей ГДР) отличалась в общем высоким техническим и технологическим уровнем производства и готовой продукции. Станки из Хемница, самолеты из Дессау, объективы из Йены, фотоаппараты из Дрездена, фото- и киноплёнка из Вольфена, конторское оборудование из Зёммерда, текстиль из Плауэна — вот далеко не полный список изделий, пользовавшихся до войны повышенным спросом во всем мире. Характерным для экономической структуры Средней Германии было наличие большого числа малых и средних предприятий, глубоко интегрированных в систему внутригерманского разделения труда.

Часть этих преимуществ была утрачена как следствие экономической политики национал-социалистского режима и войны. В частности, проводимая нацистами политика автаркии привела к тому, что химическая промышленность Германии сошла с магистрального пути мирового технологического развития. Так, в больших масштабах производилось синтетическое моторное топливо из угля, хотя специалисты концерна «ИГ Фарбениндустри» еще в начале 1930-х годов пришли к выводу о том, что используемые в этом производстве технологии были неконкурентоспособны из-за их высокой стоимости. Некоторые из крупнейших гидрогенизационных заводов в городах Лойна-Мерзебург, Бёлен, Магдебург, Цайц, Шварцхайде находились на территории будущей СОЗ³. Аналогичным результатом политики автаркии было и создание новых либо расширение существующих мощностей по производству ацетилена и хлора (химические заводы «Буна» в Шкопау, электрохимические заводы в Биттерфельде). То же относится и к производству вискозного штапельного волокна в городах Вольфен и Шварца⁴. Но даже с учетом этих фактов не следовало бы излишне активно ссылаться на чрезмерную затратность и экологическую вредность крупного химического производства, доставшегося в качестве проблемного наследства⁵. Подобные предприятия имелись и в Западной Германии, причем некоторые из них эксплуатировались вплоть до 1960-х годов (в этом, заметим попутно, важную роль сыграло продолжение практики господдержки, унаследованной из 1930-х годов). Тем не менее химической

отрасли Западной Германии удалось заключить стратегические союзы с крупными нефтяными концернами и в течение нескольких лет полностью отказаться от угля, переориентировавшись на нефтегазовое сырье. В ГДР переход на нефтехимию по причинам, которые рассмотрим позже, так и не был доведен до конца.

В аспекте долговременных экономических последствий нельзя недооценивать такое явление, как отток из восточных территорий в период с 1945 по 1961 г. более 2,7 млн человек и вывод бизнеса. За всю историю своего существования немецкая промышленность не сталкивалась с трансфером технологий столь крупных масштабов, как после Второй мировой войны. В западногерманской статистике предприятия, которые перенесли свое местонахождение из СОЗ/ГДР в Федеративную Республику, учитывались как «предприятия-иммигранты». Согласно этой статистике, в сентябре 1953 г. их насчитывалось 3436 с численностью занятых порядка 190 000 человек⁶. И это при том, что официальной статистикой фиксировалась лишь небольшая часть случаев.

«Ауди», «Вандерер», «Агфа», «Тееканне», «Велла» и немало других громких имен навсегда исчезли из экономической действительности Средней Германии. Вместе с ними ушел и самый ценный капитал – люди: инженеры, рабочие-специалисты, коммерсанты. Эту потерю невозможно оценить даже приблизительно. Усугублялось положение еще одним феноменом, известным по довоенным временам: большинство научно-исследовательских и конструкторских отделов крупных предприятий находились на Западе Германии или в Берлине. Важным исключением был завод «Карл Цейс» в Йене, но именно он в 1945–1946 гг. понес двойной урон в результате демонтажа и вывоза оборудования американцами и русскими либо вывоза научных работников⁷.

Индустриальный рывок в промежутке между 1934 и 1944 г., обусловленный военно-экономическими соображениями, обернулся для территории будущей ГДР лишь кажущимся преимуществом. Вновь созданные мощности в авиа-, машино-, автомобилестроительной отраслях и в химической промышленности после окончания войны были в большинстве демонтированы⁸. Однако же неким «скрытым благо-

словением» в смысле ликвидации избыточных мощностей и устаревшей техники — как в черной металлургии и химической промышленности Западной Германии — демонтаж в СОЗ так и не стал. Напротив, репарации лишь ослабляли на перспективу экономику СОЗ/ГДР. На долю СОЗ/ГДР пришлось самые крупные в XX в. репарационные платежи, в совокупности превышавшие объем репарационных требований Советского Союза, которые он первоначально предъявлял ко всей Германии. Советский Союз оценивал общую сумму выплаченных СОЗ репараций всего лишь в 4,3 млрд долл. США, фактическая же сумма репарационных платежей превосходила ее, предположительно, минимум в три раза⁹.

Резюмируем: технологический уровень в СОЗ серьезно уступал таковому в западных зонах, что было обусловлено особенностями структурного развития территории в довоенное время, уходом бизнеса, но прежде всего репарационной политикой Советского Союза. Но даже в этих условиях формировавшаяся в течение многих десятилетий инновационная культура, высокий уровень квалификации работников, а также традиционно высокое качество продукции сделали возможным восстановление экономики темпами, в которые современники поначалу отказывались верить. И все же «чудо восстановления на Востоке» (оснований называть это явление именно так имеется более чем достаточно) поблекло на фоне западногерманского «экономического чуда». Необходимо, следовательно, задаться вопросом о причинах регрессивного развития экономики ГДР¹⁰.

Фальстарт или сбой на дистанции? Дефицит производительности

К началу Второй мировой войны экономика среднегерманского региона была очень эффективной, хотя и не столь современной, как западногерманская, что выражалось прежде всего в превалировании «старых» отраслей, в частности текстильной промышленности. Эти структурные различия явились причиной ее более низкой в сравнении с западногерманской экономикой продуктивности: так, в 1936 г. отставание составило около 9–12%¹¹. В завершающий период суще-

ствования ГДР продуктивность ее экономики составляла уже лишь около трети западногерманского уровня.

Большинство экономистов видят решающее препятствие для роста экономики ГДР в дефиците инновационности плановой системы хозяйствования¹². Эксперты в области истории экономических учений, не подвергая сомнению это утверждение в целом, делают упор на конкретные исторические условия¹³. Однако аргументация в стилистике чисто государственного регулирования экономики перестает работать, лишь стоит обратиться к статистическому анализу показателей экономического роста на Востоке и Западе Германии¹⁴. В частности, сегодня существует широкий консенсус в отношении того, что в 1950 г. производительность в ГДР составляла в лучшем случае около двух третей западногерманского уровня. То есть в большей части это отставание сформировалось уже в период между 1936 и 1950 г., точнее — с середины 1948 по 1950 г. Решающую роль в этом сыграли два фактора: сокращение основных фондов вследствие демонтажа оборудования и дезинтеграция среднегерманской экономики. Именно с потерей своих основных рынков на Западе Германии и в Западной Европе она стала уступать по темпам роста западногерманским землям¹⁵. Традиционно более чем высокая внешнеторговая интенсивность экономики Саксонии и Тюрингии, выражавшаяся в экспорте готовых изделий, прежде всего товаров потребительского спроса и продукции машиностроения, и в импорте сырья и полуфабрикатов, в изменившихся общих геополитических условиях превратилась в тормоз роста.

«Ремонтные отрасли»

Структура промышленности СОЗ/ГДР претерпела серьезные изменения, вызванные ремонтными требованиями Советского Союза, и последствия этих изменений еще долго ощущались и после 1953 г. — последнего года выплаты репараций. Упомянем в этом контексте уранодобывающую промышленность, судостроение, тяжелое машиностроение и вагоностроение, т.е. отрасли промышленности с ярко выраженной ремонтной направленностью¹⁶. На первом месте в этом

ряду стоит Акционерное общество «Висмут». Учреждаемое согласно первоначальным замыслам лишь на короткий срок, АО «Висмут» – до 1953 г. 100%-ная собственность советского государства – выросло в комбинат с практически самодостаточными структурами и за несколько лет вышло на третье место среди мировых производителей урана, насчитывая в начале 1950-х годов более 200 000 занятых¹⁷.

Создание этого комбината, контролируемого советскими спецслужбами, было сопряжено с колоссальными социальными и экологическими издержками. Технологический уровень на начало разработки урановых руд был крайне низким¹⁸, отсутствие техники компенсировалось дополнительной нагрузкой на рабочих. Такое положение, однако, очень скоро изменилось. Техническое оснащение за счет поставок изо всей СОЗ/ГДР и из СССР, а позднее и за счет единичных поставок по импорту было выведено на современный для Восточного блока уровень. И все же конкурировать с техническим уровнем крупных горнодобывающих предприятий Запада «Висмут», преобразованный в 1954 г. в Советско-Германское АО (СДАГ), ставший к этому моменту показательным предприятием с высокомотивированным коллективом, не мог даже в лучшие свои времена.

Вторая крупная ремонтная отрасль сформировалась на базе судостроительных верфей на балтийском побережье¹⁹. Если к началу Второй мировой войны в судостроении будущей СОЗ/ГДР насчитывалось всего 5000 занятых, то в 1953 г. их было уже более 56 000²⁰. На конец 1953 г. для «мировой державы без флота», т.е. для Советского Союза, было построено либо отремонтировано 1160 судов. В долгосрочной сравнительно-исторической перспективе расширение судостроительной отрасли следует оценить по преимуществу положительно. Приводимый порою аргумент затратности не учитывает того обстоятельства, что в то время в мире практически отсутствовали примеры успешного создания крупных судостроительных мощностей без солидной поддержки со стороны государства.

К «ремонтным отраслям» следует отнести и важнейшие предприятия вагоно- и тяжелого машиностроения. Крупносерийное производство для «удобного» рынка с СССР

в качестве главного потребителя продукции создавало для вагоностроительной отрасли и тяжелого машиностроения, как и для многих других предприятий ГДР, идеальные условия в плане экономики и организации производства, вело, с другой стороны, к ослаблению их инновационной активности. В этом смысле уместно говорить о германо-советской «общности судеб».

С крушением Восточного блока рухнули и эти структуры — тяжелое машиностроение и вагоностроение исчезли практически полностью, судостроительные верфи — вопреки всем мерам господдержки — все еще доживают свой «закат в рассрочку», добыча урана была прекращена в 1991 г., а ее экологические последствия ликвидированы с очень большими затратами.

В тупике «социалистической индустриализации»?

1950-е годы оказались для классических отраслей «индустрии дымовых труб» еще одним периодом великих свершений. Не случайно символом послевоенного восстановления стал шахтер, причем не только в ГДР, где забойщик Адольф Хеннеке был превращен в культовую фигуру Героя соцтруда, но и во многих западно- и восточноевропейских странах. Уголь, чугун, сталь в первое десятилетие существования ГДР находились в фокусе ее экономической политики. При жизни Сталина, но прежде всего ускоренными темпами во время Корейской войны (1950–1953) все страны Восточного блока начали создавать собственную тяжелую промышленность. Реализуя «железную концепцию», называемую иначе «социалистической индустриализацией», все они без исключения руководствовались как теоретическими догмами (из Марксовой теории воспроизводства выводилась необходимость приоритетного развития производственной сферы и производства средств производства), так и в большей степени соображениями военного порядка. В то время как в Западной Европе центр тяжести народнохозяйственных структур все больше смещался в направлении производства потребительских товаров и сектора услуг, государства Восточного блока

делали ставку на модель индустриализации позднего XIX либо раннего XX столетия.

В дискуссии о просчетах государственного регулирования промышленной политики часто указывается на неоправданное копирование руководством СЕПГ в 1950-е годы советской модели индустриализации, что, в свою очередь, обусловило ошибочное приложение народнохозяйственных ресурсов²¹. Низкая отдача от капиталовложений в тяжелую промышленность — факт неоспоримый. Вопрос в другом: имела ли место историческая ситуация вынужденного (вос)создания тяжелой промышленности и имелась ли этому какая-либо альтернатива. На территорию будущей ГДР приходилось лишь около 7% мощностей германской металлургической отрасли, около 3% общегерманской добычи каменного угля и порядка 5% добычи железной руды. В ГДР для характеристики такого положения использовалось понятие «диспропорция разделения»²². Соответственно приоритетные направления двухлетнего плана (1949–1950) и первой пятилетки (1951–1955) закладывались исходя из внутренней логики. При этом экономисты первоначально отдавали предпочтение продолжению внутригерманских поставок стали либо ее импорту из других стран. Запрет на поставки чугуна и стали фирмами ФРГ, введенный распоряжением западных держав в начале 1950 г., усилил позиции тех лиц в хозяйственной администрации, которые требовали независимости от поставок из Западной Германии.

Необходимо также учитывать, что ГДР спустя всего несколько лет после окончания войны не была для других государств Восточного блока предпочтительным торговым партнером. Советский Союз и Польша с их собственными потребностями и понятной неприязнью к немцам не спешили поставлять сталь в Восточную Германию. Сложность создавшейся ситуации отеснила на задний план вопрос о затратах. Вот почему важнейшим инвестиционным проектом первого пятилетнего плана (1951–1955) стало строительство металлургического комбината «Ост» (МКО) в городе Айзенхюттенштадт. В контексте «холодной войны» «антиимпортное производство» чугуна и стали на МКО могло вполне расцениваться как успех: в период с 1950 по 1955 г. ГДР уменьшила долю

импортного чугуна с 42 до 15%²³. Не случайно МКО в глазах формирующейся восточногерманской экономической элиты стал символом «созидания собственными силами»²⁴. Конечный продукт из советской железной руды, добытой в Криворожье, и из польского каменного угля, добытого в Верхней Силезии, торжественно именовался «сталью мира», объединяющей народы. Сооружение МКО демонстрирует как возможности, так и пределы государственной промышленной политики. Благодаря реализации этого амбициозного проекта, сравнимого с металлургическим заводом того же поколения в Фос-Сюр-Мер (Франция)²⁵, обеспечивалась живучесть экономики ГДР. С другой стороны, множество ошибок на стадии проектирования привело к существенному удорожанию строительства.

Вплоть до конца существования ГДР объект оставался незавершенным. Замкнутый металлургический цикл, включая прокатное производство, так и не был реализован. В том числе и по этой причине себестоимость проката в ГДР существенно превышала его себестоимость на предприятиях Федеративной Республики. К тому же однажды созданная технологическая схема — более 75% производимой в ГДР стали выплавлялось вплоть до середины 1970-х годов в мартеновских печах, т.е. по технологии, разработанной в XIX в., — отличалась неимоверной инерционностью²⁶. ГДР вкупе с Канадой и Венгрией были единственными в мире промышленно развитыми странами, которые к описываемому моменту еще не перешли на кислородное дутье — новую технологию в производстве стали. Если строительству МКО альтернативы не существовало, то она вполне реально существовала применительно к дальнейшему формированию структур в сталелитейной промышленности. Речь идет прежде всего о внедрении новых технологий, расширении второго периода, сокращении избыточных мощностей при одновременном увеличении импорта стали. Наряду со сталью промышленность ГДР остро нуждалась в коксе. Традиционно кокс получали из каменного угля. По мнению планировщиков, каменный уголь, импортируемый главным образом из Польши и СССР, как и каменный уголь, добываемый в неблагоприятных геологических условиях в районе Цвиккау, был слишком

дорог для использования в ежегодно возрастающих объемах в целях получения кокса и газа. Возможное решение виделось в переходе на высокотемпературный кокс из бурого угля (ВТБ-кокс). Профессоры Эрих Раммлер и Георг Билькенрот из Фрайбергской горной академии продолжили начатые еще во время войны исследования по получению высокотемпературного металлургического кокса из бурого угля. ВТБ-кокс стал одним из немногих инновационных достижений ГДР. Государственная плановая комиссия (Госплан) непривычно оперативно отреагировала на изобретение фрайбергских ученых. Испытания нового кокса еще не завершились, а уже было получено добро на его промышленное применение. В октябре 1951 г. Совет министров ГДР принял постановление о строительстве коксохимического комбината в Лаухаммере, а менее чем через год на нем были введены в эксплуатацию первые коксовые батареи. Построенный с нуля металлургический завод в Кальбе, оборудованный низкошахтными печами, работал исключительно на ВТБ-коксе из Лаухаммера.

Самым важным и бесспорно самым дорогим проектом в рамках энергетической политики приоритетного использования отечественного буроугольного сырья стало строительство комбината «Шварце Пумпе» по переработке бурого угля с получением в качестве основной продукции ВТБ-кокса, электроэнергии, смол и сетевого газа. Одновременно было принято решение о вскрытии новых буроугольных карьеров и строительстве жилого массива в Хойерсверде для работников комбината. На сооружение комбината выделялись 2,7 млрд марок, на вскрытие карьеров — 1,2 млрд марок, итого — 3,9 млрд марок²⁷. «Шварце Пумпе» был крупнейшим инвестиционным проектом второго пятилетнего плана (1956—1960). Программой (второй) развития угольно-энергетической отрасли, принятой в марте 1957 г., предусматривалось сокращение разрыва между потребностями промышленного развития и наличием энергоресурсов. Эта «энергетическая брешь» образовалась, с одной стороны, в силу исторических причин и как результат разделения Германии, а с другой — как следствие советских репарационных изъятий, а также отсутствия стимулов к бережливому обращению с энергией²⁸.

«Шварце Пумпе» стал символом энергетической политики приоритетного использования бурого угля. На комбинате было установлено оборудование, разработанное в 1930-е годы, которое вследствие затянувшегося почти на 15 лет строительства на момент ввода в эксплуатацию уже не соответствовало последнему слову техники. Временные решения, как смолоотстойники и хранилища шламов смолистых веществ, а соответственно и высокая нагрузка на окружающую среду — на все это шли сознательно. Из анализа мировых цен на газ следует, что стоимость бытового газа из бурого угля существенно превышала цену импортированного природного газа.

Технологический прорыв Ульбрихта

После того как послевоенное восстановление в основном было завершено — весомым исключением оставалось лишь железнодорожное хозяйство, — руководство СЕПГ сделало ставку на ускоренный технический прогресс, следуя тем самым замыслам нового партийно-государственного руководства Советского Союза во главе с Хрущевым. Главным лозунгом этого периода стала «научно-техническая революция».

Весной 1956 г. Ульбрихт обозначил отрасли, с которыми СЕПГ отныне в первостепенном порядке связывала свои ожидания: техника полупроводников, авиастроение, ядерная энергетика, машиностроение. Через два года к ним добавилась химическая промышленность. Такая расстановка приоритетов покоилась на убеждении в том, что плановая экономика открывает более широкие возможности для ускорения темпов научно-технического прогресса и реализации крупных проектов («big science»), чем это могут позволить себе рыночные экономики. Министр внешней и внутригерманской торговли Генрих Рау говорил о необходимости «в техническом плане догнать и перегнать капиталистические страны»²⁹. Дополнительный обнадеживающий импульс эти ожидания получили в октябре 1957 г. в результате запуска Советским Союзом первого искусственного спутника Земли, который рассматривался как символ технического превосходства социалистической системы. Хрущев провозгласил

начало экономического соревнования с США, и все страны Восточного блока приняли перспективу построения социализма и достижения благосостояния. ГДР поставила перед собой в качестве «главной экономической задачи» достижение к концу 1961 г. по всем важным продовольственным и потребительским товарам западногерманского уровня душевого потребления (1957).

Авиастроение

Особые надежды руководство СЕПГ связывало с возобновлением производства авиационной техники. Первые соображения на этот счет датируются 1952 г. Причем на начальном этапе мотивы были исключительно военного характера. Однако с идеей организации производства истребителей и бомбардировщиков плановикам под впечатлением июньского кризиса 1953 г. пришлось распрощаться, и предпочтением стала пользоваться идея производства гражданских самолетов по советским лицензиям, как и идея разработки собственных моделей. Важную роль в этих планах сыграл факт возвращения авиационных инженеров и техников из Советского Союза³⁰, куда они были вывезены на работу в рамках «интеллектуальных репараций» 1945–1946 гг. Группа специалистов во главе с главным конструктором Брунольфом Бааде, возвратившаяся в 1953–1954 гг., привезла в ГДР разработанный группой еще в СССР эскизный проект реактивного пассажирского самолета типа «152». Самолет представлял собой модификацию бомбардировщика средней дальности «150», спроектированную конструкторами фирмы «Юнкерс» в Советском Союзе. Иными словами, применительно к первому пассажирскому самолету ГДР речь шла о «побочном продукте» военных разработок.

Экономически проект себя оправдывал, учитывая хорошие перспективы экспорта продукции, прежде всего в Советский Союз и Китай. На создание авиационной промышленности в период с 1955 по 1960 г. было выделено около 1,6 млрд марок, и за какие-нибудь два года возникла полноценная самолетостроительная отрасль с числом занятых 25 000 человек³¹.

На пути реализации проекта стояли колоссальные технологические вызовы. Лишь немногие государства в 1950-е

годы могли позволить себе реактивное самолетостроение для гражданских нужд и регулярные пассажирские авиаперевозки реактивными самолетами: Великобритания (1952), Советский Союз (1956), США (1958) и Франция (1959). ГДР не желала отставать от них.

Первый немецкий реактивный пассажирский самолет типа «152» взлетел в небо 4 декабря 1958 г. А на чертежных досках уже прорабатывалась его последующая модификация — «153 А», должна стать конкурентоспособной на международном рынке. Кардинальной технической проблемой оказались постоянные обращения к концепции бомбардировщика «152» и отсутствие либо запоздалый ввод в эксплуатацию испытательных стендов. Во время второго испытательного полета 4 марта 1959 г. «152» потерпел катастрофу. Однако подлинные причины прекращения работы над проектом в феврале 1961 г. крылись в резко ухудшившихся перспективах сбыта продукции и слишком высоких затратах³².

Советский Союз в 1959 г. начал реорганизацию своего авиастроения, расширяя производство гражданских самолетов. Без советского же рынка восточногерманский проект был обречен на провал.

В создании и ликвидации самолетостроительной отрасли проявилась двойственная суть ГДР: чувство восхищения техникой и сознание сопричастности давним промышленным традициям побуждали к тому, чтобы помериться силами с ведущими мировыми производителями, в том числе в сфере самых что ни на есть высоких технологий. Инженерно-технические достижения ГДР, тем более при ограниченности ресурсов этой небольшой страны, заслуживают всяческого признания. С другой стороны, сотрясаемая политическим и экономическим кризисом 1960—1961 гг. ГДР в попытке реализовать проект ракетного самолетостроения просто перенапрягла свои силы.

Программа развития химической промышленности

В ноябре 1958 г. принимается Программа развития химической промышленности («Химия — это хлеб, благосостояние,

красота»). Цель программы — удвоение объемов химического производства до 1965 г. при опережающих темпах роста производства пластмасс и синтетического волокна и переход на нефтехимические технологии. Были определены важнейшие проекты: строительство нефтепровода «Дружба» и нефтеперерабатывающего завода в Шведте-на-Одере, разработка собственной технологии более глубокого крекинга нефти, строительство современного нефтехимического производственного комплекса («Лойна-П»), строительство комбината химического волокна в Губене.

За сообщениями о намеченных темпах роста производства современной, изготавливаемой на основе нефтехимических технологий продукции в общественном восприятии как-то отошла на задний план обратная сторона Программы. Дело в том, что она одновременно имела своей целью и расширение углехимической отрасли. Эта двунаправленность отражала дилемму промышленной политики ГДР. Из эксплуатации была выведена лишь часть углеобогачительных фабрик. Более или менее значимые поставки сырой нефти стали возможными лишь с середины 1960-х годов после завершения строительства нефтепровода «Дружба». Чрезвычайно дорогостоящие геологоразведочные работы по выявлению собственных нефтяных залежей не увенчались успехом, так же как и усилия ГДР заключить договоры на поставку сырой нефти с арабскими государствами³³. Единственным крупным поставщиком оставался в конечном итоге Советский Союз. Соответственно именно возможность доступа к нефтегазовым ресурсам устанавливала пределы структурным преобразованиям в химической промышленности ГДР.

Программа 1958 г. была попыткой восполнить инновационный пробел собственными силами. Требовалось остановить регресс в химической отрасли ГДР. Однако уже в марте 1961 г. отдел тяжелой промышленности ЦК СЕПГ был вынужден констатировать: «Программа развития химической промышленности при нынешнем планировании более не существует. <...> По химии мы гарантированно скатимся на уровень второстепенной страны, если продолжим следовать запланированным курсом. <...> Даже в случае сохра-

нения темпов, как они первоначально предусматривались Программой развития химической промышленности ГДР, в 1965 г. наше отставание от Западной Германии будет больше, чем к началу реализации Программы»³⁴.

В начале 1964 г. принимается вторая Программа развития химической промышленности. Ее цель — обеспечить продолжение начавшихся структурных преобразований. Однако, несмотря на солидные инвестиции, результаты оставались скромными. Особенно в растущих отраслях — в производстве пластмасс, синтетических волокон и в фармакохимии — предприятия ГДР в результате запоздалой модернизации оказались на положении отстающих. «Омолождение» химической промышленности не удалось, так как приобретение нового оборудования не сопровождалось соответствующим списанием устаревшего. Вследствие этого выросли затраты по его техническому обслуживанию и ремонту.

В Восточной Европе у химической промышленности ГДР почти не было равноценных партнеров, а на Западе ее возможности по кооперации — по политическим причинам — носили ограниченный характер. В то же время такая небольшая страна, как ГДР, была не в состоянии самостоятельно разрабатывать все наиболее важные химические технологии.

На сокращение поставок советской нефти в ГДР после второго нефтяного кризиса 1979—1980 гг. хозяйственная бюрократия ГДР отреагировала принятием программы, предусматривавшей отказ от использования нефти в качестве жидкого топлива и увеличение доли угля в топливном балансе. Вместо давно запланированного сокращения углехимического производства в 1980-е годы его объемы еще больше выросли. Повышение экономической эффективности химической промышленности больше не рассматривалось как самая важная задача, в качестве таковой теперь выступало сокращение импорта нефти³⁵. Лозунг «выбор в пользу нефти» эпохи Ульбрихта превратился в лозунг «назад к углю» эпохи Хонеккера. Сохранение углехимии в конечном счете вылилось в фиаско всей энергетической и экологической политики.

Атомные электростанции

От строительства атомных электростанций в 1960-е годы пришлось вынужденно отказаться в пользу традиционных источников получения электроэнергии на базе бурого угля. Причины имели как экономический, так и политический характер. Планы Ульбрихта по созданию атомных электростанций вплоть до независимого топливного цикла — важнейшим аргументом в пользу такого выбора являлись крупные инвестиции в развитие добычи урановой руды на комбинате «Висмут» — были отвергнуты ответственными товарищами в Советском Союзе: восточные немцы ни в коем случае не должны были получить автономию в области изготовления ядерных установок³⁶.

Программа создания полупроводниковой промышленности (завод элементной базы для техники связи в Тельтове, производство полупроводников во Франкфурте-на-Одере, центр молекулярных технологий в Дрездене) хотя и не была отменена, однако ее реализация была отложена на неопределенный срок. При этом ГДР, которая довольно рано начала разработки в этой новой области, имела хорошие шансы стать одним из важнейших производителей полупроводниковой продукции, сравнимым, например, с Южной Кореей. Руководство Академии наук и Совета по научным исследованиям не рассматривало, однако, создание полупроводников, а позднее микроэлектронных компонентов в качестве приоритетного направления³⁷. Все еще свежи были впечатления от провала программы создания гражданского авиастроения, никто не желал вновь услышать в свой адрес критику по поводу ненадлежащего использования ресурсов.

Причины неудачи большинства крупных технологических проектов в эпоху Ульбрихта были многоплановы. Назовем пять главных из них: неэффективность плановой экономики, западное эмбарго на экспорт технологий, советские возражения по поводу идеи Ульбрихта о развитии ГДР как страны высоких технологий, недооценка возможностей ГДР, а также непоследовательность ответственных функционеров в поддержке технологических проектов. Напротив, значительные успехи отмечались в промышленных отраслях,

на которые экономическая политика руководства СЕПГ обратила не столь пристальное внимание.

Технологический прогресс в станкостроении

Примерно с середины 1950-х годов с внедрением программного управления началась технологическая революция в станкостроении. Была поставлена задача сохранять все необходимые команды по обработке какой-либо детали таким образом, чтобы стало возможным любое количество их повторов. В результате упрощалась переналадка оборудования и сокращались издержки производства³⁸.

В экспериментах использовали перфокарты, реле и вращающийся распределитель. Эти элементы управления позволяли сформулировать технологические команды с помощью цифр (цифровое управление). Таким образом, станкостроение ожидал скачок в производительности.

В целях объединения имеющихся исследовательских ресурсов в 1956 г. был создан Институт станкостроения (ИС) в городе Карл-Маркс-Штадт. Инженеры-исследователи нового института, в большинстве молодые люди, с самого начала с огромным энтузиазмом взялись за разработку проблем числового программного управления, хотя на тот момент экономика ГДР не испытывала потребности в станках с числовым управлением; интерес к ним был не слишком велик и в других странах — членах СЭВ³⁹.

В ИС были созданы первые лабораторные образцы аналоговых устройств контурного управления, на основе которых в итоге возникла программа числового управления «Парамат». Ввиду недостатка валюты ИС не мог приобрести лицензии за рубежом и поэтому был вынужден рассчитывать только на полупроводниковую промышленность ГДР, что сдерживало дальнейший ход работы. Оставался только путь затратного по времени дублирования разработок существующих технологий. Хотя уже в 1950 г. институт располагал действующим образцом, потребовалось еще пять лет, прежде чем на весенней Лейпцигской ярмарке впервые были представлены три станка с числовым управлением, изготовлен-

ные на народных предприятиях из Карл-Маркс-Штадта «VEB Großdrehmaschinenbau 8. Mai» и «VEB Fritz Heckert Werk».

Ситуация изменилась в лучшую сторону в начале 1970-х годов. Теперь ГДР располагала более мощными интегральными схемами памяти, а также микропроцессорами емкостью 8 и 16 бит. Командные системы «Призма 2» и «Рота FZ-200» – гибкие производственные системы – по своей производительности соответствовали высоким международным параметрам. Производители станков с числовым управлением из ГДР не уступали изготовителям аналогичных изделий из Федеративной Республики. С конца 1990-х годов они смогли существенно увеличить экспорт своей продукции в Западную Европу.

Киносъёмочная камера с беспараллаксным визирным устройством – экспортный товар нарасхват

Производство киносъёмочного оборудования также не вошло в число отраслей промышленности, особенно заботливо курируемых руководством СЕПГ. Его стабилизация стала возможной только в середине 1960-х годов на основе мер, предпринятых в целях преодоления затянувшегося на годы кризиса. Объединение – в соответствии с решением государственных органов – наиболее важных предприятий отрасли преследовало цель максимально задействовать имеющийся инновационный потенциал для производства современного киносъёмочного оборудования. В результате впервые в Европе народному предприятию VEB Pentacon в Дрездене удалось наладить конвейерное производство кинокамеры с беспараллаксным визирным устройством Praktica Nova⁴⁰. В период с 1964 по 1989 г. в страны западного зарубежья было продано почти 63% произведенных изделий, т.е. более чем 4,9 млн кинокамер. 19% продукции было продано на внутреннем рынке и около 18% в странах Восточного блока. Такие высокие показатели уровня продаж в «несоциалистическую валютную зону» (НВЗ) могли продемонстрировать лишь очень немногие комбинаты ГДР. В целом же с 1964 по 1989 г. за счет экспорта кинокамер было заработано более 830 млн немецких марок. Тем не менее эта цифра не имела

решающего значения с точки зрения количественных показателей ни экспорта ГДР в целом, ни ее промышленной отрасли. Значение экспорта кинокамер в НВЗ заключалось прежде всего в том, что он позволил относительно быстро обеспечить поступления в валюту, что помогло поддержать, как правило, напряженный платежный баланс ГДР.

Экономическая проблема в данном случае состояла в соотношении между издержками производства кинокамер и размером полученной от их реализации выручки. При образовании комбината уровень рентабельности все еще равнялся 0,4, т.е. для получения выручки в размере 0,4 немецкой марки было необходимо затратить одну марку ГДР. В конце 1980-х годов этот показатель равнялся всего лишь 0,15. Другими словами, без значительной государственной поддержки сбыт этой продукции за рубеж был едва ли возможен.

В исторической ретроспективе конец 1960-х и 1970-е годы можно назвать наиболее успешными для промышленного производства кинокамер. Например, производство малоформатных кинокамер с беспараллаксным визирным устройством было доведено со 100 тыс. в 1968 г. до максимального показателя почти в 450 тыс. в 1984 г. В лучшие годы 10% мирового производства кинокамер такого рода приходилось на комбинат в Дрездене⁴¹. Однако с началом революции в микроэлектронике технологические основы изготовления традиционных кинокамер с беспараллаксным визирным устройством утратили прежнюю устойчивость. К тому же недостаток валютных средств вынудил комбинат Pentacon в Дрездене самому изготавливать почти все комплектующие детали, необходимые для производства кинокамер. Это повлекло сокращение выпуска готовой продукции и одновременно резко повысило издержки.

Попытки реформ

1963 год был ознаменован началом серии экономических реформ, которые должны были быть завершены к 1971 г. Реформаторов возглавил сам Ульбрихт. Речь шла о попытке использовать рыночные механизмы, но без создания основ рыночной экономики. Единовластие СЕПГ, как и господству-

ющее положение государственной собственности, под сомнение никто не ставил. Распределение экономических ресурсов, как и прежде, оставалось прерогативой государства.

Реформа, сначала получившая название «Новая Экономическая Система планирования и управления народным хозяйством» (НЭС), преследовала цель модернизации экономики⁴². Планирование оставалось главным инструментом хозяйственного управления. Новация состояла лишь в том, чтобы дополнить его «системой экономических рычагов» (цены, премии, проценты, кредиты и т.д.). Наиболее важным показателем стала прибыль. Экономическая реформа имела определенные успехи, имея в виду более рациональное использование ресурсов, рост профессионализма руководящего звена специалистов и освоение косвенных методов управления. Вместе с тем продолжали отсутствовать адекватные экономические критерии для оценки решений, касающихся развития структуры экономики и распределения. Слабыми оставались стимулы инновационной деятельности.

Эти проблемы в конце 1960-х годов привели к тому, что в ход реформ все более активно начинают вмешиваться «сверху». Экономике диктуют совершенно нереальные показатели темпов роста. Сворачивание реформ произошло постепенно. На всех уровнях хозяйственной иерархии возобладали настроения усталости от реформ. В конечном счете их крах наступил вследствие несовершенства изначального плана действий⁴³. С переходом власти от Ульбрихта к Хонеккеру, начиная с 1971 г., большие перспективы были забыты. Новая линия была консервативна по отношению к существующим хозяйственным структурам, она обещала быстрый рост благосостояния и поэтому сначала снискала известную популярность.

«Любой ценой»: создание микроэлектроники

В середине 1970-х годов в связи с возникшими трудностями в сбыте изделий станкостроительной промышленности стало очевидно, что нельзя далее сдерживать развитие производства электронных элементов управления. Отставание по производству аналоговых интегральных схем оценивалось в 4–9 лет, микропроцессоров – в 6–8 лет, а по некоторым

специальным изделиям даже в девять лет. Было необходимо исправлять положение. На «пленуме по микроэлектронике» ЦК СЕПГ в июне 1977 г. были определены задачи развития. При этом речь шла не о концепции автаркии, а о попытке установить контакты с зарубежными производителями. Однако быстро выяснилось, что легальный импорт технологий невозможен по причине эмбарго. Кооперация в рамках СЭВ также не решала вопроса, поскольку военно-промышленный комплекс Советского Союза отказывался от сотрудничества в области микроэлектроники. Таким образом, у ГДР не осталось другого выбора, кроме как сделать то, на что не решился ни один западноевропейский концерн и ни одно западноевропейское государство: создать собственную микроэлектронику, отказавшись от лицензий.

Согласно различным оценкам, с 1981 по 1988 г. в микроэлектронику было инвестировано 20 млрд марок ГДР и 4 млрд валютных марок⁴⁴. Этот объем средств сопоставим со всеми инвестициями, например, во все отрасли легкой промышленности взятые вместе. Три комбината микроэлектроники «Роботрон» в Дрездене, «Карл-Цейс» в Йене и «Микроэлектроника» в Эрфурте по числу занятых входили в пятерку самых крупных предприятий ГДР. Этот факт также подчеркивает, какие огромные ресурсы были направлены на то, чтобы практически с нуля создать новую отрасль промышленности⁴⁵.

Развитие микроэлектроники в ГДР в значительной степени происходило за счет нелегального трансфера технологий, организованного министерством государственной безопасности (МГБ) и управлением коммерческой координации (структурное подразделение в министерстве внешней и внутригерманской торговли. — *Перев.*)⁴⁶.

Только благодаря импорту сотен 16 и 32-битовых счетных машин была создана база для развития компьютерного производства на комбинате «Роботрон». Как бы ни был успешен промышленный шпионаж, он одновременно высвечивал зависимость ГДР от трансфера технологий с Запада. С помощью шпионажа удалось смягчить негативные последствия эмбарго, но не удалось создать условия, равноценные тем, которые существуют при нормальном трансфере технологий.

Развивая микроэлектронику, ГДР просто переоценила свои возможности⁴⁷. Эта задача для маленькой страны была неподъемной. Почему, тем не менее, было решено двигаться этим путем? Гюнтер Миттаг, секретарь ЦК СЕПГ по экономическим вопросам, назвал создание микроэлектроники вопросом выживания экономики ГДР. Его аргументы имели веские основания: начиная с 1980-х годов, резко сократилась доходность станкостроительной промышленности, когда-то столь успешной на мировом рынке.

Главной причиной неудачи ГДР при создании компьютерной промышленности, с самого начала интернациональной по своему характеру, в конечном счете была глобализация. Самостоятельное развитие таких технологий в одной отдельно взятой стране невозможно. Ни одна экономика мира, за исключением США, не в состоянии мобилизовать ресурсы, необходимые для создания самостоятельной и конкурентоспособной микроэлектроники. Проводя промышленную политику, ориентированную на внутренний рынок, ГДР не имела шансов занять свое место в рамках мировой экономики в условиях ее усиливающейся глобализации. Объемы производства были слишком малы, чтобы обеспечить его рентабельность.

Микропроцессоры для станкостроения

1960–1970-е годы были для станкостроения ГДР «золотым временем». Под товарной маркой WMW более 70% изготовленных в объединении народных предприятий станкостроительной и инструментальной промышленности уходило на экспорт. Спрос был так велик, что за счет собственного производства не представлялось возможным удовлетворить внутренние потребности.

Позиции этой ориентированной на экспорт отрасли оказались под угрозой с конца 1970-х годов, когда на смену станков с числовым управлением стало приходить оборудование с компьютерным цифровым управлением (Computerized Numerical Control). В системе ЧПУ ее переналадка для использования применительно к различным станкам и операциям все еще происходила посредством изменения аппаратной

конфигурации. Новая система управления CNC, напротив, позволяла осуществлять такую переналадку за счет замены программного обеспечения. В отличие от станков с ЧПУ, развитие рынка систем CNC шло гораздо более быстрыми темпами. Технический переворот, вызванный внедрением новой системы управления CNC, привел к изменению ситуации на мировом рынке⁴⁸. На национальном уровне конфликт, связанный с необходимостью принять решение или в пользу преимущественного развития станкостроения, или микроэлектроники, разрешить было невозможно. Решать обе задачи параллельно означало бы одновременно оказывать государственную поддержку и станкостроению, и производству интегральных микросхем, для чего не было ни материальных, ни кадровых ресурсов. В результате обе отрасли так и не смогли ликвидировать отставание от других стран. Объем производства систем CNC на народном предприятии VEB Numerik в Карл-Маркс-Штадте в конце 1980-х годов составлял не более 11% западногерманского уровня. Еще более очевидным становится это отставание при анализе финансовых показателей экспорта станкостроительной промышленности ГДР. Без современных микропроцессоров станки больше не пользовались спросом. Поскольку собственное производство микропроцессоров было не в состоянии обеспечить их поставку станкостроению в необходимых количествах, более 80% всех станков приходилось оснащать западными системами управления. Валютные потери вследствие их закупок составляли от 30 до 40% общей выручки от продажи каждого станка. С точки зрения валютного баланса средства, вложенные в создание современных систем управления, были потеряны.

К отраслям, изделия которых дольше всего оставались на уровне международных стандартов, принадлежало производство оргтехники и полиграфического оборудования⁴⁹. Высокое качество полиграфических машин во многом объяснялось сильно выраженным чувством ответственности производителей за качество своей продукции. Благодаря прочным позициям на международных рынках они находились в известном смысле на особом положении. Основу их успеха составляли развитые сетевые структуры, к которым, в част-

ности, относились эффективные научно-исследовательские подразделения, поддерживавшие связи с университетами и высшими техническими школами, а также очень хорошая кооперация между изготовителями и внешнеторговыми организациями. В частности, народное предприятие VEB Planeta Radebeul сумело освоить важнейшую инновационную технологию в полиграфическом производстве и наладить производство офсетных печатных машин.

Однако с конца 1970-х годов технологическое отставание затронуло и производство печатных машин. Низкий технический уровень электроники и микроэлектроники в ГДР все больше сказывался на их качестве. Еще одной причиной технического отставания производителей ГДР были сравнительно невысокие требования к их продукции со стороны потребителей в странах — членах СЭВ. Они не создавали стимулов для разработки новых инновационных продуктов.

Торможение программы автомобилестроения

В начале 1960-х годов в городе Цвиккау стали разрабатывать новую малолитражку с кузовом из дюропласта. Разработчики создали Трабант 603 — автомобиль с угловатыми линиями и с наклонной задней частью. В чем-то он был похож на более поздний прототип «Гольфа» от Фольксвагена (VW). Запуск модели в производство был запланирован на 1967 г. Однако в 1966 г. решением Политбюро работа над автомобилем была приостановлена. Это был удар, от которого автомобилестроение страны не смогло оправиться до самого конца ГДР. Эта отрасль так и осталась на техническом уровне второй половины 1950-х годов⁵⁰.

Повторная попытка модернизировать автомобильное производство была предпринята в середине 1980-х годов в сотрудничестве с VW. Речь шла об эксплуатации оборудования по производству четырехтактных двигателей, которое должен был поставить западногерманский концерн. Мощность производственной линии составляла 430 тыс. бензиновых и дизельных двигателей в год. Стоимость линии, включая лицензионные сборы, оценивалась в 345 млн немецких

марок. Предполагалось, что ГДР оплатит оборудование ежегодными поставками VW 100 тыс. двигателей⁵¹. Наряду с покупкой сборочного оборудования автомобилестроители в ГДР должны были привлечь собственные значительные инвестиционные ресурсы. Однако именно с этим постоянно возникали проблемы. Если по первоначальной оценке 1984 г. их объем должен был составить 3,7 млрд марок ГДР плюс 0,6 млрд валютных марок, то действительные расходы в конечном итоге увеличились вдвое — до 7,2 млрд марок ГДР плюс 1,5 млрд валютных марок.

В ходе реализации проекта автомобилестроительная промышленность ГДР сделала большой шаг вперед. Технологическое отставание в моторостроении, формировавшееся на протяжении многих лет, было ликвидировано. Тем не менее ресурсов для создания автомобиля, который целиком отвечал бы международным стандартам, оказалось недостаточно. Модернизация производственного аппарата носила точечный характер. Износ оборудования, предназначенного для изготовления автомобиля Трабант, увеличился с 40% в 1970 г. до почти 50% в 1989 г.

Кризис как финал

Задачи обеспечения населения товарами повседневного спроса и стабильности цен — какими бы бессмысленными в экономическом отношении они ни были — оставались главными болевыми точками политики, направленной на сохранение существующего режима. Руководство СЕПГ исходило из того, что потребительские цены должны оставаться стабильными, поскольку в случае повышения цен «Политбюро и также правительство должны были бы немедленно уйти в отставку»⁵². В первое десятилетие эпохи Хонеккера (1971—1980 гг.) стоимость израсходованного социального продукта на 210,5 млрд марок превысила стоимость, произведенную собственной экономикой. То есть социальная политика Хонеккера с самого начала никак не соотносилась с экономическим потенциалом ГДР.

Экономическая и социальная политика 1970-х и 1980-х годов привела к стремительному росту внешней задолжен-

ности ГДР. В начале 1970-х годов она составляла всего лишь 2 млрд валютных марок, а в 1982 г. она достигла своего максимума, превысив 25 млрд валютных марок. Парадоксальность ситуации была в том, что в этот же период времени международный авторитет ГДР был высок как никогда⁵³. Насколько к тому времени она уже исчерпала свои экономические ресурсы, в полной мере стало ясно только в 1989—1990 гг. Усилия по снижению внешней задолженности все больше диктовали действия руководства в экономике. На экспорт шло все, что могло быстро принести валюту: мясо, произведения искусств, оружие, даже камни старых мостовых, которые продавали за твердую валюту.

В последние десять лет существования ГДР произведенный национальный доход превышал потребленный на 88,1 млрд марок. Благодаря этому неимоверному напряжению сил ГДР смогла получить передышку, но коренного поворота в ситуации с задолженностью не произошло. С начала 1980-х годов чистые инвестиции в производящие отрасли сокращались, уменьшились создаваемая стоимость-брутто и производительность⁵⁴. Государственная поддержка немногих промышленных отраслей не дала ожидаемого эффекта для экспорта. Цену за эту политику пришлось уплатить непрофильным для руководства страны отраслям экономики и потребителям: в строительной промышленности, на транспорте и в сфере почтово-телеграфной связи износ оборудования превысил 50%. Почти половина скоростных авто-трасс требовала значительного ремонта, количество участков пути «с ограниченной скоростью движения» на железной дороге было уже не счесть, а качество связи не поддавалось описанию.

Не все на промышленных предприятиях было «металлоломом», некоторые производственные подразделения имели современное оборудование. Эти островки прогресса являлись, однако, именно островками в расширяющемся море экономически несостоятельных предприятий⁵⁵.

Тем не менее ГДР не была государством-банкротом. В 1989 г. ее платежный баланс имел дефицит в 20 млрд валютных марок. Однако, чтобы обслуживать долг и одновременно поддерживать прежний уровень жизни, требовалась более

эффективная экономика. Меры по сокращению государственных дотаций и повышению потребительских цен, квартирной платы и т.д., вновь и вновь предлагаемые экономистами, привели бы к очевидному снижению жизненных стандартов, чего руководство СЕПГ явно не желало. Его неспособность удовлетворить растущие потребительские запросы населения была не единственной, хотя и важной причиной Мирной революции осенью 1989 г.

ТОМАС ГРОССБЁЛЬТИНГ*

ГДР — «ГОСУДАРСТВО ШТАЗИ»?

Министерство государственной безопасности как объект воспоминаний в воссоединенной Германии и структурный элемент диктатуры СЕПП

«Государство Штази»¹ — наверное, ни одно другое название ГДР не вызывало за прошедшие двадцать лет столько эмоций. Оно по-прежнему является предметом споров, причем не только в академических кругах, но и — как вновь показали недавние публичные дискуссии — далеко за их рамками в среде медийной общественности и на политическом уровне². «Государство Штази» — это одно из тех словосочетаний, при упоминании которых вновь моментально возникает образ так часто упоминаемой «стены в головах» и которые напоминают о том, что различия между Востоком и Западом все еще существуют. В то время как в течение двадцати лет в структурах и формах повседневных жизненных связей между Восточной и Западной Германией многое выровнялось, чувство единства так и не появилось. Если посмотреть на оценку настроений граждан организациями, изучающими общественное мнение, то ножницы в течение 1990-х годов раздвинулись даже еще больше, прежде чем — спасибо поколенческим переменам — в последние годы вновь сомкнуться. Между Востоком и Западом существует глубокий раскол из-за различий в пережитом в 1989—1990 гг. Если на Западе жизнь, в общем и целом, продолжалась, как и до этого, то многие граждане ГДР пережили глубокий шок, который помимо множества перемен к лучшему означал и разрыв с прежней жизнью, и появление чувства неуверенности. К этому добавился частью негативный опыт жизни в воссоединенной Германии, который побуждал кое-кого из граждан бывшей ГДР идеализировать прошлое реального социализма и видеть его в позитивном свете.

---

* Пер. с нем. Леонида Карина.

У такого хода событий есть, разумеется, целый набор причин. Тем не менее публичная дискуссия и германо-германский спор удивительным образом концентрируются вокруг одного комплекса тем: несмотря на то что налоговая надбавка в поддержку солидарности, разница в оплате труда государственных служащих и многое другое создали большое количество поводов для трений, на первом плане в германо-германских дебатах об эмоциональном настрое населения оказались отнюдь не конфликты вокруг интересов и распределения. Вместо этого часто возникали разногласия из-за различий в интерпретации прошлого самими немцами, которые в конечном счете в течение 1990-х годов ослабили ощущавшееся вначале чувство единения³. В центре сложного процесса дискуссий оказались картины истории и связанная с ними оценка ГДР и множества отдельных судеб. С этим наблюдением солидарны даже те авторы, которые считают слияние Востока и Запада в принципе удавшимся⁴. Это обстоятельство представляется важным и потому, что такие различия в воспоминаниях не только разделяют поколение «обученных» граждан ГДР и ФРГ, но и грозят сохраниться у их детей.

С историей разделенной Германии мы еще не совладали. В этой дискуссии о воспоминаниях проблема Штази занимает особое место. Когда после воссоединения выяснилось, каковы были масштабы аппарата МГБ и как сильно он влиял на большинство сфер общественной жизни ГДР, Штази, в особенности в средствах массовой информации, очень быстро превратилась для ГДР в *pars pro toto* – ту часть, которая заменяет собой целое⁵. МГБ стало одним из главных элементов картины ГДР, представлявшей ее в первую очередь в соответствии с теорией тоталитаризма. Огромный аппарат служил в качестве инструмента репрессий внутри страны, целью которых было добиться от населения полного послушания и сломить возможное сопротивление. Особенно коварными выглядят в этой картине неофициальные сотрудники – люди, которые доносили государственной власти на своих друзей, членов семьи или коллег и таким образом подживляли существование диктатуры.

В противовес этому инспирированному понятием тоталитаризма и (в большинстве случаев абстрактному) сравнению

с диктатурой представлению ГДР исключительно в черном цвете возникли встречные проекты, которые опирались на данные из самых разных источников, развивались на разных уровнях и проявляли — то в большей, то в меньшей степени — политическую вирулентность: от привязанной к определенным привычным продуктам и товарам «остальгии» до ссылок на удачно сложившуюся в ГДР собственную биографию. Большинство из этих высказываний и их идейных контекстов не годятся для того, чтобы создать устойчивую и хотя бы приблизительно коллективно оформленную восточную идентичность. Слишком разрозненно наследие ГДР, слишком различны позиции людей, бывших социализированными в ГДР, слишком различен их опыт жизни при диктатуре. Если это вообще происходит, то эти фрагменты восточной идентичности складываются в единое целое исключительно под давлением извне и в результате совместного разоблачения неверной картины ГДР⁶. Исключением здесь является лишь апологетическая историческая стряпня бывших сотрудников Штази. Из их среды систематически и целенаправленно предпринимаются попытки стилизовать Министерство государственной безопасности под обычную — иногда даже «лучшую в мире» — секретную службу и представить аппарат власти ГДР в позитивном свете.

Следующие далее размышления опираются на описанную чересполосицу несовместимых, частью даже противоречивых воспоминаний, представлений и интерпретаций и исходят из того, что мы не изучили Штази как основной элемент спорной картины ГДР научно адекватным образом и не можем правильно описать ее в различных общественных сферах публицистики, политики или образования. Будучи мотивированными на это многочисленными исследованиями о политике в области историографии в воссоединенной Германии, принадлежащими не-немецким ученым⁷, мы в качестве первого шага в общих чертах определим, насколько и с какими импликациями воссоединившаяся Германия на материале воспоминаний на тему Штази смогла понять, что представляла собой ГДР⁸. Одна лишь эта связь показывает, что изучение и общественная тематизация Штази в течение двадцати лет после объединения никогда не были вызваны

исключительно научными интересами, а зачастую, и часто в первую очередь, преследовали цель услужить историко-политическим, а иногда и даже преимущественно партийно-политическим интересам. «Игра в политику с историей» — так называлось исследование, в котором Эндрю Х. Бетти проанализировал методы работы, результаты и общественное восприятие деятельности комиссии Бундестага по осмыслению истории и последствий диктатуры СЕПГ в Германии. Методы и результаты работы комиссии отмечены стремлением не к историзации, а к политизации — так звучит суровый вывод австралийского исследователя, который — это надо сказать сразу — в некотором отношении может быть перенесен и на наш подход к этому вопросу⁹.

По этой причине Йенс Гизеке, ссылаясь на неоспоримые аргументы, говорил о необходимости появления «второго дыхания» в изучении Штази для того, чтобы в большей мере, чем до сих пор, перенести его в контекст общественной истории ГДР и тем самым — так я продолжу эту мысль — вызволить его из ловушки политизированной инструментализации¹⁰. В качестве второго шага мы представим и обсудим некоторые общепринятые исторические представления о Штази, чтобы таким образом отточить наше восприятие феномена Штази.

История Штази как «публичная история»

История Штази всегда была «публичной историей», т.е. такой историографией, которая в положительном смысле инспирируется общественной заинтересованностью, а в негативном смысле детерминируется этой заинтересованностью. Там, где, с одной стороны, широкий интерес может окрылить историографию, он, однако, проявляет себя «как балласт в той мере, в которой приоритет принадлежит не любопытству, а стремлению к подтверждению стереотипов»¹¹.

Широкое распространение названия «государство Штази» или «диктатура МГБ»¹² получили во время и после падения режима СЕПГ. Как и многие другие широко распространенные представления, этот взгляд оформился вместе с ликвидацией диктатуры СЕПГ. То, что современники тогда не могли знать, в ретроспективе можно распознать как постепенную

утрату власти государственной партией, которая завершилась крахом ГДР. МГБ находилось в центре этого процесса. Самое позднее с 1985 г. когда-то важнейшая опора власти вынуждена была перейти к обороне. С началом политики реформ, проводимой Михаилом Горбачевым, объем задач — проверка носителей гостайн и лиц, выезжающих за границу, на предмет соблюдения требований госбезопасности, сопротивление растущему напору движения за выезд — увеличился, но партия теперь не разрешала применять жесткие меры¹³. Ставшая известной в 1987 г. далеко за пределами узкого круга оппозиции как «битва за Сион» попытка Штази криминализировать Экологическую библиотеку в берлинской Ционскирхе стала кульминационным моментом в целой цепи ошибок и неудач Министерства государственной безопасности. Все больше вырывающееся наружу движение за выезд из страны и его драматическое обострение в западногерманских посольствах в Восточной Европе, открыто формирующееся реформаторское и оппозиционное движение, выражением которого были лейпцигские понедельничные демонстрации и митинг на Александерплац 4 ноября — эти и многие другие события являлись отражением приобретающего все большую динамику оппозиционного движения и демонстраций, из-за которых МГБ было вынуждено прижиматься спиной к стене. Самое позднее 8 ноября 1989 г. репрессивный аппарат ГДР был вынужден полностью перейти к обороне после того, как Политбюро СЕПГ, включая Эриха Мильке, ушло в отставку и власть, как минимум на переходный период, частично перешла в руки правительства под руководством Ханса Модрова. Вначале правительство ГДР попыталось ослабить требования масштабных реформ тем, что начало расследование бесчинств полиции 7 и 8 октября и пообещало наказать высших товарищей за превышение полномочий и коррупцию. Однако быстро стало ясно, что попытки свести дебаты к отдельным лицам или группам были обречены на провал¹⁴.

В дополнение к распаду властных структур ГДР Штази оказалась объектом атак в первую очередь со стороны оппозиционного движения и демонстрантов. Под «массивным давлением демонстраций» Штази «не нашла способа вновь перейти в наступление — выдвигаемые требования во все

большей степени прямо касались ее как организации»¹⁵. С точки зрения оппозиционеров и участников демонстраций, не один только опыт издевательств и деморализации в период до 1989 г. делал репрессивный аппарат главным врагом. Прежде всего Штази была тем единственным фактором власти, который, скорее всего, мог оказаться в состоянии сохранить стабильную ситуацию в соответствии с требованиями СЕПГ, а в крайнем случае даже насильно подавить все, что грозило привести к развалу ГДР. «Штази на производство», «Резиновые уши», «Ленивый сброд» — не только главные лозунги демонстрантов были обращены против МГБ и его сотрудников, но и сами колонны протестующих демонстрантов все чаще выбирали в качестве своей цели здания Штази¹⁶.

В сумятице и борьбе за власть 1989—1990 гг. два момента стали главными темами дебатов за круглым столом между правительством и силами оппозиции: роспуск службы государственной безопасности и обращение с ее наследием¹⁷. Из-за концентрации на этих аспектах многие другие составляющие государственного аппарата, как и государственной партии и ее массовых организаций, выпали из поля зрения. Начало тому, что СЕПГ смогла уйти под воду, прикрывшись «своей Штази», было положено именно тогда¹⁸. То, что, как утверждал шеф дрезденской СЕПГ Вольфганг Бергхофер (Wolfgang Berghofer), на встрече 3 декабря 1989 г. на самом деле был согласован «генеральный план», в котором пять ведущих товарищей из СЕПГ договорились выставить Штази в качестве козла отпущения и таким способом спасти партию, выглядит более чем сомнительным¹⁹. Тем не менее в конечном результате мы наблюдаем именно это: концентрация расследований и борьбы за власть новых и старых элит на министерстве государственной безопасности помогла большей части старой элиты ГДР, не будучи допрошенной и опрошенной, интегрироваться в новую систему. Вместе с этим ограничением рамок дебатов утвердилась историко-политическая константа и на последующий период: концентрация на Штази осталась основным фактором восприятия ГДР и является таковой, возможно, и по сей день.

Прежде всего такой ход событий поддается хорошему обоснованию и объясняется борьбой за власть против репрес-

сивного аппарата, которая, в частности, велась с помощью политики в сфере истории: планам реорганизации МВД под маркой Ведомства национальной безопасности с точки зрения гражданского и оппозиционного движения можно было помешать наиболее эффективным образом, разоблачая деятельность МГБ и одновременно лишая Штази возможности уничтожить свои документы и тем самым доказательства²⁰.

Общественность была шокирована, когда были вскрыты весь масштаб деятельности Штази и размер аппарата этого монстра: по данным на 31 октября 1989 г., в МГБ в качестве штатных сотрудников трудились 91 000 человек, 173 000 человек к моменту краха ГДР состояли на учете в качестве неофициальных сотрудников. За время его существования более 600 000 человек успели потрудиться в интересах этого репрессивного аппарата в роли неофициальных сотрудников²¹.

Масштаб этих цифр становится понятным прежде всего в сравнении, ведь ГДР по плотности слежки среди диктатур восточного блока находилась на первом месте: если в Советском Союзе один сотрудник секретных служб следил за 595 гражданами, а в Польше на одного штатного сотрудника приходилось 1547 человек, то в ГДР один штатный сотрудник отвечал за 180 граждан²².

Глядя на эти цифры, легко объяснить ужас, жажду узнать правду и — тесно связанный с ней — сенсационализм. На этом этапе первых разоблачений возникли и по сей день распространенные в наибольшей степени стереотипы: когда в первой половине 1990 г. в Берлине вышла книга Кристины Вилкенинг «Государство в государстве. Что говорят бывшие сотрудники Штази» (Christina Wilkening «Staat im Staate. Auskünfte ehemaliger Stasi-Mitarbeiter»), она стала небольшой сенсацией. Будучи сама не последним человеком в истеблишменте ГДР, она проинтервьюировала двенадцать бывших сотрудников МГБ, работавших на различных иерархических уровнях аппарата. «Райнер», 47 лет, сообщил читателям, что под наблюдением находилось «всё и вся». Благодаря этому и иным примерам приобрела популярность идея о «поголовной слежке». Западногерманские иллюстрированные журналы подхватили тему Штази, публикации шли нарасхват.

Бестселлер о Штази Штефана Волле и Армина Миттера — двух влиятельных основателей Независимого союза историков ГДР — был озаглавлен цитатой из последней речи Эриха Мильке перед Народной палатой «Я ведь люблю вас всех», содержал «Ситуационные отчеты МГБ за январь—ноябрь 1989 г.» и продавался с кузова грузовика тысячам ожидающих граждан. Сегодня «невозможно себе представить», что в первые пять лет после воссоединения «тема Штази была доминирующей во всем» — так Клаус-Дитмар Хенке подводит итог своей деятельности в качестве руководителя отдела образования и исследований при Уполномоченном по документам Штази²³. Общественный интерес был, как и потребность в информации, огромным.

Вскоре и тогдашние исполнители стали пытаться использовать свои знания для того, чтобы сформировать и приукрасить имидж Штази: Маркус Вольф, до 1986 г. в течение многих лет шеф Главного управления разведки МГБ, уже в период переломных событий сам попытался представить себя в качестве политика-реформатора и быстро превратился в телегеничное лицо Штази. Часть прессы обращалась с ним мягко, почти уважительно, окрестила его замаскированным «восточным аристократом» или называла его «бесспорно лучшим шефом шпионской службы в мире»²⁴. Вольф старался не только придать руководимому им Главному управлению разведки имидж элиты, но помимо этого и представить его в качестве обычной секретной службы. Он при этом мог опираться на дискуссию вокруг документов Главного управления разведки, поскольку они со ссылкой на принципиальную легитимность секретных служб были уничтожены²⁵.

Результаты исследований однозначно противоречат таким утверждениям: Главное управление разведки было полностью интегрировано в МГБ и, несмотря на иначе определенные главные задачи, участвовало в преследованиях внутри страны²⁶. К этой попытке приукрашивания истории присоединяются другие «бывшие», прежде всего из иерархии тогдашнего МГБ, организовавшиеся в так называемый «Инсайдерский комитет содействия критическому изучению истории МГБ» и без большого резонанса пытающиеся популяризировать свой взгляд на ГДР²⁷.

Для общественности наследие Штази существует в первую очередь в виде длинного списка разоблачений неофициальных сотрудников. На первом плане оказались не структуры, не влияние МГБ на обе части немецкого общества или другие насущные вопросы, а личности и то, в чем они были замешаны: политическая карьера соучредителя Альянса за Германию Вольфганга Шнура неожиданно оборвалась, когда стало известно о том, что он с 1965 г. поддерживал интенсивные контакты с МГБ²⁸. Ибрагим Бёме, Манфред Штольпе, Герхард Линднер, Грегор Гизи и многие другие имена политических деятелей из почти всех партий связывались и связываются со Штази. В общественном восприятии взгляд по причине такого хода событий во второй раз сузился и сконцентрировался на образе неофициального сотрудника, хотя и значительном, но тем не менее явно переоцененном элементе структуры МГБ²⁹. Образ соседа, друга, даже супруга в роли стукача особенно выделялся с моральной точки зрения. При этом из поля зрения выпадало то, что неофициальные сотрудники хотя и поставляли важные сведения, но в иерархии и в системе принятия решений в МГБ в лучшем случае играли второстепенную роль. Лишь после обеспечения регулярного доступа к документам благодаря закону о документах Штази начался регулируемый процесс, который, правда, не положил полностью конец сенсационализму.

Подлинными задачами исторических исследований, для которых тема Штази представляла собой особый вызов, заключались в том, чтобы поставлять надежную информацию, интерпретировать обстоятельства и раскрывать контексты. Что могло быть более привлекательным, чем расположенный практически перед дверью четко оформленный комплекс тем, к тому же еще обладающий взрывным политическим потенциалом, обещавшим вызвать интерес далеко за пределами узких границ профессии? Тема Штази на самом деле является отражением «самого мощного перелома внутри конъюнктур западногерманской науки в сравнении с периодом до и после 1990 г.»³⁰. Уже в прежних западногерманских исследованиях на тему ГДР имелись, правда, в деталях хотя и неполные, однако в основных своих чертах солидные знания о деятельности МГБ, но сведены воедино они были исследо-

вателями, находившимися вне рамок мейнстрима этой области исследований. Общественное восприятие этих знаний осталось ограниченным³¹. Кристоф Клеßманн (Christoph Kleßmann) говорил о «совершенно недостаточном уровне осознания и анализа роли аппарата госбезопасности и армии в государстве и обществе» и оценил это обстоятельство как «видимо, самый большой дефицит историографии ГДР»³².

После 1990 г. бывшая ранее «белым пятном» тема Штази начала вновь играть особую роль. Она стала самой востребованной темой в изучении ГДР и уже в 2002 г. расценивалась как «одна из лучше всего изученных тем ГДР»³³. Как и во многих других случаях, исторически уникальная ситуация с наличием документов и поддерживаемая на политическом уровне «потребность» в воспоминаниях решающим образом влияли на развитие исследовательской деятельности: прежде всего подходы первых лет часто определялись стремлением приобрести неограниченное право на интерпретацию наследия ГДР и любыми способами делегитимировать режим СЕПГ. Вместе с этим ограничение взгляда исключительно документами привело к сужению рамок рассмотрения до дихотомии исполнителей и жертв. Гизике называет это «осознанным или неосознанным перениманием точки зрения МГБ, хотя и с обратным знаком: мир вдруг стал полон неофициальных сотрудников, офицеров по особым поручениям, неизвестных сотрудников или еще более тщательно законспирированных сотрудников и информаторов госбезопасности. С другой стороны, такое восприятие имеет тенденцию переоценивать сопротивление и оппозицию в обществе ГДР»³⁴. Соответственно, как он считает, сложно совместить эти исследования с другими разделами изучения ГДР.

На потребность в пополнении имеющейся информации в первые годы после Мирной революции ориентировался и другой сегмент исследований, часто называвшийся «штазиологией»: подробная реконструкция организационных структур и путей принятия решений внутри разветвленного бюрократического аппарата Штази служила важной основой дальнейших исследований. Кроме этого, здесь вырабатывались и важные импульсы и поправки для распространенных представлений о Штази. В то же время пределы такого под-

хода в отношении плодотворного воздействия на общественную дискуссию и ее ориентирования очевидны³⁵.

Общественная потребность в информации, поддержанное на политическом и общественном уровне стремление к проведению расследований, как и иные факторы бума изучения истории ГДР, стали еще одним шагом в сторону изменившегося соотношения историко-политической науки и как медийной, так и политической общественности. Этот тренд существовал, как показывает даже беглый взгляд, и раньше³⁶. Если инициированный историком Фрицем Фишером в 1961 г. спор вокруг начала Первой мировой войны еще преимущественно ограничивался узкими рамками профессии, то разгоревшаяся в 1986 г. дискуссия между историками вокруг вопроса о правомерности сравнения преступлений сталинизма и нацизма уже инсценировалась и эксплуатировалась СМИ. Несмотря на всю ее остроту, эта дискуссия в научном отношении не дала никаких результатов. Дебаты вокруг опубликованного в 1996 г. тезиса Даниэля Гольдхагена о специфическом немецком элиминаторском антисемитизме «послупных исполнителей» были инсценированы СМИ, их аудитория предоставляла форум для этой дискуссии, и ее протагонисты приняли решение о завершении дебатов, перестав проявлять к этой теме после периода концентрированного внимания со стороны публицистики какой-либо интерес. Ученые соответствующего профиля в лучшем случае выступали во второстепенных ролях, благодаря чему автор книги Гольдхаген предстал в еще более ярком свете³⁷. Аналогично обстояло дело с так называемой «выставкой о вермахте», на которой роль германской армии в войне на уничтожение на Востоке при исключении большого объема имеющихся научных знаний скорее скандализировалась, нежели дискутировалась³⁸.

* * *

Воссоединение Германии и исследование истории ГДР положили начало новой фазе «публичной истории». В той мере как исторические знания стали пользоваться спросом, а прошлое приобрело популярность и им начали заниматься средства массовой информации, некоторые результаты исследо-

ваний стали адаптироваться к новым правилам: актуальность, сенсационность, персонализация — эти и другие факторы гарантировали внимание общественности и политических органов. «Тот, кто вбрасывал в дебаты самые высокие оценки количества неофициальных сотрудников, арестов, погибших, прослушиваемых телефонов и так далее, рисовал самые брутальные случаи преследований и слежки, получал наибольший отклик»³⁹. Тем самым обострялся всегда вирулентный вопрос, какую дистанцию от политики и ее учения о цветовой гамме может или должна соблюдать наука, или, если сформулировать вопрос в обратной последовательности: в какой степени всегда бывшая близкой к политике история ГДР имеет право оказаться в струе политики, ее интересов и ее целевого финансирования?

За бумом вокруг Штази и возникшей в результате странной чересполосицы интерпретаций и инструментализаций последовала их критика. Проблемы вскрывались и комментировались с разной степенью серьезности с самых разных сторон: так, журналист Петер Йохен Винтерс в 1992 г. жаловался на то, что исследования, касающиеся ГДР, почти исключительно заключаются в том, чтобы разоблачать бывших сотрудников Штази⁴⁰. И Йоахим Гаук (Joachim Gauk), которого нельзя заподозрить в каком-либо стремлении что-то приукрасить или обелить, еще в 1991 г. говорил об «истерии вокруг Штази», которую он объяснял как «результат недостаточного переосмысления прошлого» и неправильного подхода к этому прошлому⁴¹.

Дискуссия особым образом сфокусировалась на бумажном наследии Штази: послужат ли эти документы в качестве «инструмента примирения», как на это надеялась Марианне Биртлер (Marianne Birthler)⁴², или они спровоцируют лишь разлад и месть, как предполагал Фридрих Шорлеммер (Friedrich Schorlemmer) в целом ряде своих публикаций?⁴³

«Вначале вспомнить, а потом прощать», — потребовал Йоахим Гаук в апреле 1990 г. и высказал опасения большого вреда для строящейся демократии, если наследие Штази будет наступательным образом вскрыто и осознано. Прямо противоположные аргументы выдвигал Вольфганг Шойбле (Wolfgang Schäuble), когда он вначале даже поддержал идею

уничтожить все документы, чтобы не подвергать опасности первые шаги в направлении вновь обретенной демократии из-за отравляющих всё и вся воспоминаний о Штази⁴⁴. И никто иной как Петер-Михаэль Дистель (Peter-Michael Diestel), бывший министр внутренних дел ГДР в правительстве де Мезье, а в 1994 г. депутат ландтага от бранденбургского ХДС, театрально простонал: «Боже, что происходит с Германией?» — и в дискуссии с Луцем Ратеновым ответил отрицательно на вопрос «Можем ли мы позволить себе такого Гаука?»⁴⁵.

Вскоре появилось огромное количество самых разных оценок и высказываний, в значительной степени определяемых различными интересами, а также попыток выделиться и курьезов, которые были уже весьма слабо связаны с содержанием дебатов как таковым⁴⁶: Матиас Вагнер, сам будучи разоблаченным в качестве неофициального сотрудника, клеймил «синдром Штази» как «арену битвы оппортунизма и ограниченности», на которой с помощью документов можно «при необходимости раскрывать биографии и ставить разоблаченных таким образом к позорному столбу»⁴⁷. Вольфганг Энглер критиковал стилизацию Штази под молоха, которая в первую очередь обеспечивала возможность выделиться тем, «кто занят этим осознанием истории»⁴⁸. Петер Маркузе, сын философа Герберта Маркузе, назвал интерес к Штази прежде всего преднамеренно используемым инструментом, который должен обеспечить Западу сохранение статус-кво и лишить объединенную Федеративную Республику возможности устремиться к новой утопии⁴⁹. Используя родственные наблюдения и схожие результаты, психоаналитики и социальные психологи проецировали на дебаты свои представления о немецком табу на прикосновение или родстве с козлом отпущения⁵⁰.

* * *

Независимо от того, как мы оцениваем отдельные аргументы и точки зрения, уже один этот краткий и в любом случае неполный перечень достаточно ясно подтверждает тезис Доротее Вирлинг (Dorothee Wierling): Штази «как стержень истории ГДР во все большей степени превращалась

в западногерманскую историю... в то время как именно те, кто может подтвердить все это на собственном опыте, все больше отстранялись от такой интерпретации, вплоть до тенденции в качестве восточных немцев идентифицировать себя с теми, кто, например, будучи восточногерманским политиком периода после воссоединения Германии, попал под подозрение из-за возможного сотрудничества со Штази (см. Штольпе, Гизи...)»⁵¹. Целый резервуар опыта жизни со Штази, а именно опыт восточных немцев, сохраняет по сей день абсолютно маргинальный статус. Это тем более удивительно, что существование Штази в ГДР не было тайной, совсем наоборот: в некоторых провинциальных городах отдельные места на общественных парковках помечались надписью «зарезервировано для транспортных средств МГБ»⁵². Целые участки улиц в Восточном Берлине были заселены исключительно сотрудниками МГБ и их семьями, остановки общественного транспорта действовали там только перед началом и после окончания рабочего дня. Хотя в ГДР, в отличие от других государств Восточного блока, существовал лишь весьма умеренный общественный культ вокруг создателя советской секретной полиции Феликса Дзержинского⁵³, тем не менее ежегодно 8 февраля отмечалась очередная годовщина создания МГБ в 1950 г., и по этому поводу оказывались всяческие почести генералу армии Эриху Мильке. Само МГБ вело «работу с общественностью» с использованием передвижных выставок и акций по привлечению новых кадров из молодежной среды⁵⁴. В шпионских романах и фильмах постоянно возникал концерн Мильке, насаждался образ врага, а миф о всеведении приукрашивался образом заботливого ведомства⁵⁵.

Этот и другие примеры показывают, что существовал обширный опыт жизни с Штази, причем не только у самих сотрудников Штази, но и у активистов оппозиционного движения и движения за права человека. Самые обычные граждане ГДР знали о существовании этого репрессивного аппарата, Штази изменяла, ограничивала и контролировала и их жизнь и могла в случае проявления враждебности к режиму разрушить ее. Некоторые оппозиционные группы пытались защититься от Штази, договариваясь между собой

о том, чтобы просто игнорировать внедрение сотрудников МГБ в их среду. Из биографических и автобиографических текстов мы знаем, как отдельные лица вели себя с МГБ и как им, например, удавалось успешно избежать попытки вербовки, «деконспирируясь» перед общественностью. Мы хорошо информированы о методах вербовки новых кадров, типичных карьерах и смене поколений на разных уровнях служащих Штази⁵⁶. Новаторское исследование Йенса Гизике о штатных сотрудниках Штази характеризуется прежде всего социально-историческим подходом, однако, несмотря на это, оно дает возможность получить представление о формирующихся, а с 1985 г. также и меняющихся структурах чекистского⁵⁷ мира.

Но в целом мы знаем об опыте и буднях жизни во времена существования Штази слишком мало. Как протекала жизнь оппозиционного активиста, который должен был постоянно опасаться того, что это «оно» вмешается в его судьбу? Как взаимодействующие между собой борцы за права человека воспринимали угрозу со стороны МГБ? Как функционировало и могло действовать «разложение», известно в первую очередь на примере таких выдающихся оппозиционеров ГДР, как Юрген Фукс или Вольфганг Темплин⁵⁸. Ценную информацию сообщает и Бабетт Бауэр, исследуя индивидуальный опыт «Контроля и репрессий» в отношении людей, попавших в ГДР в жернова Штази⁵⁹.

Как протекали служебные будни Штази, какое самосознание служило для сотрудников мотивацией в их работе? Как внутри аппарата воспринимались различные фазы в существовании ГДР? «Доверчивость» в сочетании с «дисциплиной» — так заместитель министра госбезопасности и, в течение короткого срока, шеф Ведомства национальной безопасности Вольфганг Шваниц описывает свое собственное восприятие действительности, однако сразу же отмечает, что с «середины восьмидесятых годов неслыханно обостряющееся противоречие между тем, что говорилось на заседаниях ЦК, и реальной жизнью становилось все очевиднее»⁶⁰. Документальный фильм «Будни одного ведомства» («Alltag einer Behörde») указывает на большой познавательный потенциал такого подхода⁶¹. Схожим образом следовало бы изучить

до сих пор не привлекавшие к себе большого внимания рассказы офицеров Штази о самих себе⁶².

И — конечно же — как Штази влияла на жизнь большинства населения? Насколько распространен и насколько эффективен был «миф Штази» о тотальном присутствии аппарата?

«Мы жили, как под стеклом, подобно наколотым на булавки жукам, и любое дергание ножками с интересом фиксировалось и подробно комментировалось», — говорит, будучи сам глубоко укорененным в истеблишменте ГДР, писатель Стефан Гейм⁶³. За исключением этих и схожих ссылок в вымышленных текстах, анекдотах и (авто)биографических набросках мы знаем об этой стороне истории Штази очень мало⁶⁴.

В чем мы нуждаемся, так это в подходе к Штази, не столько ориентированном на бюрократические структуры, сколько рассматривающем в большей степени проявления и эффекты в повседневной жизни⁶⁵. Так у преобладающего до сих пор изображения в черном и белом цвете могли бы появиться оттенки, и оно благодаря этому стало бы в то же время и более точным. Одновременно мы смогли бы лучше понять, как функционировала диктатура СЕПГ и как она была повержена. В общественной памяти такой подход помог бы лучше интегрировать разнообразные воспоминания о жизни в ГДР как важную часть истории.

Не следует опасаться выхолащивания сути или приукрашивания диктатуры ГДР, наоборот: более глубокое понимание механизмов власти, подавления и адаптации к режиму может лишь обогатить общественное осознание истории ГДР.

Легенды и дискуссия вокруг них: «всемогущая Штази» и «народ стукачей»

Была ли Штази «условием существования государственного социализма»?⁶⁶

Обеспечивалась ли власть СЕПГ в первую очередь или даже исключительно ее всеохватывающим и повсеместным присутствием?

Разоблачения и дебаты 1990-х годов питали идею о вездесущей, всеведущей и всепроникающей Штази. Попу-

лярность этой идеи нашла свое отражение даже в популярном анекдоте: через несколько месяцев после роспуска МГБ многие из его сотрудников занялись поисками новой работы. Многие, как рассказывали, пошли работать в такси. Согласно одному из чаще всего рассказываемых анекдотов, садясь в такси, было достаточно назвать свое имя и фамилию, после чего водитель уже знал, куда везти пассажира⁶⁷.

Тот, кто хочет задаться вопросом, насколько Штази обеспечивала возможность существования ГДР или, наоборот, насколько диктатура СЕПГ могла бы существовать без Штази, должен понимать, что он требует ответа, в высочайшей степени дифференцированного по времени: в принципе, ГДР скорее всего никогда — в отличие, например, от нацистской диктатуры, — не опиралась на поддержку большинства населения и не строилась при его поддержке. Это относится в первую очередь к концу 40-х и к 50-м годам. До и после создания государства функционеры КПП и СЕПГ реализовали свои притязания на власть с применением часто грубой силы. Созданное в 1950 г. Министерство государственной безопасности продолжило ту работу, которая была начата его предшественниками, как, например, подчиненным министерству внутренних дел Главным управлением по защите народного хозяйства. С образованием МВД стало также ясно, что руководство СЕПГ в принципе преследовало цели, которые противоречили попыткам замаскировать их демократическими лозунгами: «трансформацию в “народную демократию” по сталинскому образцу и адаптацию политической системы ГДР к аппарату власти Советского Союза»⁶⁸.

В течение ярко выраженной сталинистской фазы, продолжавшейся до 1956 г., эту цель приходилось реализовывать вопреки сопротивлению многочисленных сил, которые преследовали иные политические и общественные цели и из-за этого могли представлять опасность для претензий СЕПГ на власть. Вместе с ростом аппарата расширялся круг задач, вследствие чего Штази по указке партии могла вмешиваться не только в политику, но и в жизнь общества далеко за ее пределами. Наивысшими проявлениями сталинистского террора стали внутренние партийные чистки, начавшиеся в 1949 г., и антисемитские кампании 1953 г. Укрепление власти СЕПГ

и — как это называлось на техническом жаргоне аппарата — «обезвреживание» политических противников было бы без МГБ неосуществимо. В том, что касается периода 1950-х и начала 1960-х годов, практически неоспоримо, что Штази представляла собой неотъемлемую предпосылку установления и существования диктатуры СЕПГ.

Более вирулентной, более настоятельной дискуссия вокруг роли Штази становится, однако, в особенности тогда, когда речь идет о 1970-х годах. Остальгические реминисценции, как правило, ссылаются на это десятилетие, часто называемое «золотым». Свое место в жизни заняло выросшее в ГДР и, в случае полной идеологической покорности и лояльности к государству, пользовавшееся частью просто удивительными возможностями послевоенное поколение. Национализация частной экономики, целенаправленное и ориентирующееся на классовую модель управление карьерными и образовательными шансами, как и монополизация возможностей доступа к общественности, создали социальную базу общества, ориентированного на требования диктатуры. Вместе с этим благодаря провозглашенному Хоннекером «единству экономической и социальной политики» вырос скромный, но надежный уровень жизни. Вместе с переходом от красного пиетизма в его ульбрихтовском варианте к «жизни в социализме» а-ля Хоннекер уменьшились и масштабы идеологического давления на большинство населения. Помимо этого, согласно оценке британского историка Мэри Фулбрук, «возможно, шестая часть населения... через “микросистемы” власти» оказалась втянутой в функционирование диктатуры»⁶⁹. Помимо от 300 000 до 400 000 «ключевых функционеров, которые в осуществлении и укреплении власти на самом деле играли важную роль», она выделяет группу численностью «от 1 до 2 млн взрослых граждан», участвовавших в деятельности многочисленных массовых организаций, политических партий, представительных органов или аппарата управления. В это число не входят многочисленные граждане, которые время от времени выступали в роли внештатных активистов. «С течением времени многие люди каким-то образом, почти как если бы это было чем-то само собой разумеющимся, оказывались

втянутыми в функционирование системы». Если диктатура тем самым опиралась на население, то она, возможно, даже приобрела легитимность в такой степени, что все меньше нуждалась в репрессиях?⁷⁰

Такому предположению противоречит не только сама «мирная революция», которая в значительной мере стала следствием недовольства граждан, но и внутреннее развитие Штази и ее деятельность в этом десятилетии. Прежде всего режим отказался от жесткого преследования политических противников, как это происходило в период расцвета сталинизма. В служебных кабинетах министерства обосновалось новое поколение штатных сотрудников — технически и психологически образованных, по большей части закончивших собственный ВУЗ МГБ. На первый план теперь вышли сбор информации, контроль и именно манипуляция. Масштабы использования грубого насилия уменьшились из-за стремления к международному признанию, слишком явные нарушения прав человека могли этому лишь мешать.

В результате такой переориентации деятельность Штази стала более деликатной, но вместе с этим расширился и круг лиц, которых Штази могла брать в разработку. Не только активные оппозиционеры, но и каждый гражданин ГДР был теперь потенциально объектом наблюдения, если возникала повышенная необходимость собрать информацию и предотвратить политическое сопротивление. Самое позднее, вместе с ростом движения за выезд из страны, с которым Штази активно боролась, она начала воздействовать на все большее число граждан ГДР с использованием самых разных средств и стратегий. Речь, в лучшем случае, могла идти не о каком-то ослаблении репрессий, а лишь об изменении их характера.

На вопрос, какое количество восточных немцев на выборах отдало бы свой голос за эту систему, ответить с уверенностью не представляется возможным. Но многое говорит за то, что диктатура в 1950—1960-х годах смогла утвердиться исключительно с помощью своего репрессивного аппарата. Неоспорим и тот факт, что масштабы ожесточения и недовольства с конца 1970-х годов очень сильно выросли, так что без Штази политически непреклонный режим вряд ли смог бы сохраниться так долго.

С образом государства Штази и всемогущества МГБ был тесно связан вопрос о готовности большого числа граждан к доносительству, который приобрел актуальность после 1990 г. Было ли население ГДР «народом стукачей»? Прежде всего образ неофициального сотрудника давал повод для разнообразных спекуляций⁷¹. Так, если взять только один пример из масштабных дебатов, то весной 1990 г. разные источники оценивали число информаторов Штази в 2 млн⁷². Не один только министр внутренних дел ГДР Петер-Михаэль Дистель трубил в этот рог, заявляя, что, по его мнению, в системе ГДР никакой вины не было только за новорожденными и никогда не просыхающими алкоголиками⁷³. Назначенный на должность министра по делам обороны и разоружения пастор Райнер Эппельманн (Rainer Eppelmann) вначале считал, что примерно одна треть населения с той или иной степенью интенсивности сотрудничала со Штази⁷⁴.

Сегодня мы знаем, что эти цифры были значительно завышены: на основании изученных до настоящего момента архивных материалов МГБ Мюллер-Энбергс показал, что количество неофициальных сотрудников выросло с 5200 в 1950 г. до 173 000 к моменту развала ГДР. Всего МГБ за весь период своего существования привлекло в качестве неофициальных сотрудников 624 000 человек⁷⁵. Таким образом, МГБ создало, вне всякого сомнения, исключительно плотную сеть информаторов, от помощи которых система в значительной степени зависела и которых верхушка МГБ не только риторически постоянно называла «главным оружием МГБ»⁷⁶.

Тем не менее представление о «народе стукачей», как показывают некоторые углубленные и сравнительные размышления, не соответствует действительности: система неофициальных сотрудников прямо опиралась на пример советского репрессивного аппарата, который во многих отношениях определял построение, структуру и методы работы МГБ. Но помимо этого интенсивные усилия по созданию в высшей степени формализованной сети доносчиков показывают и принципиальную слабость режима. Если, например, гестапо в качестве тайной полиции национал-социалистической Германии едва могло справиться с огромным количеством поступающих доносов, то диктатура СЕПП

в гораздо меньшей степени могла рассчитывать на признание и поддержку населения и по этой причине опиралась на в высшей степени формализованную сеть неофициальных сотрудников⁷⁷.

Также с полным на то основанием указывалось, что привлечение большого числа неофициальных сотрудников было отражением «психологии валовых показателей», свойственной режиму, и само по себе мало что говорит об эффективности этого инструмента. Намного основательнее, чем до сих пор, необходимо исследовать мотивы согласия неофициальных сотрудников на сотрудничество, поставляемую ими информацию и результаты этой деятельности. Лишь после этого можно будет понять, как и насколько деятельность неофициальных сотрудников распространялась на непосредственные социальные отношения в семье, на рабочем месте и в кругу друзей — и какова была реакция на разоблачение доноительства и его последствия после 1990 г.

МАРК-ДИТРИХ ОЗЕ*

«МЫ ОТТЯГИВАЛИСЬ НА ПОЛНУЮ КАТУШКУ»

ГДР – «государство молодежи»?

«Тошно было до невозможности, но мы оттягивались на полную катушку». Так Томас Бруссиг в повести «Солнечная аллея» (1999) подытожил годы своего юношества (на русском языке книга вышла в переводе М. Рудницкого. — *Перев.*). Книга, а еще больше фильм «Солнечная аллея» (режиссер Леандер Хаусманн, 1999) показывает хаотическую повседневность восточноберлинской молодежи, жизненную свободу которой ограничивала не только Берлинская стена. Полутона, которые в угловатой истории на фоне громкой музыки и кричащих красок легко можно не заметить или не услышать, будят воспоминания многих из тех, кто вырос в ГДР, воспоминания о бурном времени, когда надо было отважиться на определенные решения. Нельзя сказать, что это не типично для молодежи, однако жизненные условия, в которых молодым людям нужно было принимать эти решения в ГДР, сильно отличались от тех, в которых жили их сверстники, скажем, на Западе Германии.

То, что в этих воспоминаниях о юношеских годах в ГДР «оттягивание на полную катушку» занимает большее место, чем все то, что тогда воспринималось как «тошнота», кажется вполне естественным, поскольку хорошие воспоминания всегда более приятны, чем нехорошие. Действительно, повседневность в ГДР вполне могла приносить немало радости и веселья. Многие просто не ощущали существующие ограничения и вытекающие из них неудобства, большинство их просто не замечали. Так что было принято рассматривать ГДР как то место, где молодежь живет исключительно радостно и беззаботно.

---

* Пер. с нем. Игоря Шматова.

Вопреки всем официальным заявлениям неразделимая связь между государством и Социалистической единой партией Германии (СЕПГ), с одной стороны, и молодежью ГДР – с другой, в первую очередь носила преимущественно пропагандистский характер. Ведь как бы там ни было, молодежь составляла «боевой резерв партии». Одновременно партийно-государственное руководство постоянно должно было держать в поле своего неусыпного внимания вопрос о том, кто, если не молодежь, будет поддерживать и продолжать его политику¹. Как заклинание высшие руководители государства и партии повторяли слова о неразрывном единстве молодежи и социализма. «Социализму... и только социализму принадлежит будущее. И это будущее молодежи», – заявил, например, Эрих Хонеккер в 1972 г.², а за пять лет до этого он более образно сформулировал ту же мысль так: «Молодежь помогает своими идеями и своим трудом завершить строительство социализма»³.

Как же в действительности обстояло дело с нерушимой связью молодежи с «реально существующим социализмом» в ГДР? Какую роль при этом играла молодежная политика СЕПГ? И была ли Свободная немецкая молодежь на самом деле так свободна, как сегодня, возможно, кто-то думает об этом, надевая форменную голубую рубашку ССНМ?

Молодежный союз как любимой другой? Свободная немецкая молодежь

«Созидай! Созидай! Созидай! Созидай! Свободная немецкая молодежь, созидай!» Это припев известной песни ССНМ. Под созиданием понималась суть социалистического общества, которое в последние годы ГДР стыдливо называли «реально существующим социализмом», невыполненным обещанием всеобщего благоденствия. Подразумевалось, что молодежь примет активное участие в этом процессе созидания, в первую очередь Союз свободной немецкой молодежи.

Образование этой якобы «надпартийной, единой демократической молодежной организации» произошло в феврале 1946 г. по решению Центральной комиссии по делам молодежи советской оккупационной зоны⁴. Уже эта молодежная

комиссия называла себя надпартийным органом. В нее наряду с членами Коммунистической партии Германии и Социал-демократической партии (с апреля 1946 г. Социалистической единой партии – СЕПГ) входили молодые люди из буржуазных партий Христианско-демократического союза и Либерально-демократической партии, а также представители двух крупнейших церквей. При этом ведущую роль в комиссии, как и позднее в ССНМ, играли коммунисты или, по прошествии нескольких лет, члены СЕПГ. Одновременно буржуазным партиям было запрещено создавать собственные молодежные союзы. Надпартийный характер ССНМ был, таким образом, не более чем шулерским приемом подмены понятий. Именно на это обстоятельство с порицанием указывали церкви при создании ССНМ. По их мнению, «Свободная немецкая молодежь воспринимается в самых широких кругах – несмотря на подчеркивание добровольного характера членства в союзе – как насильственно «осоюзенная» молодежь или государственная молодежь в новом обличье»⁵.

Высказываемые опасения вскоре подтвердились, хотя в первое время приток новых членов в ССНМ был на удивление велик. Уже скоро (к концу 1949 г.) союз насчитывал в своих рядах почти 1 млн членов, что составляло почти одну треть молодых людей, проживавших в советской оккупационной зоне⁶. (В Берлине, где в соответствии с его особым статусом согласно Четырехстороннему соглашению существовали и другие молодежные союзы, только 4,8% молодежи были членами ССНМ, что свидетельствовало о не слишком большой популярности организации). В первые годы ССНМ вполне сумела позиционировать себя как союз, представляющий интересы молодежи. Снижение избирательного возраста и возраста совершеннолетия в ГДР, а также прежде всего проведение общегерманского сбора ССНМ в (Восточном) Берлине в 1950 г. рассматривались как важные успехи молодежной организации.

Однако уже в июне 1949 г. она заявила, что признает руководящую роль СЕПГ. В своем уставе ССНМ записал, что действует «в интересах укрепления и развития нового демократического строя на Востоке Германии»⁷. В следующем году кадровые назначения в союзе стали частью общей кадро-

вой политики СЕПГ; с того времени его официально стали называть «боевым резервом партии». Хотя ССНМ и дальше должен был представлять интересы молодежи во взаимоотношениях с государством и партией, тем не менее и в этой сфере последнее слово оставалось за партийным руководством. Основные направления деятельности союза определял Центральный Комитет (ЦК) СЕПГ, в котором существовал самостоятельный отдел по делам молодежи как главный пункт управления всей молодежной политикой. Ее идеологию разрабатывала партийная молодежная комиссия при Политбюро ЦК, которой в начале шестидесятых годов даже был присущ дух определенного реформаторства. В то время были подготовлены два коммюнике, касающиеся положения молодежи. В одном из них, опубликованном в 1963 г., содержался призыв к партии не понукать молодежью. В результате на короткое время у нее появилось больше свободы социального самоопределения⁸. При Совете Министров ГДР также существовало специальное ведомство, занимавшееся вопросами молодежи; правда, его деятельность носила скорее исполнительный характер, т.е. оно занималось решением конкретных задач в рамках общей молодежной политики партии. ССНМ также скорее играл роль исполнителя, хотя и был наделен правом законодательной инициативы. В целом же молодежный союз выполнял главным образом агитационную функцию, связанную с обеспечением одобрения и поддержки политики партии со стороны молодежи. Он должен был доносить ее содержание до молодежи и вместе с ней реализовывать ее на практике. Тем самым ССНМ был, как и многие другие массовые организации, «приводным ремнем», который существовал в интересах скорее СЕПГ, чем собственных потребностей молодежи.

Особенно наглядно это проявилось, когда в пятидесятые годы членов ССНМ активно задействовали в кампании против молодежной работы в церкви⁹, а после постройки Берлинской стены в 1961 г. — в борьбе против прослушивания передач западных радиостанций. И молодежная работа в церкви, и западные радиопередачи пользовались в то время большой популярностью, так что было очевидно, что группы порядка ССНМ, созданные для борьбы с молодежным служе-

нием и «вражескими голосами», никак не отвечали интересам молодежи. Небольшую привлекательность молодежного союза также показали события в связи с более значительными политическими кризисами. Хотя данные о членстве в ССНМ были сильно сфальсифицированы¹⁰, тем не менее из них следует, что как во время народного восстания 17 июня 1953 г., так и в связи со строительством Берлинской стены 13 августа 1961 г. организацию покинули многие ее члены. А с крахом ГДР осенью 1989 г. наступил и крах ее молодежной организации.

Эти наблюдения показывают, что Союз свободной немецкой молодежи в конечном счете был именно той организацией насильственно «осоюзенной или государственной молодежи», о которой предупреждали представители церкви. В качестве кадрового резерва государства СЕПГ Свободная немецкая молодежь предлагала своим членам возможность сделать в ГДР хоть какую-нибудь «карьеру». Это хорошо понимали многие молодые люди (и их родители). Тем не менее, или, лучше сказать, именно поэтому членство в ССНМ рассматривалось как нечто само собой разумеющееся, как нечто обязательное и неизбежное. Его принудительный характер часто осознавали только те, кто не хотел быть членом союза. В своем большинстве это были дети из семей верующих. И именно у них чаще всего возникали проблемы с выбором образования, поскольку, не имея возможности принять участие в акте гражданского посвящения во взрослую жизнь, они тем самым не могли принести «клятву на верность» социалистическому государству, которую этот акт символизировал¹¹.

Неполитический праздник?

Гражданское посвящение во взрослую жизнь

«Если вы, как молодые граждане Германской Демократической Республики... готовы работать в интересах великого и благородного дела социализма и бороться за него, то тогда скажите: да, мы клянемся в этом»¹². С этих слов с 1964 г. начиналась клятва при посвящении во взрослую жизнь в ГДР. Ритуал атеистического посвящения во взрослую жизнь не был изобретен СЕПГ, а позаимствован ею из атеистических

кружков в рабочем движении XIX в. Однако этот ритуал никогда ранее не был столь распространен, как во времена существования ГДР. Причем это был единственный из ритуалов, введенных СЕПГ, который пережил крах ГДР.

Соответствующее решение было принято незадолго до народного восстания 17 июня 1953 г. Цель гражданского посвящения во взрослую жизнь как «одной из основных форм антирелигиозной пропаганды» заключалась в том, чтобы «широко распространять научные и политические знания среди населения»¹³. При этом имелась в виду в основном молодежь, которая ранее, выбирая между предложениями ССНМ и церковью, часто принимала решение в пользу вторых. После ряда попыток, которые сначала не дали ожидаемого результата, в 1956–1957 гг. гражданское посвящение во взрослую жизнь получило статус обязательного ритуала. Хотя участие в нем было якобы добровольным, однако уже скоро оно стало одним из критериев для получения доступа к более высоким ступеням образования¹⁴.

Клятва, начиная с 1958 г., содержала обещание молодых людей «отдать все силы великому и благородному делу социализма». За это их принимали «в большую семью трудового народа, который под руководством рабочего класса и его революционной партии... строит в Германской Демократической Республике развитое социалистическое общество»¹⁵. Характер гражданского посвящения во взрослую жизнь как клятвы на верность социализму был, таким образом, очевиден почти с самого начала. Одновременно решение Политбюро ЦК СЕПГ, на основании которого ритуал был введен, содержит подтверждение антицерковной направленности этой политической меры: гражданское посвящение во взрослую жизнь должно было вытеснить широко распространенные церковные обряды конфирмации и тем самым ослабить церковное служение молодежи. Это СЕПГ действительно удалось.

Церкви тщетно пытались помешать быстрому распространению гражданского посвящения во взрослую жизнь, применяя санкции против участвующих в нем молодых людей¹⁶. Эти санкции могли включать в себя даже отлучение от таинств, что практически означало невозможность участия в главных церковных ритуалах. Однако санкции обеих

церквей ни к чему не привели и лишь породили у многих ее прихожан, в первую очередь у молодых верующих, острый внутренний конфликт с собственной совестью. Молодые христиане были поставлены перед выбором: или отказаться жить христианской жизнью, или поступиться образованием более высокой ступени. Только в конце шестидесятых — начале семидесятых годов последние из земельных церковных организаций прекратили применять свои санкции; хотя в некоторых церковных общинах и в последующие годы молодые люди, принявшие участие в гражданском посвящении во взрослую жизнь, допускались к обряду конфирмации на один год позже, чем другие сверстники, если таковые вообще были.

Привлекательность гражданского посвящения во взрослую жизнь объяснялась не только давлением, которое государство СЕПГ оказывало в сфере образования; образовательный фактор и без того активно использовался при подготовке и проведении этого гражданского акта¹⁷. Подготовительные мероприятия, так называемые «молодежные уроки», часто сопровождалось интересными программами, призванными помочь молодым людям лучше понять общество (социалистическое), в котором они живут. Например, эти программы включали посещение судебных заседаний или даже, начиная с конца шестидесятых годов, сексуальное просвещение. Посвящение само по себе было большим событием. Таковым его делала не столько клятва на верность, сколько завершающий акт — неформальный праздник, нередко в кругу одноклассников. Как и при церковных ритуалах, на первом месте здесь были не столько демонстрация веры, сколько подарки, а также доброжелательные поздравления по поводу присоединения к миру взрослых, тем более что эти поздравления нередко сопровождалось веселым застольем с многочисленными тостами. И так же, как и раньше в случае с конфирмацией, количество участников посвящения уже почти ничего не говорило о его идеологической значимости. Во всяком случае, гражданское посвящение никак не годилось в качестве показателя уровня политической сознательности молодежи.

Ритуал с его клятвой воспринимался многими как нечто такое, что надо было перетерпеть, одновременно используя

его как повод для большого праздника в кругу друзей, который является частью жизненной истории большинства людей, выросших в ГДР. Старательное игнорирование политических и идеологических аспектов посвящения во взрослую жизнь и восприятие его как просто личного праздника в конечном счете обеспечили сохранение этого ритуала и после того, как ГДР прекратила свое существование. Его следствием также стал выход из-под влияния церкви значительной части восточногерманского населения¹⁸.

Равные права, равные шансы?

Молодежь и церковь

«Требование признать верность марксистского мировоззрения ограничивает всеобщее право на образование для верующих граждан. Верующие школьники с прекрасными результатами часто не допускаются к обучению в полной средней школе, поскольку они вместе со своими родителями отказываются от атеистического воспитания. <...> Заявленный основополагающий принцип добровольности участия в гражданском посвящении во взрослую жизнь на практике не применяется»¹⁹. В этом заявлении епископы Готтфрид Нот и Фридрих-Вильгельм Круммахер в 1966 г. пожаловались на то, что верующие дети и молодые люди подвергаются в ГДР сильной дискриминации в сфере образования, что еще больше усиливает атеизацию восточногерманского общества. Действительно, с конца 50-х годов под влиянием церкви находилась только очень незначительная часть молодежи. Она состояла отнюдь не из послушных «зашоренных» верующих, но из уверенных в себе молодых людей с активной жизненной позицией. Церковная работа с молодежью хотя и не могла уже серьезно конкурировать с молодежной работой СЕПГ и ССНМ по количественному охвату молодежи, что имело место в первые годы ГДР, тем не менее в качественном отношении всегда оставалась альтернативой государственной молодежной политике. Церковная работа с молодежью оказалась — в отличие от государственной — на протяжении всего существования ГДР достаточно привлекательной для многих молодых людей.

Отношения между государством и церковью были отнюдь не бесконфликтными. СЕПГ с помощью ССНМ предпринимала попытки помешать работе церквей с молодежью²⁰. Так, в пятидесятые годы молодые люди, активно участвовавшие в жизни молодежных и студенческих церковных общин, подвергались всевозможного рода нападениям вплоть до публичного ostracизма. Агрессивная политика СЕПГ по отношению к церквям и особенно против их молодежной работы в те годы приняла характер настоящей борьбы против церкви. В последующее время СЕПГ постоянно предпринимала попытки помешать проведению церковных мероприятий для молодежи (во время ретритов или каникул) с помощью различных ограничительных предписаний.

Внутрицерковная жизнь также нередко давала повод для конфликтов — со старшими членами общины, сотрудниками церкви и церковными руководителями, которые с неодобрением относились к новым и успешным формам работы. В их числе можно назвать такие, как «церковная служба по-другому» с джазовой и поп-музыкой, мессы под блюз, которые в берлинских церквях собирали тысячи молодых людей; кружки «церковная молодежная работа для всех», превратившиеся в дискуссионную площадку для критически настроенной молодежи; «мастерские мира» как организационная форма работы низовых ячеек церкви, ставших позднее зародышами политической оппозиции в ГДР; и наконец, «народные церковные съезды» в противовес официальным в Евангелической церкви. От некоторых из них впоследствии даже пришлось отказаться, в частности, в 1987 г. от «месс под блюз» и от «мастерских мира»²¹.

Несмотря на такие огорчительные, нередко раздражающие тягости, вызванные желанием церковных иерархов сохранить свои позиции в государстве СЕПГ, церковная молодежная работа стала для многих молодых людей незаменимым альтернативным пространством в общественной жизни. Нигде в другом месте нельзя было столь открыто обсуждать мировоззренческие, этические и политические вопросы, нигде в другом месте нельзя было не только вынести на публичное рассмотрение альтернативные представления о жизненных ценностях, но даже нередко ознакомиться

с ними на конкретных примерах. Такие возможности тем более трудно было переоценить на фоне призывов партии, которая требовала от человека *полной самоотдачи* в интересах построения социализма²² и определяла исходя из этого все стороны его поведения в общественной жизни. Отклонения от линии партии в этом отношении не предусматривались и допускались только в порядке исключения, например при призыве в армию, когда многие юноши по религиозным соображениям принимали решение служить без оружия в строительных войсках. Церкви в таких ситуациях предлагали свою помощь и содействие. Также они очень часто предлагали многим альтернативным молодежным группам техническую поддержку, предоставляя в их пользование средства связи и копировально-множительную технику²³. Так что некоторые из тех заявлений, в которых откровенно высказывалась критика в адрес руководства ГДР, были подготовлены и напечатаны в помещениях церкви, в частности «Рекомендация по духовному попечению военнообязанных», озаглавленная «О церковном служении делу мира» (1965) и направленная против милитаризации общества и против военной службы в целом, а также документы о «мире, справедливости и сохранении творения» (1989), в которых в рамках концилиарного процесса христиане всех конфессий выступили с резкой критикой общественных порядков в ГДР.

Поэтому неудивительно, что многие, в том числе молодые оппозиционеры, были так или иначе связаны с церковью²⁴. Многие из них стали критиками государства, оказавшись в конфликте с ним. При этом эти конфликты часто начинались в сфере образования.

Приспособившаяся молодежь? (I) Молодые люди в системе образования

«Когда мы начали рассматривать все в целом (общество в ГДР) только как игру, многие люди почувствовали, что их провоцируют или критикуют. В старших классах [полной средней школы] эти чувства обострились до предела. Поскольку и там всегда все сводилось к классовой точке зрения. <...> И тогда мы уже натолкнулись на определенные границы. То есть то,

что для меня было более или менее игрой, стало более серьезным, чем игра, поскольку извне последовали меры принуждения»²⁵. Так, одна старшеклассница из Зуля вспоминает о конфликтах во время учебы в школе. То, что именно в образовательных учреждениях наблюдаются конфликты с молодежью, было очевидным фактом, — в конечном счете молодые люди большую часть своей повседневной жизни проводят именно там. В то время как университеты были ареной столкновений между молодежью и государством СЕПГ только в первые годы после образования ГДР, в школах серьезные конфликты возникали даже в последние годы ее существования. Последний в их ряду возник в 1988 г. в связи с исключением школьников и школьниц из берлинской полной средней школы имени Карла фон Осецкого, которые использовали стенную газету для свободного выражения мнений учащихся²⁶.

Аналогичный опыт был у молодежи в различные периоды истории ГДР. Например, в 1968 г. в Кляйнмахноу в связи с новой конституцией ГДР и с начинавшейся Пражской весной²⁷, в Анкламе в 1961 г. в ходе протестов против сооружения Берлинской стены²⁸, в 1950 г. в Вердау, когда молодежь выступила против сталинизации ГДР²⁹. Выговоры были самой мягкой мерой наказания, хотя и достаточно чувствительной для школьников, по сравнению с судебными решениями по делам 15 старшеклассников из Вердау, которые были приговорены к тюремному заключению на срок от двух до пятнадцати лет (в общей сложности на 130 лет). Школьники изготовляли и распространяли листовки против режима СЕПГ. Похожие акции проводили члены «Айзенбергского кружка», группы сопротивления, состоявшей из школьников и школьниц, которые осенью 1958 г. были осуждены на тюремное заключение общим сроком на 114 лет³⁰.

В большинстве случаев молодые люди требовали всего лишь обеспечить право на свободу выражения мнений и провести свободные выборы. Они критиковали монопольное положение СЕПГ в государстве и претензию ССНМ единолично представлять интересы молодежи. Против этого в первые послевоенные годы также выступали студенты различных высших учебных заведений. Они протестовали против требования, согласно которому все студенческие

советы в своей деятельности должны были руководствоваться господствующей партийной идеологией. Среди них был член Либерально-демократической партии Вольфганг Натонек, который вместе с как минимум десятью студентами из Лейпцига был арестован осенью 1948 г., а также Арно Эш, студент из Ростока, который был взят под стражу годом позже. Натонек был приговорен по обвинению в «пособничестве в шпионаже» к 25 годам тюремного заключения, а Эш, которого обвинили в «контрреволюционной деятельности», был приговорен к смерти и казнен в 1951 г.³¹

В последние годы ГДР в высших учебных заведениях в целом царили спокойствие и тишина. Большинство студентов почти никак не проявили себя в мирной революции осенью 1989 г., в редких случаях на самом последнем ее этапе. Благодаря механизмам отбора в системе образования в высших учебных заведениях на протяжении многих лет протестный потенциал был относительно мал. Значительно больше он был среди молодежи, в том числе церковной или так или иначе связанной с церковью, которая зачастую только вследствие увлечения модой и музыкой или по причине своих альтернативных взглядов на жизнь оказывалась втянутой в конфликт с государством СЕПГ. А также среди молодых людей, которые просто самоустранились от участия в официальной общественной жизни.

Приспособившаяся молодежь? (II) Молодежная и досуговая культура

«Движимые любопытством я и трое моих друзей в воскресное утро дня Большого События отправились в центр города. <...> Даже спустя многие годы я не могу забыть те две недели, которые были совсем не похожи на приключение, которое мы ожидали. Но именно с него все и началось. Беззаботное любопытство улетучилось в ситуации, в которой ты чувствуешь себя как тяжкий преступник. На меня это подействовало удручающе. В конечном счете мне было только шестнадцать»³².

Так описывает те дни один из участников столкновений между молодежью и народной полицией и силами госбезопасности 31 октября 1965 г. в Лейпциге, за участие в которых он

был приговорен к 14 дням исправительных работ на одном из угольных разрезов.

Дискуссия по поводу молодежного досуга, пристрастий молодежи в моде и музыке шла, не переставая, начиная с пятидесятых годов. При этом эти пристрастия постоянно менялись, в то время как государство неизменно скептически относилось к стремлению молодежи к свободе времяпрепровождения, так же как оно с неизменным упорством в принципе отвергало и запрещало чрезмерную свободу поведения во всем. В начале пятидесятых годов речь шла о джазе, в конце пятидесятых — о рок-н-ролле, в шестидесятые — о бит-музыке, в семидесятые — о хиппи и о музыке в стиле блюз, а в восьмидесятые главным образом о панках³³. Все эти модные тренды были для государства СЕПГ неприемлемы, а их последователей уничижительно называли «бродягами» и «асоциальными элементами». Причем в первые десятилетия государство действовало на этом направлении с чрезвычайной активностью, рассматривая его как борьбу с «культурным варварством». Против той части молодежи, которая не была готова примириться с социалистическими представлениями о морали и нормах ношения одежды, принимались жесткие дисциплинарные меры контроля и перевоспитания; самых строптивых отправляли в трудовые лагеря и трудовые воспитательные колонии для молодежи³⁴.

Молодежь, отрицая навязываемые ей государством культурные нормы, прибегала к различным формам общественного протеста. Так, в 1965 г. прошла самая массовая молодежная демонстрация в период между народным восстанием 1953 г. и революционной осенью 1989 г. Она состоялась в Лейпциге и получила название «демонстрация за бит-музыку». В ней приняли участие несколько тысяч молодых людей, протестуя против запрета играть современную музыку самостоятельновыми инструментальными группами. Демонстрация была разогнана силами правопорядка³⁵. Спонтанный массовый сбор молодых людей в самом центре города международных ярмарок представил властям в лице Центрального Комитета СЕПГ удобный повод, чтобы в декабре 1965 г. принять в сфере культурной политики радикальные запретительные меры, жертвами которых стали молодежные музыка,

кино и книги³⁶. Только в начале семидесятых годов накануне Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Восточном Берлине СЕПГ несколько смягчила свою жесткую молодежную культурную политику в отношении музыки и моды, хотя и сделала это очень осторожно³⁷. Ограничения продолжали действовать, как это было в случае с запретом рок-группы «Ренфт» в 1975 г. или неоднократных запретов на выступления рок-группы «Фрейганг» в 1981, 1983 и 1986 г., а также многочисленных других музыкальных коллективов. То есть власти продолжали проводить политику репрессий против той части молодежи, которая не желала жить в соответствии с нормами общественного поведения государства СЕПГ.

Несмотря на это, не следует недооценивать перемены в молодежной и культурной политике с начала семидесятых годов. СЕПГ стала уделять больше внимания запросам молодежи, она перестала противодействовать определенным течениям молодежной моды и, учитывая в какой-то мере культурные пристрастия молодых людей, разрешила выпуск и продажу лицензионных пластинок с записями популярных западных исполнителей современной музыки. В преддверии общенациональной встречи ССНМ в 1964 г. было создано молодежное радио DT64. В 1970–1971 гг. была принята специальная программа развития молодежной моды, значительно расширились возможности для занятия танцами, увеличилось количество молодежных клубов и домов культуры. Все эти уступки объяснялись надеждами СЕПГ на то, что таким образом будет оказана «особая поддержка творческому участию молодежи в развитии общественной жизни»³⁸. Этим же целям должны были служить фестивали политической песни, которые стали проводить с 1970 г., и фестивали «Рок за мир» в период с 1982 по 1987 г. На них также выступали известные зарубежные исполнители. Решение о фестивалях было принято после безуспешной попытки через песенное движение адаптировать модные западные музыкальные направления и заинтересовать в такой «переработанной» для ГДР музыке молодежь.

Ограничительная политика СЕПГ по отношению к молодежи в целом и к молодежной музыке в частности привела, однако, к тому, что в ГДР возникла собственная музыкальная

рок-культура. Тексты песен были на немецком языке, поскольку правящая партия не допускала к исполнению песни на английском. Что касается стиля самой музыки, то часто это была смесь, в которой симфонические и джазовые элементы сочетались с жесткими риффами и хорошо узнаваемыми компонентами бит-музыки. Также и вокруг таких рок-групп образовывались фан-сообщества, иногда достаточно многочисленные, члены которых постоянно сопровождали свои кумиров в поездках по стране или собирались в связи с их выступлениями на сольных концертах или песенных фестивалях в ГДР³⁹. Поскольку и при проведении официальных праздников их музыкальная программа в большинстве случаев также включала выступления молодых исполнителей, некоторые из этих государственных праздничных мероприятий со временем превратились в крупные события, собиравшие массы молодежи, которая в их рамках устраивала собственные культурные тусовки. Так город Альтенбург в дни празднования тысячелетия своего образования был переполнен поклонниками блюзовой музыки и хиппи. А спустя десять лет карнавал в городе Вазунген вылился в огромное хаотическое празднование.

Попытки государства взять под свой контроль такие массовые мероприятия часто оказывались неудачными, поскольку было невозможно заранее «просчитать» поведение молодежи. Это относилось и к большим концертам зарубежных звезд, которые приезжали в страну по приглашению СЕПГ или ССНМ в конце восьмидесятых годов, таких как, например, Боб Дилан, Джо Кокер и Брюс Спрингстин. Посещаемость их концертов была иногда значительно выше, чем на Западе, однако эти концерты так и не удалось использовать в целях пропаганды ГДР. Когда Брюс Спрингстин со сцены летнего театра в берлинском районе Вайсензее, имея в виду Берлин как город, разделенный на две части, выкрикнул: «Надеюсь, что однажды все барьеры рухнут!»⁴⁰, то это был недвусмысленный выпад в адрес правящих властей в Восточном Берлине, с которым были согласны большинство молодых людей в ГДР.

К этому времени, т.е. к лету 1988 г., уровень поддержки «своего» государства уже существенно снизился; в следующем

году он достиг своей низшей точки. Начиная с восьмидесятих годов все меньше молодых людей в Восточной Германии идентифицировали себя с ГДР: Если в 1983 г. еще 46% учеников технических школ и 50% учащихся общеобразовательных школ в опросе, проведенном Центральным институтом молодежных исследований, заявляли, что они отождествляют себя с ГДР, то в течение пяти лет эти показатели сократились соответственно до 28 и 16%. А спустя несколько лет, в октябре 1989 г., уровень поддержки стал еще меньше — соответственно 15 и 13%⁴¹. Не менее стремительно улетучилось доверие учеников технических школ к СЕПГ: если с 1970 по 1973/74 г. его уровень вырос с 24 до 47% общего числа опрошенных, то к 1986 г. он сократился до 26%, а к январю 1989 г. даже до 10%.

Рост доверия к СЕПГ в начале семидесятых годов подтверждали и другие показатели. Так, на вопрос: «Вы гордитесь быть молодым гражданином нашего социалистического государства?» — в 1973 г. утвердительно ответили 79% опрошенных школьников десятого класса, в то время как в 1969 г. этот показатель составил только 68%, а пятью годами ранее — 59%⁴². Международное признание ГДР, как и политика разрядки между обоими немецкими государствами, а также прежде всего больший учет потребностей молодого поколения со стороны СЕПГ, видимо, в существенной мере способствовали формированию положительного восприятия ГДР у молодежи. Приведенные данные перекликаются с оценками многих восточных немцев, согласно которым начало эры Хонеккера было «золотыми годами» в истории ГДР⁴³.

До и после этого государство СЕПГ часто выступало прямо-таки как враждебная сила, инструменты и практика молодежной политики которого носили скорее репрессивный, чем доброжелательный характер. Поскольку, с одной стороны, молодежь, которая, по мнению партии, была непредсказуема и эгоистична, постоянно являлась определенным фактором риска, а с другой стороны, СЕПГ рассматривала молодежь в первую очередь как «будущих хозяев страны», как носителя социалистической общественной утопии по образу партии. Поэтому «определяющей целью» молодежной политики было «воспитание классово сознательных социалистов»,

как об этом заявил Центральный совет ССНМ в связи с принятием новой редакции закона о молодежи в 1974 г. В самом законе эта цель была сформулирована как «обеспечение участия молодежи в строительстве развитого социалистического общества»⁴⁴. Спустя два года после возведения Берлинской стены Вилли Штоф провозгласил с видом победителя: СЕПГ предоставляет «наилучшие возможности для того, чтобы воспитать из самых, казалось бы, безнадежных молодых людей честных и социально активных молодых граждан — членов социалистической общности людей»⁴⁵.

Возможно, что эта оценка была сделана исходя из того факта, что Берлинская стена прекратила массовую миграцию молодых людей в Федеративную Республику. Ведь до 13 августа 1961 г. почти половина «беглецов» из ГДР были молодые люди в возрасте до 25 лет⁴⁶. Летом 1989 г., когда в «железном занавесе» в Венгрии образовались первые прорехи, поток беженцев резко увеличился, при этом их большинство опять-таки составляли молодые люди, отправившиеся на Запад в поисках счастья.

Что касается отрезка истории ГДР между 1961 и 1989 г., то молодежь, как и все другие восточные немцы, была вынуждена каким-то образом «договариваться» с государством СЕПГ. Оно, это государство, действительно время от времени (например, между 1963 и 1965 г., а также в начале семидесятых и с середины восьмидесятых годов) предоставляло молодым людям определенное пространство для свободы самовыражения. Но поскольку каждый раз молодежь немедленно его осваивала, государство пыталось вновь его каким-либо образом ограничить. Если молодежь затем пересекала установленные границы, государство СЕПГ в большинстве случаев отвечало на это репрессиями, иногда достаточно суровыми. Большинство молодых людей приспособлялись к этим условиям. Кто-то делал это против собственной воли, многие, возможно, просто не очень обращали внимание на ограничения, существующие в ГДР, а большинство просто воспринимало их как некую данность. Но даже те молодые люди, у которых государство СЕПГ вызывало раздражение, могли чувствовать себя в нем вполне по-домашнему, поскольку здесь были их корни, здесь они проживали свою жизнь. Несмотря на самые

разнообразные ограничения, Михаэль Эренрайх, герой из кинофильма «Солнечная аллея», высказывает в конце ленты то, что думают многие молодые люди в ГДР: «Однажды была маленькая страна под названием ГДР. Это было самое прекрасное время моей жизни, поскольку я был молод и влюблен». Тем не менее у многих из них с возрастом возникало чувство равнодушия по отношению к самим себе и к «их» государству, даже чувство своего рода депрессии, о котором пела рок-группа «Панков» в 1988 г. в песне «Скука»: «Слишком долго вижу одну и ту же страну. / Слишком долго слышу один и тот же язык. / Слишком долго ждал, слишком долго надеялся. / Слишком долго почитал стариков. / Я бежал по кругу, я слишком долго бежал по кругу. / Слишком долго бежал по кругу, ведь ничего не происходило»⁴⁷.

Гунилла Будде*

ЭМАНСИПИРОВАННОЕ ОБЩЕСТВО

Равноправие мужчины и женщины

«Ich bin Kranführer» («я крановщик»), «ich bin Friseur» («я парикмахер»), «ich bin Arzt» («я врач»). Когда восточногерманские женщины так о себе говорили после 1989 г., в их словах звучала определенная нотка упрямства. Они сознательно не использовали женское окончание «-in», характерное для богатого немецкого языка. Особенно в общении с «западными» женщинами они хотели тем самым подчеркнуть: мы, мол, настолько эмансипированы или, лучше сказать, наше общество настолько эмансипировано, что нам хватает форм с мужским окончанием, мы обходимся без добавления женских окончаний «-in» и «-innen», которое в западных землях давно стало обязательным.

Эта языковая особенность Восточной Германии была лишь одним из симптомов распространенного во всей Германии мнения, что ГДР якобы была страной образцовой эмансипации женщин. Ранняя и широкая интеграция женщин в трудовую жизнь зачастую считалась одной из немногих удач в рамках большого эксперимента по преобразованию общества, который в целом потерпел неудачу. Насколько были оправданы громкие заявления о достижении полного равноправия женщин в ГДР? В чем проявились границы эмансипации? И почему стремление самих женщин к эмансипации оказалось ограниченным?

Традиционные семейные обязанности

Начало было многообещающим. Важной вехой стал вышедший вскоре после войны приказ Советской военной админи-

---

* Пер. с нем. Валерия Кузовлева.

страции в Германии (СВАГ) номер 253 от 17 августа 1946 г. под заголовком «Равная плата за равный труд».

В духе времени было «приказано» ввести «равную плату для рабочих и служащих за равный труд, вне зависимости от пола и возраста»¹. Эта инициатива была, правда, обусловлена особыми экономическими факторами того времени: не хватало рабочих рук. Нужны были стимулы. То, что они удачно сочетались с претензиями на эмансипацию, можно оценить как чрезвычайно полезный побочный эффект. Ведь он прекрасно укладывался в концепцию классиков рабочего движения. Еще Карл Маркс, а позже также Клара Цеткин считали, что женский наемный труд и эмансипация неразрывно связаны. Женщины, способные сами обеспечить свое существование, становились, как они считали, независимыми и могли самостоятельно строить свою жизнь.

Принцип, введенный СВАГ, был конкретизирован в Конституции ГДР от 7 октября 1949 г. Статья 7 (часть 1) провозглашала без обиняков: «Мужчина и женщина равноправны». Во второй части той же статьи подчеркивалось, что страна в этой сфере вступает на новый путь: «Все законы и положения, противоречащие равноправию женщины, отменяются». В статье 18 (часть 5) Конституции ГДР записано: «Женщина пользуется особой защитой в сфере трудовых отношений. В соответствии с законами Республики создаются учреждения, дающие женщине возможность сочетать обязанности гражданки и трудящейся с обязанностями жены и матери». Каким революционным этот закон ни казался бы на первый взгляд, идеал семьи, на который он опирался, был тем не менее вполне традиционным.

Дело не только в том, что «домашний труд» оставался в основном уделом женщины. С начала 50-х годов его ценность стала систематически снижаться. В самые первые послевоенные годы общество еще с уважением относилось к многочисленным неработающим солдатским вдовам и матерям-одиночкам, но где-то с середины 50-х по восточно-германской прессе прокатилось несколько кампаний диффамации «простых домохозяек», порой сопровождавшихся едкими замечаниями в связи с их героизацией на Западе. Кульминации они достигли в 1958 г., вылившись в реклам-

ную кампанию по созданию «бригад домохозяек», которую благосклонно сопровождал женский журнал «Фрау фон хойте». Многочисленные статьи под заголовками вроде «Уже не просто домохозяйки», «Домохозяйки помогают выполнять план» или «Нужна каждая пара рук» рассказывали о довольных женщинах, которые наконец-то сумели сделать шаг от плиты к заводскому конвейеру².

В том, что вечером они снова окажутся у плиты, никто не сомневался³. В принятом в 1965 г. «Семейном кодексе» (FGB) можно было не только между строк прочесть о том, на кого в обществе по-прежнему возлагали основную ответственность. Интересны обстоятельства разработки этого кодекса: и первоначальный проект 1954 г., и текст с поправками широко обсуждались в обществе ГДР, причем женщины гораздо более активно участвовали в обсуждении, чем мужчины. «До 30 сентября 1965 г. было проведено 33 973 мероприятия, в которых участвовало 752 671 граждан. Было внесено 23 737 предложений и около 230 поправок»⁴. Эмансипативная направленность Семейного кодекса была четко закреплена в обязанности «супругов так выстраивать свои взаимоотношения, чтобы оба супруга могли полностью воспользоваться правом на раскрытие своих способностей для собственной пользы и на благо общества», а также в статьях, в которых говорилось о равноправном участии обоих супругов в воспитании общих детей. Но при ближайшем рассмотрении кодекса возникает немало вопросов. В преамбуле семья описана как «ячейка общества», которая должна опираться на «ключаемый для совместной жизни брак». Тем самым была вновь зафиксирована старая базовая модель полной семьи — несмотря на все меры по поддержке матерей-одиночек. В той же статье была также несколько урезана совместная педагогическая задача обоих родителей, поскольку там было подчеркнуто, что супруги должны так строить свои взаимоотношения, «чтобы женщина могла совмещать свою профессиональную и общественную деятельность с материнством»⁵. О совмещении профессиональной деятельности и отцовства здесь также речь не шла.

В первых комментариях к Семейному кодексу 1966 г. снова был сделан акцент на равноправии или, точнее говоря,

на равных обязанностях супругов: «О вкладе каждого в семейные расходы члены семьи договариваются сами. Здесь закон исходит из того, что с течением времени могут возникнуть изменения. Часто бывает так, что супруга — в частности, в связи с рождением детей — временно выходит из производственного процесса. Закон также уважает договоренность бездетной семьи о том, что супруга не участвует в профессиональной деятельности. Поэтому уход за детьми и домашняя работа признаются полноценным вкладом в семейные расходы»⁶.

Тот факт, что призыв к разделению труда в семье был скорее формальной декларацией, не в последнюю очередь обусловлен тем, что переосмысление *роли мужчины* было половинчатым. В середине 50-х годов женские журналы, выходившие в ГДР, стали публиковать статьи об участии мужчин в ведении домашнего хозяйства. Но многие фотографии, сопровождавшие эту кампанию, зачастую вызывали улыбку: мужчины, которые в костюме и уличной обуви, надев фартук с рюшами, неумело, стесняясь, моют пол или неуверенно пробуют самодельный суп, производили на читателя впечатление «перевернутого мира»⁷. Даже просто участие мужчины в домашнем труде — не говоря уж о его равноправном разделении — в обществе ГДР не воспринималось как нечто нормальное⁸. «Мужчины, вы помогаете своим женам по дому?» — спрашивал в феврале 1962 г., например, сотрудник радиостанции «Радио Котбус» своих слушателей. А в рамках передачи «Женский форум» Берлинского радио в апреле того же года был передан репортаж под заголовком «Мужчины поддерживают своих жен в домашней работе»⁹.

Так что не было никаких сомнений в том, кто несет главную ответственность за семью и домашнее хозяйство. «Я подкаблучник?» — такой вопрос журнал «Фюр Дих» в январе 1963 г. вложил в уста мужчины, который был готов взять на себя по крайней мере часть домашних обязанностей¹⁰. В конечном счете иллюстрированные журналы ограничились статьями о том, как мужчины хозяйничают на кухне 8 марта, в «Международный женский день».

После предварительного показа фильма, снятого по заказу Объединения свободных немецких профсоюзов (ОСНП/ FDGB) к Международному женскому дню 1969 г., было заявлено

но: «Ни в коем случае не должно сложиться такое впечатление, что мужчины только к Восьмому марта равноправно берут на себя обязанности по ведению домашнего хозяйства и воспитанию детей». Этот короткометражный фильм, отражавший два дня из жизни семей в ГДР, действительно мог оставить такое впечатление. Кадры с подписью «8 Марта» показывают молодого отца с детской коляской, который отвозит детей в ясли, супруга, застилающего кровать, еще один мужчина чистит раковину, другой заваривает кофе, в то время как их жены, выполняя указания режиссера, «в хорошем настроении» сидят на своих рабочих местах, «и у каждого рабочего места стоит букет весенних цветов». Затем в фильме показан «следующий день». «Неторопливо, обмениваясь фразами, мужчины проходят через заводскую проходную, среди них есть также девушки. Несколько женщин торопливо подбегают, проходят через проходную. Первую смену они уже отработали»¹¹.

Даже партийное руководство признавало наличие такой проблемы. В апреле 1966 г. Инге Ланге, заведующая Женским отделом Центрального комитета СЕПГ, выступая с лекцией в Высшей партийной школе имени Карла Маркса, с непривычной резкостью высказалась о необходимости «перевоспитания» мужчин.

«Недавно в западногерманском женском журнале “Констанце” была опубликована серия статей, — отметила она. — Она вышла под общим заголовком “Величайшее чудо на востоке — это женщины”. Статьи были написаны вполне прилично, без злобы, и они более или менее объективно отражали реальные достижения наших женщин. Но я считаю, что величайшее чудо, совершенное нашими женщинами, состоит в том, что более 70% из них работают, хотя в разделении семейного труда между мужчиной и женщиной по сути ничего не изменилось. Конечно, есть много мужчин, которые катают детей в коляске, ходят в магазин, иногда даже помогают стирать белье и убираться по дому. Среди партийных, профсоюзных и хозяйственных руководителей мы также найдем много мужчин, которые прекрасно относятся к женщинам и в сфере, за которую они отвечают, делают всё для поддержки и развития женщин. Тем не менее мы никак не умалим уже достигнутых успехов, если сегодня заявим, что огромная

идеологическая задача по воспитанию у всех мужчин по-настоящему социалистического отношения к женщине пока еще окончательно не решена»¹².

Интересен тот факт, что эту тему подхватила кинокомедия, снятая в 1971 г. под названием «Мужчина, который сменил бабушку» и имевшая большой успех у восточногерманских кинозрителей. Ее сюжет довольно прост: бабушка, которая до сих пор вела домашнее хозяйство в семье художника, состоящей из пяти человек, переживает «вторую весну». Поэтому ей на смену приглашают мужчину, работа которого поначалу вызывает всеобщее недовольство. В заявке на прокат фильма, поданной компанией «VEB Progress Film-Vertrieb» в феврале 1972 г., читаем следующее: «Серьезная тема, поднятая в фильме: насколько тяжело справиться с ведением домашнего хозяйства и организацией семейной жизни пяти человек наряду с напряженной профессиональной деятельностью, раскрывается через неожиданный поворот сюжета (мужчина-домработник) и забавные происшествия с большой долей реализма. Этот сюжетный ход подтверждает до сих пор распространенное предубеждение, что домашняя работа — это нечто несерьезное и заниматься ею положено женщинам. Зритель видит парадоксальное противоречие между реальным поведением людей и интеллектуальной оценкой этого поведения. Ценность фильма состоит в том, что он не замалчивает проблемы и противоречия, с которыми мы сталкиваемся в жизни. Удовольствие, которое зритель получает от фильма, обусловлено непринужденным юмором, с которым его создатели подходят к этим проблемам. <...> Для кинозрителей ГДР, не избалованных удачными кинокомедиями отечественного производства, это станет хорошим вкладом в копилку веселых фильмов о нашей социалистической современности»¹³.

О том, как восточногерманские «домохозяйки» тогда восприняли «непринужденный юмор» в отношении все еще несбалансированного разделения труда между мужчинами и женщинами, остается лишь гадать. «Счастливый» финал фильма, когда господин Графунда оказывается всего лишь социологом, который пишет диссертацию о трудящихся женщинах и подменил бабушку только в исследовательских целях,

вновь превращает в макулатуру комедийно-критический анализ устоявшегося распределения ролей в семье. Господин Графунду на его посту сменяет неработающая супруга руководящего работника, которой собственная домашняя нагрузка оказалась недостаточной.

Таковы были политические и кинематографические события, которые в начале 70-х годов обрамляли восточногерманскую семейную политику. В отличие от ситуации 50-х годов, когда речь шла прежде всего о полной интеграции матерей в рынок труда, ее акцент теперь явно сместился в сторону материнства¹⁴. Этот переход произошел на фоне симптомов, явно свидетельствовавших о том, что идеальный образ женщины социализма, которая работает полный рабочий день и одновременно включена в «нормальную семью», все меньше соответствовал реальности. Во-первых, все больше матерей переходили от полной к неполной занятости, во-вторых, постоянно росло количество разводов и, в-третьих, стремительно сокращалась рождаемость¹⁵. Женщина первых лет ГДР, занятая полную рабочую неделю, уступила место на пропагандистской арене «нашей мамочке»¹⁶. После VIII съезда СЕПГ в ГДР была разработана концепция семейной политики на ближайшие годы под девизом «влияние на репродуктивные функции семьи» — на бытовом жаргоне «политика мамочек». В частности, 9 марта 1972 г. был принят «Закон о прерывании беременности», который разрешал аборт за счет медицинского страхования в течение первых трех месяцев беременности. Принятие этого закона восточногерманскими законодателями не было обусловлено прежде всего требованиями женщин¹⁷, как это было примерно в то же время по другую сторону Стены, где аналогичные требования с большим подъемом выдвигало «новое» женское движение. Новые нормы скорее отвечали целям семейной политики ГДР, ориентированной на демографию. Под лозунгом «желание иметь ребенка» упор делался на «желательную» беременность, был также принят ряд социально-политических мер, направленных на укрепление этого желания. Среди них — различные варианты сокращения рабочей недели, позволявшие женщинам уделять больше времени семье и воспитанию детей. Работницам после рождения предоставлялся — несколько раз

продлявшийся законодателями — «послеродовой отпуск»¹⁸, а затем даже так называемый «бэби-год». Кроме того, женщина получала ежемесячно один день отгула «на домашние работы»¹⁹. Тем самым правительство СЕПГ, с одной стороны, отдавало дань тяготам домашнего труда, а с другой — еще больше закрепляло за женщиной ответственность за семейный быт. Предоставляя женщинам такие льготы на рабочем месте, оно в то же время создавало условия для возникновения зависти и неприязни в «трудовом коллективе».

Как и в текстах законов, принятых в первые годы ГДР, роль отцов в этих мерах правительства оставалась незначительной. Инге Ланге, которая десятилетием раньше еще решительно выступала за «новых отцов», которые серьезно относятся к семейным обязанностям, к середине семидесятых, очевидно, изменила свою концепцию. Если отвлечься от официальных речей, то «ее» семейная политика была ориентирована исключительно на материнство. Когда Анита Грандке в беседе с ней предложила, чтобы «права, предоставляемые матерям в трудовом процессе, были также даны отцам, если они оба работают» и что, например, «после рождения ребенка супруг мог бы взять бэби-год», специалист по семейному праву получила решительный отпор. «Она [Инге Ланге] мне сказала: Не порть мне глупой болтовней о мужчинах мою прекрасную семейную политику»²⁰.

Карьерные ограничения остаются

Но сколь полезными бы ни были государственные меры поддержки и сами государственные институты, все меры, ориентированные исключительно на женщин, закрепляли за ними ответственность за семью, вновь ограничивая свободу действий женщины. Не в последнюю очередь это ограничивало возможности для их профессионального развития. Летом 1975 г. Институт изучения общественного мнения ГДР начал исследование о «положении женщины в семье и обществе». Социологи хотели выяснить, «какие перемены произошли в мышлении граждан по этому комплексу вопросов, особенно после VIII съезда СЕПГ». Кроме того, опрос «должен был способствовать получению более точной картины об эффек-

тивности социально-политических мер по поддержке семьи и трудящейся матери»²¹. Один из результатов этого исследования обеспокоил Инге Ланге, которая передала все ответы Эриху Хонеккеру с рекомендацией обсудить их на ближайшем заседании ЦК. В частности, она имела в виду тот факт, что уже невозможно скрыть растущее недовольство среди женщин — прежде всего «представительниц интеллигенции».

Они, как выяснилось, были менее склонны к рождению детей и вообще довольно скептически относились к возможности совмещать работу и семейные обязанности.

Поскольку в 50-е годы и в начале 60-х на рынке женского труда больше внимания уделяли интеграции, чем квалификации, с середины 50-х годов жизнь трудящимся матерям облегчали детские ясли и сады — прежде всего это относилось к женщинам, работавшим в промышленности и сельском хозяйстве. В то же время в течение долгого времени отставала организация муниципальных дошкольных учреждений, а также детских садов при больницах или вузах. Этот факт обходили молчанием, прикрываясь реляциями об общем росте количества мест в детских садах и яслях²². Согласно этой статистике в 1955 г. имелось 98 444 групп продленного дня и 13 460 детских садов и яслей, пятью годами позже их уже было соответственно 188 069 и 20 255. Тем не менее даже в конце 60-х годов спрос на детские учреждения еще не был полностью удовлетворен. Женщинам, работавшим учителями, судьями или врачами, приходилось в городских учреждениях вступать в конкуренцию с большим количеством «более срочных случаев», нередко им отказывали в предоставлении места для ребенка. Женщины с высшим образованием, вынужденные посвящать хотя бы часть дня уходу за детьми, подвергались к тому же определенной дискриминации как представители интеллигенции. Молодым и, как правило, высококвалифицированным женщинам приходилось заискивать перед заведующими детсадами и яслями²³. Женщина, работавшая в сфере науки, жаловалась: «Жизнь здесь зачастую затрудняет то обстоятельство, что оба супруга являются молодыми учеными — например, младшими научными сотрудниками. Я не раз сталкивалась с тем, что такой сотруднице не давали места в яслях, приводя следующий аргумент: вы же

можете не работать, ваш муж и так хорошо зарабатывает!»²⁴ Интересы женщин с высшим образованием, которых в ГДР называли «представительницами интеллигенции», попали в поле внимания государства лишь в начале 60-х годов. Под впечатлением от новой волны беженцев на Запад в конце 50-х, среди которых преобладали молодые, высококвалифицированные мужчины, в 1961 г. власти опубликовали заявление «Женщина, мир и социализм», в котором впервые было открыто указано на дискриминацию «представительниц интеллигенции»²⁵. Тем самым была запущена кампания по использованию «женского резерва». Разрабатывались планы кадрового развития: женщины, занимавшие прежде позиции в нижнем и среднем звене соответствующей структуры, выдвигались на руководящие посты.

Постепенно складывались подходящие условия для образцовых женских карьер. В середине 50-х годов доля девушек среди студентов вузов не достигала до 25%. К началу 70-х годов доли юношей и девушек в вузах Восточной Германии почти сравнялись. В некоторых сферах, требовавших высшего образования, также сложился баланс полов. В 1975 г. 47,9% врачей, например, были женщины, количество женщин-судей также приблизилось к числу коллег мужского пола. Тем не менее не во всех секторах этих профессий женщины были представлены в равной мере. С одной стороны, здесь по-прежнему оставались «типично женские» специальности: женщины явно преобладали среди педиатров и гинекологов, судьи по семейным делам также были преимущественно женского пола.

В то же время на руководящих постах женщин было по-прежнему очень мало. В научной области женщины занимали, как правило, подчиненное положение, их доля среди профессуры до самого конца ГДР была столь же низкой, как и в Западной Германии: в 1954 г. доля женщин-профессоров составляла 2,8%, в 1964 г. — 3,6%²⁶. Руководительниц рабочих групп в академиях, женщин-главврачей, женщин-министров или женщин-директоров предприятий было ничтожно мало. Даже легендарные легионы женщин-инженеров в Восточной Германии — это в значительной мере миф: большая часть этих женщин были не инженерами в тради-

ционном понимании этого слова, а сотрудницами смежных профессиональных сфер²⁷.

Так что запланированная «смена элит» пошла на пользу женщинам значительно позже. В ГДР меры по переформатированию рядов интеллигенции по признаку социального происхождения осуществлялись решительно и довольно эффективно. Что же касается эмансипации женщин, то она не укладывалась в схему «государства рабочих и крестьян» и поэтому долго оставалась в тени. Характерное для диктатур предоставление привилегий прежде «угнетавшимся» слоям могло обернуться обратной стороной для женщин, которые раньше получали высшее образование как представительницы «буржуазных слоев». Даже успешно отучившись в вузе, женщины зачастую терпели неудачу в профессиональном плане. В начале 60-х годов даже в кругах общественности ГДР, лояльных к СЕППГ, часто слышались жалобы на то, что женщины с вузовским дипломом или научной степенью вынуждены работать по рабочим специальностям, не имея перспективы служебного роста. В моду вошло выражение «слишком высокая квалификация».

Ситуация была противоречивой: в 60-е годы, когда полным ходом шла кампания по продвижению женщин на руководящие посты, одновременно осуществлялись меры по поддержке семьи, в центре которых была забота о матерях. Восточногерманские женщины в это время получали все большую моральную и материальную поддержку, если следовали своему «естественному призванию». Но одновременно от них ожидали успеха в профессиях, требовавших высокой квалификации. Со стороны государства им внушали мысль, что социально-политические привилегии открывают перед ними все пути, но на уровне предприятия те же самые привилегии служили аргументом для сдерживания их карьерного роста. Женщинам, попавшим в столь странную ситуацию, приходилось к тому же выслушивать критику о «субъективном» несоответствии, поскольку государство якобы устранило для них все структурные барьеры. С одной стороны, социальная политика государства была направлена на совместимость семьи и профессии, но совмещению семьи и успешной карьеры она, наоборот, не способствовала.

Снижение интереса к политике

«Я женщина в обществе, которым руководят мужчины», — пела женщина-бард Барбара Тальхайм в 80-е годы, когда для подобной критики «шутовская свобода» уже не была обязательной. Деятели СЕПГ уже за несколько лет до этого скрепя сердце признали существование такой проблемы, хотя промахи государственной политики они оправдывали «субъективными» факторами.

Возникали трудности даже с привлечением девушек и молодых женщин на работу в Союзе свободной немецкой молодежи (ССНМ/FDJ). Распространившаяся после 1945 г. «усталость от политики» сохранялась в женской среде, очевидно, особенно долго. На первых конференциях ССНМ вновь и вновь поднимался вопрос аполитичного поведения женщин. «Мы не хотим отнимать у наших девушек возможность мечтать, но хотим, чтобы они мечтали в ленинском духе», — говорила одна из руководителей Демократического союза женщин, первая жена Эриха Хонеккера Эдит Бауман на первой конференции девушек ССНМ 13 июня 1958 г.²⁸ Хотя количество мужчин и женщин в ССНМ и в Объединении свободных немецких профсоюзов (ОСНП/FDGB) было примерно равным, в руководстве этих организаций женщин было очень мало. Доля женщин в СЕПГ с 1952 по 1960 г. выросла с 22,7% лишь до 23,7%²⁹. Еще в 1987 г. Эрих Хонеккер сетовал на то, что среди первых и вторых секретарей райкомов партии доля женщин колебалась всего лишь от 5,7 до 8,7%³⁰.

Немногие женщины-руководители «первого призыва» СЗО/ГДР, как правило, строили карьеру на основе иных критериев, чем женщины следующего поколения. Анализ «Биографического справочника СЗО/ГДР» показывает, что среди женщин, родившихся с 1880 по 1925 г., число женщин, работавших на руководящих постах в партиях и массовых организациях, составило 84³¹. Среди них лишь 16 обладали высшим образованием (большой частью педагогическим), восемь из них в 60-е годы получили высшее образование заочно или закончили высшую партийную школу. Большая часть руководителейниц (61%) были до этого служащими, после окон-

чания общеобразовательной школы прошли профессиональную подготовку по специальности «конторская служащая», «секретарь-машинистка», «специалист по торговле», «воспитательница детского сада» или «медсестра». 57 женщин (почти 68%) были членами СЕПГ, десять — членами Либерально-демократической партии Германии (ЛДПГ/LDPD), пятеро — Христианско-демократического союза (ХДС/CDU), четверо — Национально-демократической партии Германии (НДПГ/NDPD), восемь не входили ни в какую партию. Семь женщин получили руководящие или близкие к власти посты, очевидно, не в последнюю очередь благодаря влиятельности своих мужей или отцов. 41 женщина (т.е. почти половина), будучи в свое время членом Коммунистической партии Германии (КПГ/KPD) или Социал-демократической партии Германии (СДПГ/SPD), имели «антифашистское» прошлое, отсидев срок в тюрьме или концлагере.

Женщины с высшим образованием — такие как Хильде Беньямин, Грета Кукхоф (с 1950 по 1958 г. председатель Немецкого центрального банка) и Мария Торхорст (министр образования Тюрингии), получившие его еще до 1933 г., были редким исключением. По сравнению с другими женщинами, которые работали прежде всего на среднем управленческом уровне, они действительно занимали ключевые посты. Это еще раз подтверждает вывод о том, что женщинам для успешной карьеры был необходим более высокий образовательный уровень, чем для коллег мужского пола. Из трех женщин-министров и пяти женщин, работавших в должности заместителя министра, высшего образования не имела только Маргот Хонеккер³².

Из мужчин, занимавших министерские посты в ГДР с 1949 по 1989 г. (131 человек), не имели диплома о высшем образовании 53 человека³³.

Поколением позже условия для выстраивания карьеры изменились. Во-первых, после того как схлынул энтузиазм, характерный для первых послевоенных лет, число функционеров-женщин снова сократилось. Во-вторых, доля руководителей-женщин с высшим образованием превысила 73%. Намечившаяся с середины 50-х годов тенденция роста образовательного уровня женщин, занимавших руководящие

посты, началась раньше и была более радикальной, чем аналогичная тенденция среди руководителей-мужчин. Наличие социалистического или коммунистического прошлого, служившее важнейшим «политико-биографическим» фактором для выстраивания карьеры в период ранней ГДР, теперь все более вытеснялось — прежде всего у женщин — наличием «образовательного капитала». Теперь женщине без высшего образования практически не приходилось рассчитывать на успешную карьеру; наличие вузовского диплома, а еще лучше защищенной диссертации стало обязательным условием.

У коллег-мужчин замена политического капитала на образовательный происходила значительно медленнее. Среди 612 мужчин-руководителей, родившихся с 1880 по 1925 г., дипломом о высшем образовании обладали всего 136 человек, или примерно 22%. Среди 486 представителей руководящего звена, родившихся в период с 1926 по 1945 г., высшее образование имели уже 208 человек, т.е. более 42%: по сравнению с предыдущим поколением их доля удвоилась. По сравнению с женщинами-руководителями обоих поколений доля мужчин с вузовским дипломом была на 30% ниже, чем соответствующий показатель для женщин на руководящих постах³⁴. Несмотря на столь высокие требования по отношению к женщинам, стремившимся сделать политическую карьеру, ключевые позиции в ГДР вплоть до объединения Германии занимали почти исключительно мужчины. Многие помнят еще, наверное, фотографии Совета министров ГДР, где среди седовласых мужчин выделялась разве что подкрашенная в лиловый цвет прическа Маргот Хонеккер.

Ограниченное стремление к эмансипации

А имеет ли вообще смысл — казалось, задавались вопросом многие женщины — бороться за абсолютную эмансипацию? Многие женщины, получившие высшее образование, очевидно, хорошо подумали о том, стоит ли вообще пробиваться на самый верх. Ведь в ГДР карьерный скачок редко сразу же приводил к улучшению материального положения. В то же время подъем по карьерной лестнице почти всегда был связан

с многочисленными новыми общественными обязанностями и требовал абсолютной лояльности к государству. Поэтому многие обладательницы вузовского диплома считали, что им будет проще и удобнее работать на низшем или среднем управленческом уровне. С одной стороны, женщины могли тогда сами выбирать, в какой мере проявлять свою лояльность. С того момента, когда профессиональный рост требовал подтверждения политической лояльности, он переставал быть мерилom «эмансипации» в истинном смысле этого слова, т.е. мерилom «высвобождения из состояния зависимости». Напротив, отказ женщин с высшим образованием, которых государство считало «перспективными», от дальнейшего карьерного роста скорее свидетельствовал об их автономии по отношению к попыткам государства навязать им определенные модели поведения.

В 60-е годы участились — разумеется, «совершенно секретные» — сетования партийных кадровиков на то, что, несмотря на все усилия, не удастся найти женщин, готовых занять руководящие посты. За этими сетованиями скрывалось растущее количество уверенных в себе женщин, которые сами хотели определять линию своей жизни. Тот факт, что такая позиция наблюдалась прежде всего в профессиях, связанных с наукой и правом, объясняется тем, что в этих сферах, где раньше доминировали мужчины, к проникавшим туда женщинам предъявлялись особые требования. Попав в мужскую среду, женщина постоянно находилась в центре внимания, постоянно должна была доказывать свою компетентность. Аргументы, мешавшие продвижению женщин на руководящие должности, могли быть ими использованы в собственных интересах.

Государственные органы практически ничего не могли поделать с этими строптивыми женщинами. «Большинство женщин высказывали желание стать научным сотрудником, а не преподавателем вуза», — такой вывод о позициях женщин содержится в исследовании, проведенном в 1968 г. в университете города Росток³⁵. Ставка научного сотрудника в издательском проекте Академии наук, которую занимала германистка Бригитте Лёйшнер, не была трамплином для занятия высоких должностей, но была неплохо оплачиваем-

мой, квалифицированной работой, не связанной с особыми требованиями в плане лояльности³⁶. Философ Рита Кучински, двумя десятилетиями позже поступившая на работу в Академию наук, также сумела найти там для себя научную нишу. «Я стала специалистом по отказу от карьеры. Я упрямо отказывалась от всех политических функций, и мне ничего за это не было. Меня много раз пытались заманить на карьерный путь»³⁷. Для музыковеда Ингеборг Аллин решение о том, чтобы остаться «на средней палубе» и не вступать в партию, было связано с некой «шутовской свободой», которую она очень ценила, имея перед глазами коллег-мужчин, сделавших большую карьеру³⁸.

К такой стратегии могли также прибегнуть и мужчины с высшим образованием. Но, в отличие от коллег-женщин, они находились под гораздо более сильным карьерным давлением, так что им было гораздо труднее остановиться на определенной ступеньке карьерной лестницы. Они не могли пристроиться в закоснелой мужской структуре высшей школы, отказавшись от дальнейшего карьерного роста. Хотя некоторые женщины с настоящими карьерными амбициями в этих обстоятельствах по-прежнему чувствовали себя ущемленными, другие женщины, которые в условиях государства под руководством СЕПГ предпочитали отказаться от карьеры, могли сослаться на эти обстоятельства в качестве аргумента для отказа. Женщины с высшим образованием, которые отказывались от запланированного для них повышения квалификации, подвергали тем самым критике, более или менее открытой, неспособность государства под руководством СЕПГ сломать в интересах женщин барьеры, сложившиеся внутри профессиональных сообществ. Чтобы избежать судьбы «работника со слишком высокой квалификацией», которая часто выпадала на долю женщин, они досрочно обрывали свой карьерный рост и пристраивались на должностях низшего или среднего уровня, находя в этом определенные позитивные моменты. У мужчин не было, как правило, приемлемого выхода из русла повышения квалификации и подъема по карьерной лестнице, что же касается женщин, то они искали и находили аргументы для отказа от дальнейшей карьеры.

60-е годы были периодом, когда женщины стали активно — и, как правило, успешно — отстаивать свои интересы по отношению к государству. Теперь, когда со всех сторон начался поиск «женщин, готовых развиваться», когда на кадровые службы стали оказывать давление, заставляя их регулярно демонстрировать женщин с образцовой карьерой, когда официальная идеология была направлена на всестороннюю поддержку женщин, сами женщины все чаще проявляли смелость, чтобы сказать «нет». Когда женщины почувствовали, насколько для государства важно по идейным и экономическим соображениям демонстрировать миру образцовых женщин, добившихся успеха в жизни, они осознали, что обладают влиянием и определенной властью. «Нуждающиеся в развитии женщины» прекрасно поняли, что сами могут решать, до какой карьерной ступеньки им стоит подниматься. Если же они соглашались на карьеру, которой от них ожидало государство, то они хотели хотя бы сами определять темп ее отдельных этапов. Они заставляли чиновников, которые управляли их карьерой, запастись терпением. Из всех университетов поступали однотипные неутешительные отчеты: «академический отпуск», «рождение ребенка», «время для семьи», «накапливание практического опыта» — такие аргументы приводили женщины, предпочитавшие «деятельность в качестве научного сотрудника»³⁹. Чтобы окончательно не потерять этих женщин как потенциальных ученых, партийное руководство с явным недовольством сделало вывод о том, что «эти пожелания необходимо в определенной мере учитывать»⁴⁰.

Десятью годами позже эту женскую строптивость по-прежнему укротить не удалось. В 1971 г. Министерство высшего и среднего специального образования ГДР заявило, что ряд научных сотрудников-женщин «принципиально отказываются от повышения квалификации» и «на данный момент еще не готовы однозначно определиться в политическом плане»⁴¹.

* * *

В литературе женщины отразили свое упрямство, не только создав образы строптивых героинь, но и возродив старин-

ный жанр. В карикатурно-фантастических историях со смешной половых ролей они не раз пародировали официальные заявления о женщинах, которые способны заменить мужчин, оставаясь при этом женщинами. От женщин на руководящих постах, например, постоянно требовали мужских качеств, что вело к размыванию границ между полами. На смену «очарованию» должно было прийти «разочарование», острое критики было направлено на преодоление стереотипов и косности в вопросах взаимоотношений между полами. «Высокие истины людям лучше понятны, когда они облачены в невероятные одежды» — так Валеска, героиня произведения Ирмтрауд Моргнер, объясняет использование художественного приема целительной путаницы.

Все эти метаморфозы строились на превращении женщины в мужчину, подводя читателя к выводу о том, что мужское бытие лишь на первый взгляд более привлекательно, чем женское. Криста Вольф особенно ярко пишет об этом в новелле «Опыт на себе»⁴². Поначалу превращение героини в мужчину вполне отвечает ее ожиданиям. Работавшая прежде научным сотрудником в исследовательской группе, героиня после своего превращения сразу же отказывается от подчиненного положения: «На следующее утро я стала руководителем нашей группы». Но вскоре она раскаивается в том, что затеяла такой эксперимент. «Не зная или не желая того знать, я все же была шпионом в тылу противника и выяснила, что именно должно остаться вашей тайной, чтобы ваши удобные привилегии сохранились. Я выяснила, что ваши авантюры, в которых вы постоянно путаетесь, не приносят вам счастья, и что мы имеем право на сопротивление, когда вы хотите нас в эти авантюры втянуть»⁴³. Отказом от правил мужского мира, которые она воспринимает как ночной кошмар, от которого она сама поспешно пробуждается, чтобы вновь обрести свое — полностью так и не преодоленное — женское самосознание, героиня Кристи Вольф сформулировала принцип жесткого сопротивления главенству мужской модели жизни. Авторы-женщины более позднего времени — профессор математики Хельга Кенигсдорф («Неуместные мечтания») и филолог Моника Марон («Летучий пепел») — в 80-е годы всей душой согласились с Кристой Вольф.

На самом деле все литературные истории, в которых женщины превращались в мужчин, подвергали серьезному сомнению не только господствующие модели идеальных жизненных проектов, но и принцип равноправия, который в 70-е годы казался незыблемым. Но акцентирование различий при отказе от обусловленной этими различиями дискриминации породило критику государственной политики, которая не предлагала ничего иного, кроме мер, направленных на то, чтобы женщина могла следовать мужской карьерной модели.

Выводы

И все же это были лишь отдельные голоса в стройном хоре женской благодарности. К тому обстоятельству, что многие женщины в ГДР вполне позитивно воспринимали свою «неполную эмансипацию», добавлялось постоянное близкое соседство Запада. Когда они сравнивали себя не с восточногерманскими мужчинами, а с западногерманскими женщинами, им было трудно оценить пропасть между риторикой и реальностью эмансипации, увидеть в дарованной государством эмансипации также ее теневые стороны. Они были слишком многим обязаны государству, так что их оценки были неизбежно положительными. Но взгляд через стену становился для них «волшебным зеркальцем», которое постоянно подтверждало, насколько их собственное положение «лучше», чем положение сводных сестер на Западе. На этом фоне женщины могли, очевидно, смириться с тем, что они не «министр», не «главный врач» и не «директор завода».

КРИСТОФ КЛЕСМАН*

УГРЮМАЯ ЛОЯЛЬНОСТЬ И ПРЕКРАСНАЯ ПОКАЗУХА

Рабочие в «государстве рабочих»

Среди народных демократий в восточной части Центральной Европы, как ни странно, только Болгария, экономически наиболее отсталая страна, официально именовала себя «государством рабочих». Все другие предпочитали словосочетание «государство рабочих и крестьян», из них ГДР использовала его охотнее остальных. Хотя при этом она заявляла о себе как о наиболее последовательной продолжательнице социалистических и коммунистических традиций рабочего движения. Однако в политическом и идеологическом отношении важным был только «ведущий рабочий класс». Такое определение само по себе вызывало много вопросов, будучи предметом постоянных обсуждений партийных функционеров, как и социологов в ГДР, которые, правда, никогда не приводили к удовлетворительным результатам. Поэтому, как метко иронически отметил Петер Хюбнер, существовал один рабочий класс в кавычках и один рабочий класс без оных¹.

По официальным данным, «рабочий класс» в 1988 г. включал 88,3% общего количества занятых граждан, т.е. почти все работающее население страны. Предложение говорить о «трудящихся»² было бы по этой причине вполне разумным. Действительно, неудержимая тенденция, повсеместно наблюдаемая в современных индустриальных обществах, не обошла стороной ГДР: число рабочих быстро сокращалось, а число служащих увеличивалось. Поскольку Социалистическая единая партия Германии (СЕПГ) с шестидесятых годов в статистике учитывала обе категории работников как «рабочий класс», то тем самым этот идеологический постулат был сохранен, несмотря на то что он никак

---

* Пер. с нем. Игоря Шматова.

не соответствовал новой социально-исторической реальности, вследствие чего официальные данные статистики были совершенно непригодными для использования. Реально же, согласно переписи населения 1981 г., рабочие составляли только 54,4% общего числа занятого населения, из них 31,7% работали по производственным профессиям и 22,7% — по «другим рабочим профессиям» с достаточно широко понимаемым содержанием³.

Была ли ГДР государством, в котором эти — как бы их ни определяли — рабочие образовывали ведущий класс? Разумеется, нет, и это знает каждый, кто более обстоятельно занимался его историей. «Рабочий класс» «возглавлял» и им же руководил политический авангард — в его трактовке ленинизмом, т.е. СЕПГ. Это означало диктатуру маленькой властной элиты по отношению к трудящемуся классу вместо «диктатуры пролетариата», о которой писал Маркс. Кроме того, СЕПГ громогласно заявляла о том, что она обеспечит реализацию важнейших целей рабочего движения и построит в ГДР лучшее общество, чем буржуазно-капиталистическое общество в Федеративной Республике. Эта претензия постоянно разоблачала себя сама ввиду диктаторской практической политики, проводимой властями. Тем не менее определенный интерес представляет вопрос о том, являлась ли заявленная СЕПГ претензия чистой пустой пропагандой или политика партии, возможно, имела какие-то социальные последствия. Ответить на этот вопрос значительно сложнее, чем дать отрицательный ответ на вопрос о «ведущем» классе.

Такие же вопросы можно было бы задать (и они на самом деле задавались), имея в виду национал-социализм, а именно: какие элементы его идеологии были «восприняты» в среде рабочих и повлияли на них. Соединять реакционную нацистскую диктатуру, основанную на идеологии расизма, с понятием социализма, которое, несмотря на многочисленные искажения, возникло из традиций Просвещения, было просто противоестественно. Тем не менее это никак не помешало национал-социалистам успешно использовать созданную ими систему. Социальная демагогия и на практике вполне доказывала, что она достаточно эффективно воздействует на рабочих, у которых еще были свежи воспоминания о расколе

рабочего движения и массовой безработице в последние годы Веймарской республики. В этой связи здесь можно было бы назвать различного рода пропагандистские социально-политические жесты с мощной символикой на предприятиях или мнимо эгалитарные предложения, как, например, досуговая программа «Сила через радость». Между псевдосоциалистическими мерами нацистов и социализмом в его советском варианте не было какой-либо идеологической преемственности. Тем не менее кажется вполне обоснованной постановка вопроса о социальной значимости основных элементов пропаганды в (тоталитарных) диктатурах применительно к обеим системам, какими бы различными или даже противоположными они ни были.

Традиции и надежды

Для истории Советской оккупационной зоны (СОЗ) характерно в первую очередь явное стремление демонстрировать преемственность с традициями немецкого рабочего движения в его коммунистической и социал-демократической форме. Обновление 1945 г. после конца кровавой нацистской диктатуры породило среди основной массы трудящихся большие ожидания и надежды. Хотя для социал-демократической ветви рабочего движения, которое на Востоке возродилось быстрее, чем в западных зонах, объединение Коммунистической (КПГ) и Социал-демократической (СДПГ) партий в 1946 г. под давлением советских оккупационных властей и стало переломным моментом. Однако оно тем не менее не смогло полностью уничтожить старые традиционные идеалы, которые продолжали оказывать свое влияние, по крайней мере на протяжении нескольких последующих лет.

Вне всякого сомнения, после конца войны среди членов и сторонников КПГ и СДПГ существовало сильное стремление к единству. Не случайно Центральный совет СДПГ в своем обращении от 15 июня 1945 г. в связи с учреждением партии — в отличие от КПГ — так отчетливо сформулировал это желание создать единую партию: «Мы прежде всего хотим вести борьбу за преобразование страны на почве организационного единства немецкого рабочего класса! Мы видим

моральное искупление политических ошибок прошлого в том, чтобы дать в руки молодому поколению единую политическую боевую организацию. Знамя единства как сияющий символ должно вести нас вперед в политической агитации трудового народа!»⁴

Широкое стремление к единству явно ослабло уже осенью 1945 г. как следствие организационной стабилизации обеих партий и ввиду опыта общения СДПГ с представителями Советской оккупационной зоны (СОЗ), которые оказывали предпочтение КППГ. Важную роль при этом также сыграла позиция председателя восточногерманской СДПГ Отто Гротевоя. Вплоть до Конференции шестидесяти (из представителей КППГ и СДПГ) в декабре 1945 г. он принадлежал к противникам быстрого организационного объединения. Давление советских властей и бесперспективность любой альтернативы (например, на основе самороспуска СДПГ) постепенно подталкивали к вступлению в Социалистическую единую партию Германии (СЕПГ), и Гротеволь, возможно из оппортунистических соображений, возглавил движение в этом направлении⁵.

Надежда на обеспечение собственного влияния внутри новой единой партии и на сохранение социал-демократической идентичности отнюдь не казалась функционерам и членам СДПГ иллюзорной, как это представляется в ретроспективе. Тем более что принцип паритета был заложен в уставе СЕПГ, и даже в первое время ему следовали на практике. К тому же процесс объединения происходил в общеполитических условиях в Германии, которые еще не были подвержены влиянию открытой холодной войны. К этому следует добавить, что накануне объединения функционер КППГ Антон Аккерман выдвинул тезис об «особом немецком пути к социализму» и тем самым обозначил для многих политический ориентир, который тогда казался весьма многообещающим. Вольфганг Леонхардт подробно описал тот большой резонанс, который вызвал этот тезис⁶. Однако уже в течение последующих полутора лет стало очевидно, что такие надежды — это не более чем иллюзия. Выяснилось, что речь шла об исключительно коммунистическом расчете на то, чтобы обеспечить в новой партии командные

высоты. «Единство — это вопрос СДПГ, вследствие чего она исключается из процесса», — записал Вильгельм Пик еще весной 1944 г., находясь в политическом изгнании в Москве. Тем самым он в одной фразе по-военному кратко сформулировал стратегию зависимого от Москвы руководства КПГ⁷. Тогда это еще не было осознано полностью. В самой Германии повсеместно в быстро возникших антифашистских комитетах (под различными самоназваниями) и в стихийно образованных производственных советах часто и с учетом печального опыта в «Третьем рейхе» налаживалось сотрудничество между коммунистами, социал-демократами и представителями буржуазных партий. Цель создания единой профсоюзной организации, несмотря на все коммунистические интриги, также имела в то время большую притягательную силу в практической работе профсоюзных организаций на Востоке и на Западе страны⁸. Однако не позднее 1947 г. и в атмосфере стремительно нарастающей напряженности между Востоком и Западом в целом этот период надежд завершился.

Эгалитаризм и нормы в обществе дефицита как постоянная проблема

Наряду с надеждами на единство в ходе восстановления промышленных предприятий в СОЗ в условиях разрушения всех общественных структур возникли настроения уравниловки, которые были очень созвучны определенным основополагающим социальным убеждениям и которые приняли устойчивый характер. Они выразились в стихийном неприятии рабочими сдельной оплаты труда и дифференциации заработной платы. Этот эгалитаризм первых послевоенных лет просуществовал недолго, однако, несмотря на кампании, пропагандирующие ударничество, дух соревнования в трудовых коллективах и сдельную заработную плату, так и не был полностью преодолен, тем более что он отвечал фундаментальным идеологическим идеям СЕПГ, которые не допускали произвольной интерпретации. В 1948 г. в среднем только 30% производственных рабочих были охвачены сдельной оплатой труда⁹.

Так как повышение нормы выработки ставило под угрозу фактическую заработную плату, многие трудовые коллективы пытались избежать последовательного введения системы сдельной заработной платы. Так, Объединение свободных немецких профсоюзов (ОСНП) было вынуждено, подводя итоги работы в 1949 г., констатировать, что хотя были рассмотрены сотни тысяч норм выработки, тем не менее, как правило, эти меры имели своим следствием не установление новых, а подтверждение старых норм. «Так называемые “мягкие” нормы, — заявил Клаус Эверс, — явились, таким образом, вполне понятным средством политики заработной платы на предприятии, чтобы, утрированно говоря, отстоять системы сдельной оплаты труда, не отвечающие интересам рабочих, и одновременно провести повышение заработной платы, не отвечающее интересам государства»¹⁰.

Можно было бы в этой связи даже сказать: главная беда экономики ГДР в известной мере была порождением первых лет ее существования. Эгалитаризм, возникший как реакция на бедственное положение страны, по прошествии нескольких лет в условиях диктатуры принял устойчивый характер, поскольку более высокие трудовые результаты не компенсировались за счет более высокого потребления. Ориентиром для рабочих при этом оставался «Запад», который в равной степени являлся реальностью и мифом. Там после валютной реформы и с началом построения социального рыночного хозяйства также очень быстро шла дифференциация заработной платы, однако этот процесс был связан с быстрым общим экономическим подъемом. Хотя на первом этапе также быстро росла и безработица. В ГДР, напротив, настроения внутреннего неприятия официальной политики в сфере заработной платы еще больше усиливались внешними обстоятельствами и силой привычки, так что «правлящей» партии не удалось, да это было и невозможно, радикально переломить эти настроения и обеспечить желаемое и экономически необходимое повышение производительности. Низкая производительность так и осталась ахиллесовой пятой социализма СЕПГ.

Противодействие «мягким» нормам выработки, которые утвердились в исключительной ситуации, было главной

целью инициированного в 1948 г. ударнического движения. Следующим шагом стала разработка «технически обоснованных норм выработки» (ТНВ), которые должны были обеспечить действительный прорыв и заменить тщательно оберегаемые «гибкие нормы» (т.е. нормы выработки, которые можно было легко выполнить и перевыполнить). После дискуссии по поводу сдельной оплаты труда это был новый этап скрытного, а в какой-то мере и открытого противостояния между партией, ОСНП и трудовыми коллективами. Особенно оно обострилось в ходе введения коллективных трудовых договоров, которые после 1961 г. заменили традиционные территориальные трудовые соглашения. Проблемы возникли в первую очередь с тем, чтобы избавиться от любых ассоциаций со старыми методами определения норм выработки. «Вновь и вновь технически обоснованные нормы выработки путают с нормами капитализма, с системой REFA (нем. аббревиатура названия имперского комитета нормирования рабочего времени. — *Перев.*)», — констатировало в 1950 г. руководство ОСНП, обращаясь к широкому кругу профсоюзных организаций¹¹. Разъяснить трудовым коллективам принципиальную разницу схожих методов было безумно сложным делом в отсутствие обещанных благодеяний «государства рабочих». Хотя и имелось в виду, что новые нормы будут не как раньше «спускаться сверху», а совместно разрабатываться всеми заинтересованными сторонами, тем не менее их цель в конечном счете оставалась прежней. К тому же методы по системе ТНВ и методы нормирования труда по системе REFA времен Веймарской республики почти ничем не отличались друг от друга.

Отдельные конфликты по вопросам заработной платы, нормирования труда и надбавок за высокопроизводительную работу накануне восстания 1953 г. вылились в один массовый конфликт, поскольку СЕПГ не смогла осознать степень взрывоопасности принимаемых мер по повышению норм выработки. После восстания все эти конфликты утратили свою остроту, так как СЕПГ отказалась от грубых мер принуждения и стала действовать более осторожно. Однако сама проблема так и осталась постоянно действующим фактором на протяжении последующей истории ГДР.

Ранние формы сопротивления рабочих против «государства рабочих»

В истории движения сопротивления в СОЗ и в ранней ГДР прослеживается много параллелей с историей рабочего движения и трудовых коллективов в первые годы «Третьего рейха». Ее анализ и соответствующая историческая оценка также порождают сходные методологические проблемы. Однако она, что следует учитывать, развивалась в контексте быстро усиливающегося противостояния между Востоком и Западом в виде «холодной гражданской войны» (Патрик Мейджор)¹².

Активное организованное сопротивление, а также катергорическое, ориентированное на традиции неприятие мер властей имели место только в первые годы существования ГДР. Со временем это сопротивление ослабло, поскольку с укреплением позиций властей, с созданием политической полиции и службы государственной безопасности (в 1950 г.) меры подавления оппозиции стали более эффективными, а риски, связанные с участием в протестных акциях, возросли. Особенно пострадало Восточное бюро СДПГ как одна из наиболее активных организаций в движении сопротивления¹³. Сохранить старую систему доверенных лиц и «приграничных секретариатов», на которую опиралось Восточное бюро, не представлялось возможным. Кроме того, нелегальная работа часто носила дилетантский характер, так что число жертв никак не оправдывало достигнутые результаты. Акты саботажа были исключением, хотя все они тщательно регистрировались службой безопасности, которая видела за ними происки «людей из окружения Шумахера» или «членов СДПГ – врагов единства» в ОСНП. Более широкий размах получило распространение листовок, главным образом с помощью воздушных шаров с территории Федеративной Республики. В архивных документах Восточного бюро СДПГ можно отыскать много сообщений доверенных лиц из отдельных предприятий и по месту жительства, датированных концом сороковых – началом пятидесятых годов. Они отражают настроения людей и часто информируют о непродолжительных забастовках, о беспорядках и арестах, количество

которых особенно возросло весной 1953 г. и после подавления восстания 17 июня. Эта информация перерабатывалась в виде листовок или частично использовалась в передачах западных радиостанций. Так, западноберлинская радиостанция РИАС регулярно с 5.35 до 5.40 передавала сообщения под заголовком «Будни в зоне». Иногда таким образом можно было оперативно проинформировать слушателей о забастовках и арестах. Листовки, в большинстве издаваемые массовыми тиражами, в качестве опознавательного знака имели эмблему в виде трех стрел и надписи «Единство, свобода, мир». Материалы листовок часто отражали политические позиции СДПГ и затрагивали в агитационном стиле того времени внутренние и международные вопросы, а также конкретные социально-политические проблемы или такие темы, как, например, милитаризация праздника 1 Мая в ГДР¹⁴.

Тонкая сеть информаторов, особенно информаторов на предприятиях, продолжала существовать многие годы, оставаясь постоянной головной болью органов безопасности. Их постоянные предупреждения быть бдительными, поскольку «социал-демократизм» выступает в различном обличье, как и ссылки официальных доверенных лиц производственных коллективов на силу влияния социал-демократических традиций среди рабочих, во всяком случае свидетельствуют, что СЕПГ так и не смогла решить эту проблему ни до, ни после 17 июня. Как было отмечено в докладе федерального управления ОСНП в июле 1951 г., «недостаточная эффективность борьбы против социал-демократизма объясняется в том числе тем, что руководство профсоюзных организаций не имеет полного представления о формах проявления социал-демократизма»¹⁵. Если применить стереотипные характеристики «социал-демократизма», которые содержал этот доклад, для определения того, в чем «правящий класс», по мнению властей, проявляет недостаточную верность линии своего «авангарда», то в числе его прегрешений окажутся такие, как: «практицизм, недооценка теории, концентрация исключительно на профсоюзной деятельности, отрицание ведущей роли СЕПГ и Советского Союза, оппортунизм, нежелание решать возникающие проблемы, недостаточная связь с массами, усиление профсоюзной бюрократии». Критические

вопросы, которые обсуждались в то время в трудовых коллективах на отдельных предприятиях и на которые обратили внимание авторы вышеупомянутого доклада, позволяют сделать достаточно конкретный вывод о настроениях, получивших распространение не только среди рядовых граждан, но даже среди части партийных активистов. Вот некоторые из этих вопросов: «Какое отношение ОСНП имеет к СЕПГ? Производственный коллективный договор — это инструмент эксплуатации! Что такого нового мы, немецкие квалифицированные рабочие, можем узнать от русских? Нам нужна оппозиция, в ГДР вновь должна быть разрешена деятельность СДПГ. Нам больше не нужны профсоюзы, так как они все равно не борются против повышения норм выработки»¹⁶.

Постоянные атаки СЕПГ и руководства ОСНП против этих распространенных форм идеологических отклонений и «ложного сознания» были выражением отчаянных попыток отказаться от части традиций, которые они сами усвоили в 1946 г. и которые теперь оказались неприятной занозой в собственном теле, и наконец-то привить рабочему классу политические идеи, выгодные его самозваному авангарду. Формы и острота полемики менялись в зависимости от общей политической обстановки. Но ее тематика продолжала оставаться в политической повестке и в последующие годы, поскольку властям никогда не удавалось полностью убедить большинство трудящихся в подавляющих преимуществах «их государства». Особенно масштабными и жестокими были принимаемые в этих целях меры накануне и после восстания 17 июня 1953 г., поскольку это восстание показало правящей верхушке СЕПГ, какие опасные последствия могут порождать остатки до конца не преодоленных традиций. «Социал-демократизм» как угроза оставался навязчивой идеей руководства СЕПГ.

Трудно ответить на вопрос, как долго могли существовать эти остатки социал-демократической среды (и могли ли вообще) ввиду мощного давления извне и роспуска традиционных организационных форм существования. Отвечая на него, придется в основном исходить из того, что вынужденная эрозия началась достаточно рано, порождая замещающие формы, в рамках которых формирующиеся новые среда и организа-

ционные структуры могли оказывать определенное влияние в духе «социал-демократизма». Конкретные социально-исторические исследования, проведенные в таких бывших цитаделях социал-демократизма, как Фрайталь, Шмёлън и Альтенбург в Саксонии или на верфи «Нептун» в Ростоке, дают в этом отношении материал для определенных выводов¹⁷, которые, однако, трудно использовать для более широких обобщений.

Восстание 17 июня 1953 г. — рабочие бунтуют против своего «авангарда»

В отношении оценки катастрофических последствий решений 2-й партийной конференции 1952 г. как важной части предыстории восстания 17 июня практически нет разногласий. На ней СЕПП приняла решения о «планомерном построении социализма» по сталинскому образцу. Последовавшие затем новые политические репрессии в принципе ударили по всем слоям населения. Что касается рабочих, то они пострадали главным образом вследствие форсированного развития тяжелой промышленности, недофинансирования производства потребительских товаров, милитаризации народного хозяйства и драматического ухудшения снабжения населения в целом. Поэтому уже в конце 1952 г. по стране прокатилась волна забастовок, часто в связи с несправедливым распределением премиальных и рождественского денежного вознаграждения. Особенно массовый характер забастовки приняли в Магдебурге. Их количество, как и количество «подстрекательских лозунгов», особенно увеличилось в первые месяцы 1953 г. Налицо были все признаки процесса политизации населения¹⁸.

Здесь мы не будем описывать события, непосредственно предшествовавшие восстанию, его ход и подавление¹⁹. Тем не менее в этом контексте необходимо подчеркнуть один элемент, касающийся противостояния внутри предприятий после подавления восстания. Оно является важным индикатором коллективной готовности рабочих участвовать в конфликте и массовости народного восстания, которое было инициировано рабочими и в котором они принимали

наиболее активное участие. Солидарность с «зачинщиками» и «провокаторами», а также нежелание отмежеваться от них, что приветствовалось, были формами сопротивления, возможного только под защитой всего коллектива, против абсурдной диффамации восстания как «фашистского путча». Очевидно, что в этом противостоянии также в известной мере проявилось самосознание «ведущего класса», выступившего против тех, кто претендовал на роль выразителей его интересов, но не выражал их. Даже официальные источники, как показали Клаус Эверс и Торстен Квест, наглядно свидетельствуют, насколько трудно было функционерам выступать на предприятиях²⁰. Даже если не учитывать последующие отдельные забастовки в июле 1953 г., в этих акциях массового противостояния на предприятиях на протяжении недель и месяцев после восстания нашел убедительное подтверждение тезис о том, что восстание 17 июня после его подавления военной силой далеко не закончилось.

В Восточном блоке восстание было самым ранним актом демифологизации права коммунистической партии стать авангардом «рабочего класса». Фундаментальное значение восстания в истории не только рабочего движения в ГДР, но и в истории ГДР в целом трудно переоценить. Можно говорить о двух долгосрочных последствиях 17 июня. Рабочий класс на собственном горьком опыте осознал, что открытое выступление против СЕПГ (и тем самым косвенно против Советского Союза) связано с огромными рисками и при этом имеет минимальные шансы на успех. Чтобы отстоять собственные интересы, в последующие годы для этого выбирались другие и скорее «более мягкие» формы сопротивления против СЕПГ и ОСНП. История трудовых бригад дает хороший наглядный материал того, как на ограниченном пространстве производственные коллективы могут вполне успешно и относительно безболезненно саботировать меры по повышению норм выработки или ухудшению условий труда. С другой стороны, «партия рабочего класса», хотя и представила восстания как «попытку контрреволюционного путча», в свою очередь извлекла уроки из шокирующих событий, когда только благодаря вмешательству Советской армии она смогла удержаться у власти. Отныне не отстаива-

ние любой ценой целей скорейшего построения социализма, а учет интересов «ведущего класса» и требований социальной политики стал ее важной долгосрочной задачей.

Созидательный энтузиазм и ритуалы диктатуры СЕПГ

Восстание 1953 г., несомненно, является впечатляющим доказательством огромного разрыва между правящей верхушкой и основной массой населения. Тем не менее было бы упрощением сводить историю СЕПГ и поддерживающей ее верхушки профсоюзного движения и «блоковых» партий только к репрессиям и адаптации. В конечном счете надо было постоянно поддерживать работу всех звеньев огромного аппарата партии и государства. Кроме того, для многих социализм ГДР, несмотря на «детские болезни», являлся альтернативой повсеместно хулимой «реставрации» в Федеративной Республике. Не только среди функционеров, но и рядовых членов партии было немало убежденных людей, с неподдельным энтузиазмом участвовавших в развитии страны и гордившихся ее особыми достижениями. Их поощрение и различные ритуалы, используемые в этих целях, были *не только* помпезными церемониями; одновременно они воспитывали у граждан определенные эмоциональные привязанности. Особенно это касалось отдельных сфер жизни на этапе становления ГДР как государства. В качестве одного из наиболее характерных примеров я назову город Сталинштадт, показательный объект, призванный продемонстрировать успехи страны в развитии тяжелой промышленности ранней ГДР²¹. Другим примером такого же рода был город Хойерсверда, о котором так ярко написала Бригитте Рейман.

Ни восторженные дифирамбы по поводу бурных лет возрождения, когда «вкалывали по полной», ни язвительные комментарии Запада, смакующие допущенные ошибки, не могут адекватно передать особую эмоциональную атмосферу на металлургическом комбинате «Восток», заложенном в 1950 г., или отобразить новую социальную среду, сформировавшуюся в Сталинштадте (после 1961 г. Айзенхюттенштадт). Очень разные люди, по различным мотивам приехавшие

в Сталинштадт, создали в городе мир огромного разнообразия отношений и норм поведения. «Здесь нет ни чванства, ни снобизма», — писал еженедельник «Зоннтаг» в 1955 г. в репортаже о «городе без прошлого», в котором наряду со множеством хвалебных слов были и критические высказывания. «Большинству молодых инженеров на своем рабочем месте не хватало белых накрахмаленных воротничков. Сознание того, что мы вместе строим новое, видимо, особенно сильно в Сталинштадте. Воспоминания о закладке первого камня в фундамент завода, о задувке первой доменной печи, о первых новосельях никогда не исчезнут из памяти».

Коллективизм и ощущение общности дела были главными впечатлениями, о которых в интервью рассказывают участники тех событий. У всех у них присутствовало чувство гордости за то, что они построили в тяжелых условиях. Выводы из интервью, взятых Дагмаром Земмельманом, позволяют составить общее представление о первом поколении «первопроходцев». Видимо, на первом месте для них были шанс получить постоянную работу, хорошие возможности заработать, лучшее материальное обеспечение и квартира. Но в то же время и «обаяние, исходящее от огромной стройки, от процесса возникновения чего-то совершенно нового, в который можно было вложить свою собственную энергию». В то же время явные политические мотивы, такие как сознательное участие в социалистическом эксперименте, встречались редко. Бюро трудоустройства также искали скорее рабочих, чем «классовых борцов».

Что же спустя годы сохранилось в ГДР от этого трудового энтузиазма, который можно было наблюдать не только в рамках такого яркого проекта, как Сталинштадт? На этот вопрос едва ли можно дать обобщающий ответ, поскольку рабочие и работницы в «государстве рабочих» ГДР не были единым классом, а представляли в высшей степени сложное образование, в котором каждый и каждая в различные моменты времени демонстрировали различные модели поведения — в зависимости от возраста, воспитания, квалификации и места работы. На всех этапах существования ГДР среди рабочих имели место моменты одобрения и лояльности, которые не были маргинальными. Но были и массовые репрессии, и бегство миллио-

нов на Запад. Так же нельзя недооценивать влияние горького опыта в связи с насильственным подавлением восстания 17 июня 1953 г. как коллективно пережитого события, который во многом предопределил поведение рабочих в последующие десятилетия. Однако воспоминания о 17 июня постепенно стирались, и сегодня мы почти ничего не знаем о том, насколько они были переданы более молодым поколениям.

Производственные бригады как позитивный опыт пребывания в трудовом коллективе

Осознание принадлежности к «ведущему классу» на практике было на самом деле весьма важным фактором, который во многом определял характер разрешения социальных конфликтов на предприятии. Главную роль при этом могли играть производственные бригады, которые были созданы в ранние пятидесятые годы и с 1959 г. стали называться «бригадами социалистического труда», что должно было придать им больший идеологический вес и идеологически «облагородить». Рюдигер Зольдт в своем исследовании, проведенном на комбинате «Шварце Пумпе» (Хойерсверда), дает им следующую емкую характеристику: они были местом для обсуждения повседневных проблем на предприятии, инструментом для осторожного «выторговывания» приемлемых норм выработки и заработной платы, но также одновременно формой объединения людей, которая заменила многие другие организации по интересам. По своему полуофициальному и получастному характеру бригады, таким образом, вполне можно было назвать элементом «пивнушечного социализма»²².

Убедительное подтверждение удивительно положительной оценки бригад также можно найти в материалах опросов бежавших на Запад рабочих, проведенных «Инфратестом» в 1956–1957 гг. Представленная в них общая картина жизни рабочих в ГДР в условиях диктатуры носит противоречивый характер. В то же время большинство опрошенных с симпатией вспоминают производственные бригады²³.

Положительная оценка роли бригад и в целом трудовых коллективов не означала признания диктатуры СЕПГ. Тем не менее здесь мы имеем дело с очень эффективной связующей

силой, которая кажется таковой только в ретроспективе. Особенно это относилось к «бригадам социалистического труда», которые стали чрезвычайно популярными в эру Хонеккера. Поскольку «новый человек» во главе партии надеялся, что массовое соревнование за имя «бригады социалистического труда» и связанные с этим денежные поощрения, с одной стороны, обеспечит большую лояльность рабочих, которая была очень мала. С другой стороны, он рассчитывал, правда напрасно, на то, что движение «бригад социалистического труда» даст импульс насущно необходимому повышению производительности труда. Поскольку она всегда была значительно ниже, чем в Западной Германии.

Для интерпретации противоречивых данных важно рассматривать их не изолированно друг от друга. Если не говорить о движении «Дадим 150% нормы», то для рабочего класса более характерным было нерасторжимое сосуществование одобрения и неприятия, приспособленчества и брюзжания, послушания и протеста. Альф Людтке нашел для этого явления меткое выражение «угрюмая лояльность»²⁴. Возможно, что СЕПГ даже сумела бы заручиться большей поддержкой трудовых коллективов, если бы формы их участия в управлении производством не оставались бы столь выхолащенными и не имеющими никакого значения. Их бессодержательность с неизбежной логикой вытекала из марксистско-ленинского характера правящей партии, которая не хотела и не могла отказаться от своих всеобъемлющих прав на руководство и контроль и поэтому должна была подавлять любые попытки создать элементы рабочего самоуправления по образцу Югославии или — в 1956 г. — Польши.

Шансы на образование и социальный рост как связывающие силы

Еще одним элементом, который наряду с коллективизмом на рабочем месте, особенно в пятидесятые и шестидесятые годы, делал государство в определенной степени привлекательным для низших слоев, были большие шансы на социальный рост. Для создания атмосферы лояльности это был — несмотря на негодование, вызываемое репрессиями,

и плохую организацию производственного процесса – весь-ма значимый фактор. При этом необходимо дополнительно учитывать тогдашний контраст с Федеративной Республикой, в которой восстановленная трехуровневая система школьного образования выполняла функцию сильной социальной селекции. Одновременно в ГДР дети из «буржуазных», в первую очередь верующих, семей, несмотря на успешную учебу, почти не имели возможности продолжить ее в средней (полной) или в высшей школе, что являлось оборотной стороной «позитивной дискриминации» рабочих и крестьян. Здесь можно было бы привести множество мер в сфере образования и школьной политики. Созданные в конце сороковых годов «рабоче-крестьянские факультеты» (РКФ), просуществовавшие до 1963 г., были теми учреждениями, особенно высоко ценимыми на Востоке и одновременно осмеянными на Западе, которые были призваны продемонстрировать «разрушение буржуазной монополии на образование». Задача РКФ заключалась в том, чтобы «подготовить способную рабоче-крестьянскую молодежь к учебе в высшей школе». Количество выпускников РКФ составило 35 тыс.²⁵ В долгосрочном плане эта особая поддержка детей из рабоче-крестьянских семей не прижилась. С шестидесятых годов все большее значение начинает вновь приобретать фактор одаренности. Кроме того, «социалистическая интеллигенция», пролетарская по происхождению, теперь также требовала для своих детей доступ к более продвинутым формам образования. Тем самым каналы социального роста постепенно закрывались. С начала шестидесятых годов в ГДР наблюдалась стагнация количества студентов вследствие очень жесткой политики ограничения доступа к высшему образованию, в то время как в Федеративной Республике оно стремительно увеличивалось²⁶.

Двойственная и исчезающая лояльность

Как рабочие в шестидесятые годы реагировали на экономические реформы «Новой экономической системы» (НЭС), начатые Ульбрихтом и активно продолженные после него, точно установить едва ли возможно. НЭС должна была, с одной стороны, предоставить предприятиям больше само-

стоятельности по отношению к центральной плановой бюрократии, а с другой — усилить конкуренцию и повысить рентабельность. Это, в частности, означало рационализацию за счет сокращения избыточных рабочих мест или большую мобильность в их смене. Рабочие по-разному реагировали на новую ситуацию: одни заняли позицию осторожного сопротивления или не проявляли к заявленным мерам никакого интереса, другие скорее приветствовали реформы, поскольку ожидали от них улучшения экономических показателей. Во всяком случае, рабочие не были виноваты в неудаче НЭС, хотя в основном «консервативно» настроенные трудящиеся и не были в восторге от реформы, так как на первом этапе она порождала много социальных рисков. Неудача реформы имела, в первую очередь, политические причины. Ослабление контроля над предприятиями было чревато, с точки зрения некоторых высших функционеров в окружении Хонеккера, утратой руководящей монополии партии. С приходом Хонеккера к власти в 1971 г. были не только восстановлены старые централистские структуры плановой экономики. В то же время была принята программа «Единство экономической и социальной политики», на основе которой новый Генеральный секретарь предполагал, в том числе, совершить новые благодеяния в сфере социальной политики (строительство жилья, поддержка семьи, бюджетные субсидии на продукты питания и квартирную плату). Новый генсек полагал обеспечить за счет этих мер большую лояльность населения, в первую очередь рабочего класса. В течение многих лет эта политика была вполне успешной, поскольку никто точно не знал, в каком размере эта форма «гуляш-коммунизма» финансировалась с помощью кредитов Запада, т.е. за счет новых долгов. Однако очень скоро разрушительные последствия такой политики стали очевидными для всех.

Во второй половине восьмидесятых годов, согласно закрытым эмпирическим исследованиям института проблем молодежи в Лейпциге, происходит драматический процесс утраты молодыми рабочими эмоциональных связей со «своим государством». С высказыванием «я чувствую глубокую связь с ГДР» в 1985 г. были полностью согласны 57% опрошенных молодых рабочих (без учеников на производстве)

и согласны с оговорками 39%. В октябре 1988 г. это были соответственно только 19 или 58%, в то время как 23% почти или совсем не поддерживали это высказывание²⁷. Еще откровеннее, чем, например, опрошенная группа студенческой молодежи, рабочие высказывали свое неодобрение «социализма в цветах ГДР». При этом определяющими мотивами для них, очевидно, были экономические, социальные и политические моменты. Парализующая бесперспективность жизни в ГДР в зримо меняющемся мире, в том числе в других странах Восточного блока, престарелая правящая верхушка, управляющая «государством рабочих», и возможность через западные средства массовой информации получать аутентичную информацию привели к тому, что идеологически обласканный рабочий класс отвернулся от системы. Рабочие подавали заявления о выезде на постоянное жительство за границу или, как это было в кризисную ситуацию ранней осени и зимой 1989 г., массово бежали или переселялись на Запад. Какую роль при этом играли не только материальные, но политические аспекты недовольства, показывает доклад института молодежных проблем в Лейпциге за 1987 г., подготовленный на основе бесед с членами молодежных бригад, в которых в подтексте содержался намек на горбачевскую «гласность». В докладе говорилось: «Молодые рабочие все решительнее выступали прежде всего за такой же открытый и критический стиль информирования нашими средствами массовой информации, как и в Советском Союзе. Ожидания перемен стремительно усиливаются, и наши средства информации оцениваются все критичнее... Под влиянием этих политических настроений молодые рабочие выступают на различных форумах, собраниях и т.д., причем часть из них все откровеннее и даже агрессивней, обсуждая свои вопросы и мнения нередко в очень заостренной форме»²⁸.

Рабочие как «уехавшие» и как избиратели ХДС в 1990 г.

После того как 17 октября 1989 г. Хонеккер был вынужден уйти в отставку, его место занял Эгон Кренц, многие годы председатель молодежной организации «Свободная немецкая

молодежь», а позднее член Политбюро и секретарь ЦК СЕПГ по вопросам безопасности, государственного строительства и правовым вопросам, а также отвечающий за молодежную и спортивную политику. Кренц заявил о начале политического «поворота», однако для заслуживающего доверия смены курса время уже ушло. Во время демонстраций в Лейпциге и других городах ГДР лозунг правозащитников «Мы народ», под которым они протестовали против монополии СЕПГ на власть, все чаще трансформировался в лозунги «Мы один народ» и «Германия, единое Отечество», т.е. в требование скорейшего воссоединения с Западной Германией. Можно исходить из того, что все идеи социалистических экспериментов реформирования общества и «третьего пути» между капитализмом и социализмом не были восприняты прежде всего в рабочей среде. Только экономически сильная Федеративная Республика обещала быструю помощь, чтобы покончить с нищенским существованием в «государстве рабочих» с полностью разрушенной экономикой. «Здесь уже ничего не спасти» — под таким заголовком журнал «Шпигель» опубликовал в 1989 г. репортаж о рабочих ГДР и об их отношении к священнослужителям, социализму и воссоединению²⁹. Высокий процент рабочих среди желающих уехать из страны говорил сам за себя. Согласно статистике министерства госбезопасности ГДР, в 1988 г. среди граждан, пытавшихся бежать из страны, и наиболее злостных заявителей на получение разрешения на выезд за рубеж на постоянное место жительства 78% «по своей социальной принадлежности относились к рабочему классу»³⁰. Значительная доля рабочих среди избирателей, отдавших на мартовских выборах 1990 г. свои голоса за партию Христианско-демократический союз, подтверждает, насколько низкого мнения был прежде «ведущий класс» о социализме и социальных экспериментах. Вопреки тогдашним прогнозам, 55,4% рабочих проголосовали в ГДР за консервативный избирательный союз «Альянс за Германию», созданный по инициативе Гельмута Коля, и только 22,2% за Социал-демократическую партию Германии и 11,9% за Партию демократического социализма³¹. То, что эта начальная эйфория, вызванная непомерно завышенными ожиданиями, позднее после конца ГДР и в связи

с колоссальным разрушением всей промышленной структуры в девяностые годы быстро обернулась глубоким разочарованием, было одним из следствий «пикирования в единство» (Ярауш). Большинство рабочих хотели этого, но оно же после краха промышленных предприятий особенно больно ударило по ним самим.

Краткий итог

Было ли заявление СЕПГ о том, что она впервые на немецкой земле построила «рабоче-крестьянское государство», пустой фразой, ничего не значащей в социальном отношении и лживой в политическом? Политически лживой — несомненно, но отнюдь не ничего не значащей в социальном отношении. То, что «диктатура пролетариата», которую Маркс и Энгельс предсказывали для переходного периода, после 1948 г. очень скоро превратилась в диктатуру политической бюрократии СЕПГ над пролетариатом, быстро стало очевидным как для рабочего класса, так и для всего населения. Однако слишком простые ответы на кажущиеся простыми вопросы могут легко направить по ложному пути. ГДР не только следовала традициям коммунистического и социалистического немецкого рабочего движения, но и постоянно должна была учитывать конкуренцию по другую сторону границы. Эта сложная ситуация отличала ГДР от всех других стран народной демократии в Восточной Европе и создавала для СЕПГ серьезные трудности. Партия на самом деле прилагала немалые усилия, чтобы решить определенные задачи в сфере социальной и образовательной политики, поставленные еще старым рабочим движением (достойные человека условия труда, постоянная работа, высокий уровень социального равенства, равные шансы на получение образования). И в этом она получила поддержку трудящихся. Однако деятельность СЕПГ была дискредитирована диктаторскими методами, которые партия применяла, осуществляя властные полномочия и обеспечивая политическое господство. Эти методы по сути все больше напоминали методы только что закончившейся диктатуры нацистов, хотя и были призваны служить совершенно противоположным целям. Ответ на поставленный вопрос также

не будет одинаков для всех поколений граждан ГДР. На протяжении 40 лет существования республики имели место значительные различия в уровне жизни, в степени интенсивности открытых и скрытых политических репрессий, а также в уровне (ограниченной) лояльности. Кроме того, лояльность к режиму СЕПГ и его критика отнюдь не исключали друг друга. Если определенные социально-политические благодеяния (как, например, обеспеченное право на труд и низкие квартплаты) и отдельные формы социальной организации (как, например, производственные бригады) оставили после себя положительные воспоминания, то это не имеет ничего общего с «ностальгией по Восточной Германии». Они отражают опыт пережитой действительности, которую сегодня справедливо критикуют, но которая составляла тот «здоровый мир диктатуры», по иронической характеристике Штефана Волле, второго немецкого государства.

ПАТРИС Г. ПОТРУС*

ГДР КАК «ОПЛОТ МЕЖДУНАРОДНОЙ СОЛИДАРНОСТИ»

Иностранцы в ГДР

Для современного государства любого типа межкультурные контакты, возникающие в результате транснациональной миграции, представляли и представляют фундаментальную задачу¹. Несмотря на то что восточногерманское общество однозначно можно охарактеризовать как источник эмиграции, а не как цель для иммиграции², приведенное высказывание тем не менее именно по этой причине справедливо и для тех условий, которые сложились в ГДР. В соответствии с образом, распространяемым руководством СЕПГ, государство и общество ГДР принципиально не допускало дискриминации, вызванной ксенофобией и расизмом. Декларируемое правящей партией стремление добиться «социального прогресса» путем «борьбы против империализма», т.е. против «капиталистического» Запада, было не только идеологической этикеткой, в этом состоял один из принципов, при помощи которых СЕПГ оправдывала свои притязания на власть в ГДР³. Подобный фундаментальный подход, однако, одновременно укреплял нежелание режима СЕПГ решать проблемы во взаимоотношениях между немцами и иностранцами, причем как в целом, так и в конкретных случаях.

Недавние исследования истории сталинизма позволяют предположить, что образ «классового врага» мог сопровождаться и этноцентрическими или расистскими коннотациями⁴. Так, базовым постулатом в общении с иностранцами для «государства рабочих и крестьян» был не прогресс для всего человечества, а скрытая за ним дихотомическая структура классовой борьбы. Как будет продемонстрировано ниже, вполне можно было, ссылаясь на «пролетарский интерна-

---

* Пер. с нем. Михаила Фирстова и Марины Булычевой.

ционализм», в повседневной жизни использовать предрассудки, основанные на ксенофобии, и националистические стереотипы⁵.

Национал-социализм, оккупация и национализм в цветах ГДР

В конце концов, и Восточная Германия, управляемая СЕПГ, тоже возникла на руинах «Третьего рейха». С самого начала правления СЕПГ в Советской оккупационной зоне и в ГДР общественная дискуссия об этом была невозможна. Доминирующий официальный партийный дискурс был направлен скорее не на анализ преступлений нацистского режима с точки зрения конкретной личности, а на полемическое разграничение с Западом. Фактически общественные выступления против национал-социализма были идентичны осуждению ФРГ за «клерикальный фашизм», «ревизионизм» и т.п. В результате обсуждение национал-социализма утрачивало доверие большинства немецкого населения⁶. Здесь свою роль сыграли и жесткие чистки в государственных административных органах, проводившиеся в советской оккупационной зоне непосредственно после войны и коснувшиеся не только бывших нацистов, но и значительного числа противников коммунистического режима. При этом быстрое признание нового «антифашистского порядка» и СЕПГ могло помочь людям легче пережить смену систем и смягчить ее последствия лично для себя⁷.

Вместо открытого обсуждения преступлений диктатуры национал-социализма в течение сорока лет предпринималась попытка заставить население ГДР присягнуть на верность идеям борцов коммунистического сопротивления, находившихся в радикальной оппозиции к нацистскому режиму и представлявших собой явное меньшинство⁸. Тем не менее сомнительно, что расистские и националистические стереотипы нацистской пропаганды, несомненно распространенные в германском обществе, были устранены из системы ценностей населения лишь путем непрерывного повторения антифашистского мифа, на котором строилось восточногерманское государство.

Одновременно стоит задаться вопросом, как влияние нацистской диктатуры, опыт контактов с лицами, угнанными из других стран на принудительные работы в Германию («фремдарбайтер») во время Второй мировой войны, а также травмирующие переживания в годы существования Советской оккупационной зоны соотносились с пропагандой СЕПГ⁹. В любом случае СЕПГ во время своего нахождения у власти постоянно оспаривала историческую ответственность ГДР за преступления нацистской Германии и, соответственно, после окончания выплаты принудительных репараций Советскому Союзу не выплачивала никаких компенсаций за ущерб, нанесенный Германией во время войны¹⁰. Этот отказ от исторической ответственности и основанная на этом политика могли пониматься населением как признание невинности жителей Восточной Германии и стать привлекательным стимулом для интеграции тех граждан, которые по своим убеждениям были скорее далеки от СЕПГ¹¹. Большинство немцев во время нацистской диктатуры выступали ее сторонниками либо «попугчиками», так что разрыв между опытом и настроениями людей, с одной стороны, и пропагандой СЕПГ, с другой стороны, возник уже на раннем этапе. В конце концов большей части населения ГДР удалось «без конфликтов с совестью и без необходимости полностью порвать со своим тогдашним политическим менталитетом подстроиться под антифашистскую концепцию, предлагаемую государством, и принять ее»¹². Конкретно от них требовались лояльность к политике СЕПГ и конформизм в повседневной жизни.

Обязательность «антифашистского мифа» во многом была связана с отношением населения ГДР к Советскому Союзу, которое строилось по аналогичной модели. «Русские» пришли как представители чужой страны, победившей Германию, как оккупанты, внедрявшие с помощью германских коммунистов собственную тоталитарную систему на территории Советской оккупационной зоны. В условиях произвола, выразившегося в арестах и заключении людей в советские спецлагеря, открытая политическая дискуссия в Советской оккупационной зоне была невозможна¹³. Кроме того, на отношение к «русским» в первые послевоенные годы повлия-

яли случаи насилия, имевшие место в конце войны, в том числе изнасилования немецких женщин, носившие массовый характер. Стихийные грабежи, депортация немцев с восточных территорий¹⁴ и продолжающийся демонтаж промышленного оборудования — все это отнюдь не приветствовалось населением Германии, в том числе и на востоке страны, и уже на раннем этапе повредило имиджу СЕПГ, считавшейся «про-русской партией»¹⁵. Помимо этого советские военнослужащие и гражданские лица численностью более полумиллиона человек представляли собой в ГДР наиболее многочисленную группу иностранцев. Присутствуя на территории ГДР повсеместно, они для значительной части населения страны почти на пятьдесят лет стали частью повседневной жизни. По недавним оценкам, в период между 1945 до 1994 г. на германской территории, в качестве военнослужащих, представителей гражданского персонала воинских частей и членов их семей побывало в общей сложности около 10 млн граждан СССР¹⁶. Если сравнить это число с гораздо меньшими группами иностранцев, работавших по временным контрактам, политических эмигрантов и иностранных студентов, можно утверждать, что именно эта многочисленная группа и являлась в ГДР олицетворением «иностранцев».

Несмотря на суверенитет, о котором было объявлено в 1954 г., ГДР лишь в очень ограниченном объеме могла принимать участие в решении любых вопросов политики безопасности, в частности касавшихся размещения советских войск. При этом сами советские войска, нередко вопреки заключенным двусторонним договорам, и после объявления о суверенитете ГДР претендовали на сохранение особых прав, действовавших в период оккупации до 1954 г. Присутствие Группы советских войск в Германии (ГСВГ) и, в случае необходимости, возможность насильственных действий с ее стороны в течение десятилетий играли основополагающую роль для стабильности ГДР и социалистической системы в целом. Тесная связь с Советским Союзом представляла собой дилемму для СЕПГ. С одной стороны, без гарантии такой поддержки партия вряд ли смогла бы удержаться у власти. С другой стороны, присутствие «русских» в ГДР вплоть до окончания ее существования было символом

«чужеродности» режима СЕПГ. Ведь контакты между ГДР и Советским Союзом, между немцами и «русскими» не исчерпывались лишь официальными дружественными ритуалами¹⁷. Элементы политической и трудовой культуры Советского Союза в рамках амбивалентного процесса усвоения, переосмысления и отвержения активно проникали в повседневную жизнь восточногерманского общества и предприятий ГДР. Сохранялся и парадокс сочетания совместного и параллельного сосуществования, герметичной изоляции советских войск и навязываемых советских методов работы, пропаганды прогрессивности советского общественного строя, с одной стороны, и его чужеродности и отсталости, наблюдаемой населением ГДР, — с другой¹⁸.

Если верить официальным заявлениям ГДР, то в государстве рабочих и крестьян в ходе «демократических антифашистских преобразований» любые формы национализма подверглись полному искоренению. При этом государство, управляемое СЕПГ, в течение всего периода своего существования использовало национальные модели легитимации¹⁹. Уже в иконографии ранней ГДР национальные компоненты смешивались с социалистическими. В то время как Западная Германия в пропаганде СЕПГ — с опорой на старые антизападнические и антилиберальные элементы германского национализма — подвергалась нападкам как «колония американского империализма», власти ГДР называли себя «истинным германским правительством». Обращение к национальным чувствам населения должно было скрыть невыполнимость планов коммунистических властей и склонить граждан к поддержке образования собственного государства. Когда коалиционное правительство ФРГ, состоящее из социал-демократов и либералов, в конце шестидесятых годов начало проводить политический курс на внутригерманское сближение, подчеркивая культурное единство немецкой нации, руководство СЕПГ постаралось провести четкую границу между двумя германскими государствами, разработав теорию двух наций. В соответствии с ней между ГДР как «социалистической нацией» и ФРГ как «буржуазно-капиталистической нацией» существовали принципиальные различия не только в общественном и экономическом строе, вследствие этого

отличались психологические и моральные свойства, чувства, культура и история двух германских народов²⁰.

Однако расчет СЕПГ, состоявший в том, чтобы, апеллируя к национальному чувству граждан ГДР, укрепить свои позиции в обществе, оправдался лишь отчасти. Независимо от усилий СЕПГ, национальное «германское самосознание» сохранилось в различных формах, например у рабочих промышленных предприятий — в верности традициям «высочайшего качества», восходившим ко времени до 1945 г.²¹ В сельских регионах население, несмотря на предъявляемые к нему в связи с коллективизацией требования, старалось сберечь свою систему ценностей, базирующуюся на основательности и крестьянском самосознании²². При этом патриотические жесты СЕПГ приобретали достоверность лишь в том случае, если они отвечали устоявшейся структуре предрассудков населения. Неспособная противостоять вездесущему западному телевидению и экономическому превосходству ФРГ, правящая партия ГДР старалась набрать очки путем сравнения Восточной Германии с братскими социалистическими странами, указывая на свои ведущие позиции в соцлагере (после Советского Союза). Партийное руководство, особенно в ситуации кризисов, было также готово без стеснения использовать предрассудки в отношении поляков. Так, волны забастовок у восточного соседа объяснялись недостаточным желанием «этих поляков» работать. Однако в своих усилиях в деле укрепления собственной легитимности на национальном уровне СЕПГ сталкивалась с дилеммой: либо отодвинуть на задний план социалистическую идеологию, либо, строго придерживаясь ее, изолироваться от собственного населения²³.

Об отношении к иностранцам в повседневной жизни в ГДР

Въезд иностранцев на территорию ГДР был абсолютным исключением как для проживавшего там германского населения, так и для руководства правящей партии, поскольку в целом масштабы внутренней мобильности в восточногерманском обществе и иммиграции в ГДР (если не учитывать уже упомянутые советские войска, пребывавшие на террито-

рии страны в течение всего ее сорокалетнего существования) были весьма незначительны. Бегство же из ГДР, несмотря на ощутимые колебания в этом процессе в зависимости от конкретного периода, представляло собой массовый феномен²⁴. Одновременно социалистическая диктатура, стремясь регулировать жизнь общества во всех ее проявлениях, устанавливала для пребывания иностранцев в стране и общения с ними жесткие правовые рамки, чтобы придать любой форме и возможности контакта «официальный характер», что являлось целью партийного руководства ГДР во всех сферах социальных отношений. «В принципе иностранцы приезжали в страну лишь по приглашению организаций, партий, профсоюзов или государственных структур. Было ясно, кто приглашает иностранца, кто оплачивает его проезд и пребывание, была известна цель визита и время возвращения иностранца на родину» — так свое восприятие ситуации описывает Дагмар Хенке, бывшая во времена ГДР лютеранским пастором²⁵.

Контакты и общение вне установленных государством правил не были предусмотрены. Часто они напрямую запрещались или как минимум рассматривались как нежелательные. С точки зрения идеологии СЕПГ граждане различных государств должны были встречаться между собой как «представители» своих народов, т.е. практически в дипломатическом качестве. Установление «межчеловеческих» отношений не предусматривалось. Идея государственного всеобъемлющего регулирования состояла в том, что «гражданство» считалось практически идентичным «национальности» и не только имело огромное значение, но и фиксировалось с рождения и навсегда. Интернационализм в ГДР не ставил под вопрос приоритет национальной принадлежности²⁶.

«Учиться в дружественной стране»: иностранцы студенты в ГДР

Можно исходить из того, что с 1951 по 1989 г. дипломы в учебных заведениях ГДР получили от 64 000 до 78 400 иностранных студентов из 125 различных государств, что составляло до 3% общего числа выпускников вузов за тот же период²⁷. С 1960-х годов иностранные студенты в среднем составляли

до 7% всех иностранцев, проживавших в ГДР, если не считать представителей Вооруженных сил Советского Союза. Однако распределение иностранных студентов по территории ГДР было весьма неравномерным: так, в 1989 г., например, в Берлинском университете имени Гумбольдта обучались 1200 иностранных студентов из 80 различных стран, что составляло 10% общего числа студентов этого университета²⁸.

Не все иностранные студенты были гражданами социалистических государств, и те из них, кто приезжал из стран, не принадлежащих к соцлагерю, совершенно необязательно симпатизировали коммунистической партии. Реклама, призванная создавать на международной арене позитивный образ ГДР, предполагала, что студенты практически любой страны мира получали возможность обучаться в восточно-германских университетах. В 1988 г. в учебные заведения ГДР были зачислены более 13 400 студентов из 126 стран, среди которых было 103 учащихся из США и четыре — из Ватикана. Примечателен для внешней политики ГДР тот факт, что число арабских студентов между 1959 и 1967 гг. сократилось на 10%, а процент студентов из африканских стран на 10% вырос. При этом доля студентов из Азии, Западной Европы и Латинской Америки оставалась в этот период относительно постоянной. В течение этого времени иностранные студенты оставались неоднородной группой без четких границ. Несмотря на то что представители ГДР упорно подавали учебу за границей как знак международной солидарности и пролетарского интернационализма, это явление было одновременно подвержено влиянию других, более прямых факторов дипломатического, политического и торгово-политического характера. Решающей и, возможно, уникальной особенностью обучения в вузах ГДР для иностранцев был тот факт, что государство брало на себя все расходы, связанные с их учебой²⁹.

До того как в конце 1960-х годов в ГДР стали приезжать работники из-за рубежа, студенты из других стран представляли собой самую крупную группу иностранцев, находившихся в ГДР на временной, а не на постоянной основе (в отличие от лиц, имевших вид на жительство, или представителей советских войск). Несмотря на разнородность

этой группы, иностранные студенты получали и совместный опыт, вытекавший из их статуса, что способствовало чувству солидарности, позволявшему преодолеть барьеры и границы между разными национальными группами. При этом иностранные студенты по возможности размещались в общежитиях на одном этаже, а студенты из ГДР нередко должны были давать обязательство не поддерживать с ними контактов. «С нашими товарищами по учебе мы могли вести дискуссии на профессиональные темы, но не имели права завязывать с ними личные контакты»³⁰.

Нет сомнения в том, что ГДР дала высшее образование многим людям, которые иначе не имели бы возможности учиться в вузе. Однако индивидуальные потребности этих людей в Восточной Германии в целом игнорировались. Несмотря на риторику интернационализма и солидарности, государство рассматривало иностранных студентов прежде всего как дипломатический и торгово-политический капитал. Ответственные лица не осознали неизбежных последствий социального характера, связанных с проживанием молодых людей из других стран в ГДР в течение многих лет. Существование расистских настроений в восточногерманском обществе игнорировалось, в результате создавалась почва для актов насилия по причинам ксенофобии. Несмотря на то что иностранным студентам удавалось на многих уровнях завязывать постоянные контакты с гражданами ГДР, официальная политика демонстративно отвергала возможность межнациональных браков. Объяснялось это политикой помощи развивающимся странам, в соответствии с которой межнациональные пары и семьи подлежали разделению. В результате этой практики в ГДР не только уничтожались многие успешные примеры межкультурного взаимопонимания, но и сводились на нет те эффекты, которые ГДР ожидала получить от обучения в своих вузах иностранных студентов, прежде всего распространение позитивного образа ГДР среди граждан несоциалистических стран.

Поскольку ГДР так и не удалось выстроить систему последующих контактов с иностранными выпускниками своих вузов, проследить их биографию после учебы в ГДР не представляется возможным. Некоторые факты, однако, указыва-

ют на то, что многие выпускники в конце концов нашли работу в ФРГ или в заграничных филиалах западногерманских компаний. Ирония истории состоит в том, что, возможно, от привлечения иностранных студентов в ГДР в результате больше всего выиграла ФРГ.

Убежище в стране мигрантов: «политэмигранты»

Уже первая конституция ГДР содержала формальную правовую возможность принятия политических беженцев. В «социалистической конституции» 1968 г., в статье 23, право на убежище в ГДР, оставляющее ответственному органу полную свободу выбора при принятии решения, явно превратилось в норму³¹. Так или иначе, гарантии рассмотрения нарушений этого права в суде для претендентов на убежище в таких случаях не существовало — как и в общем миграционном законодательстве ГДР³². На практике решения принимали руководящие кадры СЕПГ. От случая к случаю в роли центральных негосударственных органов, предоставлявших политическое убежище, а также разрешение на длительное пребывание иностранцев в ГДР выступали политбюро СЕПГ и секретариат ЦК СЕПГ. Отсюда шли инструкции в Министерство внутренних дел и другие государственные или негосударственные инстанции. Непосредственный политический контроль над этими процессами осуществлял, соответственно, международный отдел ЦК³³.

Еще в 1949 г. небольшая группа людей из существовавшего тогда Королевства Греции нашла убежище в ГДР. За этими первыми беженцами в июне 1950 г. последовало большое число греческих эмигрантов — в общей сложности 700 человек, — которые прибыли в ГДР после падения коммунистического сопротивления в греческой гражданской войне. До 1961 г., по данным имеющихся исследований, в ГДР (в стране, откуда происходила массовая эмиграция) нашли приют около 1600 греческих граждан всех возрастных групп. Другую, менее многочисленную группу принятых в ГДР политических эмигрантов составили люди, бежавшие ранее из Испании во время гражданской войны и позже большей

частью выдворенные из Франции. Общим у обеих групп было то, что эти мигранты были не просто гуманитарными жертвами внутренних беспорядков или бегущими от произвола и тирании на родине. Гораздо важнее то, что они были политическими противниками существовавших в Греции и Испании режимов, чаще всего коммунистами. В ГДР они должны были подготовиться к своим будущим задачам на родине³⁴.

Эта политика поддержки «прогрессивных сил» в «борьбе с империализмом» также нашла отражение в программах обучения и ограниченном приеме членов и функционеров Фронта национального освобождения во время войны за независимость Алжира, южноафриканской партии Африканский национальный конгресс, Организации освобождения Палестины и Народной организации Юго-Западной Африки (Намибия). Вплоть до падения Берлинской стены в 1989 г. ГДР также принимала отдельных преследуемых лиц из самых разных стран. Здесь также действовало правило о том, что в первую очередь убежище предоставляется функционерам и «надежным» членам той или иной коммунистической партии и так называемых «союзных» организаций. В определенных ситуациях таким лицам можно было эмигрировать в ГДР вместе с семьей. Однако представители высших руководящих органов той или иной «братской партии» зачастую отправлялись в эмиграцию в Москву и другие города Советского Союза³⁵.

Последняя относительно крупная группа политических эмигрантов — до 2000 человек — состояла из чилийцев, которые искали в ГДР убежище после кровавого военного путча против левого правительства президента Сальвадора Альенде в середине 70-х годов. Личное бесправие ходатайствующих об убежище иностранцев в ГДР и их зависимость от внешнеполитических интересов руководства СЕПГ резко контрастировали с тем, как пропаганда в СМИ ГДР представляла значение этих людей для правящего режима СЕПГ. Населению ГДР они представлялись борцами за свободу и объектами «солидарности», которые нашли в ГДР новую жизненную перспективу³⁶.

В противоречие инсценированному образу дружбы народов и солидарности политэмигранты из-за своего поли-

тического статуса и получаемых государственных пособий казались по отношению к населению ГДР скорее привилегированными делегатами правящей партии. К тому же политические эмигранты сохранили свои паспорта, в результате чего началось их активное перемещение через Западный Берлин в Западную Европу к другим чилийским эмигрантам. Для граждан же ГДР «Запад» по-прежнему оставался недоступным. Тем не менее можно констатировать, что в отдельных случаях у граждан ГДР стремление дистанцироваться от режима причудливо соединялось с симпатией к иностранцам и даже усиливало ее; обратные сочетания также встречались³⁷.

Однако неприятие «чуждых» политических эмигрантов нашло отражение и в позиции самих официальных органов ГДР. Открыто демонстрируемая и, несмотря ни на что, фактически довольно широкая независимость чилийцев, а также их активная политическая деятельность в собственных организациях сразу же сделали их угрозой безопасности для органов надзора Восточной Германии. Дополнительные проблемы для СЕПГ и Министерства государственной безопасности создавало то, что изначально из Чили в ГДР в качестве политических эмигрантов въезжали не только коммунисты, но и представители всего Народного единства. Таким образом, отношение органов безопасности ГДР к политическим эмигрантам вскоре коренным образом изменилось. Если поначалу речь шла о защите беженцев от дальнейшего преследования, то со временем они все чаще рассматривались либо как потенциальные кандидаты для сотрудничества с Министерством государственной безопасности, либо как потенциальные враги³⁸. Здесь очевидно совпали ожидания правящей партии и населения по отношению к иностранцам в принципе и к политическим эмигрантам в частности.

Наконец, государство, как и население, ожидало, что иностранцы никак не будут проявлять свою индивидуальность, а беспрекословно вольются в повседневную жизнь ГДР. Из этого следовало политическое и социальное давление, и в нередких случаях чилийские политические эмигранты делали соответствующие выводы. Против тех, кто не смирялся и не приспособливался либо не был готов к каким-либо

делкам, чаще всего применялись государственные санкции, в результате которых они поступали так, как уже многие граждане ГДР поступили до них, — покидали Восточную Германию и уезжали на Запад³⁹.

Иностранная рабочая сила для социализма: контрактные рабочие

Самую большую группу постоянно проживавших в ГДР иностранцев (если не считать представителей советских войск) составляли так называемые контрактные рабочие из Вьетнама, Мозамбика и Анголы, с Кубы, из Алжира, Венгрии и других социалистических стран, которые работали в ГДР на основании тайных правительственных соглашений⁴⁰. Официально предписывалось, чтобы контрактные рабочие во время их нахождения в ГДР «представляли собой обособленную группу». В официальной пропаганде пребывание «зарубежных трудящихся» в стране рабочих и крестьян считалось «кооперацией работников» в рамках «социалистической экономической интеграции»: «кооперация работников» якобы должна была сгладить разницу уровня развития между социалистическими государствами. Пребывание в ГДР должно было подготовить вьетнамских «трудящихся» к «будущему труду по строительству социализма» и считалось, соответственно, государственной задачей, которой «командированные» должны были подчинять свои личные интересы⁴¹.

Размещались иностранные контрактные рабочие, как правило, коллективно в общежитиях от предприятия. Площадь — «по принципу строжайшей экономии» — была четко определена. Пять квадратных метров на человека, максимум четыре человека в комнате, на пятьдесят человек — одно клубное помещение. Для ГДР иностранные рабочие считались угрозой безопасности: «Общежитие должно быть обособлено в целях обеспечения порядка и безопасности. Предприятие должно обеспечивать в общежитии пропускной режим». Мужчины и женщины размещались отдельно, супруги также не имели права на совместную квартиру. Оставлять знакомых у себя разрешалось только «при наличии свободных спальных мест» максимум на три ночи. В целях борьбы с «нелегальным

пребыванием в ночное время» бригадиры, особенно в группах вьетнамских рабочих, вместе с немецкой администрацией общежития устраивали ночные рейды⁴².

Вследствие подобной изоляции граждане ГДР мало что узнавали о контрактных рабочих. Так рождалось множество слухов, например о том, что им платили в валюте или из взносов граждан ГДР в фонды солидарности. Недоверие со стороны государства и сегрегация, направленная против иностранцев, сопровождалась недоверием со стороны граждан. На предприятии контрактные рабочие формально были на равных позициях с их немецкими коллегами. Тем не менее между ними и немецкими коллективами оставались заметные барьеры. Еще в правительственном соглашении с Вьетнамом от 11 апреля 1980 г. и в опирающихся на них типовых правилах трудового распорядка для контрактных рабочих от 1 июля 1980 г. предусматривалось формирование групп численностью от пятидесяти человек. Когда в 1987 г. ГДР перешла к массовому использованию вьетнамских контрактных рабочих, их, как правило, привлекали к работе в замкнутых группах, чаще всего в дополнительные смены, которыми управления по планированию пытались компенсировать дефицит выпускаемой продукции⁴³.

Теперь контрактные рабочие выполняли преимущественно ту работу, на которую руководство не могло больше найти граждан ГДР: монотонную работу на станках, тяжелую физическую работу, вахтовую работу. Из интервью с контрактными рабочими известно, что некоторые немецкие коллеги или начальники тоже перенимали эту иерархию⁴⁴. Если контрактные рабочие протестовали против указаний, которые они считали дискриминирующими, начальство угрожало им полицией и принудительным возвращением на родину из-за нарушения «социалистической трудовой дисциплины». Поскольку официальная антирасистская идеология считала проблему расизма следствием капиталистического строя, характерным исключительно для «империалистических» государств, особенно США, серьезная борьба с расистскими стереотипами была невозможна. Соответствующие прецеденты в контролируемом общественном пространстве ГДР табуировались и замалчивались⁴⁵.

Но конфликты возникали и на почве экономической конкуренции между контрактными рабочими и гражданами ГДР. Из-за разницы в уровне жизни на их родине и в ГДР некоторые из иностранных рабочих привносили элементы рыночной экономики на предприятия и в магазины Восточной Германии. Они воспринимали свое пребывание в ГДР как временное и стремились в этот период по возможности поддержать свои семьи. Те, кто преследовал эту цель, пытались добиться более высокого заработка перевыполнением нормы. Более широкий, по сравнению с их странами, ассортимент товаров в ГДР оправдывал такие усилия. В Тюрингии в результате действия этого механизма в начале 80-х годов произошло нападение местной молодежи на общежитие, где жили вьетнамцы. Цель, согласно отчету Объединения свободных немецких профсоюзов, состояла в том, чтобы в дальнейшем удержать контрактных рабочих от перевыполнения нормы⁴⁶.

Другим полем конфликта было потребительское поведение некоторых контрактных рабочих: из-за регламентаций по перечислению зарплаты было выгодно покупать на зарплату товары широкого потребления, которые на родине можно было перепродать с большой выгодой. Якобы неправомерная скупка товаров контрактными рабочими быстро определила позицию государства, а также некоторых граждан ГДР по отношению к этой группе иностранцев. В актах Министерства госбезопасности сообщается о «криминальных группировках» и «спекулятивной» торговле электроприборами. Официальная критика ожидала от контрактных рабочих большего интереса к языковым курсам, повышению квалификации и предлагаемой спортивной и культурной программе. Однако приобретение профессиональной квалификации для большинства вьетнамцев не имело смысла, поскольку дома их ожидала лишь безработица. А свое свободное время они проводили, навещая друг друга или подрабатывая. Спросом у граждан ГДР пользовались сшитые вьетнамцами джинсы, которые вносили разнообразие в выбор одежды. В результате служба госбезопасности Штази заявляла о стремлении иностранных рабочих к «получению дополнительных денежных сумм»⁴⁷. В качестве вложения капитала особенно ценились велосипеды и мопеды, которые

отправлялись на родину. Поскольку привычный рацион иностранных рабочих отличался от пищевых привычек жителей Восточной Германии, они конкурировали с гражданами ГДР и за дефицитные продукты, например рис. С обострением продовольственного кризиса в ГДР в конце 80-х годов такие слова, как «контрабанда» и «скупка товаров» иностранцами вошли в лексикон контролируемых СМИ ГДР. Таким образом СЕПГ пыталась отвлечь население от собственных ошибок в экономической политике⁴⁸.

Тем не менее между контрактными рабочими и гражданами ГДР возникали личные контакты и отношения. Информацию о количестве и интенсивности этих контактов найти трудно, поскольку до сегодняшнего момента имеются по большей части лишь отдельные сообщения современников. Исключение составляет работа Альмута Риделя о восприятии алжирскими контрактными рабочими жизни в Восточной Германии и контактов с гражданами ГДР⁴⁹. Если контрактные рабочие не ночевали на территории общежития, об этом доносилось. Если власти обнаруживали любовную связь или пара хотела пожениться, начиналась изматывающая волокита. Для женитьбы паре было необходимо получить согласие обоих государств. Вьетнам к концу 80-х годов перешел к тому, что от контрактных рабочих стали требовать соответствующий их квалификации выкуп, если они хотели остаться в ГДР. Иначе им угрожало принудительное возвращение на родину⁵⁰.

Особенно щекотливой темой была беременность: рожать в ГДР разрешалось только польским женщинам, для других существовал лишь выбор между абортom и принудительным возвращением на родину. Только в последние два года существования ГДР власти стали стараться найти с иностранными работницами, ожидавшими ребенка, взаимоприемлемое решение. Многие пары распались из-за государственного произвола, некоторые немецкие женщины даже отрицали отцовство иностранца, чтобы избавить его от трудностей после возвращения на родину. Несмотря на то что подобное давление со стороны государства на желавших завязать отношения с иностранными рабочими и было выражением общей политизации контактов с иностранцами в принципе, оно де-факто подтверждало существовавшие расистские

предубеждения. В таких обстоятельствах едва ли возможно было выстроить непредвзятое отношение к контрактным рабочим в ГДР. Так, все негативнее влиял на их образ продовольственный кризис; контрактные рабочие стали козлами отпущения для общества дефицита и недоверия поздней ГДР⁵¹.

Выводы

Несмотря на учение о «пролетарском интернационализме», иностранцы не были равноправными членами общества ГДР, задуманного как транснациональное и социалистическое. Они не были желанными гостями в немецком обществе, определяемом этнически-национальным фактором. Их отличало — как по собственной характеристике, так и в восприятии государством и населением ГДР — «множественное кодирование личной идентичности»⁵². В результате в национальной общности немцев ГДР они превратились в маргинальную группу. Неизбежными последствиями были конфликты, в которых иностранцы оказывались в зависимой от органов власти, и потому слабой и крайне уязвимой позиции.

Утверждая, что Министерство госбезопасности ГДР хорошо следило за представителями правых группировок, социальный философ и бывший реформатор СЕПГ Михаэль Бри летом 2000 г. пытался противопоставить очевидные, по его мнению, преимущества авторитарного антифашизма в Восточной Германии придуманному им самим «предписанному либерализму» в «новых федеральных землях» современной ФРГ⁵³. Что касается скинхедов и праворадикальных выступлений в ГДР, документы о прецедентах такого рода встречаются с 1978 г. Разумеется, «фашистская» ориентированность этих преступных групп не соответствовала идеологии сотрудников спецслужб, воспитанных в духе классовой борьбы. Тем не менее представители праворадикальных группировок разделяли такие важные «социалистические ценности», как трудолюбие, стремление к порядку и чистоте и готовность к военной службе⁵⁴.

Известны примеры, раскрывающие «социально-гигиенические» сходства государственно-социалистической и ультраправой моделей. Из-за этого сходства было невозможно

начать энергичную и открытую борьбу с правым экстремизмом, поскольку это могло бы косвенно ударить по вышеназванным базовым ценностям ГДР и в конечном счете по самому социалистическому режиму. Все это показывает, что в ГДР как позиционирование «чужих» в обществе, так и отношение СЕПГ к проявлениям ксенофобии и расизма было сложным и двойственным, что может служить одним из объяснений распространения правого радикализма в восточных землях современной Германии⁵⁵. После событий 1989–1990 гг. уже существовавшая в обществе напряженность только усилилась. Тем не менее с исторической точки зрения мы здесь рассматриваем период до 1989 г., для чего незаменимым источником информации являются документы Федерального уполномоченного по управлению документацией службы государственной безопасности бывшей ГДР⁵⁶. Как связаны между собой прошлое и современность, в частности, как происходил в 90-е годы тот межпоколенческий трансфер ценностей, вследствие которого дети родителей, живших в ГДР и по большей части придерживавшихся пассивно-ксенофобских взглядов, став подростками, перешли к активному расизму и приобрели готовность к насилию, можно выяснить лишь в ходе дальнейших междисциплинарных исследований.

ГЕРМАН ВЕНТКЛЕР*

ЗА МИР И ДРУЖБУ НАРОДОВ?

ГДР на международной арене

«Будучи мирным государством, социалистическая Германия с первого же дня выступает за разоружение, ослабление напряженности и мирное сосуществование, против новой войны, против ядерного геноцида». Этой фразой из обращения по случаю 35-летия ее основания ГДР описывает себя в контексте международных отношений как миролюбивое, озабоченное взаимопониманием народов государство. И поэтому, говорится далее в обращении, с появлением ГДР мир «обрел еще одну надежду»¹.

Это провозглашаемое миролюбие было тесно связано с принципами социалистического интернационализма, антиимпериалистической солидарности и мирного сосуществования, на которые ГДР, по ее собственным утверждениям, опиралась в своей внешней политике. Согласно официальной литературе, на первом принципе основывались отношения с восточными союзниками, прежде всего с Советским Союзом, второй распространялся на отношения с развивающимися странами, а третий находил применение в отношениях с несоциалистическими странами². Эти три принципа не были равноценными, они располагались в порядке, соответствующем осознанно расставленным приоритетам. Согласно идеологии, отношения с развивающимися странами имели приоритет перед отношениями с капиталистическими странами. Однако в свете того значения, которое придавалось отношениям с одной лишь только ФРГ, реальности это не соответствовало.

В этой связи возникает вопрос о том, какую роль вообще играли подобного рода идеологические принципы во внешней политике ГДР. Действительно ли они «с самого начала

---

* Пер. с нем. Алексея Штемберга.

лежали в основе внешней политики ГДР»?³ По свидетельствам самой ГДР, в этом не было сомнений: под внешней политикой понималась «политика господствующего класса государства во внешних отношениях, исполнение внешней функции государства». А поскольку — согласно марксистско-ленинской идеологии — ГДР была государством, в основе которого лежал «характер господствующего рабочего класса и его марксистской партии», ее главная внешнеполитическая задача состояла в «обеспечении наиболее благоприятных международных условий для построения социализма и коммунизма»⁴. Разумеется, здесь мы имеем дело с нормативным, несущим идеологическую нагрузку определением: поскольку любое государство является классовым, его внешнеполитические цели — это всегда цели его лидирующего класса, причем в той форме, в которой их определяет государственная партия. Соответственно в основе этого определения лежит не реальность, а основанная на марксистско-ленинской теории идеология. В реальности же (как еще будет рассмотрено подробнее) основой внешней политики ГДР была вовсе не ее идеологическая составляющая. Она преследовала идеологические цели только в исключительных случаях; идеология имела значение лишь постольку, поскольку она определяла воззрения руководства ГДР и тем самым в некоторой степени препятствовала реалистичной оценке распределения политических сил. Так, к началу пятидесятых годов вера в превосходство собственной системы и в несовершенство капитализма привела к значительным просчетам в оценке положения относительно конкуренции с ФРГ. О том, что внешняя политика в значительно большей степени была «искусством возможного», ГДР пришлось узнать, в частности, в своих попытках добиться признания, которые стоили ей значительных усилий⁵.

Три фактора, влиявших на внешнюю политику ГДР

Соответственно при попытке объективно проанализировать внешнюю политику ГДР следует исходить не столько из трех теоретических принципов, сколько из тех трех факторов,

которые в значительной степени определяли и ограничивали свободу действий ГДР: она не выходила за рамки, установленные «влиянием Москвы и силой притяжения Бонна»⁶, а также собственными внутренними порядками.

ГДР находилась с Советским Союзом в отношениях зависимости особого рода, поскольку она просто не могла обходиться без восточной сверхдержавы. Эти отношения имели исторические корни: поскольку ГДР появилась на территории Советской оккупационной зоны и была подвергнута процессу советизации, советские порядки стали примером и основой для значительной части государства и общества. Тем не менее нельзя согласиться и с утверждением советского посла Петра Абраимова, однажды назвавшего ГДР «*homunculus sovieticus*»⁷. Кроме того, следует отметить экономический аспект: экономическая система была не только выстроена по образцу советской, но и направлена на поддержание торговых и экономических связей с Советским Союзом и подконтрольными ему государствами Восточного блока. Но самым значительным был военный аспект этих отношений зависимости: в конечном итоге дальнейшее существование ГДР опиралось на размещение советских войск на ее территории. От этого зависела государственность ГДР с 1949 по 1989 г.: без вмешательства советских войск народное восстание в июне 1953 г. привело бы к прекращению существования ГДР; а когда они в 1989 г. остались в казармах, наступил конец восточногерманского государства. Эта «зависимость от Востока», с одной стороны, всегда была значительно сильнее, чем зависимость ФРГ от Соединенных Штатов; с другой стороны, она никогда не могла породить внутреннее согласие, сравнимое с привязанностью ФРГ к Западу, т.е. внутренняя связь ГДР с Востоком была значительно слабее, чем связь ФРГ с Западом.

Но «зависимость от Востока» была лишь одной стороной внешнеполитических государственных интересов ГДР. Другую их сторону можно описать понятием «отмежевание от Запада». В первую очередь оно обозначает отношения с ФРГ, второй осью системы внешнеполитических координат ГДР. Лежащая в основе внутригерманских отношений проблема заключалась, с одной стороны, в том, что ГДР была герман-

ским государством, которое признавала и поддерживала лишь часть его населения. С другой стороны, существовала и ФРГ — другое государство на германской земле, которое не только опиралось на внутреннее согласие собственных жителей, но и было крайне привлекательным для восточных немцев. Западногерманское общество ежедневно демонстрировало им, что немцы тоже могут жить в условиях свободы и благосостояния. Поэтому ГДР не могла хотеть такого единства, к которому стремились ее граждане — в условиях самоопределения и свободы, — не ставя на карту свое существование. Так что ее государственная идея принципиально требовала не воссоединения, а отмежевания от Боннской республики⁸.

Третьим аспектом было собственное внутреннее развитие. Для ГДР, как и для любого другого государства, предпосылкой для внешнеполитических действий была возможность располагать материальными и нематериальными ресурсами. Наряду с легитимностью собственного внутреннего устройства в их число входят также благосостояние и военное могущество. ГДР вовсе не была бедной страной, особенно если сравнивать ее по экономической мощи с восточными соседями. Однако ее недостатком было то, что она конкурировала с ФРГ и в области экономики, постоянно проигрывая ей. В военном отношении ГДР вносила достойный вклад в рамках Организации Варшавского Договора (ОВД); однако ее значение ограничивалось тем, что она не располагала серьезной военной промышленностью, и тем, что ее вооруженные силы были тесно интегрированы в структуры ОВД, в которой первенство Советского Союза оставалось абсолютно бесспорным. Особенно же важное значение при сравнительной оценке внутренних ресурсов ГДР имела ее недостаточная внутренняя легитимность, самым тесным образом связанная с конкуренцией двух германских систем. С одной стороны, эти внутренние слабые стороны наносили ущерб дееспособности восточногерманского государства. С другой стороны, ГДР надеялась посредством внешнеполитических успехов, прежде всего при помощи признания со стороны несоциалистических государств, суметь компенсировать нехватку своей внутренней легитимности. Но и после того как ГДР была при-

нята в международное сообщество государств на основе Договора об основах отношений, заключенного в декабре 1972 г., Восточный Берлин стремился к дальнейшему укреплению своего статуса. Ведь международно-правового признания со стороны Бонна по-прежнему не было, а западные государства продолжали относиться к ГДР как к государству «второго сорта». Ввиду этого и внешняя политика вплоть до крушения ГДР служила интересам внутренней политики.

В конечном итоге именно эти три фактора значительно ограничивали свободу внешнеполитических действий ГДР. Преследуя свои интересы, ГДР постоянно стремилась их расширить и тем самым перейти установленные для нее границы. Эти попытки в дальнейшем следует рассматривать применительно к отношениям с Советским Союзом и с государствами Восточного блока, а также применительно к германо-германским отношениям и к «южной политике» ГДР. Такой взгляд позволяет также подробнее рассмотреть ту роль, которую представленные вначале «принципы» реально играли во внешней политике Восточного Берлина.

Социалистический интернационализм? Отношения ГДР с Советским Союзом и с государствами Восточного блока

Характерными чертами восточногерманско-советских отношений в 1949 г. был вовсе не «пролетарский» или «социалистический интернационализм», а полная зависимость ГДР от Советского Союза, который помимо того еще и получал огромные репарационные платежи и поставки из Восточной Германии. Тот факт, что Москва — вызывая этим сильное беспокойство руководства СЕПГ — до 1952 г. и даже в 1953 г. не принимала решения о прекращении взимания репараций, говорит о том, что Восточный Берлин полностью зависел от Советского Союза. Перемены наступили с народным восстанием 17 июня 1953 г. и решением вопроса о руководстве среди «диадохов» Сталина: все это сподвигло Советский Союз настаивать на существовании независимого, отдельного государства ГДР, которое он теперь хотел стабилизировать. С одной стороны, это вскоре привело к усилению советского

присутствия в ГДР; с другой стороны, положение ГДР стало легче, когда Советский Союз с 1954 г. отказался от репараций, стал оказывать экономическую поддержку ГДР и поднял ее престиж при помощи Декларации независимости (март 1954 г.) и Договора (сентябрь 1955 г.)⁹. Теперь она формально стала равноправным партнером Советского Союза, однако де факто осталась его сателлитом.

В последующие годы ГДР укрепила свои позиции. В первую очередь это стало следствием политики Хрущева, проводившего в советской империи политику «десателлитизации»¹⁰, в рамках которой подчиненным государствам предоставлялась ограниченная автономия, а в политике по отношению к Западу начал применяться лозунг «мирного сосуществования». Разумеется, это означало не отказ от цели мировой революции, а лишь видоизменение средств: противостояние теперь следовало вести в первую очередь в области экономики и идеологии. Превосходство социалистической системы над капиталистической должно было быть продемонстрировано именно там, где конфронтация между Востоком и Западом в Европе была наиболее ярко выражена: в Германии. Решение сделать ГДР «витриной» социализма повлекло за собой значительно большую поддержку из Советского Союза, нежели было необходимо только для того, чтобы сохранить восточногерманское государство.

К этому добавились еще два фактора, усиливших позиции ГДР. Во-первых, ГДР, лишь слегка затронутая десталинизацией после XX съезда КПСС в январе 1956 г., на фоне потрясений, наступивших вследствие этого события в Польше и Венгрии, оказалась фактором стабильности в Восточном блоке. Во-вторых, вызванный действиями Хрущева в ноябре 1958 г. Берлинский кризис дал Ульбрихту шанс приблизиться к своей цели — стабилизации ГДР при помощи сепаратного мира с Советским Союзом или же, для начала, при помощи закрытия берлинской «лазейки». И хотя он сам находился под немалым давлением вследствие все нараставшего потока беженцев, ему удалось во время кризиса использовать свою позицию прежде всего для того, чтобы «выбить» из Советского Союза больше экономической помощи. В своем стремлении не подвергать опасности

диалог с другой сверхдержавой Хрущев, кроме того, ограничил собственную свободу действий согласием на заключение сепаратного мира с ГДР, если США не пойдут на уступки. В конечном итоге Хрущев частично уступил Ульбрихту, передав ему в начале июля 1961 г. распоряжение о строительстве стены в Берлине. Однако с этого момента Ульбрихт утратил решающий рычаг давления на Хрущева, и Советский Союз вновь взял на себя стратегическое руководство. Это касалось как оперативного ограждения Восточного Берлина, так и повторного подчинения ГДР целям восточной сверхдержавы. В наступивших условиях Восточный Берлин был уже не в состоянии добиться своей следующей цели — сепаратного мира с Советским Союзом¹¹.

Возведение Берлинской стены, несомненно, означало консолидацию ГДР, однако не имело прямых последствий ни для внешней политики, ни для политического веса ГДР в международных отношениях. Так, сначала строительство стены привело к тому, что советское руководство больше не видело для себя необходимости идти навстречу амбициозным желаниям восточногерманских «друзей» в отношении договора о сепаратном мире и Западного Берлина¹². Поначалу позиции ГДР в советско-восточногерманских отношениях ослабли, и даже с подписанием двустороннего «Договора о дружбе, взаимной помощи и сотрудничестве» от 12 июня 1964 г. существенно не укрепились.

Применять понятие «социалистический интернационализм» к отношениям с другими государствами Восточного блока в эти годы, прежде всего с Польшей и Чехословакией, также неуместно. Отношения были крайне осложнены из-за германской оккупационной политики во Второй мировой войне, а также из-за насильственных переселений, происходивших до и после 1945 г. Кроме того, в отношениях с Польшей сыграло свою роль отделение восточных областей Германской империи. По распоряжению Советского Союза ГДР пришлось пойти на международно-правовое признание границы по Одере-Нейсе в Згожелецком договоре (6 июля 1950 г.), чтобы быть принятой в формирующийся Восточный блок. Отношения с Польшей и с Чехословакией в это время еще подвергались пристальному контролю со стороны

Москвы и находились под ее сильным влиянием¹³. Повышение престижа ГДР после 1953–1954 гг., когда она начала избавляться от атрибутов советской оккупационной диктатуры, привело к тому, что на территории советской гегемонии ее перестали дискриминировать. Видимым признаком ее равноправия стало то, что 14 мая 1955 г. она была среди стран, подписавших Варшавский Договор. Когда в 1956 г. в связи с кризисами десталинизации в Польше и Венгрии ГДР увидела для себя угрозу, она сделала все для того, чтобы предотвратить распространение беспорядков на свою территорию. Поэтому ГДР смогла улучшить отношения только с ЧССР, которая также была крайне обеспокоена беспорядками в Венгрии и Польше, в то время как восточногерманско-польские отношения оставались крайне напряженными¹⁴. В 1968 г. ГДР была одним из первых государств Восточного блока, выступивших против чехословацкой попытки создания «социализма с человеческим лицом». Отвергая проявляемое там стремление к реформированию и опасаясь сближения между Бонном и Прагой, она стала одним из самых активных членов выступающей против реформ коалиции из пяти государств Варшавского Договора под руководством Советского Союза¹⁵. Тем самым она проявила себя в этих кризисах как надежное «вассальное» государство Советского Союза и как «социалистический пай-мальчик». В связи с особым положением ГДР как страны, в одностороннем порядке пользующейся покровительством Советского Союза, и с весьма натянутыми в некоторых аспектах отношениями между ГДР и другими государствами Восточного блока «социалистический интернационализм» оставался не более чем формальной декларацией, за которой на самом деле ничего не стояло, если только не понимать под этим обязательство Восточного блока придерживаться «доктрины Брежнева».

В 1969 г. из-за растущей обеспокоенности китайской опасностью, которая, как казалось, возросла после уссурийских военных инцидентов, Советский Союз решил использовать расположение к нему Западной Германии для того, чтобы на договорной основе укрепить свои позиции в Европе. Одновременно Бонн сигнализировал о готовности

вести переговоры с Восточным Берлином. Советский Союз с самого начала стремился твердо удерживать контроль над германо-германскими переговорами и постоянно занимался «микроменеджментом» ГДР¹⁶. Поэтому поначалу — в 1969—1970 гг. — он дал Восточному Берлину указание занять по отношению к Бонну бескомпромиссную позицию, чтобы Ульбрихт не отважился проявить собственную инициативу. Ульбрихт, хоть он и не был тайным либералом и реформатором, все же хотел проводить собственную политику в отношении Германии и использовать те шансы, которые, казалось, появились вследствие смены правительства в Бонне: для достижения международно-правового признания, для проникновения в ФРГ и для получения выгоды технологического и экономического характера. Свобода действий Ульбрихта ограничивалась еще и тем, что у него был соперник в лице Эриха Хонеккера, который видел в «новой восточной политике» исключительно риски для ГДР.

В течение 1970 г. Советский Союз удерживал ГДР «на коротком поводке». В то время как московское руководство поначалу требовало от Восточного Берлина настаивать на получении международно-правового признания со стороны Бонна, само оно проявляло уступчивость в этом вопросе — признанием «письма о германском единстве» оно сделало возможным заключение германско-советского договора 12 августа 1970 г. И лишь после этого Советский Союз заставил ГДР начать переговоры с Бонном, поскольку теперь он хотел добиться скорейшей ратификации Московского договора на основе успехов, достигнутых на переговорах в Берлине и в германо-германских обсуждениях соглашения о транзите. Теперь Советский Союз требовал проявить большую гибкость и отступить от требования международно-правового признания. Этой сменой курса воспользовался Хонеккер в борьбе за власть с Ульбрихтом, убедив Брежнева в том, что он — в отличие от своего своенравного конкурента — безоговорочно будет следовать линии КПСС. Весной 1971 г. за этим последовала — при значительной поддержке Брежнева — смена власти в Восточном Берлине. Советский Союз руководил всеми, вплоть до мельчайших деталей, действиями ГДР на переговорах по соглашению о транзите, что прежде

всего нашло отражение в уступках Федеративной Республике и сделало возможным заключение договора 17 декабря 1971 г. То же самое происходило на переговорах, предшествовавших Договору о транспортном сообщении от 26 мая 1972 г. и Договору об основах отношений от 21 декабря 1972 г. Для Советского Союза было крайне важно оставить у власти правительство Брандта, поскольку оно было гарантом того, что «восточные договоры» будут ратифицированы. В 1969—1972 гг. отношения с Бонном были для него важнее отношений с Восточным Берлином. И поэтому главе западногерманской делегации Эгону Бару с помощью Советского Союза вновь и вновь удавалось добиваться от ГДР таких уступок, на которые она бы иначе ни за что не пошла — например, в спорном вопросе дальнейшего существования единой германской нации. Советский Союз в итоге настоял на своем, в то время как ГДР пришлось удовлетвориться «половинчатым» (не международно-правовым) признанием со стороны ФРГ.

Приоткрытие завесы между ГДР и Западом как следствие Договора об основах отношений обусловило некоторые изменения в отношении ГДР к Советскому Союзу. Одновременно с открытым отказом от единой германской нации все сильнее стало подчеркиваться единение с Советским Союзом: Конституция 1974 г., восточногерманско-советский договор о дружбе 1975 г. и программа партии СЕПГ 1976 г. закрепили вечную и нерушимую дружбу между двумя государствами на государственно-правовом, международно-правовом и партийно-политическом уровнях. Это организационно-правовое обеспечение альянса с Советским Союзом побудило Хонеккера с 1974 г. проявлять все большую готовность вступить в деловые отношения с правительством ФРГ. В конечном итоге это объяснялось и экономическими потребностями. Ведь в экономических отношениях с Советским Союзом — ГДР зависела от поставок сырья (прежде всего сырой нефти) — нарастали сложности: Советскому Союзу все меньше удавалось соблюдать свои обязательства по поставкам, а после нефтяного кризиса 1974 г. он повысил цену на нефть для стран блока и потребовал от ГДР потребительских товаров более высокого качества. Поэтому руководство ГДР, из страха перед внутренней нестабильностью не желавшее

перекладывать бремя повышения цен на своих граждан, сочло себя вынужденным брать больше кредитов на Западе и компенсировать недостающие советские поставки импортом из «несоциалистической экономической зоны». Тем самым политика разрядки международной напряженности, усиленно проводимая Москвой в отношении Восточного Берлина, создала условия, при которых ГДР — к большому неудовольствию Советского Союза — расширяла свои связи с Западом¹⁷. Контроль над отношениями между ГДР и ФРГ все больше и больше ускользал от Советского Союза, сил которого уже не хватало на его поддержание.

Эта тенденция должна была продолжиться в восьмидесятые годы. Решающим рубежом для внешней политики ГДР в период между 1973 и 1989 гг. стало сделанное Советским Союзом осенью 1981 г. заявление о планируемом сокращении ежегодных объемов поставок нефти с 19 до 17 млн тонн. В сочетании с прекращением предоставления кредитов Западом и обострением экономических проблем ГДР это вызвало смену внешнеполитической стратегии, которая — в отличие от предшествовавшего периода — признавала открытые расхождения с Советским Союзом и усиленно использовала «особые» отношения с ФРГ для облегчения экономической ситуации. Таким образом, несмотря на напряженные отношения между сверхдержавами, ГДР не отказывалась от германо-германской кооперации. Впервые в истории восточно-германско-советских отношений по этим вопросам возникли разногласия, некоторые из которых высказывались открыто. Кульминация этих противоречий наступила в 1984 г., когда советскому руководству лишь с большим трудом удалось сподвигнуть Хонеккера отказаться от своего давно запланированного визита в Бонн.

После вступления в должность Горбачева в 1985 г. двусторонние отношения ненадолго снова улучшились, поскольку он вернулся к политике разрядки напряженности и ослабил советские механизмы контроля в Восточном блоке. Это дало ГДР больше свободы действий, которую Хонеккер использовал, в частности, в 1987 г. для своего визита в Бонн. Однако с 1987 г. Восточный Берлин стал все больше отворачиваться от Москвы: с одной стороны, из-за страха перед

внутриполитической дестабилизацией вследствие советской политики реформ, а с другой стороны, потому, что Советский Союз налаживал все более тесные связи с ФРГ.

Отношения с другими государствами Восточного блока были подвержены таким же колебаниям, как и отношения с Советским Союзом. В то время как отношения с ЧССР с семидесятых годов в значительной степени нормализовались, значительно ухудшились отношения с Польшей в свете ослабления действовавшей там системы, которого добился независимый профсоюз «Солидарность». Теперь по инициативе Хонеккера в декабре 1980 г. в Москву были созваны руководители партий стран Варшавского Договора. В отличие от Хонеккера, который хотел применить стратегию, подобную выбранной в отношении ЧССР в 1968 г., Брежнев старался избегать всего, что выглядело похоже на «1968», поскольку у Советского Союза больше не было военных возможностей для того, чтобы в крайнем случае насильственно урезонить Польшу¹⁸. Поэтому до вторжения в Польшу дело, конечно, не дошло; но после объявления генералом Ярузельским военного положения в декабре 1981 г. восточногерманско-польские отношения оставались напряженными. Враждебное отношение к реформам в ГДР привело к тому, что во второй половине восьмидесятых годов она подвергалась в Восточном блоке все большей изоляции, что проявилось на очередном Совещании по безопасности и сотрудничеству в Европе в Вене (1986–1989).

Таким образом, «социалистический интернационализм» в отношениях между ГДР и государствами Восточного блока практически не прослеживается, если не считать того, что ГДР – как и другие государства Восточного блока – могла приобретать на особых условиях сырье (в частности, нефть) из Советского Союза. Однако за этим скрывался и реальный политический расчет на то, что само существование ГДР без соответствующих поставок оказалось бы под угрозой. Кроме того, ГДР пришлось в середине семидесятых годов смириться с ростом цен, а с 1982 г. еще и обходиться сокращенными поставками. Следовательно, в основе отношений между государствами Восточного блока тоже лежали прозаические, далеко не всегда совместимые между собой политические

интересы их властей, при этом для ГДР во главе угла всегда стояло обеспечение ее существования.

Мирное сосуществование? Отношения ГДР с ФРГ и с несоциалистическими европейскими государствами

Отношения с ФРГ и другими несоциалистическими государствами Европы вовсе не строились с самого начала по принципу «мирного сосуществования». В 1949 г. главной чертой германо-германских отношений было острое соперничество, ведь оба государства хотели объединения, однако на разных политических условиях. ГДР находилась в полной зависимости от Советского Союза, однако по вопросу целей политики в отношении Германии их позиции совпадали. Кроме того, восточногерманское руководство в то время было твердо убеждено в том, что сможет достигнуть этой цели: в этом четко проявилась ориентация на марксизм-ленинизм, предсказывавший победу социализма над сотрясаемым кризисами капитализмом. Однако, по мере того как эта цель оказывалась иллюзорной, ключевой внешнеполитической целью ГДР все больше начинало становиться признание ее как самостоятельного государства. В документах, подготовленных к заседанию политбюро СЕПГ в августе 1955 г., было сказано: «Западу давно уже пора отказаться от своего недалекого мнения, что Германской Демократической Республики не существует»¹⁹. И если до 1955 г. политика ГДР в отношении Запада в качестве первичной цели преследовала перенесение «антифашистско-демократического строя» на ФРГ с последующим объединением двух государств, то теперь ей нужно было прежде всего создать такой внутривнутриполитический климат, который способствовал бы признанию ГДР как второго германского государства.

И хотя строительство стены, начавшееся 13 августа 1961 г., привело к консолидации восточногерманского государства и сигнализировало о том, что теперь с ГДР долго придется считаться, прямых последствий для восточногерманского стремления к признанию оно не имело. Если до 1966 г. СЕПГ еще пыталась использовать потерявший

свою прочность в ФРГ принципиальный антикоммунистический консенсус, прежде всего для оказания влияния на СДПГ (и поэтому непродолжительное время приветствовала «обмен ораторами» с социал-демократами), то в декабре 1966 г., как только была образована «Большая коалиция», она перешла к строгой политике отмежевания. На все старания Федерального канцлера Кизингера продвинуться в решении гуманитарных вопросов она отвечала отказом, выдвигая в качестве условия для послаблений и упрощения контактов между восточными и западными немцами требование международно-правового признания ГДР. Важным сигналом к отмежеванию от ФРГ стало в 1967 г. введение гражданства ГДР.

Несмотря на то что после подписания Договора об основах отношений 21 декабря 1972 г. ГДР никогда не упускала из виду цель получения международно-правового признания со стороны ФРГ, теперь она хотела и получать выгоду из отношений с ФРГ. В этих вопросах руководство ГДР ходило по тонкой грани между сотрудничеством и отмежеванием. Конечно, оно продолжало считать необходимым свести к минимуму человеческое общение между западными и восточными немцами. Однако вследствие нарастающей потребности в финансовых средствах оно вновь и вновь соглашалось на выгодные западногерманские предложения, даже если в ответ ей приходилось предоставлять послабления для людей. В первую очередь это касалось переговоров о транспортном сообщении 1974—1975 и 1978 г. В обоих случаях советское руководство выдвигало существенные возражения. Этим оно сумело затянуть, но не предотвратить заключение соглашений²⁰.

В конце 1979 г., когда вследствие вторжения советских войск в Афганистан и «двойного решения НАТО», принято в качестве ответа на происходившее в семидесятые годы наращивание советского военного потенциала, возросла напряженность в мировой политике, Хонеккер старался придерживаться политики разрядки. Об этом явственно свидетельствовало его требование о встрече с Гельмутом Шмидтом, выдвинутое еще в декабре 1979 г.; однако по указанию из Советского Союза он отменил эту встречу. Германо-германские отношения Хонеккер старался по возможности не вмешивать в конфликт сверхдержав, однако тогда он еще

подчинился указаниям советского руководства, потребовавшего снова перенести назначенную в итоге на конец февраля 1980 г. германо-германскую встречу в верхах²¹.

На фоне слабого руководства со стороны Советского Союза Восточный Берлин к началу 1980-х годов на удивление далеко продвинулся в реализации своей стратегии — продолжать по отношению к ФРГ политику разрядки напряженности, при этом получая от нее максимально возможную выгоду. Встреча с Федеральным канцлером Гельмутом Шмидтом на озере Вербеллинзе в декабре 1981 г., ведение переговоров о двух миллиардных кредитах в 1983 и 1984 г., четырехкратный рост количества переселений на Запад в 1984 г., увеличение количества туристических и частных поездок, а также рост оборотов внутригерманской торговли в 1985 г. означали заметную интенсификацию внутригерманских отношений. Правда, это было возможно лишь потому, что ГДР уклонялась от курса Москвы на конфронтацию с Западом, взятого на фоне принятого Германским Бундестагом 22 ноября 1983 г. решения о довооружении. На заседании ЦК 24/25 ноября 1983 г. Хонеккер назвал советский ответ на это решение — разместить дополнительные ракеты в ГДР и ЧССР — хоть и необходимым, однако вовсе не приветствуемым шагом и объявил себя сторонником политики ограничения ущерба в германо-германских отношениях²².

Однако от своей цели — получения международно-правового признания со стороны Бонна — ГДР никогда не отступала. Напротив, она подтвердила ее в октябре 1980 г. так называемыми «герскими требованиями»²³.

Но при этом на фоне продолжавшей усложняться экономической ситуации Восточного Берлина кооперация с Бонном приобретала все более важное значение, так что ФРГ смогла сподвигнуть руководство ГДР на уступки и в этих вопросах. В целом германо-германские отношения продолжали улучшаться, и после того как Советский Союз под руководством Горбачева вернулся к политике разрядки напряженности в отношениях с Западом, Хонеккер в сентябре 1987 г. посетил ФРГ. Этот псевдогосударственный визит, как тогда казалось многим, решил германский вопрос в пользу существования двух государств. Поездка была одним из целого

ряда визитов, которые Хонеккер между 1980 и 1988 гг. нанес во многие западно-, северно- и южноевропейские государства, а также в Японию. Принимающие стороны принципиально рассматривали ГДР как государство, не подверженное кризисам, что способствовало появлению у руководства СЕПГ ложного чувства уверенности, равно как и многочисленные визиты западногерманских политиков в Восточный Берлин между октябрём 1987 и маем 1989 г. Однако осенью 1989 г. экономическая зависимость ГДР от ФРГ приобрела такие масштабы, что не замечать ее стало невозможно. Председатель Государственной плановой комиссии Герхард Шюрер полагал, что банкротство ГДР удастся предотвратить только миллиардными кредитами из Бонна; в качестве ответного шага он был готов на уступки в вопросе стены²⁴. Сохранить ключевой элемент государственной политики ГДР — отмежевание от ФРГ — в этом случае не представлялось возможным.

Отношения с другими европейскими государствами имели для ГДР значительно меньшее значение, нежели отношения с ФРГ. При этом нужно проводить четкое различие между членами НАТО и нейтральными государствами: прежде всего от последних, в первую очередь от Швеции и Финляндии, ГДР до 1972 г. надеялась получить признание, в котором ей, однако, было отказано. Среди союзников ФРГ она тоже пыталась вести лоббистскую деятельность с целью создания благоприятной для признания атмосферы; однако с ними у нее было на это значительно меньше шансов, чем с нейтральными странами. После 1973 г. отношения стали развиваться в деловом ключе; для ГДР было важнее всего подкрепить признание как можно большим количеством заключенных договоров и поднять свой престиж. Помимо взаимных рабочих и государственных визитов этой цели служило также участие в международных встречах на высшем уровне, таких как Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ) в 1975 г.

Соответственно нельзя сказать, что отношения между ГДР и западными государствами после 1955 г. не строились по принципу «мирного сосуществования», ведь ГДР отказалась от применения военной силы для преодоления конфронтации двух систем. Помимо того что не во власти ГДР было

самостоятельно принимать решения о войне и мире, развитие этих отношений говорит и о том, что это определение совершенно не отражает реальную ситуацию. Ведь оно не учитывает того, что ФРГ одним лишь фактом своего существования ставила под вопрос существование ГДР, ввиду чего германо-германским отношениям приходилось колебаться между отмежеванием и сотрудничеством, в то время как отношения с западными государствами имели для ГДР, в сущности, второстепенное значение.

Антиимпериалистическая солидарность? Отношения ГДР со странами «третьего мира»

В отношениях ГДР со странами «третьего мира» основной акцент поначалу делался не на «антиимпериалистическую солидарность», а на стремление к признанию. ФРГ противопоставляла ему собственное притязание на представительство всей Германии, которое в 1955 г. вылилось в форму доктрины Хальштейна. Предпосылкой послужило установление дипломатических отношений между Москвой и Бонном в сентябре 1955 г. Поскольку теперь оба государства были представлены посольствами в советской столице, задачей ФРГ было не допустить, чтобы ГДР рассматривала это как прецедент. Поэтому она вновь подтвердила политику непризнания, пригрозив тем государствам, которые признавали ГДР, санкциями — вплоть до разрыва дипломатических отношений. Реализовав эту угрозу в 1957 г., когда Югославия установила дипломатические отношения с ГДР, она продемонстрировала серьезность своей позиции.

В последующие годы восточногерманское государство прилагало все усилия к преодолению доктрины Хальштейна²⁵. Помимо контактов с зарубежными коммунистическими партиями и профсоюзами начало политическим отношениям должны были положить прежде всего торговые связи, против которых Бонн не выдвигал возражений. В третьем мире ГДР действовала под прикрытием Советского Союза, сосредоточивая основные усилия на Ближнем Востоке — особенно на Египте — и на Южной Азии, где она энергично, но безуспешно пыталась склонить на свою сторону Индию.

Строительство стены хотя и сигнализировало о том, что ГДР еще долго будет существовать как второе германское государство, но доктрину Хальштейна тоже не отменило. А когда ФРГ стала ее модифицировать, это объяснялось в первую очередь не политикой ГДР, а изменившейся ситуацией в мировой политике, для которой были прежде всего характерны усилия сверхдержав по достижению разрядки напряженности, а также все меньшее одобрение доктрины Хальштейна в Западной Германии. На неофициальном уровне ГДР смогла достигнуть некоторых успехов, однако признания так и не добились. Об этом свидетельствует прежде всего псевдогосударственный визит Ульбрихта к египетскому президенту Насеру в марте 1965 г., позволивший ГДР заметно повысить свой престиж. Однако решение Насера пригласить Ульбрихта объяснялось в первую очередь не внешнеполитическими усилиями ГДР, а политикой ФРГ в отношении Израиля и советским влиянием в Египте. Кроме того, этот визит не принес ГДР дипломатического признания — ни со стороны Египта, ни со стороны какого-либо другого арабского государства. И это несмотря на то, что Федеральный канцлер Эрхард отреагировал на визит Ульбрихта в Каир установлением дипломатических отношений с Израилем, вследствие чего десять арабских государств разорвали отношения с ФРГ.

В уходе колониальных держав из Африки, начавшемся в 1957 г., ГДР узрела еще один шанс приблизиться к своей цели. Здесь она надеялась — прежде всего под лозунгом антиимпериалистической солидарности — на более тесные межгосударственные связи: решением Политбюро от 4 января 1960 г. преодоление доктрины Хальштейна было объявлено важнейшей внешнеполитической задачей ГДР, в том числе и в Африке²⁶. Однако уже вскоре ГДР поняла, что рассчитывать на всеобщее признание не стоит и здесь, и с 1963 г. сконцентрировалась на Гане, Гвинее и Мали. После переворота на Занзибаре ей неожиданно удалось установить дипломатические отношения с этим островным государством. После образования Танзании из Танганьики и Занзибара в 1965 г. в новом восточноафриканском государстве получилось сохранить пусть не посольство, но по крайней мере генеральное консульство.

Однако это был лишь незначительный и единичный успех. Тем более удивительным кажется на первый взгляд тот факт, что ГДР в 1969 г. установила дипломатические отношения с Ираком, Камбоджей, Суданом, Сирией, Южным Йеменом и Египтом. И хотя Восточный Берлин проводил в этих государствах интенсивную подготовительную работу, признание со стороны Ирака и Камбоджи стало для ГДР приятной неожиданностью. Для обоих государств было важнее всего при помощи признания ГДР обеспечить усиление получаемой от Советского Союза поддержки. В отношениях с другими государствами Москва активно вступалась за интересы ГДР²⁷. Таким образом, в конечном итоге именно фактор Советского Союза — в совокупности с серьезными восточногерманскими мерами экономической поддержки — играл решающую роль в достижении этих внешнеполитических успехов ГДР. Несмотря на двукратную модификацию доктрины Хальштейна правительством ФРГ в мае и октябре 1969 г., до 1972 г. ГДР была признана только лишь некоторыми из менее влиятельных развивающихся стран, таких как Сомали, Чад и Цейлон. Даже в смягченном варианте доктрина Хальштейна оставалась — вместе с экономической мощью ФРГ — крайне действенным инструментом внешнеполитической блокады ГДР.

Когда ГДР получила всемирное признание, что стало следствием заключения Договора об основах отношений, ее цели изменились и в «третьем мире». Несмотря на торговлю с Южно-Африканской Республикой, ГДР уже в 1960-е годы поддерживала освободительные движения в Южной Африке, с 1967 г. в том числе и оружием. После 1975 г. на фоне распада португальской колониальной империи, свержения негуса Эфиопии Хайле Селассие и активизации освободительных движений в Южной Африке, по словам Хонеккера, на Черном континенте, казалось, «имелись самые широкие возможности сделать важный шаг вперед в мировом революционном процессе»²⁸. В этом он был полностью согласен с Брежневым. В отличие от предшествовавших лет руководство ГДР не ограничивалось лишь выполнением указаний из Москвы, а разрабатывало — в строгом соответствии с советской позицией — собственные стратегии, а порой даже проявляло

инициативу, например в 1977 г., когда оно совместно с Кубой решило поддержать режим Менгисту в Эфиопии еще до того, как Советский Союз дал старт этой поддержке²⁹. Не только Эфиопия, но и Мозамбик, и Ангола, и освободительные движения в образованных позже Намибии и Зимбабве получали от ГДР гражданскую и военную поддержку. Таким образом, в этот период Африка входила в число тех регионов, где политику ГДР определяли идеологические цели. Соображения экономического характера поначалу были им подчинены, но начиная с 1979 г. стали приобретать все более важное значение³⁰. А в 1980-е годы и в третьем мире усилилось влияние экономических факторов на внешнюю политику ГДР. Это становится заметно не только по ее поведению во время Ирано-Иракской войны (1980—1988), в которой она, несмотря на официальный нейтралитет, старалась вступать в деловые отношения с обоими государствами; кроме того, для поддержки своей программы экспорта в кризисные регионы ГДР делала ставку уже не на идеологически близкие, а на как можно более финансово устойчивые государства. Больших успехов она в этом не добилась. К концу десятилетия она стала уходить из третьего мира в связи с истощением ресурсов и растущей важностью событий, происходящих в Европе.

И если до 1972 г. «антиимпериалистическая солидарность» была скорее средством, нежели целью восточногерманской политики в «третьем мире», то с середины 1970-х годов идеологическая основа внешней политики ГДР в Африке стала более заметна. По политически-идеологическим мотивам ГДР считала себя вынужденной оказывать поддержку государствам «социалистической ориентации». Именно по действиям в Африке можно отчетливо проследить, как мотивация на установление и поддержание контактов смещалась из идеологической плоскости в экономическую. Так, решившись на активное вмешательство в Эфиопии и Мозамбике, ГДР надеялась и на получение экономической выгоды от этих отношений. Однако в целом не стоит переоценивать значимость идеологии и для «южной политики» ГДР: в конечном итоге она играла ключевую роль только во второй половине 1970-х годов в отношениях с рядом африканских государств.

Заключение

Итак, достаточно очевидно, что внешняя политика ГДР строилась на основе политических и экономических интересов, а не возвышенных, диктуемых идеологией принципов. Для ГДР было значительно важнее преодолеть границы своей внешнеполитической дееспособности, установленные тремя вышеназванными факторами. Сделать это ей так и не удалось; тем не менее ее политический вес в международных отношениях менялся, хотя о прямолинейном пути развития от сателлита до младшего партнера Советского Союза речи быть не могло. Эти изменения политического веса, как правило, являлись следствием изменений в ее окружении, как это было в начале 1980-х годов, когда Советский Союз проявил слабость в руководстве. При этом главными целями внешней политики ГДР были вовсе не «мир и дружба народов», а обеспечение своего существования. Однако поскольку вследствие своей недостаточной внутренней легитимности ГДР значительно сильнее других государств была подвержена влиянию конъюнктурных изменений в мировой политике, успехом эти усилия в конечном итоге так и не увенчались.

ЮТТА БРАУН*

**«РАЗ В НЕДЕЛЮ ВСЯК ИЗ НАС
СПОРТУ ПОСВЯТИ ХОТЬ ЧАС»**

Триумф и иллюзия спорта в ГДР

«Правда и легенды из чудесной страны победителей» — это подзаголовок книги-биографии, написанной на основе интервью с Манфредом Эвальдом, многолетним руководителем спорта в ГДР и, несомненно, одной из самых примечательных фигур в этой сфере общественно-политической жизни¹. В чудесной стране сразу же угадывается ГДР, если посмотреть на чистый баланс ее олимпийских успехов. В Федеративной Республике еще в конце 1960-х годов западногерманские спортивные функционеры с удивлением разводили руками: «Неужели социалисты быстрее бегают?»² Этот вопрос стал особенно актуален после летних Олимпийских игр 1968 г. в Мехико, на которых восточногерманские спортсмены впервые в борьбе за медали показали лучшие результаты, чем западногерманские. Свое преимущество в спорте перед западногерманскими антиподами ГДР сохранит до своего краха, что позволяет говорить об особом случае немецко-немецкой конкуренции двух систем. «То, чего ГДР не удалось добиться во всех решающих секторах экономики и общественной жизни, получилось у нее в спорте»³. Отметим, что этот успех был впечатляющим не только в сравнении с Федеративной Республикой. В 1976 г. маленькая ГДР с населением всего лишь 16 млн жителей опережала в спорте Соединенные Штаты Америки — по результатам как зимних, так и летних Олимпийских игр. А в феврале 1984 г. она неожиданно обошла своего «старшего брата» — могучую спортивную державу Советский Союз: в медальном зачете на зимних Олимпийских играх в Сараево по числу завоеванных медалей ГДР с отрывом заняла первое место. В настоящей статье предпринимается попытка отве-

---

* Пер. с нем. Игоря Шматова.

тить в первую очередь на два вопроса. Во-первых, благодаря каким реальным факторам стало возможным «спортивное чудо ГДР», о котором продолжают помнить и в наши дни? И во-вторых: в мире каких мифов и вымыслов, до конца не изжитых до наших дней в ментальном и правовом отношении, существовала система спорта в ГДР?

«Рационализация»

После успеха в Мехико ГДР во главу угла планирования спортивной работы поставила подготовку к летним Олимпийским играм 1972 г. в Мюнхене. Заявленной целью Социалистической единой партии Германии (СЕПГ) было опережение в итоговом командном зачете сборной Федеративной Республики, чтобы «в ходе Олимпийских игр нанести поражение западногерманскому империализму на его собственной территории»⁴. Завоевание максимально возможного количества медалей стало отныне лейтмотивом восточногерманской спортивной политики. В 1969 г. руководство партии приняло «решение о развитии спорта высоких достижений»⁵ как примечательную программу рационализации, которая оказалась весьма эффективной. В результате все спортивные дисциплины были разбиты на две категории: на так называемый «Спорт I», пользующийся особой государственной поддержкой, и «Спорт II» с меньшим объемом государственного стимулирования. К первой категории были отнесены «медальные» виды спорта, т.е. те из них, в которых атлет может выиграть несколько олимпийских наград, как, например, в плавании, гребле или легкой атлетике. Одновременно такие виды спорта, как водное поло, в которых для выигрыша одной-единственной медали требуются значительный объем командных тренировок и большие спортивные сооружения, были признаны не столь значимыми и отнесены к категории «Спорт II». Ограничения, накладываемые на дисциплины категории «Спорт II», и связанные с этим минусы для спортсменов могли быть самыми разными: существенно меньшее финансирование и ресурсная база, сокращение времени присутствия в медийном пространстве, но в первую очередь запрет на участие в будущих международных соревнованиях

в «капиталистическом зарубежье». Это был большой шок для атлетов. Вот один из примеров. Восточногерманская национальная сборная по баскетболу готовилась к участию в предстоящем европейском первенстве, когда пришло роковое известие об отлучении команды от соревнований. Сразу после этого шесть из семи игроков вышли из СЕПГ в знак протеста против партийного решения, но он не был услышан⁶.

Наряду с разделением спорта на две части была создана совершенно новая система отбора спортивного резерва, так называемые «единые просмотр и отбор». Все дети школьного возраста в республике начиная с 1970-х годов скрупулезно взвешивались и измерялись, чтобы определить их потенциальную спортивную одаренность. Применительно к спортивной политике была сформулирована следующая максима: «Необходимо отыскать и поддержать каждый скрытый талант»⁷. Высокие подростки очень важны для многих видов спорта, так что скоро за «длинных» между клубом «Динамо» и армейским спортивным обществом разгорелась настоящая война. Конкурентная борьба в спортивных дисциплинах, где высокие показатели достигаются уже в раннем возрасте, как, например, в фигурном катании, приняла совершенно недопустимые формы, когда уже в детских садах и начальных классах в школах были организованы поголовные просмотры детей⁸. На это не могло не обратить внимания руководство Немецкого спортивно-гимнастического союза (НСГС), для которого также было очевидным, что, видимо, «есть люди, которые совершенно неконтролируемо ходят по школам и хотят кого-нибудь измерить»⁹. Поиски талантов не ограничивались только детьми школьного возраста. Главный спортивный руководитель Эвальд вывел на улицу представителей народной полиции. «Для выявления высокорослых подростков, поскольку рост играет особую роль во многих спортивных дисциплинах, были также привлечены участковые полицейские, любящие спорт. На улицах они вступали в беседу с высокими молодыми людьми, 16–17-летними девушками и юношами. <...> Так мы смогли просмотреть большинство детей нашей страны с определенными физическими признаками и затем с согласия их родителей направить их в систему профессионального спортивного просмотра и отбора»¹⁰.

Речь, однако, шла не только о распознавании спортивных задатков, но и том, чтобы целенаправленно их развивать. Государство направляло одаренных детей заниматься преимущественно «медальными» видами спорта. В результате футбол недосчитался многих талантов, отобранных для политически привилегированных спортивных дисциплин¹¹, и тем самым был существенно ослаблен. В 1986 г. один западногерманский репортер спросил у тренера футбольного клуба «Карл Цейс Йена» Лотара Курбювайта, почему в национальной сборной ГДР так мало высокорослых игроков, на что тренер свирепо, но честно ответил: «Все наши высокие футболисты занимаются греблей!»¹² За этот ответ он вскоре получил строгий выговор от своего партийного руководства¹³. Открытая критика деформации восточногерманского спортивного ландшафта не допускалась.

Наряду с рационализацией в системе спортивных дисциплин важную роль играл огромный по составу аппарат спортивных ведомств и организаций, который позволял обеспечивать всестороннюю опеку атлетов и эффективную организацию тренировочного процесса. В 1989 г. в аппарате Немецкого спортивно-гимнастического союза работали 10 577 сотрудников, в том числе 4855 тренеров. Одно только количество штатных сотрудников спортивных клубов в ГДР — в СК «Единство» в Дрездене их было 256, в СК «Карл-Маркс-Штадт» 226 — показывает, что клубы были школой спорта высоких достижений. Несмотря на свои популярные названия, они имели мало общего с традиционными клубами немецкого спорта¹⁴.

Кроме того, если речь шла о спорте высоких достижений, честолюбие и инновационные подходы не были чужды ГДР и в вопросах его технического обеспечения. Во время соревнований по гребному слалому на олимпийских играх 1972 г. команду Федеративной Республики ждал большой сюрприз. Перед играми в ГДР недалеко от города Цвикау была в тайне в уменьшенных размерах воспроизведена олимпийская трасса для соревнований в этом виде спорта. Тренируясь на ней, восточногерманские спортсмены смогли свести на нет домашнее преимущество западных немцев и завоевать четыре золотые медали. Отличный результат!¹⁵ Ореолом

тайнственности была окутана камера пониженного давления в Кинбауме, в которой в целях тренировочного процесса моделировались условия высокогорной местности, а также специальный бассейн для тренировок пловцов и каноистов. Много шума вызвало строительство санно-бобслейной трассы в Альтенбург/Хиршшпрунге с 1982 по 1986 г., правообладателем которой было министерство государственной безопасности. Стоимость трассы составила более 131 млн марок. Масштабность проекта породила среди населения слухи о том, что рядом с трассой будут размещены ракеты среднего радиуса действия СС-20¹⁶.

Однако инновации оказались нежелательными, когда речь зашла о новых модных видах спортивных дисциплин в целях развлечения, о фанспорте, которые стали возникать в 1970-е годы. «Уже само слово «фанспорт» необязательно имеет отношение к спортивному лексикону ГДР»¹⁷, — так историк Кай Рейнхарт описал проблемы развития фанспорта и других модных видов спорта для развлечения в Восточной Германии.

Спорт во втором немецком государстве постоянно был обременен неподъемным грузом политического подтекста, тяжелым балластом проекта созидания социализма. «Спорт не самоцель, а средство для достижения цели!» — эти слова, сказанные Эрихом Хонеккером еще в 1948 г., сохраняли актуальность на протяжении всего существования ГДР. По этой причине индивидуальный характер новых видов спорта не вызывал одобрения властей, ведь серферы и йоггеры предпочитали предаваться своему увлечению в одиночестве или в компании друзей, во всяком случае, не в составе социалистического коллектива. Для них кошмаром было представление о том, что они будут включены в бюрократические и затхлые структуры спортивно-гимнастического союза. Кроме того, эти структуры были пропитаны врожденным страхом партийного и спортивного руководства перед «бегством из республики»: соревнования по серфингу, которые сначала было разрешено проводить на Балтийском море, вскоре стали проводить исключительно на внутренних водоемах. Это случилось после того, как сотрудники органов государственной безопасности ГДР с ужасом выяснили, что серферы

могли незаметно проплывать мимо их радаров¹⁸. Бум серфинга, не совместимый с политической линией партии, охватил также семьи номенклатуры. Карл Шнитцлер, племянник печально известного главного телевизионного комментатора Карл-Эдуарда фон Шнитцлера, в 1984 г. открыл в районе Висмар-Ланд собственную школу серфинга. Однако партия была не согласна терпеть подобного рода «коммерческие» вольности; в дело лично вмешался главный спортивный руководитель Манфред Эвальд¹⁹. Вскоре после этого школа под давлением властей была закрыта. Карл Шнитцлер, понесший дополнительные материальные убытки после пожара в собственном доме, в качестве выхода из создавшейся ситуации выбрал бегство из страны.

Спортивное руководство, помимо всего прочего, увидело в новых модных занятиях спортом угрозу потерять важные таланты для спорта высоких достижений. В результате карате как вид спорта был немедленно запрещен. В течение длительного времени он существовал практически на полулегальном положении. Участников секций карате, в соответствии с пожеланием СЕПГ, было предложено привлечь (или вернуть) к занятиям дзюдо²⁰. Серфинг, аэробика, бодибилдинг — популярность этих видов спорта продолжала расти, особенно среди молодых спортсменов-любителей. Партия рассчитывала на то, что сумеет тем не менее замолчать это влияние Запада, запретив употреблять ненавистные названия-англицизмы. Так, виндсерфинг мог официально называться только «плаваньем на доске под парусом», аэробика превратилась в «поп-гимнастику», а бодибилдинг стал «культуризмом». То есть речь шла о навязанном употреблении слов, которые в повседневной жизни спортсменов так и не прижились.

Бедственное положение в массовом спорте

«Раз в неделю всяк из нас спорту подари хоть час!» — девиз, который Вальтер Ульбрихт в 1959 г. использовал для пропаганды массового спорта в ГДР. Однако после решения о государственной поддержке спорта высоких достижений 1969 г. стало очевидно, что выбор государства в пользу олимпийско-

го золота идет вразрез с потребностями населения. В частности, государство так и не смогло создать необходимые предпосылки для развития массового спорта, т.е. как строительство достаточного количества спортивных сооружений, так и обеспечение людей спортивной одеждой. С одной стороны, это явилось одним из следствий общей деградации социальной инфраструктуры, повсеместно наблюдаемой в ГДР. Прессе было строжайше запрещено писать об этом. Когда в 1986 г. были опубликованы результаты исследования «Научного технического центра» по спортивным сооружениям о катастрофическом состоянии открытых и крытых плавательных бассейнов, согласно которым более 50% из них только частично были пригодны для использования, автора исследования и редактора публикации обвинили в политически неправильном поведении; им обоим было вынесено порицание²¹. С другой стороны, бедственное положение массового спорта было прямым следствием того, что спортивные сооружения и различного рода ресурсы должны были использоваться в первую очередь в интересах спорта высоких достижений.

«Послушайте, — возмущался в середине 1980-х годов один спортсмен-любитель политикой спортивной бюрократии Немецкого спортивно-гимнастического союза, — повсеместно пропагандируемый лозунг “Все на спортплощадку природы!” звучит совсем неплохо, правда, с его помощью ответственные функционеры НСГС сильно облегчили себе жизнь»; «многим любителям спорта», очевидно, больше нечего предложить, «кроме как лес, поскольку современные спортивные сооружения, стадионы, плавательные бассейны, услуги спортивной медицины, организационные структуры и т.д. они зарезервировали для атлетов, показывающих высокие спортивные результаты. Все это оказалось почти недоступным для трудящихся, которые хотели бы после рабочего дня позаниматься своим видом спорта». Американскому движению йоггинга и западногерманской программе «За здоровый образ жизни» ГДР противопоставила организованное под патронажем государства движение «Пробеги еще одну милю», которое имело хорошо узнаваемый характер кампании, спланированной в духе социалистических канонов. Здесь были и регулярные «встречи участников», и «постоянные комитеты» движения,

и, не в последнюю очередь, «мили дружбы в память о победе Красной Армии над гитлеровским фашизмом»²². Тем не менее забеги пользовались большой популярностью, хотя и в этом случае настроение омрачала нехватка спортивных аксессуаров, о чем свидетельствуют жалобы, поступавшие в НСГС: «Дорогие друзья спорта! Подскажите, пожалуйста, как мне достать для членов моей семьи обувь для бега. Мне кажется, что движение “Пробеги еще одну милю” — это не городская пробежка по магазинам!»²³ В видах спорта категории «Спорт II», и без того обделенных вниманием, в апреле 1989 г. забил тревогу генеральный секретарь баскетбольного союза: «Положение стало нетерпимым. Игроки уже при замене во время матча обмениваются своей спортивной обувью, чтобы следующий игрок мог выйти на площадку»²⁴. Продажа подошвенных материалов по указанию НСГС временно осуществлялась только клубным центрам спорта высших достижений.

О противоречии «между пропагандистской картинкой и реальной ситуацией дефицита»²⁵ в ноябре 1983 г. в письме на имя руководителя восточногерманского спорта Манфреда Эвальда один спортсмен-бегун в отчаянии написал: «Помимо меня есть еще сотни тысяч других бегунов на выносливость, сталкивающихся с проблемой дефицита специальной спортивной обуви. Все они надеются, что большая спортивная политика НСГС, наконец, обратит внимание и на спортсменов-любителей. Успехи нашей спортивной политики я хотел бы видеть не только на страницах газет, но и ощущать на себе лично. Коллега по спорту Эвальд, я ожидаю конкретного ответа! Со спортивным приветом [подпись]. P.S. Мой размер — $27\frac{1}{2}$ »²⁶. Видимо, такие обращения оказывали определенное воздействие. В 1985 г. в письме Эгону Кренцу Манфред Эвальд признал двуличность официальной спортивной политики: «Также за последнее время относительно быстро рос интерес десятков тысяч наших граждан к регулярному занятию спортом. Все большее их число требует увеличить предложение доступных спортивных товаров, чтобы более активно самим заниматься спортом. В частности, речь идет об обуви для бега, столах для настольного тенниса...» Не имеет смысла, пишет Эвальд, «отвлекать внимание от реальной проблемы специальными выставками образцов спортивных

товаров на ярмарке в Лейпциге. Они только скрывают истинное положение дел и никак не помогают нашим гражданам»²⁷. Тем не менее вследствие концентрации внимания государственной спортивной политики на спорте высоких достижений в печальном положении массового спорта до самого конца ГДР никаких изменений к лучшему не произошло.

«Бегство из республики» — страшный сон спортивных чиновников

В год принятия решения о спорте высоких достижений произошло — на этот раз против воли руководства СЕПГ — другое важное событие. В одну из августовских ночей рекордсмен по плаванию Аксель Митбауэр в курортном местечке Болтенхаген на западе ГДР вошел в море, предварительно втерев в кожу больше 30 тюбиков вазелина. Проплыв 22 километра, он достиг бухты города Любек. Сенсационный побег вызвал шок в аппарате государственной безопасности, хотя Митбауэр был далеко не первый сбежавший титулованный атлет. Начиная с 1950-х годов не только отдельные спортсмены, но иногда даже целые спортивные команды бежали на Запад в поисках лучшей жизни. Так, в мае 1950 г. почти все игроки футбольного клуба «Дрезден-Фридрихштадт» покинули свой родной город в направлении Западного Берлина, в том числе тренер команды Гельмут Шен. Сотрудники государственной безопасности не раз на протяжении 1950-х годов занимались подобными случаями. Так, барьеристке Карин Бальцер в 1958 г. пришлось так часто принимать «визитеров» из службы госбезопасности, что она, вконец запуганная, решила вернуться в ГДР²⁸. Другим любимым методом правящего режима в ГДР было оказание давления на беглецов посредством их отчаявшихся родителей. Так, та же Карин Бальцер неожиданно для себя встретилась со своим отцом, который по указанию госбезопасности должен был убедить спортсменку вернуться домой. Десятью годами позже прыгуну с трамплина Ральфу Пеланду грозили арестом отца, если он не отправится назад в ГДР²⁹.

Однако после бегства Митбауэра, которое по времени совпало с перестройкой системы спорта, органы государ-

ственной безопасности стали менять методы: на первый план вышла работа по «предупреждению». Министерство госбезопасности сформулировало задачу поставить под постоянный контроль все личные контакты ведущих спортсменов. Тем самым было предопределено создание комплексной системы надзора в спорте, что нашло отражение в пресловутой директиве 1/71, касающейся оперативного персонального контроля³⁰. С того времени сотрудники государственной безопасности несли личную ответственность за неосведомленность о планах того или иного атлета-рекордсмена бежать из страны. Один капитан из МГБ так вспоминал о возникших «внутренних проблемах» после того, как Франк Липпман, игрок футбольного клуба «Динамо», в 1986 г. после игры за европейский кубок в Урдингене остался на Западе: «Этого не должно было случиться. Все произошло вследствие провальной работы соответствующих подразделений министерства. Почему о планах спортсмена не было известно заранее?»³¹ Что из прежних методов работы было сохранено, так это использование родителей в качестве инструмента давления. Еще в 1980-е годы сотрудники госбезопасности отправили в этих целях к трем игрокам гандбольного клуба «Емрог» (Росток), которые остались в Мюнхене после игры с западногерманской командой, их матерей, что, однако, не дало никаких результатов³². В итоге остался на Западе и Юрген Шпарвассер, олицетворение триумфа восточногерманского футбола, забивший легендарный гол на гамбургском стадионе «Фолькспарк». Это произошло в 1988 г. в Саарбрюккене на футбольном турнире ветеранов.

Руководство СЕПГ и послушная ему спортивная журналистика ГДР по отношению к изменившим стране спортсменам использовали тактику вытравливания памяти о них из коллективного сознания, как бы повторяя акт «*damnatio memoriae*» (лат. «проклятие памяти». — *Перев.*) властителей Древнего Рима, по приказу которых уничтожались все настенные и надгробные надписи с упоминанием имен попавших в немилость граждан³³. Имена бежавших на Запад спортсменов вымарывали из официальных списков медалистов³⁴, а их изображения с помощью ретуширования топорно удаляли с коллективных фотографий членов спортивных клубов³⁵.

Легкоатлет и «спортсмен года» 1965 г. Юрген Мей после бегства в Федеративную Республику был по-тихому заменен на Петера Дуке, второго в почетном списке. До сих пор остается не выясненным, не была ли гибель в автокатастрофе бывшего нападающего берлинского футбольного клуба «Динамо» Лутца Айгендорфа на самом деле убийством, перед которым не остановилось руководство СЕПГ в порыве мести³⁶. Более 600 «спортивных изменников» насчитало министерство госбезопасности за период с 1952 по 1989 г., хотя можно предположить, что реальная цифра была значительно выше. Многие беглые спортсмены даже спустя двадцать лет после падения Берлинской стены не смогли избавиться от чувства смутного страха перед длинной рукой государственной безопасности; некоторые опасались, что старая сеть агентов репрессивного аппарата диктатуры СЕПГ продолжает функционировать. Так, футболист Фалко Гетц, бежавший из ГДР в 1983 г., в 2004 г. по поводу истории с Лутцом Айгендорфом заявил: «Я никогда не высказывался по этому поводу публично, и не буду делать этого и дальше. Я думаю, что те старые структуры все еще существуют»³⁷. Режим СЕПГ всегда отрицал наличие каких-либо личных или тем более политических мотивов, которые побуждали бы атлетов ГДР покинуть страну. При этом в качестве камуфляжа истинных причин на всем протяжении существования ГДР — вплоть до ее конца — служили два стереотипных объяснения. Беглецы изображались или как безвольные жертвы бессовестных «торговцев людьми»³⁸, или как отъявленные предатели социалистических идеалов. «Предательство всегда будет предательством»³⁹, — так публично футболисты дистанцировались от своего сбежавшего на Запад тренера в 1959 г. «Предательство»⁴⁰, — писала газета «Юнге Вельт» еще в 1988 г. об одном из последних видных беглецов из республики прыгуне с трамплина и чемпионе Олимпийских игр 1976 г. Ханс-Георге Ашенбахе.

Допинг⁴¹

20 апреля 2007 г. в связи с пятидесятилетием основания Немецкого спортивно-гимнастического союза ГДР идол восточногерманского велосипедного спорта Густав-Адольф

(«Тэве») Шур, депутат Бундестага от Партии демократического социализма с 1998 по 2002 г., выступил с речью в рамках одного из торжественных мероприятий в Берлине. Эта речь, в которой он, в частности, открыто солидаризировался с бывшими сотрудниками министерства государственной безопасности, вылилась в яркую апологию спорта в ГДР, одновременно прозвучав как обвинение в адрес спортивной политики Федеративной Республики. Шур сказал, что «с 1990 г. было потрачено много денег», чтобы подорвать авторитет спорта ГДР. «Самый шумный крестовый поход был организован под флагом борьбы против допинга», — заявил он⁴². Этот упрек, однако, нельзя признать справедливым: напротив, в последние двадцать лет спортивное движение в Федеративной Республике испытывало большие трудности в том, чтобы дать объективную оценку нелегальным манипуляциям в системе восточногерманского спорта. Бывших тренеров из ГДР, уличенных в использовании допинга, часто принимали на новую работу, невзирая на прошлые «заслуги». Заметим, что и в отношении Штази так и не была выработана принципиальная позиция⁴³. До настоящего времени эти сюжеты остаются острыми темами дискуссий по вопросам спортивной политики⁴⁴.

Менталитет «осажденной крепости», который помогал многим восточным немцам, поддерживающим существовавшую в ГДР общественно-политическую систему, в том числе представителям спорта высоких достижений, игнорировать теневые стороны восточногерманского спорта, однако, ничего не меняет в том, что касается реальных документально подтвержденных фактов использования допинга⁴⁵. Так, еще в 1977 г. о «состоянии дел с применением поддерживающих средств»⁴⁶ докладывал один из главных ответственных чиновников в этой сфере доктор Манфред Хешнер, заместитель руководителя спортивно-медицинской службы ГДР. Его главный вывод состоял в следующем: «Основную долю применяемых до настоящего времени препаратов составляют анаболические гормоны, или, как их также называют, анаболические стероиды. В спорте высоких достижений в ГДР они применялись с 1966 г. Особенно активно — в ходе подготовки Олимпийских игр 1972 и 1976 г. В настоящее время их используют во всех олимпийских видах спорта, за исключени-

ем парусного и гимнастики (женской), а также применительно к почти всем спортсменам категории I и II, или A и B, т.е. ко всем членам национальных сборных команд спортивных союзов»⁴⁷. Эффект повышения результативности, согласно Хешпнеру, был впечатляющим. «Во всех видах спорта с измеряемыми результатами этот факт однозначно подтверждается метрами, секундами или килограммами», — заявил он. Хешпнер привел следующие конкретные данные, свидетельствующие о повышении результативности за счет применения допинга за четыре года по отдельным видам спорта: например, в толкании ядра у мужчин она увеличилась на два с половиной — четыре метра, в метании диска у женщин — на одиннадцать-двенадцать метров. Одновременно в этом закрытом докладе было также признано, что применение допинга может иметь опасные для здоровья последствия. Так, Хешпнер заявил, что «применение анаболических гормонов нанесло многим женщинам, особенно пловчихам, непоправимый вред. Речь, например, идет о проявлениях вирилизации, таких как рост волос на теле, изменение голоса и расстройство влечений»⁴⁸. Сами атлеты не были проинформированы о таких рисках, причем им даже не всегда сообщали о самом факте введения в организм допинговых препаратов. Так, например, в одном из сообщений о применении анаболиков среди членов национальной сборной по плаванию за 1977 г. говорится, что анаболики вводились в организм спортсменов в возрасте до 18 лет под видом витаминов⁴⁹.

Руководитель спорта Манфред Эвальд был не только хорошо информирован о масштабах использования допинга, но и лично время от времени требовал его более активного применения. Хотя при этом он опасался брать на себя ответственность за последствия. Так, Эвальд в итоге отказался рассматривать рабочие материалы к одному из заседаний спортивного руководства от 23 октября 1974 г., которые содержали рекомендации утвердить основной государственный план применения поддерживающих препаратов, со следующим обоснованием: «...Было бы лучше, если по данному специальному вопросу не будет ненужных материалов, поскольку никогда нельзя знать, чем все это может обернуться»⁵⁰. Точно так же он относился и к организационным проблемам.

В марте 1977 г. Манфред Хеппнер попросил президента НСГС «употребить свое влияние с целью побудить прессу и телевидение больше не брать интервью у спортсменов с особенно заметными изменениями тембра голоса. Однако тов. Эвальд ответил, что моя просьба лишена логики. Ты сам прописывал анаболики, а я теперь должен запретить людям брать интервью»⁵¹. Опасения по поводу допинга высказывали многие. Еще в мае 1975 г. вопрос о нем был жестко поставлен профессором Шустером из исследовательского института проблем физической культуры и спорта, одного из наиболее авторитетных учреждений в ГДР, которое занималось изучением допинга. Так, он заявил: «Настоящая ситуация в ряде наиболее важных областей спорта высоких достижений в ГДР такова, что без приема анаболиков было бы невозможно удержать наши ведущие международные позиции. Это касается в первую очередь женских спортивных дисциплин, таких как плавание и легкая атлетика». Имея в виду эти проблемы, Шустер сослался на этическую сторону дела: «Главный вопрос состоит в том, кто может оправдать с моральной и медицинской точки зрения широкое применение анаболических стероидов в спорте высоких достижений и кто возьмет на себя ответственность за неизбежные негативные побочные последствия?» Необходимо подумать о том, «действительно ли спортивно-политический аспект, т.е. сохранение третьего места в неофициальном медальном зачете стран — участниц Олимпийских игр, настолько важен, чтобы использовать все средства для обеспечения этого успеха»⁵².

В 1976–1977 гг. и у самого Манфреда Эвальда в этой связи возникало все больше сомнений, поскольку «нельзя и дальше оправдывать применяемые методы, если думать об интересах спортсменов. Необходимо в будущем цикле олимпийской подготовки искать новые средства и новые пути, которые не имели бы столь разрушительных последствий»; он также писал о необходимости перерывов между приемами анаболиков, «чтобы внутренние органы вновь смогли нормально функционировать и стабилизироваться»⁵³. Но все оставалось по-прежнему. В 1981 г. Эвальд вновь обратил внимание на то, что «увеличивается количество неизбежных побочных явлений, особенно среди атлетов-женщин», что

«все больше врачей заявляют... что они больше не могут брать на себя ответственность за существующие риски. Было бы совершенно необходимо, чтобы определенные спортсмены на один год прекратили прием поддерживающих средств»⁵⁴. Однако руководство ГДР, а вместе с ним и руководство национального спорта были настолько увлечены обеспечением медального успеха, что никто серьезно не задумывался о каких-либо изменениях. В октябре 1985 г. ситуация в очередной раз обострилась. После огромного успеха в Сараево в 1984 г., когда ГДР заняла сенсационное первое место в медальном зачете, Эвальдом овладел сильный, почти панический страх, что «в будущем будет невозможно повторить успехи спорта ГДР»⁵⁵. Находясь на больничной койке, Эвальд, надломленный психически и физически, обратился с сумбурным письмом к Эгону Кренцу, в котором убеждал его в необходимости продолжить практику широкого использования фармакологических препаратов. «Спортивные медики должны быть более мужественными и не бояться рисков, — писал Эвальд. — Как это сделать, достаточно понятно. Однако эту работу следует доверить только отдельным товарищам. Их имена нам известны»⁵⁶. Так что допинговая спираль продолжала безостановочно раскручиваться до самого конца ГДР.

В то время как в дни мирной революции 1989–1990 гг. повсеместно в партийных комитетах и в помещениях службы государственной безопасности компрометирующие материалы отправлялись в уничтожители документов, Служба спортивной медицины ГДР должна была к тому же решать еще одну особую проблему утилизации: там было необходимо не только уничтожить документы. Сотрудница берлинского центрального офиса Службы спортивной медицины госпожа Фюрст так вспоминает о лихорадочной активности в ее ведомстве в те дни: «Задание я получила от доктора Хепшнера... поскольку нельзя было допустить, чтобы стало известно, что такие медикаменты применяются в спорте. Сначала я перекладывала все таблетки из упаковок в пластиковый пакет, капсулы местанолон⁵⁷ я также высыпала из стеклянных баночек в пластиковые пакеты»⁵⁸. Ее коллега вспоминает: «Поскольку в то время я находился в соседнем помещении, отделенном только тонкой стеной, я слышал, как таблетки

из коробочек пересыпали в какую-то емкость»⁵⁹. Затем госпожа Фюрст должна была выбросить пакеты, наполненные таблетками, «в мусорные контейнеры, расположенные недалеко от здания службы»⁶⁰. Так великая тайна волшебной страны спорта ГДР очень банально, практически за одну ночь оказалась на свалке истории.

Крушение

Движение за права граждан в ГДР осенью—зимой 1989/90 гг. открыто обвиняло государственную власть СЕПГ в нарушении различных основных демократических прав. В ходе этих протестных выступлений против господствующих порядков обвинения также выдвигались против ситуации, сложившейся в спорте. «Спорт ГДР — это гигантское декоративное украшение партии и правительства — не связан с народом. Необходимость улучшать имидж ГДР с помощью отблеска олимпийских медалей требовала первоочередной государственной поддержки олимпийских видов спорта»⁶¹. При этом педантично перечислялись недостатки прежней политики. «Вот факты. Во-первых, возможности граждан ГДР для реализации себя в спорте далеко не соответствуют стандартам развитых промышленных наций. Во-вторых, частные инициативы по устранению этого бедственного положения подавляются (например, отказ в выдаче разрешений на создание частных фитнес-центров). В-третьих, меры серьезной поддержки массового спорта касаются только выявления будущих спортивных талантов. В-четвертых, так называемые «неолимпийские» или «не очень медальные» виды спорта, как-то: силовой спорт, триатлон, восточные боевые искусства, хоккей, баскетбол, теннис и т.д., в лучшем случае воспринимаются как неизбежное бремя. И в-пятых, количественное и качественное предложение спортивных одежды, инвентаря, снаряжения, комплексов недостаточно, чтобы удовлетворить потребности населения»⁶². Было выдвинуто требование немедленного расследования нарушений этического характера, связанных с применением допинга в виде анаболических стероидов. Примечательно, что решающий импульс к началу этого расследования дал не кто иной,

как доктор Манфред Хеппнер, который в конце ноября 1990 г. в одном из гамбургских отелей ответил на вопросы репортеров журнала «Штерн». Неожиданностью стал не только сам факт того, что высокопоставленный восточногерманский спортивный функционер решил перейти Рубикон и с поразительной откровенностью рассказать о практике применения допинга в ГДР. Определяющим было то, что он представил подробные материалы, которые «Штерн» затем купил у него за немалые деньги⁶³.

Еще во время первых Олимпийских игр, в которых после длительного перерыва⁶⁴ впервые приняла участие общегерманская национальная сборная, в зимних Олимпийских играх в Альбервиле в 1992 г. наглядно проявилось еще одно темное пятно спорта ГДР — связи многих спортсменов и функционеров спорта со Штази. За месяц до начала Олимпийских игр, по результатам которых Федеративная Республика впервые в истории заняла первое место, ведомство федерального уполномоченного по делам архивов министерства государственной безопасности ГДР Йоахима Гаука открыло эти архивы для всеобщего ознакомления. Еще в олимпийском лагере пилот бобслея Харальд Чудай стал первым из числа многих восточногерманских атлетов и официальных спортивных лиц, которым затем пришлось вспомнить о своих прошлых связях с государственной безопасностью ГДР. Однако до настоящего времени расследование этих связей шло медленно, только семь из 35 союзов по олимпийским видам спорта добровольно согласились на проведение таких расследований. Долгое время восточногерманские спортивные функционеры также отгораживались от научной рефлексии прошлого: с 2006 г. только спортивная федерация земли Тюрингия участвует в проведении и финансировании соответствующего проекта⁶⁵.

Пока трудно сказать, какие уроки в конечном итоге можно будет извлечь из истории спорта в ГДР, многие разделы которой все еще мало изучены. С одной стороны, его развитие свидетельствует о том огромном политическом значении, которое придавалось спорту в системном соревновании двух германских государств. В то же время это развитие отчетливо показывает и границы его эффективности. Действительно,

спорт ГДР на протяжении своего существования сумел впечатляющим образом с помощью многочисленных золотых медалей навести глянец на реальный восточногерманский социализм. Однако события осени 1989 г. убедительно показали, что спорт высоких достижений на самом деле был только «декоративным украшением», что он не отвечал главным жизненным интересам людей. Лелеемый спорт высоких достижений, поддержка которого всегда осуществлялась в ущерб другим сферам жизни, никак не помог в решающие дни поворотных изменений 1989 г. в том, для чего он был предназначен, а именно: для укрепления авторитета государства СЕПГ внутри страны и за ее пределами. Когда в октябре и ноябре 1989 г. на улицах Восточной Германии народ решительно потребовал свободу выборов, свободу собраний и свободу слова, даже функционеры СЕПГ не отважились противопоставить этим требованиям, отражавшим важнейшие потребности граждан, аргумент золотых медалей восточногерманского спорта. В дни, когда рушился режим СЕПГ, оказалось, что политическая роль спорта высоких достижений ГДР не имеет никакого значения.

КРИСТОФ ЛИНКС*

ГДР — СТРАНА ЧИТАТЕЛЕЙ

Условия, причины, изменения

Во время праздничных мероприятий и на открытии Лейпцигских книжных ярмарок ГДР часто называли «страной читателей». Небольшое государство гордилось тем, что чтение книг занимало значительное место в жизни его граждан. Этот факт наглядно подтверждался цифрами. Благодаря многолетним усилиям в сфере образования многих людей удалось приучить к чтению и снабдить книгами, используя широкую сеть народных книжных магазинов и библиотек. Так, в год объединения Германии было установлено, что на востоке страны среди занятий в свободное время чтение книг занимает третье место, в то время как на западе — только девятое¹.

Эта первая оценка, полученная в 1990 г., подтвердилась широким исследованием фонда «Lesen» («Чтение») 1992—1993 гг. В ходе исследования в новых федеральных землях Германии 66% опрошенных заявили, что они прочли «довольно много» или «очень много» книг, в то время как в старых федеральных землях таковых оказалось только 48%².

Как можно объяснить эти результаты, и какова ситуация сегодня? Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо рассмотреть разные аспекты сферы чтения в ГДР более подробно.

Производство книг

Официально в 80-е годы в ГДР ежегодно издавалось 6500 наименований литературы (из них примерно 4500 наименований книг в узком смысле этого слова) общим тиражом 150 млн экземпляров. Это означало, что в среднем тираж составлял около 23 тыс. экземпляров. Таким образом, в ГДР выходило меньше наименований литературы, но больше экземпляров

---

* Пер. с нем. Михаила Фирстова.

книг на душу населения, чем в ФРГ. Соответственно велики были и домашние библиотеки: на семью в среднем приходилось по 180 книг. Общее число книг, находившихся в домашних библиотеках, оценивалось более чем в 650 млн томов³.

Три четверти жителей ГДР заявляли, что они регулярно посещают книжные магазины и примерно две трети граждан Восточной Германии ежегодно покупали книги⁴. Характерно, что особые позиции занимала беллетристика, на которую приходилось примерно 35% всей издаваемой литературы, в то время как в ФРГ доля художественной литературы была примерно вдвое меньше (18%)⁵.

Объясняется это, в частности, тем, что литература многим людям отчасти заменяла мир и впечатления, поскольку в жестко регламентированном обществе ГДР многого они не могли попробовать сами, а вследствие ограничения выезда из страны многие вещи своими глазами увидеть не могли. До некоторой степени литература компенсировала отсутствие свободы в обществе⁶. Кроме того, позитивную роль сыграл некоторый либерализм в поздние годы существования ГДР, сказавшийся в относительной простоте получения разрешения на издание иностранных книг по лицензии, а также в оценке литературных текстов, появлявшихся в самой ГДР. Разумеется, разрешение на печать слишком критических рукописей цензура не давала. Тем не менее в сфере искусства уже можно было затрагивать некоторые темы, которые на телевидении, радио и в газетах продолжали оставаться табу⁷.

В то время как средства массовой информации в основном непосредственно подчинялись отделу агитации ЦК СЕПГ и контролировались им, 78 издательств, имевших государственную лицензию, находились в ведении Главного управления издательской деятельности и книготорговли в Министерстве культуры и опосредованно подчинялись отделу культуры ЦК СЕПГ.

50% книжных издательств принадлежали государству, 40% — партиям и общественным организациям, лишь 10% находились в частных руках⁸, при том что в большинстве из них одним из пайщиков также было государство. Профиль издательств с середины 60-х годов был четко обозначен и ограничен. (В Германии находится более 2800 профессию-

нально работающих издательств, в общей сложности зарегистрировано более 5000 издательств.) Новые частные или кооперативные издательства в ГДР не регистрировались. В качестве официального аргумента против этого, как правило, приводился недостаток бумаги и производственных мощностей для печати. В реальности, однако, причина состояла в необходимости сохранять систему контроля и защищать узкие монополии, которые давали возможность официальным издательствам печатать крупные тиражи и получать значительные прибыли, несмотря на то что цены на книги были относительно низкими. (Лишь очень немногие издательства, производившие специальную и учебно-методическую литературу, субсидировались государством.) Для старых крупных издательств времен ГДР в 1990 г. начался болезненный процесс реструктуризации, поскольку по своему характеру многие из них были не эффективными экономическими субъектами, а скорее разросшимися литературными институтами с гипертрофированным административным аппаратом. Издательство «Aufbau» в Берлине и Веймаре, флагман книжной индустрии ГДР, например, издавая около 350 наименований книг в год, в 1989 г. имело примерно 180 сотрудников, из которых только редакторов было 70 человек. Ни одно издательство в старой ФРГ не располагало столь многочисленным персоналом, занимавшимся содержательной и художественной стороной продукции. Здесь акцент был поставлен скорее на сбыт и рекламу, в то время как в восточногерманских издательствах маркетинг практически не был развит. Число наименований литературы, приходившихся на сотрудника издательства, в ФРГ, как правило, составляло более пяти, в ГДР — часто менее двух. Во многом это было связано и с недостаточным техническим оснащением издательств в ГДР, где практически не было копировальной техники и почти не использовались персональные компьютеры. Начиная с 1 июля 1990 г., дня заключения валютного, экономического и социального союза, весь восточногерманский рынок был открыт для поставок с запада. Государственная книжная торговля освободила полки для новых наименований книг, которые до тех пор не продавались: для произведений авторов, не прошедших цензуру, и для запрещенных тем,

таких как эротика или эзотерика. В результате издательства ГДР столкнулись с массовым возвратом отгруженной книжной продукции. Концерн, который занимался централизованными поставками книг — «LKG» («Leipziger Kommissions- und Großbuchhandel»), — с такими объемами справиться не мог и тоннами сваливал книги в заброшенный карьер⁹. (Часть этих книг была собрана пастором Вескоттом и его церковной общиной в Кальтенбурге под Гёттингеном, а затем продавалась на благотворительных ярмарках по бросовым ценам.)

Наконец, решающую роль в судьбе издательств ГДР сыграла политика продаж, проводимая Ведомством по управлению государственной собственностью («Treuhand»), основанным в марте 1990 г. Изначально задача этого холдинга состояла в том, чтобы провести реконструкцию примерно 12 500 народных предприятий ГДР, сделать их конкурентоспособными и приватизировать¹⁰. Однако после заключения валютного союза экономическая и региональная поддержка больше не относилась к задачам Ведомства. Оно перестало находиться в центре внимания политического руководства, и в результате после объединения Германии, состоявшегося 3 октября 1990 г., «Treuhand» подчинили не Ведомству федерального канцлера или Министерству экономики, а Федеральному министерству финансов. Принцип «санация перед продажей» был заменен «продажей в кратчайшие сроки». Санация же должна была стать делом новых собственников. Поначалу президент «Treuhand» Детлеф-Карстен Роведдер стремился сохранить как можно больше «культурной самобытности Восточной Германии», как это и было прописано в договоре об объединении страны (статья 35). Однако все изменилось после его убийства весной 1991 г., которое до сих пор не было раскрыто, и прихода на его место в июне 1991 г. Биргит Бройэль. Она полностью сделала ставку на быструю продажу. В условиях жесточайшего цейтнота в течение одного года произошла передача прав собственности на большинство компаний, при этом практически не было возможности проанализировать достаточно сложную правовую ситуацию в отдельных издательствах и проверить серьезность покупателей. Часто продажа осуществлялась по символической цене в одну немецкую марку, при этом покупатели

давали обязательство сохранить более тысячи рабочих мест и инвестировать минимум 100 млн немецких марок, чтобы обеспечить дальнейшее существование приобретенных ими издательств¹¹. Однако соблюдение этих обязательств практически никогда и никем не проверялось, а в конце 1994 г. Ведомство по управлению государственной собственностью и вовсе завершило свою деятельность.

Нынешние результаты действуют отрезвляюще. В общей сложности из тогдашних 78 издательств ГДР, имевших государственную лицензию, лишь восемь продолжают сохранять самостоятельность и не разорились. Даже с учетом вновь созданных издательств в восточных федеральных землях на настоящий момент производится лишь 2,1% издаваемых в Германии книг (если учесть всю территорию Берлина, то на восточную часть страны приходится 12,7% наименований литературы). С точки зрения экономического потенциала восточногерманские издательства представляют собой ничтожно малую величину: общий оборот германской книжной отрасли составляет 11,4 млрд евро; из этой суммы на компании из новых федеральных земель, не считая Берлина, в 2006 г. пришлось лишь 0,9%. Доля Берлина составила 9,5%¹². Если раньше в этой отрасли в Восточной Германии были заняты более 6000 работников, сейчас их число упало более чем на 90% и составляет менее 600 человек. Таким образом, в издательской отрасли произошел перелом, который оказался гораздо более значимым, нежели в других сферах экономики Восточной Германии, где, по данным Ведомства по управлению государственной собственностью («Treuhand»), удалось сохранить примерно 20% предприятий и около 25% рабочих мест¹³. Таким образом, от издательской отрасли бывшей ГДР практически ничего не осталось.

Книготорговля

Книготорговля в ГДР, если не считать незначительного числа церковных и малых частных магазинов, практически полностью находилась в государственных руках и управлялась централизованно через Народное ведомство книготорговли, основанное в 1954 г. В конце 1960-х годов существовало

807 книжных магазинов, из них 752 были государственными (93,2%)¹⁴. Эта структура в значительной степени сохранилась до конца существования ГДР, при этом плотность книготорговой сети была несколько ниже, чем в ФРГ. Книги, как правило, были дефицитным товаром: сказывался недостаток импортированной бумаги, мощностей для печати, а также валюты для приобретения лицензий на иностранную литературу. Распределением занимался централизованный концерн «ЛКГ», при этом в приоритетном порядке книги поступали в книжные магазины партийных учреждений и воинских частей, затем в крупные государственные магазины. Там, однако, немногих поставленных экземпляров тоже не хватало, чтобы удовлетворить спрос многочисленных покупателей. В результате дефицитные издания продавались из-под прилавка особенно важным клиентам или обменивались на другие товары повышенного спроса. После прочтения книги давали почитать коллегам, друзьям и знакомым или обменивали по объявлениям. Многие пользовались библиотеками.

После того как в Восточной Германии с 1 июля 1990 г. в оборот была введена немецкая марка, ситуация дефицита, сохранявшаяся в течение десятилетий, противоположно изменилась. Все западногерманские издательства в условиях относительного кризиса перепроизводства бросились предлагать на восточногерманском рынке свои новинки и складские запасы ранее изданных книг, отчасти по сниженным ценам, чтобы открыть для себя дополнительные каналы сбыта и приобрести среди восточных немцев, известных любовью к чтению, новых клиентов. В связи с этим проявлялся большой интерес к структурам сбыта, т.е. к книготорговой сети, а отнюдь не к издательствам бывшей ГДР, которые выступали конкурентами. Сначала Ведомство по управлению государственной собственностью («Treuhand») собиралось продавать восточногерманские филиалы лишь на условиях чрезвычайно высокого обеспечения. Таким образом, у заинтересованных лиц из Восточной Германии, не располагавших ни недвижимостью, ни пакетами акций, практически не было шансов их приобрести. После вмешательства Биржевого объединения германской книготорговли весной 2001 г. правила были изменены. В результате почти

две трети старых магазинов попали в руки активных предпринимателей-книготорговцев из бывшей ГДР, многие из которых были молодыми людьми. Оставшуюся треть приобрели крупные предприятия из Западной Германии. Лишь в переходный период 1990 г. возникли две монополии, в Дрездене и в Берлине, которые, однако, позже были перепроданы или снова распались. Единственная посредническая компания в сфере книготорговли — фирма «LKG» в Лейпциге — была выкуплена собственным руководством в рамках процесса «Management-buy-out» и до 2008 г. сохраняла самостоятельность. Затем предприятие приобрел конкурент из Штутгарта. В целом на территории бывшей ГДР удалось избежать массового закрытия книжных магазинов, как это происходило в других восточноевропейских странах.

В последующие годы на территории ГДР наблюдалась та же тенденция, что и в городах других регионов Германии: крупные торговые сети открывают новые большие филиалы в центре городов, а также занимают гигантские площади в торговых центрах. При этом они перетягивают на свою сторону значительную часть покупательной способности, которая и без того снижается, и принуждают к закрытию небольшие розничные книжные магазины, расположенные неподалеку. Возможность выжить получают небольшие книжные магазины с узкой специализацией, число которых в последние годы увеличилось. Численность книжных магазинов в восточных федеральных землях к 2000 г. выросла более чем на 1100 единиц¹⁵. Только в Лейпциге общая площадь книжных магазинов за последние двадцать лет увеличилась в десять раз¹⁶.

Вначале население Восточной Германии покупало книги с повышенной активностью — сказывался отложенный спрос. В 1993 г. 75% восточных немцев приобрели минимум одну книгу, в то время как в Западной Германии этот показатель составил лишь 55%. Ситуация изменилась вследствие экономического спада в регионе и соответствующего сокращения покупательной способности. В 1995 г. минимум одну книгу приобрели только 59% восточных немцев и менее 50% жителей Западной Германии. При этом 66% восточных немцев указали, что они в течение года как минимум один раз

побывали в книжном магазине. При покупке они предпочитали дешевые карманные издания¹⁷. В Германии 27% населения считаются читающими много — более 18 книг в год, однако лишь 10% жителей покупают много книг — более 15 книг в год¹⁸. При этом лишь малое число этих активных покупателей живут в новых федеральных землях. Оборот книжной торговли на востоке Германии составляет лишь 7,7% общегерманского, хотя в этом регионе живет почти 20% населения страны¹⁹.

Основной интерес на востоке Германии вызывают беллетристика, документальная проза, книги о путешествиях, хобби и занятиях в свободное время, а также научная и научно-популярная литература. На западе отдают предпочтение детским книгам и литературе для подростков, далее следует беллетристика (прежде всего переводы с английского), документальная и научно-популярная литература. Специальные и научные книги по объему значительно отстают. 51% восточных немцев говорят, что благодаря чтению книг они хотят «учиться и развиваться». То же самое могут сказать о себе лишь 36% жителей Западной Германии. Что касается беллетристики, то и здесь ожидания разные. В то время как восточногерманские читатели рассматривают литературу как помощь в жизненных ситуациях и ищут непосредственную связь между литературой и собственным опытом, западные немцы прежде всего стремятся открыть для себя новые миры и развлечься²⁰.

Библиотеки

ГДР обладала чрезвычайно развитой сетью библиотек, которая давала практически каждому гражданину возможность легкого доступа к книгам в непосредственной близости от места жительства. Наряду с крупными центральными библиотеками и общедоступными научными библиотеками по всей стране были расположены районные, окружные, городские, муниципальные библиотеки, а также школьные библиотеки и библиотеки на предприятиях. 84% жителей ГДР заявляли, что они знакомы с библиотеками по своему собственному опыту, 46% пользовались ими минимум раз

в год. Для сравнения: в ходе репрезентативного опроса фонда «Lesen» в 1995 г. лишь 62% западных немцев заявили, что они хотя бы раз в жизни побывали в библиотеке, и лишь 33% пользовались библиотеками минимум раз в год²¹. Несмотря на то что производственный дефицит приводил к тому, что на популярные книги в библиотеках были длинные очереди, любой заинтересованный читатель в ГДР, пусть и через некоторое время, имел возможность получить желаемую книгу. В том случае, если библиотека, расположенная поблизости, не располагала нужной книгой, можно было заказать ее из другой библиотеки в рамках межбиблиотечного обмена.

Труднее обстояло дело с книгами из-за границы, которые имелись в крупных университетских и национальных библиотеках, как, например, в Немецкой национальной библиотеке в Лейпциге или в Государственной библиотеке в Берлине. В таких библиотеках принималось внутреннее решение: что могло поступить в свободный доступ, что выдавалось лишь научным работникам, а для каких изданий необходимо было особое разрешение, по которому осуществлялся допуск в специальные читальные залы, где работа проводилась под надзором²².

После 1990 г. большинство крупных центральных библиотек и книгохранилищ сохранились, при этом 25% малых библиотек в 90-е годы были закрыты. Коснулось это прежде всего филиалов, расположенных в жилых кварталах, а также муниципальных библиотек. К 1993 г. в библиотеках в результате сокращения персонала осталось лишь 65% числа сотрудников, работавших во времена ГДР²³.

Одновременно при финансовой поддержке из Бонна в начале 90-х годов было начато первое обновление фондов, которое затем должно было быть продолжено муниципалитетами за их собственный счет. Однако финансов для этого не хватало, поскольку муниципалитеты после закрытия значительного числа предприятий столкнулись со снижением налоговых поступлений, растущей безработицей и значительным оттоком населения. Учитывая множество обязательных задач, стоящих перед муниципалитетами, на решении добровольных задач, к которым относились и библиотеки, пришлось экономить, несмотря на то что на востоке Германии

интерес к бесплатным библиотекам из-за относительно низкой покупательной способности постоянно растет, а число взятых в библиотеках книг на душу населения значительно превышает западногерманские показатели. Только в Берлине в период с 1997 по 2007 г. число библиотек сократилось более чем вдвое — с 200 до 90²⁴. В других восточногерманских федеральных землях это сокращение было еще более ощутимым. В связи с этим в 2009 г. германский ПЕН-центр на ежегодном заседании в Герлице (Саксония) потребовал объявить поддержку библиотек обязательной задачей муниципалитета.

Отношение к чтению

По читательской активности ГДР занимала среди стран Варшавского Договора второе место после Советского Союза²⁵ и значительно отличалось по этому показателю от тогдашней ФРГ. В ходе сравнительного исследования, проведенного в 1992 г., 68% восточных немцев заявили, что они читают книги минимум раз в неделю. Среди западных немцев таких было лишь 46%. Восемью годами позже, в 2000 г., различие было еще более значимым: 51% на востоке и 38% на западе Германии. На настоящий момент (2008) эти цифры сравнялись, причем на общем низком уровне: еженедельно читают книги лишь 42% восточных немцев и 43% жителей западных федеральных земель. Наряду с сокращением покупательской способности и снижением числа библиотек при анализе этих цифр важно учесть и отъезд многих молодых и образованных людей из восточных регионов Германии в западные.

В 1993 г. на западе Германии 25% жителей заявили, что они никогда не берут в руки книгу, на востоке Германии таких нашлось лишь 8%. В 2008 г., по данным фонда «Lesen», в Германии никогда не читают 25% населения, региональная дифференциация более не прослеживается²⁶.

С тех пор как раздельный статистический анализ по восточным и западным землям не проводится, чтение книг в целом по Германии с 1999 г. в течение многих лет по предпочтениям населения среди занятий в свободное время занимает девятое место. Однако в 2007 г. по анализу потребительской активности, проведенному «Bauer Media», чтение

снова достигло седьмого места (после прослушивания музыки, просмотра телепередач, чтения газет, посещения кафе и ресторанов, участия в вечеринках и праздниках и езды на автомобиле). Если верить этому исследованию, то книга на три позиции обгоняет компьютер²⁷. Фонд «Lesen» при этом в своих последних анализах отмечает, что чтение среди занятий в свободное время занимает восьмое место и что интернет уже обогнал книгу. Что касается предпочитаемых авторов, то здесь в течение долгого времени между востоком и западом имелись значительные различия. Несмотря на то что автор развлекательных книг Хайнц Конзалик на некоторое время занял и на востоке первое место в рейтинге (по опросу «Wochenpost» 1995 г.), тем не менее здесь доминировали давно известные писатели (Эрвин Штрिटтматтер, Стефан Гейм, Криста Вольф, Кристоф Хайн), а также признанные представители мировой литературы (Томас Манн, Эрнест Хемингуэй и Лев Толстой). В середине 90-х единственным западногерманским автором, вошедшим в первую десятку, был Гюнтер Грасс, а единственным американцем — Стивен Кинг. Примерно то же видно и по списку бестселлеров на востоке Германии. Эти списки возникли, потому что вплоть до 1993 г. ни один восточногерманский книжный магазин не участвовал в исследованиях, проводимых журналами «Spiegel», «Gong» и «Buchreport». Поэтому в данных опросах не учитывались отдельные успешные публикации, как, например, книга Штрिटтматтера «Лавка» («Der Laden»), которая была продана общим тиражом более 70 тыс. экземпляров и наверняка потеснила бы ряд наименований, вошедших в рейтинги. Список бестселлеров сначала стал создаваться по инициативе «Wochenpost», а затем велся ежедневной газетой «Neues Deutschland». В первом полугодии 2005 г., например, этот список соответствовал списку журнала «Spiegel» уже более чем на 70%. В январе 2009 г. уровень совпадения составил 90%, при этом раздел беллетристика был практически идентичен, и лишь порядок следования наименований несколько варьировался. В списке документальной и научно-популярной литературы несоответствий было больше — сыграли роль отдельные специфические темы, важные для Восточной Германии.

Выводы

Тот факт, что ГДР по праву часто называла себя страной читателей, подтверждается приведенными цифрами. Сравнивая ГДР с другими государствами, — как с ФРГ, так и с прочими странами Варшавского Договора, — можно утверждать, что чтение книг занимало значительное время в повседневной жизни гражданина Восточной Германии и может считаться частью массовой культуры. Официально это объяснялось успехами социалистической образовательной системы и государственной пропаганды литературы, от движения пишущих рабочих до литературных чтений в библиотеках. Однако важным фактором здесь была и функция замещения, которую чтение брало на себя в условиях закрытого общества.

В тот момент, когда люди получили возможность сами строить свою жизнь, свободно путешествовать, выбирать из целого ряда разных источников интересной информации, когда они освободились от коллективного давления и ожиданий, началась дифференциация интересов, как и во всех открытых обществах. В течение нескольких лет читательское поведение на востоке и западе Германии явно сравнялось, причем экономические трудности в новых федеральных землях ускорили этот процесс. Таким образом, то, что раньше подавалось как особый успех в сфере культуры, одновременно было реакцией на недостаток свободы и возможности самостоятельно принимать решения.

РЮДИГЕР ШМИДТ*

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОБЕДА?

Антифашизм в другой Германии

Всего через месяц с небольшим после того, как 8 мая 1945 г. командование вермахта в Карлсхорсте подписало документ о безоговорочной политической и военной капитуляции Третьего рейха во Второй мировой войне, 11 июня Коммунистическая партия Германии обратилась с воззванием к «трудящимся города и деревни»: «Мы полагаем, — говорилось в этом воззвании, которое через два дня было перепечатано центральным органом КПП Дойче Фольксдайтунг, — что путь навязывания Германии советской системы был бы неверным, поскольку этот путь не соответствует нынешним условиям развития Германии. Скорее мы считаем, что решающим интересам немецкого народа в сложившемся положении соответствует иной путь, а именно путь создания антифашистского демократического режима парламентской демократической республики со всеми демократическими правами и свободами для народа». В качестве «срочных и насущных задач на этом пути» КПП назвала «национализацию всего имущества нацистских бонз и военных преступников», а также «передачу этого имущества в руки народа».

Принципиально и стратегически предлагаемая программа помимо этого должна была наметить ориентиры «для создания блока антифашистских демократических партий», включая «Коммунистическую партию, Социал-демократическую партию, партию Центра и другие»¹. «Мы полагаем, — говорилось в воззвании ЦК КПП, — что подобный блок должен стать прочной основой в борьбе за полную ликвидацию гитлеровского режима и за установление демократии»². В принципе призыв КПП, появившийся летом 1945 г., почти за полдесятилетия до образования отдельного германского

---

* Пер. с нем. Михаила Фирстова и Марины Булычевой.

государства в восточной оккупационной зоне, создал миф, ставший источником для основания и существования ГДР, который вплоть до падения Берлинской стены в 1989 г. являлся центральным столпом ее морально-политической легитимации и оправдывал ее самостоятельность как государства³. Таким образом, миф об антифашизме уже в 1945 г. заложил фундамент вечного настоящего, противопоставленного прошлому, которое должно было стать инструментом, служащим сохранению политической власти и моральному самоутверждению.

При этом непосредственно после войны коммунисты задали направление развития в сторону быстрого создания антифашистского блока вокруг стратегической политической концепции, ведущее понятие которой – антифашизм – было направлено на защиту от прошлого, на первый взгляд не устанавливая при этом неперенной цели построения социализма. В любом случае подобный «оборонительный» проект политического курса по-прежнему связывался с догматическими представлениями довоенного времени, которые, однако, ассоциировались с политическим крахом, хотя об этом и не говорилось. В соответствии с толкованием, принятым Коммунистическим Интернационалом (Коминтерном) на XIII пленуме его Исполнительного Комитета в декабре 1933 г. в качестве действующей дефиниции и вновь подтвержденным на VII конгрессе Коминтерна в 1935 г., фашизм был определен Георгием Димитровым как «открытая террористическая диктатура наиболее реакционных⁴, наиболее шовинистических, наиболее империалистических элементов финансового капитала»⁵. «Синхронность» фашизма и капитализма одновременно многократно подчеркивалась и с другой стороны. При этом указывалось на «тенденции капитала» (о которых пишет, например, Макс Хоркхаймер), выразившиеся в разочаровании в либерализме и ведущие к созданию такой системы, в которой «потомки свободных предпринимателей могли бы утвердить свою позицию только путем устранения гражданских свобод». «Тот, кто не хочет говорить о капитализме, должен молчать и о фашизме», – так Хоркхаймер писал об этом в своей статье «Евреи в Европе», вышедшей в 1939 г.⁶

Миф антифашизма как основа для строительства государства

Еще во времена Веймарской республики германские коммунисты перестали рассматривать НСДАП как единственного противника в их борьбе с национал-социализмом. В соответствии с тезисом Сталина, высказанным в 1924 г., бороться следовало отнюдь не только с буржуазными партиями, но и (в гораздо большей степени) с социал-демократами, рассматривая их как «умеренное крыло фашизма»⁷. Естественно, в том числе исходя из подобных предпосылок, создать народный фронт из коммунистов и социал-демократов для того, чтобы не допустить прихода к власти НСДАП, не удалось⁸. С демократической точки зрения полная политическая неудача радикальных левых в Веймарской республике была и остается очевидной. В 1933 г. и коммунистам было очень тяжело отрицать этот факт. В этой связи политика создания антифашистского блока, осуществляемая с 1945 г., не только основывалась на политическом расчете, но и служила тому, чтобы исходя из изменившихся критериев политической оценки задним числом оправдать левые силы Веймарской республики.

Советская военная администрация приказом СВАГ № 2 от 10 июня 1945 г. допустила создание исключительно «антифашистских партий», деятельность которых «на все время оккупационного режима должна была находиться под контролем советской военной администрации и следовать ее инструкциям»⁹. При этом наряду с двумя рабочими партиями было дано разрешение на образование Либерально-демократической партии (ЛДПГ) и Христианско-демократического союза (ХДС) с прицелом на их участие в антифашистском блоке, на что рассчитывали советские и германские коммунисты¹⁰. «Образование прочного единого фронта антифашистских демократических партий», которое осуществилось в середине июля 1945 г. с участием «представителей четырех партий <...> при взаимном признании их самостоятельности» с целью «сотрудничества в борьбе для очистки Германии от остатков гитлеризма и для строительства страны на антифашистской демократической основе», в конце концов пошло

на пользу коммунистам в их борьбе за власть в политике и обществе нового государства¹¹. В любом случае в общении с другими представителями партийного руководства Вальтер Ульбрихт отнюдь не скрывал своего пренебрежительного отношения к «сюсюканью с антифашистами», как он выразился на совещании с партийными кадрами КПГ в провинции Бранденбург. Однако в публичном пространстве, по его словам, необходимо было однозначно избегать радикальной риторики в интересах достижения политической легитимности¹².

«Хотим ли мы советизации?» — этот вопрос задал Фриц Зельбман в докладе «К вопросу о новой германской народной культуре» на конференции антифашистского блока в Лейпциге, посвященной вопросам культуры. «Сейчас я как представитель антифашистского блока и как коммунист заявляю: мы не хотим советизации»¹³. С одной стороны, политика антифашистского блока рассматривалась как средство деидеологизации целей коммунистов в публичном пространстве. С другой стороны, она была инструментом, позволяющим по возможности отодвинуть конфликты на второй план, демонстрируя широкую интеграцию с целью «приложить максимум совместных усилий к быстрому восстановлению экономики для того, чтобы снабдить население работой, хлебом и одеждой». Поскольку учредительный протокол «Единого фронта антифашистских и демократических партий» помимо этого декларировал стремление к «созданию полной правовой безопасности на основе демократического правового государства», это должно было оказать положительное влияние на участие буржуазных партий в комитете блока и побудить их к сотрудничеству, развеяв их возможные опасения¹⁴.

В действительности же Вальтер Ульбрихт смог успешно использовать достигнутый таким образом формальный консенсус в своей политической стратегии, стремясь на первых выборах в советской оккупационной зоне по возможности обеспечить СЕПГ большинство мест в земельных и окружных собраниях депутатов: «Наша тактика в избирательной кампании состоит в том, чтобы не допустить прорыва единого фронта антифашистских партий. Это означает, что важно вести умелую борьбу против реакционных элементов в ХДС

и ЛДПГ, опираясь при этом на прогрессивные силы среди сторонников этих партий»¹⁵. Уже в 1947 г. в СЕПГ с удовлетворением констатировали, что на данном этапе буржуазные партии удалось вытеснить на периферийные позиции, «так что антифашистский блок оказался лишь своего рода демократической декорацией», как подчеркивалось в отчете ко второму партийному съезду СЕПГ¹⁶.

Однако идеал антифашизма не только служил политическим и организационным инструментом «интеграции», призванной свести разные политические позиции к консенсусу, либо отрицая наличие напряженности и конфликтов, либо разрешая их в пользу СЕПГ, ссылаясь на необходимость сохранения сплоченности единого фронта¹⁷. Антифашизм всегда представлял собой своего рода рубеж, очерчивающий для буржуазных партий определенную зону дозволенного. Вне этой зоны обсуждение политических противоречий практически не допускалось, а по мере укрепления власти СЕПГ в среднесрочной перспективе оно становилось и просто невозможным¹⁸. Процесс политической и экономической трансформации, быстро происходивший в советской оккупационной зоне, а позже в ГДР, позволил СЕПГ помимо этого осуществлять политику в интересах ее клиентуры: группам лиц, объявлявшим себя антифашистами и получавшим официальное признание партии, передавалась собственность, что гарантировало их поддержку и лояльность на будущее. Так, например, было принято решение, чтобы национализированные малые и ремесленные предприятия или магазины, предназначенные для дальнейшей продажи, «продавались лишь демократическим элементам, жертвам фашизма или антифашистам»¹⁹. Некоторые лица, воспользовавшиеся этой нормой, могли вспомнить о принципе «справедливого обмена», об идее, которая в течение длительного времени влияла на менталитет малых производителей и на представления об уважении и справедливости в обществе в целом (хотя такая аналогия и представляется несколько натянутой). Приказ советской военной администрации в конце апреля 1948 г. касался принципиального порядка «передачи имущественных ценностей антифашистским демократическим организациям в ходе компенсации»²⁰.

Эти «дополнительные функции», приданные концепции антифашизма, не только идеологизировали политическое пространство, но и политизировали сферы культуры и социальной жизни, которые в результате постепенно высвобождались из рамок старой традиции, а также конкурирующих концепций. Так, например, когда праздновалось столетие революции 1848 г., ее поражение объяснялось не с точки зрения марксистских критериев, т.е. отсутствием «объективной зрелости» социальных и экономических производственных отношений. Более того, Антон Аккерман, член президентского совета Культурного союза за демократическое обновление Германии, в своем докладе на съезде правления СЕПГ подчеркнул важность и необходимость союза буржуазии, ремесленников и части рабочего класса во время мартовских революционных событий и при этом в некоторых аспектах выступил с критикой его недостаточной сплоченности²¹.

Приведя исторический пример 1848 г., Аккерман сто лет спустя не только стремился подвести основу под политику антифашистского блока, вписав его в контекст исторической традиции, но и говорил, как в свое время и участники собрания в церкви Паульскирхе, о необходимости единства нации: «Центральный лозунг сегодняшнего дня – антифашистская демократия в единой Германской республике»²². В рамках политического и терминологического самоочищения необходимо было отказаться от определенных старых интерпретаций, чтобы на втором этапе, подойдя к этой традиции с определенной дистанции, вновь приблизиться к ней и, наконец, снова усвоить из нее те элементы, которые имело смысл сохранить.

Посредством антифашистской терминологии, пронизывавшей политические, культурные и социальные сферы, СЕПГ определила границу, выход за которую подвергался идеологическому осуждению. При этом подобная граница позволяла чувствовать себя достаточно уверенно «внутри» разрешенной зоны, поскольку антифашизм играл для общества роль своего рода моральной и социальной скрепы, позволявшей бороться против национал-социалистического прошлого с позиций «позитивного» будущего, не приближаясь к критическому осмыслению преступлений Третьего

рейха. Тот, кто активно участвовал в «демократическом восстановлении» и интегрировался в новое общество, подерживая таким образом «правильную политику», получал достаточно надежную защиту от критических вопросов о прошлом²³. В циркуляре ЦК СЕПГ, направленном в Земельные правления партии, говорилось: «Все бывшие рядовые члены нацистской партии, не уличенные в преступлениях и проявившие себя как активные сторонники демократического восстановления страны, должны быть признаны полноправными гражданами и пользоваться соответствующим отношением», тем более что «они однозначно отмежевались от тех, кому они когда-то верили и за кем следовали»²⁴.

Более того, во внутреннем документе «Позиция в отношении определенных групп нацистов» для бывших членов НСДАП принципиально не исключалась дальнейшая возможность вступления в СЕПГ: «Для того, кто в полном объеме признал свою вину, полностью порвал со своим прошлым, кто не запятнал себя преступлениями или враждебными действиями, кто старался искупить прошлое честным трудом, кто все свои силы прилагает к восстановлению страны, путь в наши ряды не должен быть закрыт навсегда»²⁵.

Предложенная возможность сотрудничества и участия в общественной жизни, таким образом, сопровождалась освобождением от неприятной необходимости отвечать на критические вопросы о прошлом. Рефлексия обращалась к настоящему, приводить аргументы для оправдания своих действий в прошлом нужды не возникало, поскольку прошлое легко «преодолевалось» посредством заявления о своей антифашистской позиции²⁶. Исходя из стратегической необходимости укрепления власти ГДР не только рассматривала себя как государство, преодолевшее национал-социализм, но и как скрытого участника антигитлеровской коалиции. В результате возникали две линии развития германской истории — и ответственность за диктатуру в Германии в период с 1933 по 1945 г. легко возлагалась на Западную Германию²⁷. «Гитлер сразу стал западным немцем»²⁸.

Психологический эффект этой стратегии, позволившей заявить об «исторической победе» населения ГДР, наглядно описал Стефан Хермин: «Большинство жителей осознавали,

что они в той или иной мере поддерживали фашизм, и чувствовали себя виновными. Затем нашим пропагандистам пришла в голову эта странная формула – «историческая победа» <...>. Эта формула сразу распространилась, как круги от камня, брошенного в воду. Каждый из граждан ГДР теперь мог чувствовать себя «историческим победителем». Слыша эту лесть, народ освобождался от бремени вины, и в результате им было легче управлять. Нелегко долго управлять людьми, которые чувствуют себя виноватыми. Благодаря этой формуле ГДР одновременно получала определенный политический авторитет»²⁹.

Поскольку концепция антифашизма помимо этого позволяла выстроить систему, в которой все руководящие посты занимали коммунисты, а политические противники устранялись, она на долгое время стала краеугольным камнем кадровой и идеологической программы, основанной на двухполюсной базовой модели – противопоставлении фашизма и антифашизма. Именно с этой позиции анализировалась социальная реальность, причем как в прошлом, так и в настоящем и будущем, и оценивались социальные классы, как в своей стране, в ГДР, так и у конкурентов – в Федеративной Республике Германия.

При этом можно было во многих смыслах использовать поддержку концепции антифашизма со стороны множества писателей и деятелей искусства. От литературы ожидалось, что она будет творчески осмысливать идеи и сопровождать процесс социалистического развития, т.е. практически участвовать в изменении общества. Таким образом, путем создания литературных произведений, ведения дискуссий и чтения постепенно в качестве альтернативы отвергаемой с пренебрежением буржуазной германской культурной традиции должна была возникнуть социалистическая культура. При этом новая культура должна была вобрать в себя «прогрессивные» элементы традиции и развить их в духе антифашизма. На пятом съезде писателей ГДР в 1961 г. Александр Абуш подчеркивал необходимость и естественность разделения двух немецких литератур на основе различия социальных систем. При этом ранее, в год основания ГДР, он же высказывался против иных современных явлений, а именно против холодной эффе́ктив-

ности и бездушного практицизма американской культуры. Ее Абуш на первой партийной конференции СЕПГ в январе 1949 г. разоблачал как «духовное наступление», которое «практически представляет собой для нас в Германии циничный и окончательный раскол германской культуры». При этом, по его словам, одной из культурных традиций, существующих в Германии — после соответствующего политического очищения, — надлежало встать на путь борьбы против этих негативных явлений современного мира, против «наводнения продуктами так называемой атлантической культуры», против атомизации и индивидуализма буржуазного общества, против элементов анонимности и роста мобилизационных тенденций³⁰. Таким образом, одновременно подчеркивались противостояние двух систем и различие менталитетов, т.е. противоречие между востоком и западом, которое в соответствии с политической полярностью предполагало конкуренцию двух разных культур и систем ценностей³¹.

Антифашистский героизм в прозаических литературных произведениях

Без сомнения, советская оккупационная зона, а позже молодая Германская Демократическая Республика обладала определенной привлекательностью для писателей и художников. Ведь как бы различны и размыты ни были их представления, они ожидали от «другой Германии» реализации политической утопии, построения идеальной республики, которая, в том числе из-за провозглашения идеалом антифашизма, получала определенный кредит доверия в сравнении с западными оккупационными зонами, во всяком случае, в глазах интеллигенции³². Такие авторы, как Бруно Апитц, Вилли Бредель, Эдуард Клаудиус, Отто Готше и Ханс Лорбер, в свое время сражались в интернациональных бригадах во время гражданской войны в Испании либо были заключены в концентрационные лагеря Третьего рейха. После 1945 г. в советской оккупационной зоне и позже в ГДР некоторые из них заняли посты в политической администрации: Бредель был членом ЦК КПГ в земле Мекленбург—Передняя Померания и депутатом Мекленбургского ландтага, Отто Готше — главой

окружной администрации в Айслебене, Ханс Лорбер – бургомистром в Пистеритце. Эдуард Клаудиус до своего переезда в восточную оккупационную зону в 1948 г. руководил пресс-службой Баварского Министерства денацификации. Из Советского Союза, кроме Йоганнеса Р. Бехера, вернулись, в частности, Фридрих Вольф и Эрих Вайнерт, из мексиканской эмиграции – Александр Абуш, Людвиг Ренн и Анна Зегерс. Бертольт Брехт, возвратившись из США, поселился в советском секторе Берлина, так же как и Арнольд Цвейг, приехавший из Палестины в 1948 г. С самого начала производство антифашистской литературы получило широкую идейную и материальную поддержку советских и германских властей. Книги выходили в издательстве «SWA», принадлежавшем советской военной администрации, или в берлинском издательстве «Aufbau». Поскольку отдел издательской деятельности и прессы СВАГ отвечал и за лицензирование печатной продукции, и за распределение бумаги и выдачу разрешений на верстку и печать, это давало возможность не только не допустить публикации вредных с точки зрения оккупационных властей изданий, но и контролировать заказы, поступающие типографиям³³. Кроме того, распределение этой работы легко могло осуществляться через издательство «SWA», одна из немаловажных задач в рамках обширной деятельности которого состояла в поддержке и распространении советской литературы³⁴.

Антифашистская проза была связана прежде всего с тенденциями и темами эмигрантской литературы и в основном обращалась к национал-социалистическому прошлому страны. Книга Анны Зегерс «Седьмой крест», сначала опубликованная в 1942 г. в английском переводе и лишь в 1946 г. вышедшая на немецком языке в издательстве «Aufbau», была посвящена «немецким антифашистам – мертвым и живым»³⁵. Роман рассказывает о бегстве семерых узников из концентрационного лагеря Вестхофен неподалеку от Вормса³⁶. Командант лагеря отдает приказ в течение ближайших семи дней поймать беглецов; он распоряжается срубить кроны семи платанов и прибить к их стволам поперечные перекладины, т.е. подготовить по одному кресту для каждого беглеца. Только коммунисту Георгу Гейслеру удается уйти от преследователей,

другие либо погибли, либо были схвачены и для устрашения узников лагеря распяты на крестах. И лишь седьмой крест остался пустым. Бегство Гейслера обращается проверкой политической нравственности для тех, кто встречается ему на пути во время этой одиссеи. И этот успешно выдержанный экзамен при столкновении с беглецом становится центральной точкой романа, в конце которого коммунист выходит победителем, а потерпевший поражение комендант концлагеря совершает самоубийство. В школах ГДР роман «Седьмой крест» Анны Зегерс входил в обязательный список литературы.

Роман-эпопея «Мертвые остаются молодыми», начатый в мексиканской эмиграции и заверченный в 1948 г. в советской оккупационной зоне, охватывает период с конца Первой мировой войны в 1918 г. до окончания Второй мировой войны в 1945 г. В романе трое офицеров расстреливают солдата-революционера. У его возлюбленной рождается сын Ганс, который, став взрослым, хранит завет своего отца. Ганс в конце Второй мировой войны погибает, так же как когда-то его отец, и его возлюбленная тоже ожидает от него ребенка. Жертва — это индивидуум, который, погибая, оставляет после себя идею. Идея же продолжает жить, ее нельзя уничтожить, другие подхватывают ее и несут дальше. В потоке событий, в огне постоянной борьбы силы отдельных личностей суммируются и прилагаются к совместной цели, и при этом каждая жертва в конце концов приближает победу, являясь предпосылкой исторического триумфа.

Читая о героическом сопротивлении, будь то роман Бодо Узе «Патриоты» (1954), «Первая шеренга» Стефана Хермлина (1951) или автобиографический очерк «Испанская война» Людвига Ренна (1955), читатель должен был задуматься о нацизме, более того, должен был столкнуться с необходимостью принятия решения, которое приводило бы его на сторону победителей — антифашистов. Таким образом, антифашистский роман как «мерило» литературно-педагогического воздействия содержал в себе не только возможность для самоидентификации читателя, но и призыв быть достойным наследия борцов Сопротивления и активно участвовать в строительстве нового общества³⁷. В определенном смысле

ситуация воспринималась довольно просто: считалось, что читателей достаточно подвергнуть обязательной дидактизации, чтобы они, переносясь через литературное произведение в условия конфликта, получили определенную политическую и моральную основу, которая дала бы им возможность влиться в социалистическое общество или облегчила бы этот процесс.

**Делегитимизация антифашизма:
17 июня 1953 г. и 13 августа 1961 г.**

Однако «незапятнанным» антифашистский принцип оставался лишь до 17 июня 1953 г., когда началось восстание рабочих, превратившееся, с присоединением к нему широких слоев населения, в народное восстание. СЕПГ заклеямило восстание как «фашистскую провокацию», инициированную и поддержанную Западом и направленную на «разрушение власти рабочих и крестьян путем контрреволюционных действий»³⁸. В базовой идеологии антифашизма как политической и моральной оси, создававшей основу для консенсуса в обществе «другой Германии», таким образом еще раз укрепилось представление о ФРГ как о государстве под властью фашиствующих сил и самовосприятие ГДР как оплота антифашизма. В реальности, однако, диктатура СЕПГ смогла устоять только благодаря советским танкам. 17 июня 1953 г. антифашизм как идеология, направленная на создание национальной идентичности, утратила значительную часть своей притягательности, поскольку она была использована для оправдания насильственного подавления восстания. В результате население снова в принудительном порядке было интегрировано в политическую систему — на этот раз во имя антифашизма³⁹.

Концепция антифашизма, в определенном смысле задуманная как средство, не входящее в противоречие с системой и позволяющее добиться лояльности населения, окончательно утратила легитимность 13 августа 1961 г. с закрытием восточного сектора Берлина и строительством Берлинской стены, грубо и цинично названной Ульбрихтом «антифашистским защитным валом» и препятствовавшей доступу насе-

ления, жившего в советском секторе, в западную часть города. На фоне появившихся у всех на виду пограничных постов и вышек концепция в значительной степени утратила свое политическое и моральное содержание⁴⁰. Писатель Герман Кант, пользуясь своего рода эвфемизмом как стилистическим средством, говорил о стене лишь как о границе между двумя политическими системами. Но между строк, представлявших собой призыв к неустанной работе, осталось невысказанным то, что к востоку от этой границы люди не имели возможности свободно выбирать для себя политическую и общественную систему. «Гумбольдтхафен. Граница. Стена. Четырнадцать лет назад Роберт впервые проехал через границу, однако тогда ее невозможно было распознать, за ней не скрывалось ничего конкретного, и люди смеялись, когда другие пассажиры говорили им в поезде городской электрички, что они только что пересекли границу, границу между советским и британским сектором города Берлина. Очень уж несуразный вид имела та граница для человека, только что вернувшегося из другой страны, из плена, домой, домой в Германию, а не в советский или британский сектор. Разве эти люди, проезжавшие через эту границу, как через линию, начерченную мелом, разве знали они, что такое граница? <...> Теперь все было иначе, теперь можно было посмотреть и увидеть то, что тогда еще оставалось невидимым: здесь действительно проходила граница, и граница состояла не в том, что здесь были вода, двойной забор и стена, граница состояла в той разнице, которая существовала между тем, что было, происходило, делалось и росло по обеим ее сторонам»⁴¹.

В послевоенной повести «Актовый зал» Герман Кант старается вытеснить ужас стены в мир, построенный на политических категориях противостоящих друг другу «блоков» и посредством подобного нарратива избавиться от этого страшного образа. Таким образом, опыт молодого человека, который незамысленным взглядом смотрит на границу, не только демонстрирует абсолютную абсурдность увиденного, но и развенчивает пустую и бессодержательную семантику, навязанную партийным официозом, концепцию «антифашистского защитного вала», который оказывается направленным не наружу, а внутрь: «Собственное мнение появляется

лишь позднее. У меня это произошло, когда меня перевели к границе. Тогда я в первый раз увидел все строительство стены. Они всегда твердили про “антифашистский защитный вал”. Однако эту защиту строили наоборот, — она была направлена в другую сторону. Я, конечно, не специалист по строительству, но и я сразу увидел, что защита эта была направлена внутрь. Это видели все. Она была построена так, чтобы с нашей стороны через нее перебраться не мог никто. <...> И тут у меня забрезжила мысль <...> Теперь я видел <...>, что все это направлено против людей с нашей стороны»⁴².

Антифашизм в коммуникативной и культурной памяти ГДР

Со строительством Берлинской стены и изобретением особых языковых формул для описания этого процесса СЕПГ переложила на ФРГ ответственность за национал-социализм и на символическом уровне. Что же касается антифашистской модели ГДР, то она была вписана в обширный «контекст общественно-политической пользы». Особенно хорошо это видно начиная с шестидесятых годов⁴³. Антифашизм не только устанавливал ориентиры, объясняя и оправдывая существование режима, но и служил основой для функционирования различных общественных институтов и публичных мероприятий. В социально-политическом контексте «поддержки порядка путем репрезентации власти» он задавал новую форму для пространств совместного опыта, создающих общность народа, ритуалов и символических манифестаций СЕПГ, а также для публичных мероприятий. Говоря короче⁴⁴, лейтмотив антифашизма сокращал разнообразие социальных отношений и связей до навязанного, устанавливающего лояльность контекста⁴⁵.

Майские праздники и демонстрации, участие в соцсоревнованиях — все это проводилось под красными знаменами и транспарантами с антифашистскими лозунгами. Посещение мемориалов в качестве подготовки к «празднику посвящения в юношество» по достижении 14 лет, школьные экскурсии в концентрационные лагеря и встречи с борцами антифашистского Сопротивления, так же как участие в манифестациях

юных пионеров и ССНМ, относились для подрастающего поколения к основам социализации.

Публичное почитание памяти героев и заслуженных антифашистов объединялось с клятвой верности руководству СЕПГ и подтверждало ее роль знаменосца, исполняющего завет истории⁴⁶. В комнатах боевой славы антифашистов, имевшихся в каждой школе и на каждом предприятии, о «заслуженных борцах» напоминали хранившиеся там знамена, документы, фотографии и медали. В общественном пространстве память о наследии Ленина хранили улицы Комсомола или Германо-советской дружбы, и в каждом городке ГДР были площади и улицы, названные в честь Эрнста Тельмана или других антифашистов.

Наряду с литературой задачей сохранения антифашистского наследия наделялся и кинематограф⁴⁷: фильмы киностудии ДЕФА, такие как «Эрнст Тельман — вождь своего класса» (1954/1955), «Сильнее ночи» (1954) или экранизация романа Бруно Апица «Голый среди волков», как и другие художественные фильмы, причислялись к медийным средствам укрепления антифашистского героизма⁴⁸. Сюда же относились документальные фильмы или телепрограммы ГДР, как, например, «Войди с нами в новую жизнь! Манифест КПГ от 10.06.1945» (*Komm ins neue Leben mit! Der Aufruf der KPD vom 10. 6. 1945*), (1980) или «Иначе мы бы пропали — рассказывают дети Бухенвальда» (*Sonst wären wir verloren – Buchenwaldkinder berichten*) (1982)⁴⁹.

Однако именно потому, что постоянное напоминание об антифашизме в общественном пространстве в итоге на протяжении десятилетий было «покрыто налетом святости» и именно потому, что эта непрерывная дидактизация населения проникала в каждый уголок повседневной культуры, ритуалы поминовения, видимо, постепенно износились и «опустели»⁵⁰. Память, нацеленная на создание общности, «охладела» в том числе и потому, что поколение очевидцев, которые до 1945 г. были узниками концлагерей, сокращалось, и оставалось все меньше возможности устно передать следующим возрастным группам опыт «поколения героев», участвовавших в антифашистском сопротивлении⁵¹. Поэтому средства культурной памяти, воплощенной в мемориалах,

школьных программах или исторической литературе, все больше брали на себя задачи культурного воспроизводства воспоминаний об антифашизме⁵². Упрямое нежелание убежденных седиными членов политбюро передать политическую ответственность в руки молодых было в числе прочего вызвано скрытым недоверием к новому поколению, которому, как они полагали, нельзя доверить священную вахту памяти об антифашизме, поскольку молодые товарищи не были «аутентичными» носителями памяти, да и не могли ими быть, так как были рождены после тех событий⁵³.

«В памяти не осталось ничего...»

Претензия на монополию на антифашизм как стратегия легитимации ГДР с конца 80-х годов все больше ставилась под сомнение прежде всего молодым поколением, которое встречало это сохранение традиции, очевидно, с большим скепсисом, тем более что ее релевантность для современной жизни была уже не так очевидна, а самосознание молодежи в целом, похоже, в большей степени строилось на актуальных социально-политических и индивидуальных проблемах. Как только они сталкивались с напоминанием об антифашистском Сопротивлении, эта стереотипная, дидактическая репродукция одного и того же сюжета, видимо, вызывала уже только скуку и ощущение пресыщенности. Как писал один бывший школьник о своем посещении Бухенвальда, «в памяти не осталось ничего, кроме Тельмана. Как начали о нем — так не могли остановиться. Тельман там, Тельман тут. <...> Как будто не было больше никого, кто заслужил признание в борьбе за дело народа. Они делали из его имени знамя, повторяя его, пока оно у нас в зубах не навязло. Поэтому они и в Бухенвальде повели нас возложить цветы Тельману. Когда постоянно слышишь одно и то же, когда-то надоедает. Тогда ты просто отключаешься и вообще не хочешь больше ничего знать <...>. Да и в этом возрасте думается не об одном только антифашистском Сопротивлении. Но тогда они должны были вбить это нам голову, не мытьем, так катаньем»⁵⁴.

«Оперативное исследование», проведенное в 1985—1988 гг. и положенное на полку, было посвящено понима-

нию истории молодежью ГДР. Результаты подтвердили впечатления руководства мемориального комплекса в Бухенвальде, считавшего, что толкование истории, опирающееся исключительно на «антифашистских героев и борцов рабочего класса», уже не вызывало ожидаемого интереса. Еще одно исследование, посвященное «политико-историческим установкам молодежи 1988 г.», получившее гриф «секретно», проводилось как репрезентативный анализ понимания истории представителями подрастающего поколения в Восточной Германии. В ходе него у молодежи были выявлены «проявления пресыщенности». В связи с этим было настоятельно рекомендовано «серьезно задуматься об эффективности нашей подачи истории, о сбалансированности нашего образа истории, а также о достоверности и убедительности нашей политической информации и аргументации»⁵⁵. Основополагающий миф ГДР об антифашизме давно утратил силу. В противоположность к переломным годам — 1945, 1953 и 1961-му — осенью 1989 г. даже элита СЕПГ практически не обращалась к нему, поскольку взгляд в прошлое уже не отвечал ожиданиям людей, устремивших после падения стены 9 ноября свой взор в будущее.

ДИРК ХОФФМАН*

ИЛЛЮЗИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИЩЕННОСТИ

Трудовое право, политика занятости, пенсионное обеспечение

Даже спустя двадцать лет после мирной революции 1989 г. мнения об историческом месте ГДР в немецкой истории XX столетия полярно расходятся. С одной стороны, восточногерманское государство осуждают как неправоное, подчеркивая при этом в первую очередь его репрессивный характер, а с другой стороны, указывают на якобы существовавшие преимущества социальной политики ГДР. Правда, что касается этих «преимуществ», то и по этому вопросу нет единства взглядов не только в широкой общественности объединенной Германии, но и среди представителей специальной науки. Так, эксперты, в прошлом занимавшиеся социальной политикой ГДР, подчеркивают положительные, с их точки зрения, элементы восточногерманской системы социальной защиты, не ставя под сомнения ее ущербность в принципе¹. В то же время авторитетный историк-обществовед в недавно завершенном комплексном исследовании социальной политики ГДР подвергает ее беспощадной критике².

То есть интерпретации социальной политики ГДР расположились между двумя полюсами. С одной стороны, на фоне постоянной высокой безработицы в пяти новых федеральных землях указывается на кажущиеся социальные достижения исчезнувшего государства, а с другой стороны, ГДР называют несостоявшимся социальным государством³, что объясняется главным образом отсутствием у ее социальной политики необходимого экономического фундамента, который так и не был создан в эпоху Хонеккера. Однако, поскольку невозможно отрицать, что социальная политика ГДР оказала мощное формирующее воздействие на все социальные

---

* Пер. с нем. Игоря Шматова.

структуры и культурные ценностные ориентации, значительно более уместной представляется ее дифференцированная оценка, учитывающая двойственный характер этого явления⁴. В последующем изложении обзорно, но в то же время достаточно обстоятельно будут рассмотрены некоторые избранные разделы социальной политики в ГДР, которые находятся в центре общественной дискуссии. Это трудовое право, политика занятости и пенсионное обеспечение.

Изменения в трудовом законодательстве

В центре дискуссии о справедливости, развернувшейся в настоящее время, на первое место вышло право на труд, которое было гарантировано еще Конституцией ГДР 1949 г. Признавая историческую значимость этого факта, вместе с тем нельзя не задаться вопросом: какие изменения произошли в трудовом праве восточногерманского государства? Поскольку в период до примерно начала шестидесятых годов они были наиболее значительными именно в этой сфере, главное внимание в дальнейших рассуждениях будет уделено первому этапу существования ГДР⁵. В целом можно констатировать, что уже в первые послевоенные годы трудовое право претерпело существенные изменения. В качестве первого шага центральная немецкая администрация по вопросам труда и социального обеспечения (DVAS) в тесном взаимодействии с Социалистической единой партией Германии (СЕПГ) и Советской военной администрацией в Германии (СВАГ) отменила отдельные законы и правовые положения времен национал-социалистической военной экономики. Для дальнейшего развития определяющее значение имели приказ СВАГ № 65 от 15 сентября 1945 г. и приказ Контрольного совета № 3 от 17 января 1946 г., поскольку они в Советской зоне оккупации (СОЗ) создали правовую основу для регистрации работоспособного населения, а также для решения вопросов принудительного трудоустройства через биржи труда, которые тогда восстанавливались. Эти меры в основном были связаны с репарационными притязаниями четырех держав-победительниц, которые, однако, были исполнены в различных объемах. Таким образом, практика

принудительного направления на работу имела место не только в СОЗ, но и в трех западных зонах оккупации. В то время как западные державы довольно рано отказались от этого инструмента, в СОЗ он на долгое время стал важной составной частью государственной политики на рынке труда.

В отличие от Советской военной администрации, DVAS считала возможным использовать инструмент принудительного трудоустройства в 1947 г. только в исключительных случаях. Для восточногерманского немецкого управления по трудоустройству, которое в этом вопросе оказалось перед дилеммой, с одной стороны, было очевидно, что такая мера могла быть применена только по отношению к гражданам, не желающим работать: «Каждый трудоспособный человек сегодня обязан работать, поскольку только так можно преодолеть всеобщую нужду»⁶. В то же время немецкая администрация хорошо понимала, что между принудительным трудоустройством и начавшимся бегством населения на Запад Германии существовала причинно-следственная связь. Тем не менее «жесткие» меры в рамках политики на рынке труда были отменены только в 1948 г. Хотя количество принудительно направленных на работу до конца 40-х годов уменьшалось, полностью отказаться от этого инструмента государственной политики так и не удалось.

Практика насильственного трудоустройства, которое иногда приобретало дикие формы, на урановые шахты в Рудных горах была несколько ограничена только летом 1948 г. Катастрофическое социальное положение в саксонской горнорудной промышленности срочно потребовало замену инструментов, применявшихся для привлечения рабочей силы. В конечном счете и в отделах советской администрации, отвечавших за этот участок, начался процесс переосмысления, после того как возникла угроза обострения ситуации на акционерном урановом предприятии «Висмут». Насильственное трудоустройство было заменено системой стимулирования труда.

Однако в отдельных случаях инструмент принудительного направления на работу продолжал использоваться и позже, чтобы удовлетворить все еще высокую потребность в рабочей силе. Так, DVAS потребовала от своих земельных

управлений при выполнении разрядки на рабочую силу для комбината «Висмут» привлекать «как можно больше работников на добровольной основе и только в исключительных случаях в порядке принудительного трудоустройства»⁷. Успех принудительных мер зависел от многих других факторов, прежде всего от наличия жилья. Проблема его большого дефицита, которая в малонаселенных районах уранодобывающей промышленности еще больше обострилась за счет притока нескольких тысяч рабочих, препятствовала в конечном итоге эффективному использованию вновь прибывшей рабочей силы. Из этого администрация по вопросам труда извлекла уроки: в дальнейшем жилищное строительство преимущественно велось в непосредственной близости к так называемым ключевым промышленным объектам, что создавало важный побудительный стимул к труду для их работников.

Принципиальная смена курса политики на рынке труда повлекла пересмотр положений трудового права. На рабочем совещании главной администрации по вопросам труда и социального обеспечения (HVAS) 27/28 апреля 1948 г. в Эрфурте даже представитель СВАГ Т. Р. Шапошников указал на то, что «смысл распоряжения заключается в том, чтобы уйти от принудительного трудоустройства и гарантировать целесообразное использование рабочей силы»⁸. Необходимость принудительного направления на работу должна быть «тщательнейшим образом» проверена, также следует позаботиться об «особой защите прав рабочих», заявил он. Кроме того, подчеркнул советский представитель, необходимо гарантировать соответствующую компенсацию в связи со сменой работы и ввести надбавку к заработной плате, «если существует разница между заработной платой на новом и на старом месте работы». HVAS учла это пожелание и уже в мае 1948 г. предложила проект распоряжения в качестве приложения к приказу СВАГ № 234, в котором подчеркивалась важность соблюдения прав рабочих при предоставлении работы. В параграфе 1 проекта говорилось о том, что обеспечение рабочей силой, «как правило, должно происходить на основе добровольности последней». Принудительное направление на работу было разрешено только в случае,

когда все другие инструменты привлечения рабочей силы не давали желаемого результата. При этом перечень работ, которые позволяли использовать механизм принудительного трудоустройства, был неточен и предоставлял биржам труда широкие возможности для их вольной интерпретации. К ним, например, относились работы по устранению «общественных бедствий и последствий аварий и катастроф», по выполнению производственных программ «в жизненно важных» отраслях промышленности и экономики, а также по решению «задач оккупационных властей»⁹. Одновременно проект вводил так называемые категории срочности для отдельных промышленных и хозяйственных отраслей. Таким образом, HVAS надеялась в значительной мере обеспечить производственные потребности в рабочей силе. Отнесение отраслей экономики к различным категориям срочности создавало более привилегированные условия для ее базисных отраслей и служило в первую очередь целям создания новой инфраструктуры тяжелой промышленности, что было связано с ситуацией первых послевоенных лет и с вытекающими из нее проблемами. Распоряжение, которое с небольшими поправками было опубликовано 2 июня 1948 г.¹⁰, установило, таким образом, рамки, которые ограничивали принудительное трудоустройство. Решающее значение имел тот факт, что в распоряжении был точно определен срок, в течение которого рабочая сила могла использоваться на принудительных работах, а также предусмотрены компенсационные выплаты и формальное право обжаловать решение о принудительном трудоустройстве. Это распоряжение оставалось в силе до 1954 г., являясь одним из важнейших документов трудового права в ранней ГДР.

Когда в конце пятидесятых годов ситуация на рынке труда драматически ухудшилась и СЕПГ столкнулась с проблемами управляемости плановой экономики, в восточногерманском руководстве вновь стали обсуждаться возможности возврата к ограничительной политике «на рынке труда». Однако эти планы так и не были реализованы, поскольку партийно-государственное руководство опасалось новых возмущений среди работающих граждан, как это уже было во время народного восстания 17 июня 1953 г.¹¹

В связи с принудительным характером мер по трудоустройству они невольно ассоциировались с национал-социалистической политикой на рынке труда. На это обращали внимание не только сами рабочие, затронутые этими мерами, но также представители руководства СЕПГ и НВАС. В этой связи необходимо упомянуть трудовые книжки, которые вновь были введены в начале февраля 1947 г.¹² и будили воспоминания о национал-социалистической диктатуре. Трудовая книжка СОЗ служила не только целям регистрации трудоспособного населения, но и управления рабочей силой. Введение трудовой книжки с самого начала было воспринято неоднозначно. Если советские оккупационные власти безоговорочно поддержали этот шаг, то восточногерманская администрация по вопросам труда отнеслась к нему настороженно, поскольку он напоминал о временах национал-социалистической политики занятости и мог ослабить доверие со стороны населения. Однако введение трудовой книжки было важной предпосылкой для целенаправленного управления рабочей силой не только для СВАГ, но и для DVAS. Федеральное правление Свободных немецких профсоюзов (ССНП) заняло более дифференцированную позицию и высказалось за то, чтобы эта мера была временной. Было заявлено, что трудовая книжка на данный момент необходима, однако «при ближайшем удобном случае она должна быть отменена»¹³. Наряду с трудовой книжкой в СОЗ действовали другие правовые положения, как, например, распоряжение об учете текучести персонала, трудовой дисциплины и производительности¹⁴, которое также преследовало цель мобилизации трудоспособного населения в интересах восточногерманского рынка труда. Тем самым трудовое право уже тогда было наделено функцией постоянного увеличения общего количества занятых в народном хозяйстве. Достижению экономических целей, поставленных в двухлетнем плане (1949–1950) и в следующем пятилетнем плане (1951–1955), были почти полностью подчинены все сферы системы трудовых отношений и все разделы трудового права.

То есть восточногерманское трудовое право до конца сороковых годов имело весьма сильный репрессивный характер, поскольку принудительные меры и санкции,

в число которых входили, например, денежные штрафы и тюремное заключение или конфискация продовольственных карточек, имели огромное значение. Эти меры существенно влияли на настроения населения. Ограничение свободы передвижения, ограничительные меры при смене места работы имели, однако, последствия, которые политики во власти ранее не учитывали. Так, многие биржи труда были вынуждены констатировать, сознавая собственное бессилие, что рабочие отказывались выполнять трудовое обязательство, принуждающее их работать на урановом комбинате «Висмут», предпочитая бегство на Запад Германии. Соответствующие восточногерманские и советские органы управления сделали из этого вывод, существенно дополнив и расширив трудовое право за счет системы поощрения. Трудовое право, которое вплоть до образования ГДР было подчинено экономическим потребностям и особенно советским репарационным притязаниям, теперь все больше и больше выступало в роли поборника индивидуальных прав наемных работников. В этой связи в систему трудового права вводятся новые правовые предписания по охране труда. Безопасность на рабочем месте, т.е. профилактика здоровья и предупреждение несчастных случаев, имела высший приоритет. Тем самым предполагалось снизить уровень заболеваемости и повысить производительность труда на предприятиях. Помимо этого растущее значение приобретает защита от увольнения. Отныне руководство предприятий могло уволить работника только после обращения в соответствующие органы трудоустройства и по согласованию с ними, а также после предоставления увольняемому нового рабочего места. То есть работников теперь нельзя было уволить просто так. Гарантированное конституцией право на труд получило в трудовом праве конкретное воплощение.

Кратко описанные здесь меры обеспечения сохранности рабочего места, которую, казалось бы, гарантировало восточногерманское государство, необходимо, однако, рассматривать в контексте принципиального выбора политической власти в пользу централизованного планового хозяйства¹⁵. Поскольку из восточногерманской экономической системы, созданной по советскому образцу, был полностью исключен

принцип конкуренции и, следовательно, конкуренции между участниками рынка не было, нерентабельным предприятиям ничего не угрожало. Это означало, что закрытие предприятий и увольнение рабочих в СОЗ в ГДР были не предусмотрены в принципе. В периодическом росте безработицы, как, например, в Федеративной Республике в семидесятые годы, руководство СЕПГ видело подтверждение своего взгляда на собственную экономическую систему как лучшую по сравнению с другими. Вера в гарантированную сохранность рабочих мест на долгое время определила поведение восточно-германского населения.

После краха ГДР и в ходе экономической трансформации начала девяностых годов многие граждане теперь уже бывшей ГДР стали воспринимать право на труд как одно из великих социально-политических достижений канувшего в небытие государства. Одновременно ограничительные элементы трудового права и издержки его последствий вытеснялись из коллективного сознания. Забвению было предано и то, что всеобъемлющая мобилизация трудового потенциала и введение фактической трудовой повинности привели к криминализации любого уклонения от общественно полезного труда: «Принуждение к труду стало частью уголовного права»¹⁶. При этом понятие «асоциальный» приобрело новое содержание, поскольку в рамках риторики классовой борьбы СЕПГ оно служило легитимации государственных репрессий по отношению к отдельным гражданам. Очистка территорий вокруг комбината «Висмут» от «деклассированных элементов» в августе 1951 г. или насильственное выселение, поданное как «акция против паразитов», на немецко-немецкой границе ранним летом 1952 г. убедительно подтверждают ужесточение словесной политики руководства ГДР¹⁷, которое имело прямые последствия для затронутых ею граждан.

Серьезная кодификация трудового законодательства ГДР (1950, 1961 и 1977) каждый раз подтверждала записанное в Конституции право на труд, которое в Кодексе законов о труде 1961 г. впервые было дополнено положением о том, что труд является общественным долгом каждого отдельного гражданина¹⁸. В СЕПГ, в государственном аппарате или в массовых организациях этот правовой принцип, кото-

рый, впрочем, не носил обязательного характера, никогда не оспаривался. Он был также внесен в социальную хартию «Круглого стола» от 5 марта 1990 г.¹⁹, которая была принята Народной палатой 7 марта 1990 г.²⁰ Участники «Круглого стола» и депутаты Народной палаты исходили из того, что эта хартия будет частью пакета документов для обсуждения предстоящих тогда переговоров с правительством Федеративной Республики о создании экономического, валютного и социального союза. Однако именно право на труд вызвало наибольшие возражения в Бонне. Основные идеи социальной хартии не получили поддержки в ходе развернувшейся общегерманской дискуссии²¹.

В отличие от Федеративной Республики в законодательстве ГДР не проводилось различие между трудовым и социальным правом. Положения социального права были частью восточногерманского трудового права, которое с самого начала было подчинено целям централизованной плановой экономики. Помимо этого существовало еще одно глубокое структурное различие: если в западногерманском трудовом праве шло постоянное совершенствование правовых положений, на основе которых разрешались конфликты интересов между работниками и работодателями, то в ГДР эта сфера правовых отношений была в основном отдана на откуп предприятий. В частности, так называемые конфликтные комиссии в первую очередь должны были рассматривать и разрешать внутрипроизводственные конфликты. Тем самым трудовая юрисдикция в ГДР уже с самого начала пятидесятых годов начинает утрачивать свою значимость.

Политика занятости СЕПГ: между мерами «от случая к случаю» и плановой экономикой

После анализа трудового права ГДР рассмотрим ее политику в сфере занятости. Как известно, среди достижений ГДР в области социальной политики особо выделяют ликвидацию безработицы, которая здесь уже в первой половине пятидесятых годов перестала быть массовой. Ввиду экономических и социальных последствий Второй мировой войны органы трудоустройства во всех четырех оккупационных зонах столкну-

лись, казалось бы, с нерешаемыми задачами. Так, например, нужно было выполнять репарационные требования союзнических держав, интегрировать возвращающихся с фронта солдат в систему гражданских трудовых отношений и обеспечивать работой беженцев и перемещенных лиц. В этом смысле первые послевоенные годы несли в себе угрозу огромного кризиса государственного строительства²² не только для молодой Федеративной Республики, но и для молодой ГДР. Действительно, статистические данные восточногерманского управления по вопросам труда убедительно подтверждают, что в основном массовую безработицу удалось быстро ликвидировать еще до образования ГДР в 1949 г. Если доля безработных в экономически активном населении в январе 1946 г. все еще составляла 7,2%, то уже к декабрю того же года она сократилась до 2,7%²³. Минимальный уровень (1,4%) был зафиксирован в сентябре 1947 г. Хотя к марту 1949 г. доля безработных вновь увеличилась до 4,9%, что было вызвано сезонными факторами, в последующие годы она вновь уменьшилась. В абсолютных цифрах наибольшее снижение безработицы наблюдалось в течение 1951 г. — с 343 тыс. (январь) до 159 тыс. (декабрь)²⁴. Сокращение безработицы было неравномерным в различных группах работников. Сначала оно происходило в основном среди безработных мужчин и взрослых граждан. Одновременно доля безработных женщин в общем количестве зарегистрированных безработных в первое время оставалась постоянно высокой. Доля молодых безработных даже возросла²⁵. В 1955 г. количество безработных колебалось в пределах от 25 тыс. до 66 тыс. Хотя феномен «безработица» с этого момента, как казалось, навсегда остался в прошлом, страхование по безработице было отменено только в 1977 г.

Каковы причины стремительного сокращения безработицы до середины пятидесятых годов? Важную роль в этом процессе сыграло восточногерманское управление по вопросам труда. В число задач служб трудоустройства, которые до 1951 г. существовали как самостоятельные учреждения, с самого начала входило трудоустройство безработных. Однако в ходе осуществления отдельных программ занятости, а также мер по выравниванию межрегиональных и надрегиональных уровней занятости очень скоро неожиданно выя-

вились проблемы, которые в конечном счете стали дополнительным аргументом в пользу строительства централистского государства. Также необходимо отметить меры, которые затрудняли получение пособий в системе страхования по безработице и социального обеспечения²⁶. Таким образом, с использованием всех инструментов государственной политики решалась задача адаптации трудоспособного населения к миру социалистических трудовых отношений. Имелось в виду максимально использовать трудовой потенциал, что ГДР в конечном итоге удалось сделать. Это, в свою очередь, привело к интегрированию в общество труда в ГДР инвалидов и пенсионеров. В то же время у народных предприятий оставались определенные возможности для принятия самостоятельных решений в вопросах занятости, которые позволяли им не соблюдать квоты по трудоустройству, спущенные сверху. Поскольку СЕПГ и органы управления экономикой не располагали никакими инструментами оказания давления на предприятия, в таких случаях меры в рамках политики на рынке труда оказывались неэффективными.

Несмотря на то что в ГДР удалось быстро ликвидировать безработицу, политика занятости, предписанная СЕПГ, отнюдь не была бесконфликтной. Первая из чрезвычайных программ партии-гегемона была провалена уже в 1949 г.²⁷ Участвовавшие в ней центральное управление по вопросам труда и его земельные отделения обвиняли в неудаче друг друга. К тому моменту в стране еще не существовало централизованного планирования использования трудоспособного населения. Преобладали полиархические структуры, которые лишь постепенно уступали место централизованным иерархическим структурам управления. Споры о сферах компетенции шли, однако, не только между центральными и земельными ведомствами, но и между отдельными центральными управлениями в Восточном Берлине. После создания — по советскому образцу — центрального экономического управления и учреждения Государственной плановой комиссии (ГПК) эти трения удалось минимизировать, но не устранить полностью. При этом конфликты по поводу распределения трудовых ресурсов все больше перемещались в другие сферы. К тому же к ним добавилась принципиальная проблема

имплементации, которая сводилась к тому, что эффективность принимаемых мер можно было оценить только по прошествии времени. К тому же эти меры часто приводили к иным, чем изначально задумывалось, результатам. Другими словами, плановое хозяйство ГДР было поставлено перед почти нерешаемой задачей – обеспечить необходимый контингент рабочей силы в нужное время и в нужном месте.

Вступая в первый пятилетний план, руководство СЕПГ рассчитывало в кратчайшее время создать в ГДР собственную тяжелую промышленность, чтобы в начинающейся «холодной войне» обеспечить экономическую независимость от Запада. Этой цели были подчинены все направления государственной политики. Наряду с трудовым правом, с мерами социальной поддержки безработных и другими мерами социальной защиты это также относилось к системе подготовки и переподготовки кадров для производства. Поскольку ускоренное строительство центров тяжелой промышленности увеличило потребность в профессионально хорошо подготовленных рабочих, а бегство людей в Федеративную Республику обернулось оттоком на Запад квалифицированных кадров, перед руководством СЕПГ и ГПК во весь рост встала проблема нехватки рабочих, которую еще больше обостряло нежелание предприятий расставаться с избыточной рабочей силой. Хозяйственное руководство попыталось выполнить задание пятилетнего плана по занятости с помощью целенаправленного расширения системы профессиональной подготовки и переподготовки. СЕПГ и ГПК полагали, что для обеспечения управления трудовыми ресурсами в соответствии с потребностями развития производства следует готовить рабочий резерв непосредственно для каждой конкретной отрасли экономики. В результате система профессиональной подготовки и переподготовки стала интегральной составляющей частью восточногерманской политики занятости уже на ранних этапах ее формирования. Это, однако, повышало требования к качеству планирования, которое должно было быть гибким и ориентированным на прогнозируемые потребности производства.

В набор инструментов политики занятости также входила государственная политика в сфере заработной платы.

Еще в пятидесятые годы заработная плата вместе с профессиональным обучением являлась важнейшей мерой управления трудовым потенциалом. Однако и при установлении уровня заработной платы у СЕПГ возникли непредвиденные сложности. Приказ СВАГ № 234 уже в октябре 1947 г. ввел сдельную оплату труда на государственных промышленных предприятиях, что привело к пересмотру всей системы оплаты труда. Однако в этом вопросе руководство СЕПГ оказалось в непростой ситуации. С одной стороны, оно пропагандировало улучшение положения групп населения с низкими доходами за счет работников с более высокими доходами, что на деле было равносильно нивелированию заработной платы. С другой стороны, дифференциация заработной платы была абсолютно необходима для повышения производительности труда. В целом увеличение производительности не могло происходить такими же темпами, как и рост заработной платы²⁸. В то же время было очевидно и то, что так называемые трудящиеся не согласятся с чрезмерным ухудшением своего материального положения.

Движение ударников производства в конце сороковых годов, вопросы норм выработки и народное восстание 17 июня 1953 г., как и движение производственных бригад конца пятидесятых годов, ясно показали СЕПГ, что «болевого порог рабочих» может быть достигнут очень быстро. Стабильность режима СЕПГ порой держалась на волоске и могла быть восстановлена, как показывает пример всеобщего восстания 1953 г., только с помощью военного вмешательства советских оккупационных властей. По этой причине Политбюро партии скоро отказалось от намерения привязать размер заработной платы к росту производительности. В конечном счете в рамках политики в сфере заработной платы лишь частично удалось создать стимулы для повышения производительности труда в отдельных избранных отраслях экономики, что, в частности, было связано с ухудшающимися бюджетными возможностями и возникшей финансовой задолженностью ГДР.

Для экономики ГДР уже в пятидесятые годы был характерен постоянный дефицит рабочей силы, который был связан не только с «бегством из республики» до сооружения

Берлинской стены в 1961 г., но и, в гораздо большей степени, с системными факторами, присущими плановой экономике. Избыточная рабочая сила на предприятиях и текучесть рабочей силы были постоянной головной болью центральных экономических инстанций государства и партии. Дефицит рабочей силы, на который особенно часто жаловались в эпоху Хонеккера, нередко имел причиной избыток этой самой рабочей силы на предприятиях. Этот феномен можно назвать скрытой безработицей, о которой ничего не говорилось в официальной статистике ГДР. По оценкам западногерманских институтов экономических исследований, она составляла ни много ни мало 15%. По некоторым прогнозам, в рыночных условиях это привело бы к ликвидации 3 млн рабочих мест²⁹. Такова была оборотная сторона государственной гарантии сохранности рабочих мест.

Нерешенный вопрос пенсионного обеспечения в ГДР

В заключение рассмотрим политику СЕПГ в сфере пенсионного обеспечения и проанализируем также в этой связи утверждение о больших социальных достижениях «диктатуры пролетариата». Обеспечение пенсионеров всем необходимым с самого начала было огромной проблемой. Деформация демографической структуры как следствие войны, массовое бегство по меньшей мере 2,75 млн граждан ГДР на Запад Германии, а также многочисленные экономико-политические конфликты целей — все это привело к тому, что пенсионеры как социальная группа, находящаяся за рамками производственной деятельности, в социально-политической повестке СЕПГ оказались на одном из последних мест. В «первом государстве рабочих и крестьян на немецкой земле» проблема старческой бедности не была решена. Введение в Федеративной Республике в 1957 г. «динамичной» пенсии привело к коренному улучшению обеспечения в старости³⁰, в то время как пенсионеры в восточногерманском обществе трудящихся вели нищенское существование. На этом примере особенно очевидным становится подчиненность социально-политических целей целям экономико-политическим.

В связи с образованием ГДР руководство СЕПГ намеревалось существенно повысить низкий уровень пенсий, который в конце сороковых годов почти не отличался от уровня в Западной Германии. Оба повышения пенсий в 1949 и 1950 г. в целом привели к увеличению размера минимальных пенсий, выплачиваемых по старости, инвалидности и инвалидности по причине несчастного случая, вдовьих пенсий и пенсий сиротам. Однако поскольку выплаты в первое время были достаточно скромными, правительство в 1950 г. приняло решение увеличить размер всех выплат в системе пенсионного обеспечения на 10 немецких марок ГДР³¹. Руководство СЕПГ рано столкнулось с конфликтом целей, поскольку более значительное увеличение пенсий ввиду все еще напряженного государственного бюджета казалось невыполнимым. Помимо этого для Политбюро в Восточном Берлине высший приоритет имело экономическое развитие страны. Система социального обеспечения по этой причине главным образом должна была учитывать потребности мира труда, т.е. быть сориентированной на граждан, работающих по найму. Члены СЕПГ, определявшие политику партии, как и руководящие сотрудники в органах управления экономикой и трудовыми ресурсами, полагали, что только таким образом они смогут достигнуть производственных показателей, заложенных в планах хозяйственного развития. В то же время не существовало никаких планов увеличения бюджетных поступлений, с помощью которых можно было бы профинансировать дополнительные социальные выплаты. Созданная в начале 1947 г. единая система социального обеспечения, в рамках которой максимальный фиксированный доход, подлежащий обложению страховыми взносами, составлял 600 марок ГДР, а страховой тариф равнялся 10%, обсуждению не подлежала³². Очевидно, руководство СЕПГ полагало, что большее финансовое обременение восточногерманского населения окажется для него непосильным. Вероятно, оно исходило из того, что в ходе неизбежного, с его точки зрения, экономического подъема станет возможным провести коренную реформу страховых выплат в пользу пенсионеров.

Чтобы лучше оценить экономическое и социальное положение пенсионеров в ГДР, необходимо рассмотреть,

в каком соотношении происходило изменение пенсий и цен на товары и услуги, как и пенсий и заработной платы. При этом необходимо учитывать тот принципиальный факт, что в восточногерманском государственном социализме товары повседневного спроса дотировались за счет бюджета, от чего выигрывали и пенсионеры. Тем не менее СЕПГ, принимая время от времени решение о повышении цен на отдельные виды продуктов питания, не рассматривала эту меру как обязательный повод для одновременного увеличения минимального размера пенсий. Так, например, Секретариат ЦК на своем заседании 1 февраля 1951 г. ввиду повышения цен на пшеницу принял решение о соответствующем повышении пенсий по старости³³. Руководящий орган СЕПГ заявил в этой связи, что мера не может быть отложена до обсуждения проекта государственного бюджета и что она должна быть реализована незамедлительно. Однако государственный секретарь министерства финансов Вилли Румпф выразил по поводу этого решения серьезные сомнения, поскольку он не видел возможности для финансирования предложенной меры. Этим аргументом он сумел убедить Политбюро, которое вскоре отменило решение Секретариата партии³⁴.

Никаких структурных изменений в системе пенсионного страхования не произошло и после кровавого подавления народного восстания 17 июня 1953 г., хотя после него СЕПГ внезапно «прозрела» и увидела в социальной политике инструмент, который может помочь стабилизировать власть партии в государстве. Вместо этого было принято еще одно решение об общем повышении размера пенсий на десять марок ГДР. При этом в специальном распоряжении Совета министров ГДР было обращено особое внимание на увеличение вдовьих пенсий³⁵. Руководство СЕПГ и в последующие годы устанавливало размер — всегда достаточно скромного — повышения пенсий по согласованию с министерством финансов и ГПК.

За исключением введения добровольного дополнительного пенсионного страхования в конце шестидесятых — начале семидесятых годов, которое по своей структуре было копией единого социального страхования и имело своей целью в первую очередь ликвидацию образовавшегося «денежного

навеса», СЕПГ только один раз поставила, хотя и очень робко, под вопрос действующую в ГДР систему пенсионного обеспечения. На фоне дебатов, развернувшихся в Федеративной Республике по поводу всеобъемлющей социальной реформы, результатом которых стало введение в 1957 г. динамической пенсии, руководство СЕПГ было вынуждено, в свою очередь, заняться вопросами коренного преобразования системы страхования по старости. С одной стороны, предполагалось существенно увеличить размер пенсионных выплат, увязав его с динамикой заработной платы. С другой стороны, в Восточном Берлине обсуждались планы полностью переложить уплату пенсионных взносов — по советскому примеру — на предприятия. По финансово-политическим причинам, а также вследствие неспособности СЕПГ глубоко реформировать систему единого социального обеспечения все эти планы не пошли дальше обсуждений в ее руководстве, и уже в 1958 г. от них полностью отказались³⁶. Распропагандированная Политбюро социалистическая пенсионная реформа не состоялась. Все осталось по-старому. Заявленная политика оставалась непоследовательной. Так, для значительного числа профессий были введены дополнительные социальные выплаты, и созданы возможности для улучшенного снабжения товарами и услугами, которые в какой-то мере в материальном отношении облегчали переход на пенсию после завершения трудовой деятельности. Так называемая интеллигентская пенсия в этой связи является ярким примером наделения привилегиями отдельных групп граждан в общей массе пенсионеров, хотя социальные условия, в которых они находились, не сильно отличались между собой.

Ожидания перемен начала семидесятых годов, связанные с переходом власти от Ульбрихта к Хонеккеру, быстро улетучились. Заявленное единство экономической и социальной политики³⁷, на основе которого Хонеккер хотел на длительное время обеспечить господство СЕПГ в ГДР, потеряло свою привлекательность уже к концу десятилетия. Нехватка средств не позволяла в полной мере реализовать социально-политические меры, направленные на улучшение ситуации. Кроме того, ГДР как государство стало все чаще прибегать к внешним кредитам. Здесь уже указывалось на то,

что главная проблема восточногерманской системы пенсионного страхования заключалась в отсутствии механизмов, которые позволяли бы последовательно увеличивать размеры социальных выплат, а также в сохранении системы взносов. Эти недостатки не удалось устранить и с помощью добровольного дополнительного социального страхования. Поскольку увеличение пенсий не было — в отличие от Федеративной Республики — привязано к росту заработной платы рабочих и жалования служащих, со временем неизбежно возникали ножницы между доходом брутто и пенсией по старости. Если в период с 1980 по 1988 г. доход брутто в среднем вырос на 24,3%, то пенсии по старости увеличились только на 11,2%³⁸. Руководство СЕПГ и в восьмидесятые годы оказалось не в состоянии изменить существующую систему пенсионного страхования. Ввиду низких пенсий многие граждане ГДР даже были вынуждены работать по достижению 60 или 65-летнего возраста. В 1980 г. почти 540 000 пенсионеров продолжали работать³⁹. Но это отвечало главной экономической цели СЕПГ — еще больше увеличить количество занятых людей в стране. Несмотря на это, с начала семидесятых годов начинается массовая миграция пенсионеров в Федеративную Республику. Недавнее утверждение одного историка о том, что власти ГДР, закончив эксплуатацию рабочей силы пенсионеров, последующую заботу о них переложили на плечи западногерманского социального государства⁴⁰, не идет на пользу серьезному изучению прошлого ГДР и принадлежит миру вымыслов и сказок.

Трудоспособные вдовы в системе единого социального страхования с самого начала оказались в числе проигравших. Нередко они вообще не получали пенсий и поэтому были просто вынуждены работать. Вдовья пенсия назначалась только в случае инвалидности, по достижению 60-летнего возраста или при наличии нескольких несовершеннолетних детей. Женские пенсии всегда были меньше мужских. По этой причине многие женщины, получавшие вдовью пенсию, не могли обходиться без дополнительной материальной поддержки со стороны служб социальной помощи. В СОЗ летом 1948 г. только 51% вдов получал минимальную пенсию⁴¹. Как ОСНП, так и главное управление по вопросам

труда и социального обеспечения выступали против увеличения размера социальных выплат. По мнению заместителя руководителя НВАС Дженни Матерн, увеличение минимальной пенсии зависело от «успешного» развития экономики⁴². Эта принципиальная оценка экспертов СЕПГ по вопросам социальной политики не претерпела почти никаких изменений вплоть до крушения ГДР.

В аппарат ЦК СЕПГ, а также в Совет министров ГДР постоянно поступали обращения пенсионеров, жаловавшихся на недостаточный размер пенсий. Письма стали приходить еще в 1956 г.⁴³, после того как Ульбрихт в газете «Нойес Дойчланд» объявил о пенсионной реформе⁴⁴, которая так и не была проведена. Количество этих обращений особенно возросло накануне VIII съезда СЕПГ (15–19 июня 1971 г.). По словам председателя одного петиционного комитета Народной палаты Фрица Резеля, тональность обращений была «чрезвычайно серьезной и... даже агрессивной»⁴⁵. Его высказывания еще раз свидетельствуют о том, что ГДР в вопросах пенсионной политики стояла перед дилеммой. С одной стороны, Резель высказался в пользу того, чтобы не давать пенсионерам чрезмерных обещаний по поводу улучшения их благополучия, что имело место в прошлом. Но, с другой стороны, он выступил против мер «от случая к случаю» и вместо них потребовал всеобъемлющего решения проблемы пенсионного обеспечения. В частности, он сказал: «Если мы... не решим большую часть проблем, то это будет выглядеть так, как если бы мы сами вызвали протест [пенсионеров], как если бы сами все сделали для него. То есть наше идеологическое влияние, социально-политическое влияние в целях укрепления чувства гражданской ответственности будет ослаблено, если мы примем половинчатые решения, которые дадут многим пенсионерам еще один повод для жалоб»⁴⁶.

С конца семидесятых годов ввиду растущего государственного долга в руководстве СЕПГ все больше крепнет дух упрямства и одновременно все больше распространяются настроения уныния. Социальная политика ГДР находилась в фазе застоя, она уже была не способна к концептуально новым решениям. Хотя Политбюро во главе с Эрихом Хонеккером было не готово к кардинальной структурной реформе

пенсионного страхования, оно в то же время отказывалось принять решение о сокращении пенсионных выплат, чтобы уменьшить дефицит государственного бюджета. О характере того времени можно судить по дискуссии в руководящем органе правящей партии 27 ноября 1979 г., когда Генеральный секретарь представил свои соображения по поводу будущей социальной политики, многие из которых легли в основу курса его партии в этой сфере деятельности в восьмидесятые годы. При этом Хонеккер резко раскритиковал точку зрения, согласно которой существует прямая взаимосвязь между возможностями повысить уровень социальной обеспеченности граждан и растущими экономическими проблемами страны. «Нет никаких оснований для предположения, что наша задолженность является следствием реализуемой социально-политической программы»⁴⁷. Поскольку социальные программы 1972 и 1976 г. были приняты главным образом по его инициативе, он теперь попытался отвлечь внимание от собственной политической ответственности за то, что они не были выполнены. Вместо этого Хонеккер осторожно высказался против уменьшения размера социальных выплат, особенно подчеркнув при этом пенсионные выплаты: «Пенсии — это социальный актив. Их необходимо использовать как его постоянную часть. Таково наше решение, которое мы приняли»⁴⁸. Присутствующие члены Политбюро без каких-либо возражений согласились с мнением Хонеккера. И до самого конца господства СЕПГ Политбюро придерживалось этой основополагающей линии. Для Эгона Кренца социально-политический курс, провозглашенный в 1989 г., был даже выражением сути социализма в ГДР. «Для меня не существует вопроса о том, продолжать или не продолжать единую экономическую и социальную политику. Она должна быть продолжена, поскольку она и есть социализм в ГДР!»⁴⁹ Тем не менее восточногерманская система социального обеспечения впоследствии больше не могла быть силой, объединяющей население ГДР. Через полгода государства СЕПГ не стало.

ШТЕФАН ХААС*

«МЫ СТРОИМ КВАРТИРЫ»

*Участие граждан в управлении делами государства в ГДР
на примере жилищной политики в 1950-е годы¹*

В помещении без окон толпятся люди². На них пальто, шеи укутаны в шарфы, женщины не снимают шерстяных головных уборов. Снаружи холодно. Помещение постепенно заполняется. В его передней части можно видеть двух господ в костюмах. За ними по стене развешаны планы квартир и рисунки зданий белого цвета. На переднем плане импровизированной сцены — архитектурный макет. Камера крупным планом показывает пожилую женщину. Она сидит — в отличие от мужчины, который до нее задал свой вопрос. На женщине головной платок. Лицо женщины свидетельствует о нелегкой, полной лишений жизни. Но ее глаза излучают энергию. Мужской голос за кадром комментирует: «Госпожа Адамик, 63 года, на стройке уже отработала 148 смен. Ее интересуют размеры спальни комнаты». Молодой архитектор в модном темном кожаном пальто отвечает, что «в спальне хватит места даже для трехсекционного шкафа для одежды». При этом его рука движется вверх, указывая на квартирные планы и одновременно на многообещающее будущее.

Это кадры из информационного фильма «Мы строим квартиры», снятого в 1952 г. Они проливают свет на то, какой бы новая общественная система на начальном этапе существования ГДР хотела сама себя видеть. Короткий сюжет иллюстрирует главную цель, которую ставила перед собой практическая политика: активное участие населения в принятии решений, в этом конкретном случае решений, касающихся улучшения жилищных условий. Граждане пригласили для отчета архитекторов и инженеров, они формулируют свои требования настойчиво и убедительно — как

---

* Пер. с нем. Игоря Шматова.

сознательные представители молодой социалистической формы общественной жизни, даже если большая часть жизни у них уже позади³.

Государственная жилищная политика как парадигма

Фильм «Мы строим квартиры» — один из главных информационных кинофильмов ранней истории ГДР. Его сняли в 1952 г. по заказу министерства строительства в сотрудничестве с Немецкой строительной академией. Это были две главные государственные организации, отвечающие за вопросы жилищной и градостроительной политики⁴. Из обращения министра строительства Лотара Больца в Государственный комитет кинематографии следует, что заказ включал создание еще двух фильмов под названием «Жилые дома для наших трудящихся» и «Техника помогает строить»⁵. Все три фильма были заказаны в целях «популяризации идей жилищного строительства, методов работы и т.д.»⁶ и разрешены к показу 25 марта 1953 г.⁷ События 17 июня 1953 г. замедлили их путь в прокат. Но уже в конце июля Больц обратился в Госкомитет по кинематографии с просьбой ускорить выход лент на киноэкраны⁸. На собрании сотрудников киностудии научно-популярных фильмов 31 июля 1953 г. также прозвучала критика в связи с тем, что «киноленты министерства восстановления, главной темой которых является строительство жилья и которые можно было бы эффективно использовать, учитывая новый курс, до сих пор не включены в программу кинопоказов»⁹. Общая неуверенность после событий 17 июня была еще велика, и многие ведомства, призванные принимать решения, проявляли осторожность, когда речь шла об использовании пропагандистских материалов предшествующего года. Тем не менее с начала ноября 1953 г. фильм вышел на экраны многих кинотеатров страны¹⁰.

Фильм «Мы строим квартиры» должен был пропагандировать также идею участия граждан в решении вопросов жилищной и градостроительной политики. Не случайно, что именно жилищная политика была одним из важнейших участков, на котором решался вопрос об «участии граждан»

в жизни государства и на котором можно было проверить правильность связанных с этим понятием концепций и выявить степень актуальности вкладываемого в него подтекста.

В настоящей статье рассматривается тема участия граждан в управлении делами государства на примере жилищного строительства и градостроения¹¹. Для этого есть ряд причин. Решение насущных жилищных проблем наряду со снабжением населения продовольственными товарами, а также обеспечением стабильного мира было наиважнейшей задачей в обоих немецких государствах. Эти проблемы активно вторгались в повседневную жизнь людей. От того, удастся или не удастся их преодолеть, зависело будущее всей системы. Кроме того, жилье — это фактор, который имеет фундаментальное значение в жизни человека. Участие в принятии решений о том, как должны выглядеть квартира, дом или городской квартал, не требует экспертных оценок, для этого нужны только четко сформулированные пожелания людей в отношении того, как бы они хотели обустроить свою квартиру и тем самым свою жизнь в ней. Жилье было той частью повседневной жизни, которая непосредственно касалась каждого человека, которая потенциально носила в себе большой идеологический заряд, что позволяло использовать тему жилья в контексте обсуждения принципиальных общественно-политических вопросов и принятия решений по ним.

Восстановление было главным лозунгом послевоенного времени¹². Под «восстановлением» понимали не только расчистку развалин и реставрацию того, что когда-то было. Понятие «восстановление» описывало возможность создать нечто новое. В этом значении оно перекликалось с понятиями «динамика» и «движение». Оно было нацелено на конструирование нового общественного строя и создание новой, демократической и/или социалистической личности.

В 1948 г. Хиллебрехт и Ден в статье об «основах восстановления» написали: «Жилищный вопрос стоит в центре нашей проблемы, независимо от того, под каким углом зрения мы его рассматриваем. Он является технической, экономико-политической, социально-политической, финансовой, культурной, этической проблемой. Жилищный вопрос не только по своему объему, но и по своему весу является самым

значимым среди всех проблем восстановления. Квартира — это то, что должно лежать в основе формирования нашего нового представления об обществе, она оказывает серьезнейшее воздействие на процесс развития нашего социума. Короче говоря: квартира — это ключ от нашего будущего»¹³.

Строительство жилья вследствие военных разрушений, миграции населения и демографических изменений было объективно существующей проблемой. Однако государственное руководство в ГДР, декодируя слово «восстановление», не сводило его значение только к созданию достаточного количества жилья. По поводу закладки фундамента комплекса зданий на старой рыночной площади района Альтмарк в Дрездене, также весьма значимого с точки зрения архитектурной идеологии, Вальтер Ульбрихт в 1953 г., выступая с речью, заявил: «Речь ведь идет не только о реконструкции города, о новом строительстве, но и о социалистическом преобразовании города во всех сферах общественной жизни, экономики и культуры. <...> Закладывая сегодня фундамент нового городского центра, мы хотим тем самым выразить наше желание, чтобы здания нового городского центра олицетворяли великие идеи социалистической эпохи, чтобы началось социалистическое переустройство города»¹⁴.

Для преобразования общественной жизни было необходимо участие граждан, причем всеобъемлющее, как того требовала политико-административная система. Как же выглядело участие граждан в принятии решений в теории и на практике на первых этапах истории ГДР?

Какие цели преследовало привлечение граждан к участию в делах государства?

С самого начала возникает вопрос о том, каким образом могло быть организовано участие граждан в обсуждении и принятии решений и какие средства массовой информации они могли при этом использовать. В организационных структурах, созданных ранее, уже существовали формы участия в принятии решений по конкретным мероприятиям, таким как, например, озеленение территории, но каким должно и могло быть участие граждан в этом процессе при обсужде-

нии крупных строительных мероприятий на этапе их планирования?¹⁵ Ответ можно отыскать между строк соответствующих документов — и это также свидетельство того, что речь на самом деле шла не о самоорганизованном участии, а о такой его форме, которая с самого начала должна была быть частью контролируемых сверху упорядоченных процедур. В записке для внутреннего пользования от 29 июля 1951 г. сформулированы предложения по улучшению работы министерства строительства. В качестве главной проблемы в ней указывается на то, что «проработка [строительных заданий] осуществлялась в основном в старом административном стиле; в частности, отсутствовало широкое общественное обсуждение типов квартир, предполагаемых к строительству, что не позволяло учесть конструктивные критические замечания»¹⁶. В этой связи в документе было предложено следующее: «В ходе рабочих совещаний отделов обеспечить постоянную критику выполнения работ и контроль над их ходом. О своей работе министерство должно информировать общественность и организовывать обсуждение ее результатов»¹⁷.

Такого рода цитаты показывают, что по крайней мере на первом отрезке истории ГДР власти пытались интегрировать граждан в процесс принятия решений в качестве активного политического элемента. Об этом также свидетельствует перечень задач, поставленных перед центральными консультационными инстанциями в области строительной политики. В 1953 г. при Совете министров ГДР был создан «консультационный совет по архитектуре... в целях обеспечения строительства городов и поселков в ГДР в соответствии с социалистическими принципами градостроения и архитектуры»¹⁸. Главная официально поставленная задача этого органа, который состоял из девяти членов, предложенных министерством строительства и одобренных премьер-министром, заключалась в том, чтобы стать связующим звеном между политическими и хозяйственными государственными институтами и населением. В пункте 4 устава совета говорилось: «Совет оценивает результаты своей деятельности в интересах борьбы за социалистическое градостроительство и немецкую архитектуру через прессу, с помощью выставочных мероприятий и общественных дискуссий»¹⁹.

По сути, эти три медиасферы были основными, отведенными для участия граждан в обсуждении жилищных и градостроительных вопросов. Порядок их упоминания в данном случае имеет не случайный характер, а установлен в соответствии с идеологическими соображениями: пресса, выставки и только потом общественные обсуждения должны были стать теми информационными площадками, на которых имелось в виду допустить участие граждан в обсуждении и принятии решений в этой области деятельности государства.

Медиасферы общественного участия

Пресса играла важнейшую роль в процессе общественно-го участия. В качестве примера можно привести статью в «Sächsische Zeitung» от 5 октября 1952 г.²⁰ Эта ежедневная газета, выходившая в Дрездене, была официальным пропагандистским органом СЕПГ в регионе и поэтому являлась частью местной политико-административной системы. Газета уделяла большое внимание вопросам участия граждан в градостроительной политике. В частности, она писала: «После опубликования в нашей газете от 3 мая 1952 г. частичного плана застройки пригорода Пирны сегодня мы хотим рассказать нашим читателям об архитектурных решениях для квартир, которые будут построены в рамках большой программы строительства жилья на 1953 г. Еще в ноябре и декабре прошлого года население активно обсуждало типовые проекты, представленные Немецкой строительной академией. Результаты обсуждения были учтены при застройке Зайдницер-штрассе. Когда сегодня мы вновь выносим на обсуждение общественности типовые проекты, мы тем самым подтверждаем, что наши архитекторы не стоят на месте, а в соответствии с растущими требованиями трудящихся стараются создавать проекты еще более красивых и удобных для проживания квартир»²¹.

И далее газета пишет: «Какие цели преследует дискуссия? 1. Неспециалисты должны сказать нам, какие квартиры — с точки зрения культуры проживания и комфортности — нравятся им больше всего. 2. Строительные рабочие помимо этого должны высказать свое мнение относительно

того, какие планировочные решения в наибольшей степени позволяют им применять новые методы работы. 3. Архитекторы должны привлечь наше внимание к имеющимся техническим недостаткам, а также учесть фактор издержек при строительстве. 4. Все мы вместе — и это самое важное — должны помочь на основе наших предложений улучшить представленные проекты, чтобы обеспечить достижение главной цели, которую Социалистическая единая партия Германии сформулировала в своем предложении от 18 марта 1952 г.»²²

Какие из предложений населения были приняты, становится понятным из статьи коллектива архитекторов под руководством доктора технических наук В. Рауда. В ней говорится следующее: в кухнях не должно быть встроенной мебели, чтобы каждый человек мог принять здесь собственные решения. Рядом с кухней должно быть оборудовано место для приема пищи, чтобы приготовленные блюда можно было быстро подать на стол. Другие изменения в проектах, предложенные гражданами, касались оформления прихожей или системы вентилирования ванны²³. То есть речь шла, таким образом, о совершенно конкретных бытовых аспектах. Вопросы общего эстетического характера, которые на этом раннем этапе истории архитектуры ГДР все еще обсуждались под влиянием историзованных националистических архитектурных идей и поэтому были очень идеологизированы, с участием граждан не рассматривались.

Насколько сильно в строительной политике присутствовали идеологические мотивы, видно из высказываний сотрудников народного предприятия проектирования «Саксония» по поводу предложений, ставших предметом дискуссии на страницах «Sächsische Zeitung»: «Строить квартиры — это значит работать в защиту мира. Построить для 3000 семей в Дрездене новое жилье — это задача, которая всех наполняет энтузиазмом [sic!] и убедительно подчеркивает миролюбивый характер политики нашего правительства. <...> Строительство — это в лучшем смысле слова коллективный труд всех трудящихся, как министров, которые дают законы и директивы для нашей работы, так и людей, которые будут жить и работать в новых домах. Самые лучшие, целесообразные и красивые проекты могут быть разработаны только

тогда, когда все, т.е. все до одного, осознают эту высокую ответственность»²⁴.

На самом деле есть указания на то, что предложения отдельных граждан рассматривались на самых высоких этапах строительной политики. Следующее письмо обсуждалось во многих инстанциях вплоть до руководства министерства восстановления.

«Дорогая Берлинская газета! Сердечно благодарю тебя за то, что в воскресное утро твоей рубрикой “Обсуждаем мебельные вопросы” ты изрядно улучшила утреннее настроение своих читателей. О чем только думают господа архитекторы, которые выносят на обсуждение эти проекты. Имеют ли люди, которые разработали такую мебель, вообще какое-либо представление о жизни наших трудящихся? Это тот вопрос, который мы должны здесь обсудить самым серьезным образом. При всей любви к сохранению исторического наследия при проектировании образцов мебели нельзя упускать из виду то, насколько сильно изменились человек и окружающий его мир за прошедшее время. Для неторопливого состоятельного гражданина эпохи бидермейера изображенная в газете комнатная обстановка могла казаться весьма комфортной, но ее изготовление было явно не дешево, и я убежден, что рабочие в то время не могли себе позволить такую мебель. Однако перейдем к отдельным проектам четырех осанистых господ архитекторов на титульной странице. Стул господина Хегнера побуждает до его использования сделать ряд статических расчетов, касающихся его допустимой нагрузки. По своей форме он напоминает большие уличные контейнеры для бумажного мусора. Идея комбинированной жилой и спальной комнаты отнюдь не нова, ее образец был уже представлен, начиная с 1949 г., почти на всех ярмарках в Лейпциге. <...> Я рекомендую господам архитекторам уделять несколько больше внимания контактам с трудящимися. От них они непременно услышат, какая мебель им нужна и как она должна выглядеть»²⁵.

Эта заметка наглядно показывает, какие материалы допускались к обсуждению в прессе или в других средствах информации командно-административной политической системы. Они должны были затрагивать вопросы, решение которых

было возможно в рамках этой системы. Приведенное выше письмо именно потому возымело действие, что оно по своему содержанию вполне отвечало этому требованию.

Главной площадкой, которая, с одной стороны, выполняла функцию передачи информации, а с другой — являлась механизмом коммуникации и обратной связи с населением, была строительная выставка. Это хорошо показано в уже упомянутом фильме. Выставки должны были информировать о новых проектах и одновременно в целом подчеркивать идеологические аспекты строительного дела²⁶. Так, выставка «Дрезден — город, который уверенно смотрит в завтрашний день» как бы призывала посетителей: «Подумай и ты, чем ты можешь помочь, ведь новый Дрезден, твой город, нуждается и в тебе тоже»²⁷.

Тесная связь политического и сугубо профессионального в таком коммуникационном средстве, как строительная выставка, была убедительно продемонстрирована в ходе подготовки градостроительной выставки в связи со 2-й партийной конференцией СЕПГ в 1952 г. О политической важности мероприятия можно судить по тому, что его организационная комиссия несла «прямую ответственность перед ЦК СЕПГ за то, чтобы содержание и оформление выставки отвечали требованию партии в области градостроительной архитектуры»²⁸. 5 июня 1952 г. Локкхоф представил проект выставки, которая должна была называться «Такой будет вся Германия». Основное внимание предполагалось уделить четырем темам: «Градостроительство, движение новаторов, сельское хозяйство, партия»²⁹. Цель выставки была сформулирована так: «Выставка должна стать смотром зримых достижений новой, единой, демократической, миролюбивой и независимой Германии, за которую выступает и которую в борьбе построит Социалистическая единая партия Германии во главе всех немцев, которые любят свою Отчизну»³⁰.

Немаловажным аспектом содержания выставки было внешнеполитическое размежевание с Федеративной Республикой. В отличие от некоторых более ранних выставок, экспозиция на этот раз не должна была содержать общегерманские элементы, всячески подчеркивая, что речь идет именно о ГДР. Важное место отводилось показу роли ГДР

в борьбе против военной угрозы: «На примерах национального сопротивления немецкого народа против политики Трумэна—Аденауэра следует показать, что эту угрозу можно предотвратить»³¹.

В начале выставочной экспозиции была представлена карта страны с целью демонстрации «противоестественного» характера внутригерманской границы. Там же имелось в виду «проиллюстрировать попытки принудить немцев служить в наемной американской армии. При этом особый акцент должен быть сделан на том, что речь идет о пушечном мясе в интересах чужих господ»³².

Фотографии о борьбе Национального фронта, а также о событиях в связи с образованием восточногерманской республики должны были завершить экспозицию первого выставочного зала. Второй зал был посвящен непосредственно теме градостроительства. Центральное место было уделено принципам архитектуры и показу послевоенного восстановления городов. Не была забыта и тема государственных дотаций на восстановление церковных зданий, призванная подчеркнуть заботу властей о сохранении культурного наследия, которая в действительности была совсем не столь щедрой. «Чрезвычайно важна демонстрация моделей типовых новых квартир, чтобы даже посетители-скептики получили представление о квартирах, которые построит будущее единое, демократическое немецкое государство. Необходимо показать все разнообразие типовых квартир»³³.

В рамках большого восточногерманского престижного проекта имелось в виду продемонстрировать, как идеологически корректно происходит коммуникационный процесс между властью и гражданами в ходе обсуждения вопросов архитектуры строящихся объектов. «На примере строительства аллеи Сталина необходимо показать, как граждане, обсуждая с архитекторами планировочные решения будущих квартир, добиваются учета своих пожеланий и потребностей, как народ осознает и реализует свою роль строителя демократической Германии. <...> Аллее Сталина следует противопоставить формалистические холодные здания, уже построенные в Западной Германии под разрушительным для культуры влиянием США»³⁴.

Цель градостроительной части выставки была сформулирована так: «Она должна показать яркие мечты достижимой, более прекрасной жизни немецкого народа»³⁵.

Уже это краткое описание концепции выставки и ее административных рамок недвусмысленно показывает, что ее содержание и главный посыл были сформулированы без участия общественности. Выставка должна была побуждать к дискуссии, но цели этой дискуссии уже были заданы ее содержанием.

Приведенный выше отрывок фильма «Мы строим квартиры», тематически связанный с этой выставкой, наряду с очевидным денотативным значением имеет свой подтекст, в котором формально и содержательно зашифрованы главные идеи, которые предполагалось донести до зрителя. Вопрос госпожи Адамик о размере спальни комнаты присутствует в фильме не потому, что его задала пожилая женщина, а потому, что за ним стоит человек, который добровольно отработал многие часы на стройке, продемонстрировав тем самым свою поддержку молодой общественно-политической системе. Этот отрывок также показывает: «Новый человек» — необязательно молодой человек, а гражданин, который проявляет лояльность к системе и к ее идеологии³⁶. В самом начале фрагмента камера скользит по лицам собравшихся: люди готовы к дискуссии, но среди них есть и скептики. «В ходе многочисленных обсуждений архитекторы и инженеры держали ответ перед гражданами», — поясняет зрителям голос за кадром. Камера движется от архитекторов к публике и дальше вглубь помещения, туда, где висят портрет Сталина и флаг ГДР и на стене видны отдельные буквы, которые, однако, легко складываются в лозунг «Вперед к победе социализма!». В этом движении камеры выражена вся философия строительной политики. Над головами людей — изображение Сталина как руководителя процесса созидания; его взгляд обращен к лозунгу, который раскрывает главную цель программы жилищного строительства. Участие в ней граждан было одним из элементов коммуникационного процесса, но это был не решающий, а только исполнительный элемент в заранее сформированной программе. Наглядно показать это и было главной целью этого важнейшего информацион-

ного фильма на самом раннем этапе становления ГДР. Участие подразумевало сотрудничество в решении идеологических задач и установок, это не было свободой формирования общественного мнения и тем более соучастием в процессе принятия решений. На это в фильме нет ни намека. В отношениях между скептиками, как госпожа Адамик, и архитекторами господствует гармония, которая не является результатом дискуссии. Она уже предписана в совместной программе, которой подчинены как строители — в силу своей идеологической и эстетической ориентации, так и пожилая дама — за счет добровольно отработанных на стройке смен. Участие граждан в принятии решений означало, как в данном фрагменте фильма, так и во всех других дискурсах, в которых этот элемент упоминался в прессе и других общественных сферах, реализацию заранее разработанного плана построения социализма. И тот, кто знал этот план, мог также предвидеть характер виртуальной дискуссии по его поводу и поэтому принимать необходимые решения, не вступая в нее в действительности. Именно так партия и поступала. В частности, с помощью постановочной киноленты о собрании, на котором обсуждались конкретные строительные вопросы, эта дискуссия была встроена в идеологический контекст построения социализма.

Такой прием без каких-либо изменений использовался все последующие годы и десятилетия. Выставки оставались главной коммуникационной площадкой, чтобы информировать население и побуждать его к сотрудничеству, но в первую очередь чтобы оказывать на него идеологическое влияние. В конце 1950 г. в здании ратуши в Дрездене состоялась выставка о послевоенном восстановлении Варшавы³⁷. Выставка была призвана показать, «как они это делают в Варшаве: они сами себе помогают. Не только в решении крупных хозяйственных вопросов, но и в более мелких делах. Никто не стоит в стороне. <...> Когда ты это видишь, тебе хочется сбросить куртку и засучить рукава. <...> Тебе хочется немедленно взяться за дело и помочь на стройке — так, как они это делают в Варшаве»³⁸. Участие граждан, особенно в строительстве, означало прежде всего не участие в принятии решений, а включение в процесс конкретных строительных работ.

Информационный характер выставок все больше уступал место полностью идеологизированной подаче информации. Речь скоро уже больше не шла о том, чтобы давать гражданам определенный объем информации, как этого сначала требовало министерство восстановления в одном из своих документов для внутреннего пользования. Тем более что уже в ранние 1950-е годы реализовать задачу объективного информирования граждан не представлялось возможным. К 20-летию основания восточногерманского государства министерства культуры и строительства подготовили выставку, которая должна была стать смотром достижений республики в подведомственных им областях. Задача выставки заключалась в том, чтобы зримо показать «роль культуры и искусства в развитой общественной системе социализма как фактора, повышающего уровень сознательности граждан, который присутствует во всех областях общественной жизни»³⁹. Весной 1969 г. прошли региональные выставки во всех округах республики, на которых должны были быть отобраны экспонаты для национальной выставки в Берлине. Отдел строительства в ЦК СЕПГ, однако, принял на этот счет следующее решение: «К показу могут быть допущены только такие градостроительные проекты или модели, которые утверждены решениями Политбюро и Совета министров. Поэтому из концепции выставки должны быть изъяты проекты застройки городского центра Ростока и реконструкции старой части Эрфурта»⁴⁰.

Практика общественного участия

После июньского восстания 1953 г. внутри административно-командной политической системы возобладали отрицательная оценка практики общественного участия. В строительной политике также произошла смена парадигм — от стиля, всячески подчеркивающего национальные исторические архитектурные традиции, к прагматическому ресурсосберегающему рационализму, ориентирующемуся на западные образцы⁴¹. Действующие лица в строительной политике менялись, в то время как на вершине партийной иерархии оставались все те же люди. Новым президентом академии архитектуры

и строительных наук ГДР стал Герхард Козел, вернувшийся в 1954 г. из Советского Союза. Он был учеником Ханса Пельцига и Бруно Таута. С последним из них в 1932 г. он отправился в Советский Союз, где занимался проектированием многоэтажных жилых домов.

Новая строительная политика и ее изменившееся положение в политико-идеологической системе координат государства привели к смене прежних коммуникационных связей с населением. Задача теперь заключалась не столько в том, чтобы привлечь граждан — пускай даже символически — к участию в политическом процессе, сколько в том, чтобы заручиться поддержкой специалистов строительного комплекса при проведении новой экономической политики. Новой главной коммуникационной площадкой стала конференция по вопросам строительства. Организованная по образцу партийных конференций, она должна была служить не столько задачам общественного обсуждения основных вопросов строительной политики, сколько целям интегрирования всех заинтересованных ведомств в одно гармоничное целое, которое должно было послушно выполнять спускаемые сверху идеологические и планировочные решения. Строительные конференции были значимым форумом для всех инстанций, участвовавших в принятии отраслевых решений. Так, именно на строительной конференции 1955 г. Ульбрихт поставил перед строительным комплексом задачу индустриализации и типизации в строительстве, взяв на вооружение новые политические лозунги Хрущева⁴². В результате весь строительный процесс был организован по-новому на основе поточного метода. Он был разбит на циклы. Строительные бригады были теперь организованы не по отдельным видам строительных работ, а как комплексные с учетом требований цикла. Завершив один строительный цикл, такая бригада переходила к следующему. Строительные работы были организованы по принципу конвейера, по такому же принципу шла сборка отдельных элементов строительных конструкций. В документе по итогам первой строительной конференции, принятом Советом министров 21 апреля 1955 г. и озаглавленном «Важнейшие задачи в строительстве», общественное участие и общественные обсуждения больше не упоминаются⁴³.

Производство должно было ориентироваться на передовые достижения науки и техники, что подразумевало организацию массового производства и использование рационализаторских идей.

Там, где общественное участие все еще хотели использовать в качестве инструмента реализации строительной политики, в последующие годы все попытки такого рода заканчивались неудачей уже в самом начале. Заданная сверху новая политическая целевая установка, типичными элементами которой были: следование указаниям из Советского Союза, их применение местными органами власти сообразно условиям ГДР, удобный для властей инстанционный порядок принятия решений, создание каналов идеологического воздействия на граждан, имеющих отношение к политической деятельности, идеологическая обработка соответствующих групп населения, — не оставляла места для общественного участия. Например, в 1956 г. группа под руководством архитектора Германа Хензельмана, не слишком любимого властями, просматривала письма читателей, которые отвечали на вопрос «Как мы хотим жить в будущем?». Но уже очень скоро ее члены отказались оценивать полученные ответы. И вот на каком основании: «Здесь необходимо констатировать, что особенно по этому последнему вопросу об общественной деятельности существуют достаточно неясные представления, которые затрудняют для архитекторов их учет при разработке градостроительных и планировочных решений»⁴⁴.

Общественное участие, в принципе трудно просчитываемый и поддающийся рационализации фактор в коммуникационном процессе в рамках поиска решений применительно к практическому градостроению становился все более неудобным фактором и в политическом отношении. К тому же он был диаметрально противоположен желанию властей обеспечить большую рациональность в принятии решений. Однако все еще существовали социальные группы, которые с регулярной повторяемостью высказывались за общественное участие и тем самым за то, чтобы власти выполнили ранее данные обещания и всерьез взялись за решение задачи строительства демократического, социалистического общества⁴⁵. В 1956 г. в «Немецкой архитектуре» было опубликовано от-

крытое письмо, в котором группа студентов-архитекторов потребовала публичных обсуждений строительных проектов и проведения конкурсов среди них. Письмо вылилось в широкую дискуссию читательской аудитории по вопросам будущего социалистической архитектуры. В ходе нее без идеологических шор также обсуждались проекты западных коллег. Несмотря на это, на практике большинство решений принимались наверху. Главное внимание и в конце 1950-х годов уделялось восстановлению и развитию Восточного Берлина, который власти продолжали рассматривать как город-символ, как витрину достижений ГДР, обращенную к гражданам Западной Германии. В октябре 1957 г. Центральный Комитет СЕПГ издал новые директивы по дальнейшему развитию города⁴⁶. Козел вместе с рядом других членов руководства министерства строительства и строительной академии подготовил «Пять тезисов к созданию скульптурного ансамбля «Форум Маркса и Энгельса»⁴⁷. Документ стал частью решений V съезда СЕПГ. Проект предусматривал комбинацию элементов монументальной пластики и архитектурных элементов. Его разработка в виде партийного задания была поручена министерству строительства, которое к тому времени было переименовано в министерство восстановления. Примечательно, что Хензельман, руководивший строительным подразделением магистрата Берлина, на территории которого предполагалось реализовать проект, был отстранен от этой работы. В 1957 г. он предложил провести общегерманский конкурс на лучший проект реконструкции центра Берлина, что вызвало большое неодобрение восточногерманских властей. Все очевиднее становилось, что коммуникационные связи при принятии решений в вопросах, касающихся строительных мероприятий, носят односторонний характер, т.е. от центра к исполнителям. Партийные инстанции принимали решения, а министерство строительства и строительная академия выступали в роли главных исполнительных органов. Нижестоящие строительные организации почти не имели права голоса, при этом их функция была сведена до самого нижнего исполнительного звена в цепочке ведомств, участвующих в выполнении принятых на самом верху решений. Идеи органического соединения усилий социальных

групп в сфере жилищного строительства и профессиональных ведомств и организаций, демократического обсуждения и принятия решений в ходе широкого коммуникационного общения оказались в значительной мере нереализованными.

Почему партия могла принимать решения от имени других и за других граждан, почему не было востребовано общественное участие, почему оно в глазах партийных идеологов было контрпродуктивным? Марксизм в его интерпретации СЕПГ являлся научным объяснением исторического развития общества. То, что говорила СЕПГ, имело силу закона. Там, где этого не понимали, следовало устранить влияние ложных идеологий, которые могли помешать видеть вещи в их истинном свете. В этом смысле истина являлась вовсе не решением большинства и актом познания необходимости истории. Понимание сути исторического процесса, по логике СЕПГ, присуще не отдельному индивиду, а партии как коллективу людей, поскольку партия сама была результатом этого исторического процесса.

В конечном счете партия всегда была права. И активно доказывать это ей самой не было обязательной необходимостью. В качестве элементов дискурса, имплементированных в процесс поиска решений, выступали имена как синонимы партии, начиная жить своей собственной жизнью.

Исследования по данной теме пока еще не дают достаточного материала, который позволил бы сделать обоснованный вывод о том, насколько были свободны, особенно на раннем этапе существования ГДР, отдельные граждане и небольшие социальные объединения, чтобы противостоять принудительной силе дискурса, о которой мы только что говорили, или умело использовать его инструменты в собственных интересах. В данном случае речь не идет о всестороннем описании механизма его функционирования, а только об иллюстрации его структур на примере парадигматических отношений⁴⁸. Идеология марксизма-ленинизма была использована в качестве инструмента легитимации в целях обеспечения господства диктаторского режима, которая, однако, не давала конкретных указаний к действию. Такая точка зрения позволяет сделать вывод, что в повседневной политической практике верх одержала подготовленная в Советском Союзе

группа партийных функционеров вокруг Ульбрихта. Идеология, частью которой также является элемент общественного участия при принятии государственных решений, маскировала принудительный характер реально существующих политических структур принятия общественно важных решений.

Общественное участие на раннем этапе истории ГДР было не безуспешным. Однако влияние общественных дискуссий не выходило за рамки конкретных, связанных с повседневным бытом вопросов. Идеологически релевантные эстетические или политические решения не были — не должны были быть — в их компетенции. В этом смысле общественное участие имело символический характер, основное значение которого следует видеть в политизации гражданского населения. Не существовало и каналов коммуникации, которые позволяли бы гражданам свободно высказывать собственное мнение. Это мнение было всегда запрограммировано политически ангажированной местной и региональной прессой. Существующая коммуникационная структура выступала здесь как символическая коммуникационная связь, чья основная цель состояла отнюдь не в генерировании решений при участии граждан. Гораздо в большей степени она была призвана символически представить господствующую систему как демократический коммуникационный процесс. Совершенно иным было отношение к общественному участию иного рода, когда речь шла о взятых на себя обязательствах граждан добровольно отработать на престижных строительных объектах, таких как аллея Сталина в Берлине. Общественное участие было в этом случае не только желательно, но и всячески поощрялось.

Стратегии общественного участия в дискурсе в связи с жилищным строительством можно описать следующим образом: были созданы коммуникационные каналы, чтобы интегрировать население в существующую систему. С одной стороны, это были средства массовой информации, такие как документальные и учебные кинофильмы, в которых содержались сведения о новых методах работы, например, о новых приемах кладки кирпича, а также о новых крупных строительных проектах. Выставки, в том числе выставки-смотры достижений, дополняли усилия, направленные на то, чтобы

привлечь население к максимально активному участию в реализации жилищной политики, уровень которого был значительно выше, чем на Западе Германии, где, правда, такая цель и не ставилась. Если западногерманское министерство строительства в основном занималось составлением рамочных строительных планов, а также разработкой программ дополнительного финансирования, то в министерстве восстановления на Востоке наряду с этими вопросами чиновники были заняты множеством текущих дел. Даже организация бригады каменщиков или определение взаимодействия между бригадиром строительной бригады и вспомогательными рабочими становились вопросами политики, которые обсуждались в министерстве и в строительной академии, решение по которым принималось с привлечением инстанций более высокого уровня. Население, однако, никакого участия в принятии таких решений не принимало. Оно было втянуто в эту дискурсивную игру другим образом, при этом особую роль в ней играли газеты. Их задача, как показывают приведенные здесь примеры из «Sächsische Zeitung», состояла не только в информировании, но и в том, чтобы «помогать» населению формулировать свою точку зрения и тем самым формировать в заданном направлении его мнение.

Общественное участие выполняло еще одну задачу, которая ясно видна в начале приведенного выше фрагмента из кинофильма. В обсуждении нет остро поставленных вопросов, нет споров, зато есть всеобщая гармония. Цель символического коммуникационного процесса, который подается авторами как участие граждан в принятии важных решений, заключалась в том, чтобы через показ иллюзорного взаимодействия участников собрания символически продемонстрировать отсутствие существующих классовых и профессиональных различий. Однако, поскольку место традиционных форм неравенства в процессе принятия решений заняли новые механизмы исключительности, достичь эту цель так никогда и не удалось.

МАТТИАС РОГ*

АРМИЯ НАРОДА?

Роль Национальной народной армии в ГДР

ГДР — милитаризированное общество?

«Знамя упаковать!» — этой краткой командой, прозвучавшей 2 октября 1990 г. в Штраусберге, для военнослужащих Национальной народной армии (ННА) закончилось их последнее построение¹. Бундесвер взял с того момента на себя полноту кадровой и материальной ответственности, возложенной на якобы самый острый меч в системе обороны социалистической страны. Оружия, которое отслужило свой срок, которое для одних и сегодня остается запятнанным грязью, для других — просто ржавым железом, а для некоторых все еще символом реальной эффективности восточногерманского государственного социализма. Несмотря на такую и сегодня неоднозначную оценку тема силовых структур ГДР, и особенно Национальной народной армии, занимает в общественной дискуссии не слишком большое место. Возможно, это объясняется тем, что у ННА нет скандальной репутации органов госбезопасности, или тем, что ей не приписывают откровенную жестокость пограничного режима. Не ставя под сомнение легитимность ГДР как суверенного государства с альтернативным проектом общественного устройства, защитники старой системы вплоть до наших дней пытаются замаскировать истинный характер ГДР как диктатуры и неправового государства, сравнивая оба немецких государства как бы с равноудаленных позиций. Военным в таком сравнении отводится весьма важная роль. Так, утверждается, что вооруженные силы обоих немецких государств выполняли одну и ту же, несомненно легитимную, функцию обороны государства.

---

* Пер. с нем. Игоря Шматова.

Суверенитет обоих немецких государств в силу их принадлежности к военно-блоковым системам был ограничен. Наконец, ННА с учетом ее военного потенциала служила только целям поддержания стабильности мира в Европе и во всем мире, при этом большая часть населения ГДР поддерживала эту миролюбивую политику. Следуя этой логике, Национальная народная армия была «армией мира и социализма», которая как «армия народа» опиралась на безусловную поддержку всего общества.

Этот яркий автопортрет, написанный красками пропаганды, в последние годы стал объектом серьезных исследований, при этом многие черты созданного образа были разоблачены как чисто идеологические конструкции. В первую очередь здесь следует отметить флагманский проект по военной истории ГДР в рамках военно-исторического исследовательского управления бундсвера, который пролил свет на мифы и легенды ННА². Тематика уже проведенных исследований весьма обширна. Она включает вопросы первоначального скрытого этапа создания собственной армии³, активной роли силовых органов при подавлении народного восстания 1953 г.⁴, тайной политики безопасности и роли вооруженных сил во время строительства Берлинской стены в 1961 г.⁵, организации ввода подразделений ННА в ЧССР в 1968 г.⁶, идеологического характера ННА как армии «на службе партии»⁷, популяризации образа ННА в качестве «рабоче-крестьянской армии»⁸, репрессивных методов аппарата военной юстиции⁹. В нее также входят такие темы, как описание жизни военнослужащих в замкнутых условиях казармы¹⁰, милитаризация населения ГДР¹¹ и, наконец, военизированный характер многих кажущихся безобидными организаций ГДР¹².

В то же время многие вопросы все еще остаются открытыми. Они касаются в первую очередь общественного восприятия Национальной народной армии, значения милитаризации в системе власти ГДР, мобилизации населения в интересах обороны страны, а также того, насколько граждане ГДР действительно верили в то, что «достижения социализма» можно защитить только с помощью хорошо вооруженной армии¹³.

Один лишь взгляд на голые цифры показывает огромное значение военных, а тем более военной сферы в целом, для

граждан ГДР. В жизни многих людей в Восточной Германии ННА сыграла одну из центральных ролей. Почти все мужчины, родившиеся до 1970 г., на собственном опыте знали, что означает военная служба. После введения всеобщей воинской обязанности в 1962 г. почти 2,5 млн мужчин отслужили в ННА или в пограничных войсках как военнообязанные, солдаты-контрактники или кадровые военнослужащие. Тот, кто не служил в ННА, знал об армии по крайней мере по рассказам других. Бесконечно повторяемые наставления в системе социалистического военного воспитания можно было слышать повсеместно, прежде всего в учебных заведениях.

По отношению к численности населения в ГДР военную службу прошли примерно на 50% больше граждан мужского пола, чем в Федеративной Республике¹⁴. Но это отнюдь не всё. Реальная численность «вооруженных органов» (таково официальное название всех государственных организаций, которые входили в систему внутренней и внешней безопасности) была сильно недооценена в соответствующих исследованиях. В конце восьмидесятых годов почти 2 млн граждан ГДР состояли в военных или полувоенных организациях или имели какое-либо отношение — по основному месту работы или на общественных началах — к вопросам внутренней или внешней безопасности¹⁵. Если учитывать целую армию неофициальных агентов министерства государственной безопасности, более 150 тыс. добровольных помощников народной полиции и пограничных войск, а также всех тех, кто выполнял задачи, связанные с обеспечением безопасности, военным воспитанием или подготовкой будущих кадров, то приведенная выше цифра, видимо, будет еще больше. Каждый четвертый или пятый из 9,5 млн работающих граждан ГДР был, таким образом, в какой-либо форме связан с системой обороны социалистического государства. Другими словами, почти в каждой второй семье один из ее членов выполнял задачи по защите социализма — по основному месту работы, по совместительству или на общественных началах.

Хотя система по понятным причинам официально не называла эти цифры, партийно-государственный аппарат никогда не скрывал ведущей роли военной сферы в жизни ГДР. Никто иной, как сам Эрих Хонеккер во время одного

из своих посещений войсковых подразделений заявил: «Нет ни одной сферы нашей общественной жизни, которая не занималась бы нуждами национальной обороны»¹⁶. Учитывая это официальное признание, а также приведенные выше впечатляющие цифры, можно смело утверждать, что образ миролюбивого государственного социализма был не более чем мифом. ГДР была по своим намерениям и в структурном отношении милитаризованным государством.

Военная пропаганда, мобилизация и мотивация «солдат завтрашнего дня»

Одного взгляда на экзогенные и эндогенные формы проявления этой милитаризации достаточно, чтобы понять, почему военные и полувойсковые структуры составляли несущую конструкцию в архитектуре господствующего режима СЕПГ. ННА и подчиненные ей организации были одной из главных опор в оборонительном союзе Организации Варшавского Договора¹⁷. Собственные вооруженные силы должны были зримо подтвердить, что ГДР является суверенным государством и полноценным членом социалистического содружества государств. Для многих граждан ГДР международный авторитет их страны не в последнюю очередь основывался на четком выполнении ее союзнических обязательств и тем самым на ее активном участии в обеспечении международного мира. Принимая во внимание гонку вооружений по обе стороны «железного занавеса» и существующую угрозу ядерной войны, не следует недооценивать серьезность стремления большинства населения ГДР к миру¹⁸. Хотя при этом причины гонки вооружений следовало искать исключительно на Западе, а тезис противоположности двух систем служил основой для создания поистине гротескного образа врага, который в рамках общественной задачи «воспитания ненависти» был доведен до абсурда¹⁹. Следуя логике пропаганды ГДР, каждый, кто не был готов безоговорочно поддержать такую официальную трактовку, был не до конца последователен в отстаивании дела мира. Кто не желал участвовать в усилении военного потенциала ГДР, а тем более ставил его неохотимостью под сомнение, тот действовал аморально.

Еще одним аргументом в пользу укрепления обороноспособности страны служила историко-моральная легитимация ННА. ГДР считала себя продолжательницей дела прогрессивных общественных и политических сил в Германии. Важными отправными моментами в истории в этой связи всегда были события, сопровождавшиеся военными действиями — будь то Крестьянская война, вооруженные столкновения в революции 1848 г., восстание матросов в 1918 г. и следовавшие за ним события, или борьба интернациональных бригад в Испании и Соппротивление против национал-социализма²⁰. Вывод из этого исторического детерминизма был: политический успех невозможен в отсутствие достаточных военных средств.

Кроме того, вооруженные силы в трактовке официальной агитации были не «неизбежным злом», а доказательством силы социалистического общества. Армия должна была не только подтвердить техническое и в конечном счете экономическое превосходство собственной идеологии²¹. Прежде всего идеал «солдата как социалистической личности» был призван стать убедительным образцом для подражания в общественной жизни²². В официальных документах об этом говорилось так: «Сущность ННА как современной социалистической армии определяется в первую очередь тем, что на основе совпадения коренных интересов всех военнослужащих в ней присутствуют объективные предпосылки для формирования социалистических отношений между военнослужащими, равными по служебному положению, и между начальниками и подчиненными, отношений, которые проявляются в духе взаимного доверия и социалистического военного товарищества, в творческом взаимодействии всех подчиненных и в сознательной военной дисциплине»²³.

Другими словами, ННА должна была являть собой высокий идеал профессиональной армии, в которой воспитание личного состава осуществлялось с учетом самых современных требований и которая служила убедительным примером превосходства социалистической общественной системы²⁴.

Этот единый образ «человека, государства и техники» внедрялся в сознание с помощью пропагандистской машины, чья эффективность даже сегодня не может не изумлять.

Военно-политическая агитация и пропаганда не жалели средств и шли по всем возможным направлениям. «Социалистическое военное воспитание» начиналось с воспитания в государственных детских садах²⁵, продолжалось — в постепенно увеличивающихся объемах — в общеобразовательной политехнической средней школе, а затем в системе специального профессионального и высшего образования²⁶. Военное воспитание также шло и по линии массовых организаций, которые сочетали элементы начальной военной подготовки с занятиями в спортивно-технических кружках, как, например, это делало Спортивно-техническое общество²⁷. Одновременно на основе директивных указаний партии военно-политическая работа с общественностью вменялась в обязанность гражданских органов массовой информации — от заводских многотиражек до телевизионных программ. Частью этой работы были крупные военизированные мероприятия, такие как военные концерты, церемонии развода караула в Берлине или военные парады²⁸.

С помощью различных мероприятий государственная пропаганда создавала у граждан представление о национальных вооруженных силах как об идеале дисциплинированной, профессиональной армии, неразрывно связанной со своим народом. Вот как об этом высоком идеале говорится, например, в комментарии в фильме «Солдаты народа», созданном в 1965 г. на киностудии ННА: «Солдаты. Мы видим их каждый день. Они часть нашего общества. <...> Люди, как мы, только в форме и с высокой ответственностью. Ответственностью за твое, мое, наше общее счастье, за мир и безопасность. Поэтому мы по праву называем их солдатами народа»²⁹.

Требования, которые ННА сформулировала по отношению к себе, были очень высокими. Насколько они были выполнимы, становилось ясно самое позднее тогда, когда наступало время отдать ожидаемый долг родине. Если обобщить данные опросов, которые регулярно проводились среди молодежи, а также донесений о моральном состоянии военнослужащих, которые составляли политорганы ННА и министерство государственной безопасности, то они говорят о том, что значительное большинство молодых мужчин отбывали службу в армии не из политических убеждений, а потому,

что они были обязаны³⁰. Со временем все труднее становилось внушать молодым людям злобный образ врага, особенно после начала политики разрядки. В ННА видели «необходимое зло», которому в планах на жизнь не было реальной альтернативы. Служба солдата в строительных войсках была связана с многочисленными существенными неудобствами, и поэтому лишь немногими рассматривалась в качестве такой альтернативы³¹.

Простого отбывания воинской повинности было, однако, недостаточно для партийного и армейского руководства, которое рассчитывало на большее. После своего создания ННА буквально боролась за каждого рекрута. Нехватка кадров была особенно велика среди унтер-офицеров и квалифицированных резервистов³². Поэтому государство предлагало очень простую сделку по принципу взаимной заинтересованности: тот, кто хотел получить высшее образование или обучиться хорошей профессии, должен был взять обязательство служить на срочной службе более длительный срок, как правило, три года³³. За это после армии он мог рассчитывать на получение места в институте или на более высокую стипендию.

Такая смесь из стимулов и давления давала хорошие результаты, главным образом когда у кандидата не было другого выбора. Если среди учеников 10–12 классов полной средней школы было относительно много желающих взять на себя такого рода обязательство, поскольку большинство из них хотели получить высшее образование³⁴, то заинтересовать таким предложением молодых людей в профессионально-технических училищах было значительно труднее. Надежное рабочее место и возможность профессионального роста на предприятии привлекали больше, чем неудобная служба в армии³⁵.

К этому необходимо добавить плохой имидж ННА — факт, который все еще ставится под сомнение бывшими кадровыми военными, но который сегодня однозначно подтверждается документальными данными исторических исследований³⁶. Друзья, коллеги по работе и родственники в большинстве плохо вспоминали о своей службе в армии, которую бывшие военнослужащие многозначительно называли «пеплом» (намек на пепельно-серую армейскую форму. — *Перев.*). Кроме

того, подруги будущих солдат и молодые жены по понятным причинам советовали им не соглашаться на более длительные сроки военной службы. В отличие от Запада, молодые люди в ГДР значительно раньше вступали в серьезные отношения, в брак и поэтому особенно чувствительно реагировали на внешние факторы, которые могли нарушить их жизненные планы³⁷. Личное счастье ценилось многими молодыми людьми гораздо больше, чем обязательство защищать страну, как того требовало государство. В отличие от заключительной сцены фильма «ННА» Леандра Хаусмана военная форма скорее отпугивала большинство молодых женщин, чем нравилась им³⁸.

Большая часть военнообязанных со смешанными чувствами относились к будущей службе в армии. С одной стороны, многие рассматривали военную службу как время проверки личных качеств и способностей, особенно в том, что касалось физической нагрузки и «овладения техникой». Традиционные представления о том, как должен выглядеть настоящий мужчина, и пропагандистские картинки подпитывали эти настроения. Большие ожидания также были связаны с высокой эффективностью армейской организации и с отношениями доверия между командирами и подчиненными³⁹. С другой стороны, большинство исходило из того, как сообщалось в одном секретном отчете за 1982 г., что «военная служба будет связана с серьезными трудностями»⁴⁰. Политотделы ННА также соглашались, что существует несоответствие между негативными рассказами об армейских условиях и радужными картинками, предлагаемыми пропагандистскими материалами. Так, например, давая оценку призывникам 1961 г., они беспомощно констатировали: «Большинство молодых людей имеют субъективно окрашенные представления, которые возникли у них главным образом в ходе общения с солдатами срочной службы, унтер-офицерами и резервистами»⁴¹. Социологическое исследование Главного политического управления о мотивации бывших солдат, проведенное в 1982 г., подтверждает этот вывод: «Внутренняя связь с ННА у многих резервистов развита недостаточно»⁴². То есть наиболее аутентичные и, следовательно, самые важные инстанции дали ННА отрицательную оценку. И с такой

неразберихой в голове молодые мужчины начинали свою армейскую службу.

Взгляд изнутри — жизнь в казарме ННА⁴³

Похожая картина складывается на основе опросов очевидцев и автобиографических жизнеописаний: для только что призванных военнообязанных первый контакт с казармой был шоком⁴⁴. Многие прибывали к месту службы в состоянии алкогольного опьянения⁴⁵. Большинству молодых солдат скоро становилось ясно, что ограничение их персональной свободы выходит далеко за рамки функционально обоснованной меры, определяемой требованиями военной службы и жизни на казарменном положении. Внутренние структуры армейской жизни, главными характеристиками которой прежде всего были принуждение, приспособление, подчинение и контроль, убедительно описываются теорией «тотальной институции»⁴⁶. Сдача на хранение паспорта и личных вещей при поступлении на службу — один из наиболее показательных примеров деперсонализации. Писатель Юрген Фукс не скрывает раздражения, описывая собственные впечатления от первых часов пребывания в армии: «Моя одежда лежит в чемодане, который мы скоро должны будем отправить по почте домой. Мы должны быть солдатами, а не гражданами, которые развесили свои шмотки в шкафу и, не дай Бог, от тоски по дому решат податься в дезертиры»⁴⁷. С этого момента солдат двадцать четыре часа в сутки носил форму, даже после службы, в увольнении или даже в кровати, где, согласно уставу, он должен был находиться в армейской пижаме.

Все служебные решения были продиктованы необходимостью «поддержания постоянной боеготовности», что означало не что иное, как постоянную 85-процентную личную и материальную готовность выполнить боевой приказ⁴⁸. К этому следует добавить частые объявления тревоги и боевые учения, нередко связанные с многодневным нахождением вдали от места постоянного размещения⁴⁹. Для большинства военнотружущих служебная нагрузка была непомерно большой. Солдат в среднем был занят по службе от 60 до 70 часов в неделю, а в некоторых подразделениях даже значительно

больше⁵⁰. Вне всякого сомнения: военная подготовка в ННА была суровой и в функциональном отношении профессиональной. Западные спецслужбы считали ННА одной из наиболее боеспособных армий стран — членов Варшавского Договора⁵¹. Тем не менее по прошествии двадцати лет этот вывод вызывает определенные сомнения. Во внешне монолитной стене при более близком рассмотрении можно было обнаружить трещины. Связывающий раствор — внутренний каркас системы — крошился.

Снаружи казармы выглядели как герметически изолированные комплексы. Терминологически в ННА различали «военные объекты» и так называемый «гражданский сектор». Технический термин «сектор» изобличал сам по себе. Взятый из учебников по боевой подготовке⁵², он свидетельствовал об абсолютном приоритете военного мира по отношению к ничтожно малому гражданскому.

Для большинства военнослужащих ворота в «гражданский сектор» открывались редко. Плохая телефонная связь ГДР и недостаток телефонных будок вблизи казарм существенно ограничивали возможности для общения. Оставление части допускалось исключительно с разрешения командира, при этом военнослужащий не должен был удаляться от объекта на большое расстояние. Внутренние материалы ННА свидетельствуют о том, что многие командиры произвольно ограничивали количество увольнений, чтобы не потерять контроль над солдатами⁵³. Предоставление отпуска также носило ограничительный характер. Каждый солдат в течение 18-месячной службы имел право на 18 дней отпуска⁵⁴. Предоставление отпуска было одним из важнейших средств давления в руках командиров. Жалобы от солдат и унтер-офицеров, постоянно поступавшие в отдел безопасности ЦК СЕПГ, документально подтверждают, что правилом были многомесячные отсрочки при предоставлении отпуска. Произвол командиров оправдывался простой ссылкой на служебную необходимость⁵⁵. Сознательное распределение вновь призванных солдат по частям, расположенным вдали от дома⁵⁶, а также удаленность многих военных объектов ННА от населенных пунктов, что удлиняло время поездки в отпуск, еще больше обостряли эту проблему. Йенс Биски так емко

сформулировал суть этой репрессивной системы: «Регулярно отпуск получали только самые незаметные, хорошо приспособившиеся к военной среде солдаты. Запрет покидать расположение части был самым эффективным средством давления, хотя только одним из многих»⁵⁷.

Использование радиоприемников также жестко регламентировалось. Личные радиоприемники и телевизоры были запрещены. Из страха перед «вражеской пропагандой» разрешался просмотр только передач ГДР. Учитывая потребительские привычки в сфере средств массовой информации, сложившиеся до и после службы в армии, такого рода ограничения воспринимались военнослужащими по меньшей мере как смехотворные⁵⁸.

Обстановка внутри казарм нередко нагоняла тоску и уныние. Если военная техника, за которой обеспечивался наилучший уход, размещалась в прекрасно оборудованных ангарах, то санитарные условия проживания — от туалетных комнат до еженедельного принятия душа по расписанию⁵⁹ — в большинстве случаев были удручающими. Не лучшим образом обстояло дело со стиркой белья или с его заменой. Под отрезвляющим воздействием свежего ветра мирной революции командование ННА осенью 1989 г. самокритично констатировало, что речь при этом идет не о единичных случаях, а о структурной проблеме⁶⁰. Улучшение санитарно-гигиенических условий началось в конце семидесятых годов, однако меры, предпринимаемые в этих целях, были слишком медленными и sporadическими для того, чтобы привести к заметным изменениям. Не лучшим образом обстояло дело и с продовольственным снабжением. Репрезентативный опрос, проведенный Главным политическим управлением ННА в начале 1989 г., показал, что более трех четвертей унтер-офицеров и рядовых признали качество продовольственного снабжения неудовлетворительным, а если и удовлетворительным, то только с большими оговорками⁶¹.

Возможности для проведения досуга в казармах были в большинстве случаев скудными и использовались немногими⁶². По воле командования ННА и это время солдаты должны были проводить «в общественно полезных целях», т.е. под контролем сверху. Правда, в каждом подразделении

имелся свой «клуб» как площадка для совместного проведения досуга, однако возможности для индивидуальных занятий по интересам, не говоря уже о наличии помещений для уединения, предусмотрены не были.

Больше всего конфликтов возникало на почве межличностных отношений. Если в самом начале службы большинство солдат все еще с симпатией относились к ННА, то уже очень скоро этот позитивный настрой начинал сходить на нет. Не только в воспоминаниях очевидцев, но и в докладных записках, фиксирующих настроения военнослужащих, и в опросах мнений ННА содержатся жалобы на грубый начальственный тон командиров. К сожалению, лишь немногие опросы мнений и социологические исследования ННА были посвящены выявлению характера отношений между командирами и подчиненными, — возможно, по причине того, что Главное политическое управление опасалось получить подтверждение негативных тенденций и предпочитало избегать неприятных вопросов со стороны армейского руководства. Однако даже имеющиеся отрывочные сведения позволяют получить достаточно полное и весьма неожиданное представление: большинство бывших солдат сомневалось в прочности политико-морального состояния армии⁶³. Приблизительно две трети военнослужащих срочной службы сухопутных войск, самого многочисленного рода войск ННА, заявили, что «в случае войны» они не могут положиться на своих сослуживцев. Еще хуже дело обстояло с авторитетом командиров. Все репрезентативные опросы мнений и исследования настроений, которые регулярно проводились в шестидесятые годы, показывают, что он был на очень низком уровне. Об этом можно судить хотя бы по результатам исследования 1973 г., в ходе которого опрашиваемым был задан вопрос о том, соответствует ли их непосредственный командир идеалу социалистической армии. Две трети солдат, две пятые унтер-офицеров и — что особенно примечательно — половина офицеров дали на него отрицательный ответ⁶⁴.

Постоянная высокая служебная нагрузка и недовольство командирами создавали взрывоопасную смесь. В такой атмосфере подчиненные нередко противились выполнению

приказов, при этом такое неповиновение быстро могло перерасти в открытое насилие. Главное политическое управление ННА только в 1976 г. зафиксировало примерно 6800 случаев различного рода насильственных действий в отношении командиров со стороны подчиненных⁶⁵. Министерство государственной безопасности пришло к аналогичным результатам. Главное управление I МГБ, курировавшее ННА, в середине семидесятых годов ежегодно фиксировало около 5500 случаев насильственных действий в отношении командиров и 12 500 отказов выполнить полученные приказы⁶⁶. В середине восьмидесятых годов МГБ только за один год зарегистрировало в ННА 10 123 случая нанесения умышленных телесных повреждений⁶⁷. Даже не учитывая, вероятно, большое число случаев, не попавших в статистику, эти цифры отражают настроения всеобщей неуверенности в рядах армии, вынужденной постоянно бороться с массовыми нарушениями дисциплины.

Многие солдаты пытались «утопить» чувство разочарования в алкоголе. Хотя на военных объектах ННА существовал абсолютный, как правило, строго контролируемый запрет на употребление спиртных напитков, меры контроля постоянно не соблюдались. Поскольку и сами командиры нередко подавали своим подчиненным плохой пример в этом отношении, легендарный «приказ 30/74 о запрете алкоголя в казармах» практически не выполнялся⁶⁸.

После службы солдаты, расквартированные в казармах, были предоставлены самим себе. В отсутствие контроля со стороны командиров в большинстве подразделений возникла система, названная бывшим военнослужащим ННА Томасом Шпаниером одним из «самых удручающих явлений, с которым молодые и уверенные в себе люди неизбежно сталкивались в ГДР на личном опыте»⁶⁹. Это была так называемая система «дембеля»⁷⁰. Под этим словом в ННА понималась специфическая неформальная иерархическая система, в которой солдаты последних шести месяцев прохождения службы, продолжавшейся восемнадцать месяцев, получали неограниченную власть над своими более молодыми товарищами. Большинство командиров смотрели сквозь пальцы на то, как старшие по возрасту «дембеля», нередко под

воздействием алкоголя, издевались над «желторотиками», «очистками» и «грязью», иногда унижая их до крайности. Командование ННА знало о существовании этой проблемы, но при этом ничего не предпринимало для устранения ее причин. Как своего рода «клапан для выпуска пара» и полезный инструмент для сохранения власти изнутри система «дембеля» была достаточно эффективной с точки зрения стабилизации ситуации в армейской среде. Тем не менее бездействие военного руководства и еще больше личные впечатления солдат, соприкоснувшихся с этой системой, отрицательно сказывались на репутации ННА.

Взгляд снаружи — контакты между гражданской и военной сферами

Большинство этих внутренних коллизий становились известными за пределами казармы только после того, как военнослужащий заканчивал срок службы. Если не говорить об официальном общении армии и гражданского населения, например 1 Мая, в День ННА, во время публичных военных соревнований или каких-либо других аналогичных мероприятий, связи между армией и гражданским обществом носили относительно ограниченный характер. При рассмотрении различного рода жалоб на местном уровне в качестве ответчика ННА привлекалась не слишком часто — факт достаточно неожиданный с учетом размещения многочисленных военных объектов в непосредственной близости от населенных пунктов и ущерба от проводимых учений⁷¹. В то время как народная армия усердно раскручивала маховик военно-политической пропаганды, будни рядом с казармами протекали на удивление спокойно.

Контрактники и кадровые военные, чья служба в вооруженных силах была более длительной, были вынуждены переносить все тяготы, вытекающие из необходимости «поддержания постоянной боевой готовности» и из территориального размещения объектов ННА. Как правило, они жили в военных городках, напоминающих гетто, расположенных в непосредственной близости от казарм. Длительные сроки службы затрудняли поддержание социальных контактов вне

армейского коллектива сослуживцев. Реальная жизнь военнослужащих сильно отличалась от ярких и не вызывающих доверия пропагандистских клише, связанных с казарменным бытом и военной профессией. ННА практически пресекала любые попытки получить информацию о том, что происходит в военной сфере, поскольку абсолютно все в этой армии считалось секретным⁷². Даже самые очевидные вещи были военной тайной. Так, например, в населенных пунктах не было никаких указательных знаков, по которым можно было бы определить местоположение военных объектов, никакой информации о них не было и в гражданских картах⁷³. Не допускалось упоминание военной службы и в письмах родным и знакомым. Секретность была такова, что даже жены офицеров жаловались на то, что они не имеют никакого представления о том, как проходит служба их мужей⁷⁴.

На этом пути было невозможно решить задачу интеграции в общество и обеспечения общественного признания, которую ННА сама же перед собой поставила.

Резюме: «армия народа»?

Если суммировать собственные оценки военнослужащих и сторонних наблюдателей, то можно сделать вывод о том, что ННА не удалось закрепить положительный образ в общественном мнении, прежде всего по четырем причинам.

1. Гипертрофированная военная пропаганда в ГДР создала образ армии, которая якобы в равной мере выражала интересы военных и гражданского общества, армии, в которой был реализован идеал «развитой социалистической личности». Милитаризация ГДР, охватив и мобилизовав большую часть населения страны, тем не менее так и не смогла достичь цели устойчивого контроля над убеждениями граждан, касающимися вопросов политики безопасности.
2. Условия службы, труда и жизни в ННА были отчасти плачевными и воспринимались большинством военнослужащих, независимо от звания, как тягостные. Для многих военнослужащих по контракту и кадровых военных служба была разочарованием.

3. Система межличностных отношений в народной армии была неустойчивой. С помощью методов эмпирических социологических исследований было доказано, что командиры не пользовались безоговорочным доверием подчиненных, что полностью доверительных отношений не было и в коллективах военнослужащих, равных по званию. Большинство бывших военнослужащих исключительно плохо отзывались о ННА. В их воспоминаниях военная служба, как правило, была не «делом чести», а вынужденным отбыванием воинской обязанности.
4. Отношения между гражданским населением и военнослужащими были в значительной степени нейтральными. Общие условия военной службы, чрезмерная секретность и, как правило, обособленное существование военнослужащих в военных городках затрудняли межличностные контакты. Большинство людей воспринимали присутствие военных через средства военной пропаганды или в форме контактов, регламентированных государством. Официальная власть рассматривала более близкие, тем более личные отношения между военнослужащими и гражданским населением как нежелательные. Такие отношения были скорее исключением из правил. Военные и «гражданский сектор» в действительности почти не пересекались и поэтому оставались чуждыми друг другу.

ВОЛЬФГАНГ ЛАМБРЕХТ*

«УЧИТЬСЯ У ФИНЛЯНДИИ ЗНАЧИТ УЧИТЬСЯ У ГДР»?

*Чудесное или удивительное возвращение
упраздненной системы образования*

В 2004 г. Организация экономического сотрудничества и развития опубликовала результаты проведенного по ее заказу исследования «PISA¹ 2003», в рамках которого в разных странах — членах этой организации оценивались знания школьников по тем дисциплинам, которые она сочла наиболее показательными для сравнения. По этим дисциплинам — чтение, математика и естествознание — все немецкие школьники заняли лишь средние места в рейтинге, в то время как Финляндия получила наивысшие баллы по чтению и естествознанию, а по математике заняла второе место, лишь немного уступив Гонконгу².

В ответ на это в Германии разгорелся спор: как следует реагировать на то, что, по оценке ОЭСР, систему образования Германии можно считать посредственной, и чему можно было бы поучиться у Финляндии. Одна из позиций по этому вопросу высказана в статье публициста Сабине Пемперьен в интернет-издании «Нетцайтунг», озаглавленной так же, как и данная публикация, — однако без вопросительного знака, что превращает тезис, подлежащий вдумчивому рассмотрению, в утверждение, констатирующее конкретные выводы.

Успех финской системы образования, по словам Памперьен, основан «на вытесненной немецкой традиции», а именно на следовании примеру системы образования ГДР. С точки зрения критиков это являет собой «непростительную и глупую ошибку». Вести объективную дискуссию о том, что система образования ГДР послужила образцом для финской, продолжает Памперьен, нереально и в объединенной Герма-

---

* Пер. с нем. Алексея Штемберга.

нии, поскольку дискуссии о политике в области образования до сих пор проходят «под идеологическими лозунгами времен боевого настроения 68-го года», что делает «полемику по существу» невозможной³.

В качестве сильной стороны системы образования ГДР, которой в то время интересовались и финские делегации⁴, ее приверженцы называют, в частности, согласованность структуры и содержания всех ее компонентов. Десятилетняя «средняя политехническая школа» — ключевой элемент выстроенной в ГДР «единой социалистической системы образования» — была единой школой и создавала для всех школьников одинаковые исходные условия, чем гарантировала равенство шансов на продолжение образования, вместо того чтобы преждевременно «отсеивать»⁵.

Критики этой точки зрения, в свою очередь, предостерегают «от ностальгического взгляда в прошлое»⁶ и относят тезис о том, что «финская система образования в той или иной степени черпала вдохновение в ГДР <...> к области мифов»⁷.

Вышеизложенные мнения — это крайние точки зрения в отношении вопроса о том, в какой степени система образования ГДР повлияла на успех, достигнутый финнами в рейтинге PISA: пример для подражания или же недопустимая попытка ретроспективного оправдания политики ГДР в области образования? Цель, преследуемая данной публикацией, — сопоставить оба взгляда с историческими фактами, чтобы затем сформировать собственную позицию по этому вопросу.

Развитие системы образования в Финляндии после получения независимости в 1917 г.

Фактически Финляндия была одной из первых капиталистических стран, с которыми ГДР наладила культурные связи. Их развитие Эрих Хонеккер в приветственном послании по случаю финского государственного праздника 6 декабря 1976 г. назвал «образцовым» для «мирного сосуществования» социалистических и капиталистических государств, провозглашенного в то время целью.

По всей видимости, этому способствовало то, что Финляндия после проигранных войн 1940–1941 гг. не только

не вступала ни в одну антисоветскую коалицию, чтобы не подвергать новой опасности свою независимость, но и — напротив — уже в 1948 г. заключила с Советским Союзом Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи.

С восточногерманским государством Финляндия вступила в договорные отношения уже через год, заключив торговое соглашение, за которым последовали многочисленные другие соглашения, подписанные до дипломатического признания ГДР в 1972 г. Уже в 1969 г. Финляндия и ГДР подписали «протокол о культуре». Помимо прочего, он предусматривал укрепление сотрудничества на уровне школ и в сфере профессионального образования. Второй «протокол о культуре», подписанный в 1971 г., расширил эти связи, распространив их и на сферу высшего образования. Это позволило не только вести обмен приглашенными преподавателями, но и заключать прямые соглашения между учебными заведениями Финляндии и ГДР (со стороны последней, однако, только через министерство высшего и среднего специального образования и ЦК СЕПГ)⁸.

Самостоятельную политику в области образования Финляндия начала проводить только с 1917 г., после получения независимости. До этого она столетиями находилась сначала под шведским, а затем под российским владычеством⁹. Финская конституция 1919 г. установила обязательное посещение шестилетней бесплатной начальной школы¹⁰. В законе о начальных школах 1958 г. срок обязательного школьного обучения был продлен до восьми лет. После шестилетней начальной школы система образования делилась на двухлетнюю школу для городского населения и четырехлетнюю гимназию. В качестве альтернативы можно было посещать шестилетнюю среднюю школу. Переход в учебное заведение на ступень выше зависел от результатов сдачи отборочных экзаменов.

В 1963 г. было принято принципиальное решение об отмене системы параллельных школ в пользу единой школы, а через год был учрежден комитет по начальным школам, который должен был разработать конкретные предложения по этому вопросу. В качестве аргумента приводилась необходимость повышения общего уровня образования

и достижения социального выравнивания различных слоев населения, а также равных условий получения образования в городе и на селе.

Эти цели были поставлены в связи с быстрым превращением Финляндии из аграрного государства в индустриальное, происходившим в пятидесятые и шестидесятые годы. Требования СССР по репарациям стимулировали развитие и других отраслей экономики помимо традиционной деревообработки, таких, как металлообработка и электротехника. Однако предприятия этих новых отраслей располагались и становились новыми крупнейшими работодателями преимущественно в городских районах, что приводило к сильному миграционному оттоку сельского населения. Кроме того, успешное развитие отраслей промышленности зависело от регулярного притока большого количества высококвалифицированной рабочей силы¹¹.

В 1967 г. был принят закон о школе, согласно которому создавалась девятилетняя интегрированная единая школа («перускоулу»)¹². В течение следующих десяти лет происхо-

Структура финской системы образования до реформы образования

Источник: *Sandra Müller. Das finnische Bildungssystem – Ursachen und Hintergründe für den Bildungserfolg. Saarbrücken, 2008. S. 21.*

дило ее постепенное внедрение, параллельно с которым продолжали существовать и другие виды школ¹³. Она делилась на шестилетнюю нижнюю ступень («алакоулу») и трехлетнюю верхнюю ступень («юлякоулу»), которые в большинстве случаев располагались в разных помещениях. Кроме того, школы нижней ступени имели в стране значительно более широкое распространение, чем школы верхней ступени. По окончании «перускоулу» не сдавался формальный выпускной экзамен, а выдавался сертификат о посещении школы. Полученный в течение всего времени обучения в школе средний балл являлся критерием для приема в гимназическую верхнюю ступень («лукио») либо для перехода в учреждение профессионального образования¹⁴. И если количество выпускников единой школы приближалось к 100%¹⁵, то прием в гимназическую школу верхней ступени уже проводился посредством отбора по критериям школьной успеваемости и способностей, поскольку образовательные учреждения имели возможность самостоятельно выбирать себе школьников. Выпускные экзамены проводились на основе единых

Структура финской системы образования после реформы образования

Университеты и вузы	Профессиональное образование		Классы
Гимназическая верхняя ступень			12 11 10
Верхняя ступень		Средняя школа	9 8 7
Единая школа			6 5
Нижняя ступень		Начальная школа	4 3 2 1
Дошкольное воспитание			

Источник: Classification of Educational Systems in OECD Member Countries: Finland, Germany, Japan. Paris, 1972. P. 11ff.

для всей страны заданий, работы тоже проверялись централизованно в соответствии с предписанными критериями, чтобы обеспечить их максимальную сопоставимость при выставлении оценок¹⁶.

Еще строже был регламентирован доступ к обучению в финских университетах («улиописто»). И хотя их посещение было бесплатным, в них — в противоположность школьной реформе, нацеленной на получение как можно более широкими слоями населения законченного среднего образования — была в то же время повсеместно внедрена система проходных баллов (*Numerus clausus*). Кроме того, университеты также могли сами отбирать себе студентов при помощи вступительных экзаменов. Эти меры были нацелены на обеспечение высокой эффективности обучения путем создания оптимальных условий, однако на практике при поступлении проявлялась социальная неоднородность студенчества, препятствовавшая достижению цели социального выравнивания. Так, доля детей из семей родителей с высшим образованием была значительно выше, чем детей из рабочих семей, а количество учащихся женского пола имело тенденцию к снижению — начиная с экономической депрессии тридцатых годов и вплоть до шестидесятых. Кроме того, оказался достаточно прочным тот статус интеллигенции и верхних слоев общества, который за время уже упомянутого длившегося столетиями владычества Швеции приобрело в Финляндии шведскоязычное меньшинство: его представителей по-прежнему было непропорционально много среди учащихся.

Для борьбы с этими проблемами при поступлении в высшие учебные заведения финское правительство следовало двум стратегиям: с одной стороны, оно создало государственную систему поддержки, предоставлявшую, помимо прочего, стипендии и пособия на проживание, которые не требовалось впоследствии выплачивать обратно государству¹⁷. С другой стороны, оно решило значительно увеличить количество мест в вузах. В 1966 г. был издан закон, предусматривавший до 1986 г. выплату ежегодных государственных дотаций специально для расширения существующих, а также для создания совершенно новых университетских учреждений в тех городах, в которых еще не было высших учебных заведений. При

этом особое внимание следовало уделять естественнонаучно-техническим и медицинским специальностям. До 1980 г. количество университетов выросло с двенадцати до двадцати, а студентов — с 25 000 до 84 100¹⁸.

Создание «единой социалистической системы образования» в ГДР

Итак, мы в общих чертах обрисовали путь развития финской системы образования. Теперь следует изучить утверждение о влиянии на него системы образования ГДР в качестве образца для подражания. Как уже упоминалось, Финляндия поддерживала с ГДР тесные политические отношения. Однако это объясняется не столько особой близостью с социалистическим германским государством, сколько — в значительно большей степени — строгим соблюдением идеологического нейтралитета. Ведь и с ФРГ Финляндия тоже поддерживала отношения на тех же началах¹⁹.

Система образования в советской оккупационной зоне/ГДР после 1945 г.

Университеты и вузы		Классы
Полная средняя школа	Профессиональ- ная школа	
	Начальная школа	
Детские сады		

Источник: *Oskar Anweiler u. a. Bildungspolitik in Deutschland 1945–1990. Bonn, 1992. S. 527.*

В Восточной Германии немецкие коммунисты при помощи советских оккупационных властей практически сразу по окончании Второй мировой войны приступили к первым мероприятиям по реорганизации системы образования. «Законом о демократизации немецкой школы» уже в 1946 г. была учреждена начальная школа из восьми классов в качестве обязательной единой школы, за которой следовала либо четырехлетняя полная средняя школа, либо три года профессионального училища параллельно с производственным обучением. В пятидесятые годы было принято решение о создании средней школы из десяти классов для всех. Эта единая школа, получившая впоследствии название «средняя политехническая школа», также была ключевым элементом «единой социалистической системы образования», внедрение которой было закреплено на законодательном уровне в 1965 г. В политехнических школах все школьники должны были приобретать основы знаний, которые требовались им как для получения профессионального образования, так и для обучения в образовательных учреждениях более высокого уровня. Получение аттестата зрелости было организовано на общегосударственном уровне, для этого имелись две основные возможности: в соответствии с социалистической идеологией «единства теории и практики» руководство СЕПГ предпочитало, чтобы по окончании политехнической школы учащиеся получали аттестат зрелости после прохождения профессионального обучения. Однако наряду с этим была и другая возможность – перейти после восьмого класса политехнической школы в четырехлетнюю «расширенную полную среднюю школу». Но при этом, для того чтобы эти абитуриенты не имели преимущества в конкурсе на поступление в вуз перед теми, которые получили аттестат об окончании среднего учебного заведения одновременно с профессиональным образованием, выпускники расширенной средней школы должны были дополнительно проходить профессиональную практику в течение года. Однако после 1965 г. это правило было отменено, а срок обучения в расширенной средней школе сокращен до двух лет²⁰.

На первый взгляд между «единой социалистической системой образования» в ГДР и финской школьной рефор-

мой вполне прослеживается взаимосвязь — как по времени, так и по структуре: принятое финнами в 1963 г. принципиальное решение об учреждении единой школы и создании комитета для разработки конкретных предложений по реализации этого намерения практически совпадает по времени с начинаниями ГДР в области реорганизации образования. А именно, в том же году СЕПГ включила в программу партии положение о повышении уровня образования всего народа — «на основе единой системы образования, отдельные ступени которой — от детского сада и школы, профессионального образования и обучения взрослых до университетов, вузов и средних специальных учебных заведений — согласованы друг с другом»²¹ — и образовала «Государственную комиссию», которая через год утвердила «Принципы формирования

**Единая социалистическая система образования
в ГДР после 1965 г.**

Университеты и вузы		Классы
Расширенная полная средняя школа	Учебные заведения профессионального образования	
	Верхняя ступень	
Средняя политехническая школа	Средняя ступень	
	Нижняя ступень	
Учреждения дошкольного образования	Детский сад	
	Детские ясли	

Источник: Bundesministerium für gesamtdeutsche Fragen (Hg.). Dokumente zur Bildungspolitik in der SBZ. Berlin (West), 1966. S. XXXI.

единой социалистической системы образования». Помимо прочего, они устанавливали десятилетнее полное среднее образование для всех, «которое могло служить отправной точкой для начала любой работы»²².

Однако одновременно «Принципы» подчеркивали, что хотя теоретически окончание политехнической школы и открывало дорогу в высшие учебные заведения, практически при поступлении действовал отбор «согласно общественным требованиям»²³. То есть как и в Финляндии, в ГДР после единой школы доступ к гимназической верхней ступени, а также к университетам и вузам был ограничен.

Однако на этом сходство и заканчивается: в то время как в Финляндии высшие учебные заведения могли сами отбирать для себя школьников и студентов по критериям их способностей и успеваемости, в ГДР они получали учащихся по распределению от государства, причем распределяло оно не только по профессиональным критериям, но и — причем в первую очередь — по «политической зрелости и моральному облику»²⁴.

Веские причины для существенных сомнений в том, что система образования ГДР послужила образцом для финской

Таким образом, мы подходим к принципиальной разнице, которую предпочитают не замечать приверженцы той точки зрения, что финская система образования была выстроена по образу и подобию ГДР: к неразрывной связи прагматических соображений с политико-идеологическими мотивами в политике ГДР в области образования. Попытка разделения прагматизма и идеологии при помощи того аргумента, что «не считая идеологического влияния, несомненно имевшего место» система образования ГДР была «одной из самых современных и прогрессивных... в Европе»²⁵, противоречит принципиальным взглядам тогдашнего руководства СЕПГ. А именно: для него марксизм-ленинизм был «теоретическим и практическим решением проблем развития нашего социалистического общества». По этой причине политику ГДР в области образования следовало выстраивать таким обра-

зом, «чтобы социалистическая идеология пронизывала весь воспитательный и учебный процесс»²⁶.

Таким образом, политико-идеологическое воздействие на население было не просто сопутствующим явлением, а основополагающим элементом политики СЕПГ в области образования, которому в спорных случаях даже отдавался приоритет перед прагматическими соображениями эффективности.

Так, проводившаяся в ГДР в шестидесятые и семидесятые годы реформа обучения в практическом отношении была нацелена на повышение эффективности учебного процесса, бывшего ранее сплошным, путем разделения его на два направления: одно было ориентировано на освоение профессии, другое — на занятие научной деятельностью. Однако одновременно с этим был расширен преподаваемый параллельно и обязательный для всех учащихся курс марксистско-ленинской философии, который ввели еще в 50-е годы. Это не только свело на нет все повышение эффективности, достигнутое путем структурных преобразований, но и оказывало обратный эффект, препятствуя желаемому ускорению учебного процесса и развитию творческих способностей учащихся²⁷.

Под сомнение можно поставить и утверждение о том, что ГДР была единственным примером, по которому была выстроена структура финской системы образования. Как по причине географической близости, так и вследствие общего политического нейтралитета можно исходить скорее из того, что в качестве примера были взяты шведские реформы в области образования. Там еще в 50-е годы началась экспериментальная программа по внедрению вместо предыдущей дифференцированной школьной системы объединенной девятилетней школы, которая в 1962 г. была закреплена на законодательном уровне как «единая школа» («энхетсскола»). Здесь гимназия тоже формально продолжала существовать параллельно с профессиональными школами, однако была при этом интегрирована в структуру единой школы²⁸.

Структурное сходство между начинаниями в области реформ образования в Финляндии и в ГДР — помимо создания единой школы как ключевого элемента системы образования, руководство СЕПГ в конце шестидесятых годов

тоже приняло решение о значительном расширении сферы высшего образования, особенно по естественнонаучным и техническим специальностям²⁹, заблаговременно отменило плату за обучение и ввело систему государственных стипендий³⁰ — в значительно большей степени объясняется общими для всех систем задачами того времени, решить которые государства с абсолютно разными политическими и идеологическими взглядами пытались похожими способами.

После «спутникового шока» 1957 г., когда Советский Союз раньше американцев успешно запустил в космос первый спутник, на Востоке и на Западе началась дискуссия о том, не наступила ли вследствие постоянно ускоряющейся инновационной деятельности в области науки и техники новая стадия развития человечества, известная в социалистических странах под именем «научно-технической революции», а в западных государствах нередко называемая «второй промышленной революцией». В то время как страны Восточного блока хотели использовать это развитие для того, чтобы одержать верх над Западом хотя бы в области экономики, раз уж это невозможно было сделать путем военных действий, среди жителей капиталистических стран нарастал страх перед тем, что у них это может получиться.

Несмотря на разные побудительные мотивы, государства того времени выбрали — вне зависимости от своей политической системы — аналогичные стратегии решения проблемы, а именно способствовали получению высшего образования как можно более широкими слоями населения, чтобы, помимо удовлетворения требования общества о справедливости и равенстве шансов, при помощи достаточного количества высококвалифицированной рабочей силы и ученых успешно конкурировать в мировом экономическом состязании систем. По мнению тогдашних ответственных чиновников, для достижения этой цели система единых школ была эффективнее, чем селекция на раннем этапе. Диктуемый политическими и экономическими соображениями скачкообразный рост количества людей, имевших право на обучение, в свою очередь, вынуждал расширять сектор высших учебных заведений, хотя в этой сфере многие государства, как на Западе, так и на Востоке, сохранили механизмы отбора³¹.

Заключение

Вернемся к представленным вначале полярным точкам зрения: при поверхностном рассмотрении, конечно, можно заметить определенную схожесть структурного характера между финскими реформами образования и «единой социалистической системой образования» в ГДР. Однако они объясняются не столько влиянием примера ГДР, сколько общими тенденциями того времени. К примеру, единые школы есть также в США (High School), Великобритании (Comprehensive School) и Франции (Collège). Эти страны точно так же увеличивали количество людей, имеющих право на обучение, и развивали свое высшее образование³². В Западной Германии в шестидесятые и семидесятые годы в некоторых федеральных землях, руководимых социал-демократами, тоже были учреждены единые школы, а система высшего образования только в шестидесятые годы была расширена путем создания 47 новых учебных заведений для приема стремительно растущего количества учащихся³³.

И вовсе уж не могли финны рассматривать как образец для подражания политико-идеологическую составляющую системы образования ГДР. Эту проблему представители теории ориентирования на ГДР старались обойти, вообще не рассматривая аспект идеологического воспитания. Однако такой подход не выдерживает критики, поскольку политически и идеологически мотивированное «воспитание всесторонне и гармонично развитых личностей эпохи социализма» в духе «социалистической морали» было неотъемлемой частью «единой социалистической системы образования»³⁴.

Остается открытым вопрос, действительно ли успех в тесте PISA финской системе образования принесла сама ее структура, или же он в значительно большей степени объясняется более высокой долей государственных расходов на образование, достаточно однородной социальной структурой, более высоким социальным престижем профессии учителя, меньшими классами, более индивидуальным подходом к обучению и наличием во всех финских школах современной ИТ-инфраструктуры³⁵.

В качестве резюме: при поверхностном рассмотрении имеющиеся аналогии временных периодов и структур действительно могут дезориентировать и привести к преждевременному выводу: «учиться у Финляндии значит учиться у ГДР». Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что эти мнимые параллели вызваны скорее общими тенденциями той эпохи и царившим тогда духом времени, нежели влиянием системы образования ГДР или использованием ее в качестве ориентира. Если же учитывать и политико-идеологическую составляющую, которая красной нитью проходила через всю политику ГДР в области образования, а в случае сомнений даже оказывалась важнее прагматических соображений, а также соотнести ее с финским идеологическим нейтралитетом, то аподиктическое утверждение «учиться у Финляндии значит учиться у ГДР» действительно следовало бы отнести к области мифов.

АНСЕЛЬМА ГАЛЛИНАТ И ЗАБИНЕ КИТТЕЛЬ*

О СОВРЕМЕННОМ ПОДХОДЕ К ГЭДЭЭРОВСКОМУ ПРОШЛОМУ

Опыт, воспоминания и самосознание Восточной Германии

8 июня 2008 г. Федеральное правительство Германии приняло документ под названием «Изменение национальной концепции мемориалов»¹. Он охватывает как время национал-социализма, так и период ГДР и, по задумке парламентариев, «поможет осознать ответственность, поддержит процесс осмысления прошлого и укрепит сохранение памяти»². Более конкретно данная концепция займется поддержкой мемориалов, мест памяти и музеев обеих эпох «в равной степени», а также созданием исторического объединения для осмысления «коммунистической диктатуры». Кроме того, в концепции сформулировано пожелание создать «памятник свободе и единству», который должен быть торжественно открыт в октябре 2010 г.

Эта концепция прошла долгий и тяжелый путь. Уже в 1995 г. комиссия под руководством историка Мартина Заброва начала разработку подхода к гэдээровскому прошлому. Рекомендации так называемой «комиссии Заброва» после публикации в 2005 г. вызвали неожиданно острые обсуждения³. На передний план дискуссии, среди прочего, вышло предложение учитывать в подходе повседневную гэдээровскую жизнь. Некоторые историки опасались, что это приведет к «смягчению» исторического образа ГДР. С тех пор данное мнение вновь и вновь звучит в подобных дискуссиях.

В 2007 г. разногласия также имели место, хотя дискуссия и потеряла в значительной степени свою остроту. На общественное слушание для обсуждения документа «Изменения национальной концепции мемориалов» 9 ноября 2007 г. пришло много слушателей. Приглашенные историки

---

* Пер. с нем. Марии Зимер.

высказались по поводу новой концепции, а также о том, как в равной степени уделить внимание «двум диктатурам в Германии». В 2007 г., как и до этого, крайне остро обсуждалось включение или исключение повседневной гэдээровской жизни из концепции, а также оценка различных исторических событий. При этом основными темами дебатов стали следующие вопросы: концепция не учла повседневную жизнь при национал-социализме, почему же тогда нужно учитывать жизнь в ГДР? Не будет ли включение этого аспекта поощрять ностальгию по Восточной Германии?

Дебаты во время общественного слушания затронули темы, которые были схожим образом выявлены в ходе проведения первых итогов проекта Ньюкаслского университета «Социалистическое прошлое сегодня». На протяжении 14 месяцев проект анализировал, среди прочего, и подход к гэдээровскому прошлому на примере двух организаций в одном из восточногерманских городов⁴. При помощи участвующего наблюдения — одного из методов социальной антропологии — мы следили за работой организаций над текстами и мероприятиями, связанными с прошлым. Мы участвовали в повседневной работе и анализировали дискуссии и инициативы по теме гэдээровское прошлое, посещали различные мероприятия, например, упомянутое выше общественное слушание о новой концепции мемориалов. Кроме того, мы брали интервью у представителей разных профессий и просили их рассказать о личном прошлом и спрашивали мнение о современном подходе к истории ГДР. При этом было выявлено, что во многом позиции и мысли наших собеседников повторяют высказывания экспертов в Берлине.

Данную статью мы посвятили вопросу о том, как подход к гэдээровскому прошлому видится через призму личных воспоминаний. При этом большей частью мы опираемся на высказывания наших собеседников. Ключевой вопрос звучит так: влияют ли — и если да, то в какой степени — общественные дискуссии о прошлом, а также «официальные трактовки» на индивидуальные воспоминания и самосознание, и какую роль при этом играет опыт настоящего. Чтобы выдержки из интервью были понятны в контексте, мы уделим отдельное внимание общественному слушанию в Берлине, которое мы

посетили в рамках исследования. Далее последуют теоретические размышления о воспоминании и самосознании.

История повседневной жизни — часть официального осмысления прошлого?

Слушание по новой концепции мемориалов проводилось комитетом по культуре Германского Бундестага в зале для заседаний дома Марии Элизабет Людерс в берлинском правительственном квартале. В зале со зрительскими трибунами у круглого стола расположились приглашенные эксперты-историки и представители парламентских фракций⁵. В течение двухчасовой дискуссии парламентарии задавали экспертам вопросы, чтобы выяснить их мнение о концепции в целом и ее отдельных пунктах. Эта почти что ритуальная часть мероприятия проходила в присутствии общественности, вторая же часть дискуссии прошла за закрытыми дверями. Благодаря слушанию присутствующие смогли получить представление о различных аспектах современной официальной дискуссии о мемориалах.

Так, партия ХДС/ХСС попросила специалиста по Новой и Новейшей истории Клауса Шрёдера прокомментировать цитату Рихарда Шрёдера: «Нас никто не обязывал быть в плохом настроении», это действительно так?»⁶ Шрёдер с этим утверждением согласился и упомянул памятник свободе и единству, создание которого должно стать радостным событием, так как будет напоминать о гражданском мужестве. Шрёдер подчеркнул важность такого позитивного взгляда: он пробуждает в молодом поколении мысль о том, что демократия достойна того, чтобы ее защищать. Для него памятник — это символ долгой истории германской демократии. В этой связи Шрёдер упомянул даты 1848, 1918, 1945 и 1989. Оценки Шрёдера и последующие выступления его коллег показали, насколько важную роль в осмыслении истории ГДР играет компонент диктатуры, прежде всего из-за акцента на Министерстве государственной безопасности ГДР (Штази). 1989 год и Мирная революция при этом представляются как положительные элементы в остальном проблемной исторической эпохи.

Особое внимание в рамках дискуссии было уделено теме истории повседневности. В концепции содержалось предложение разработать постоянную экспозицию «Повседневная жизнь в ГДР», как возможное место для выставки был назван «Дворец Слез» в центре Берлина – КПП, которому восточные и западные берлинцы придают большое эмоциональное значение. На этом месте экспертное сообщество разошлось во мнениях. Противники данной идеи настаивали на том, что повседневной жизни в правительственной концепции мемориалов не место. Историк Йоахим Шолтисек, очевидно приглашенный фракцией ХДС/ХСС, отметил, что государственные средства должны все-таки использоваться на благо жертв. В этом и других комментариях историка прослеживалось опасение, что история повседневной жизни спровоцирует «остальгию». Шрёдер заметил, что хотя эта тема и может изучаться в университетах, она ни в коем случае не должна становиться частью мемориальных ландшафтов, спонсируемых государством. Из дальнейшей аргументации историка стало ясно, что его обеспокоенность особенно касалась недостаточных знаний по истории у школьников, которые выявились недавно в ходе проведенного им исследования⁷. Так как история ГДР преподавалась в восточногерманских школах очень ограниченно, многое зависело от принятых в отдельной семье мнений, а они, как правило, носили ностальгический характер, считает Шрёдер. Его коллега, историк Штефан Волле, отталкиваясь от этого утверждения, возразил: историю повседневной жизни нужно непременно включить в концепцию. Необходимо учитывать текущие общественные условия, иными словами, «нужно использовать понятные людям категории», т.е. категории повседневной жизни, полагает Волле.

Оба оратора и представленные ими позиции отразили текущую общественную задачу концепции: одна сторона в споре отвергает тему повседневности, чтобы не подогревать существующие ностальгические чувства и не смягчать образ ГДР в истории, она хочет представить современной общественности официальную трактовку. Другая сторона пытается, напротив, учесть живые воспоминания поколения сегодняшних взрослых и интегрировать их многогран-

ное прошлое в историографию. Отталкиваясь от живых воспоминаний, они хотят обратиться к людям на языке известного и с его помощью показать аспекты господства СЕПГ. Историки Забров и Волле, детально опрошенные партиями СДПГ и Союз 90/Зеленые, предостерегли от дихотомизации исторической картины – разделения на диктатуру и «прекрасную повседневность». «Остальгия» зиждется не только на истории повседневной жизни, напомнил Забров.

В ходе дискуссии он упомянул «смену парадигмы» в культуре памяти Германии, в другом месте говорил о текущей «нормализации» критического осмысления истории. При этом ученый констатировал, что дальнейшее существование Федерального ведомства по работе с архивами Штази в процесс «нормализации» не вписывается, чем дал понять: нормализация, по его мнению, касается исторических исследований и ставшего менее эмоциональным и политизированным подхода к архивам Штази⁸.

Дискуссия, инициированная комитетом по культуре, указывает на ряд проблем; для нас важен вопрос о моральном подтексте осмысления гэдээровского прошлого. В этой связи ностальгия, скорее всего, играет большую роль. Не случайно был упомянут и общественный контекст, т.е. переживания и личные воспоминания граждан Восточной Германии, которые сопровождают их восприятие гэдээровского прошлого. Критики противопоставляют «воспоминания о повседневности» более трудному (но политкорректному?) «сохранению памяти о диктатуре СЕПГ», при этом утверждая, что воспоминания о повседневной жизни непременно носят ностальгический характер. Данный круг проблем показывает, как не просто соотносятся друг с другом исторические воспоминания и сохранение памяти в Германии. Следует указать на политическое измерение работы с воспоминаниями, которое было очевидным даже при подспудном смешении исторических аргументов и партийных интересов⁹. В то же время, следуя мысли Заброва, действительно наблюдается тенденция к определенной нормализации, хотя и возникает вопрос, что конкретно и как нормализируется.

Воспоминание и самосознание

Согласно многочисленным работам в области общественно-гуманитарных наук, воспоминания о прошлом являются основополагающими для народов. Они легитимируют, мотивируют и объединяют население посредством историографии и мифов или церемоний, к которым относятся мемориалы и годовщины. Антрополог Пол Коннертон показывает, как подобным образом символически конструируются и поддерживаются общность и коллективное самосознание¹⁰. Культуролог Алейда Ассман указывает на тот факт, что современные общества также обладают «хранилищами воспоминаний» — архивами и музеями, которые являются выражением культуры памяти и способствуют формированию самосознания¹¹. Воспоминания тесно связаны с индивидуальным самосознанием. Истории, которые мы рассказываем о самих себе, несут послание о нашей личности, о том, какими мы хотим, чтобы нас видели другие¹². Этот факт, по крайней мере отчасти, обусловлен тем, что понимание человеком себя опирается не только на субъективный опыт, но и на совместную общественную оценку этого опыта.

Это также означает, что воспоминания — коллективные и индивидуальные — создаются в настоящем. На них влияют социальные, культурные и политические факторы, они подвержены влиянию властных сил. Данное утверждение касается, например, вопроса о том, кто трактует прошлое и может его оценивать или осуждать. В то же время память ориентирована на будущее. Воспоминания, которые мы разделяем сегодня, находятся под влиянием наших представлений о будущем. Официальные трактовки историографии определяют, что достойно воспоминаний. Таким образом, национальная историография зависит от текущих представлений о будущем, которые имеют руководящие элиты — правительства, должностные лица, интеллигенция. Воспоминания — коллективные и индивидуальные — в основном, хотя и не всегда, передаются в личных рассказах, т.е. нарративно.

Шарлотте Линде показывает, что минимальным требованием к биографическим воспоминаниям является их согласованность¹³. В историях, которые мы рассказываем,

не должно быть «противоречий», тогда слушатели будут воспринимать нас как порядочных в моральном отношении личностей. Эти истории не должны быть противоречивыми и в отношении более обширных, коллективных воспоминаний, к которым относятся, например, общественные дебаты о прошлом и официальные трактовки истории. Морис Хальбвакс определил понятие «коллективной памяти». Он придерживался идеи о том, что личные воспоминания связаны с более обширными воспоминаниями группы, будь то семья, круг друзей или нация¹⁴. Вспоминать мы можем только то, что рассматривается группой как легитимное; понимание воспоминаний также очерчено рамками, заданными группой. Сегодня аргумент Хальбвакса рассматривается как «слишком детерминирующий». Некоторые исследователи сомневаются, что индивидуальные воспоминания полностью опираются на коллективную память и тем самым возникают независимо от личного опыта¹⁵. Тесная связь между воспоминанием и самознанием при этом не подвергается сомнению.

Особые проблемы в подходе к прошлому существуют в обществах, переживающих переломные моменты. Это касается не только Германии, но и других, в прошлом социалистических стран. Конец социализма и его делегитимизация ознаменовались серьезной сменой ценностей. Сегодня люди должны применять к прошлому другую ценностную шкалу. Решения, поступки, образ жизни, которые в социалистическом обществе считались нормой, при сегодняшнем взгляде на коммунизм представляются в критическом и часто негативном свете. В то же время постсоциалистические нации принуждаются после перелома к созданию новой официальной историографии, основывающейся на новых, демократических ценностях. Данный процесс оказывается чрезвычайно сложным. Многие ценности, которые десятилетиями усваивались и передавались из поколения в поколение, сохраняются в обществе по сей день и влияют на восприятие и поведение людей. Кроме того, индивидуальный жизненный опыт нельзя просто так интерпретировать заново. Рассказывать истории по новому образцу или подвергать сомнению абсолютно, по меркам прошлого, нормальные переживания сложно, если не невозможно. Особенно сложно это, если та база, на которой

происходит оценка прошлого, все еще является предметом споров. Несмотря на то что проблема подхода к трактовке социализма и выстраивания согласованной национальной истории касается постсоветских стран и стран Центральной и Восточной Европы, эта тема стала неотъемлемой частью дебатов и в Германии¹⁶.

Дискуссии об интерпретации гэдээровского прошлого проходят в Германии особенно активно; процессу воссоединения сопутствовали своевременные и действенные инициативы осмысления истории. Существование Ведомства по работе с архивами Штази, обеспечивающего доступ к тысячам документов Министерства госбезопасности, а также интенсивность дискуссий по поводу Ведомства носят беспрецедентный для Европы характер.

Закономерность данного явления можно увидеть при сравнении с предыдущими подходами к анализу немецкого прошлого. На протяжении всей истории Германии ее отношение к своему прошлому было особенно непростым. Эта черта связана с отсутствующим или угнетаемым национальным сознанием, а значит, связана со страхом за будущее, обусловленным отягощением эпохой национал-социализма, массовыми убийствами европейских евреев, что указывает на связь с вопросом вины¹⁷. Термин «преодоление прошлого» впервые возник в Федеративной Республике в связи с подходом к национал-социализму и преследованию евреев. Он охватывал исторические исследования, увековечивание памяти и работу со скорбью в попытке хотя бы «справиться» с этой тяжелой главой немецкой истории. После воссоединения эта модель была перенесена на ГДР, хотя и признавалось, что данный термин претендует на обозначение завершения работы над воспоминаниями, которое на самом деле невозможно¹⁸. Поэтому в отношении гэдээровского прошлого использовалось расхожее понятие «осмысление прошлого». Одновременно с этим прошлому был вынесен моральный приговор, который провозгласил ГДР «неправовым государством». Создание правительством Коля в 90-х годах Специальной комиссии для осмысления прошлого диктатуры СЕПГ точно отражало позицию правительства. Делая упор на диктаторском характере ГДР и используя подходы, применявши-

еся ко времени национал-социализма, официальная историография акцентировала внимание на режиме и оппозиции. Такой метод, в свою очередь, привел к дихотомизации образа ГДР, с жертвами по одну и преступниками по другую сторону. На сегодняшний день некоторые историки рассматривают такую подачу как несоответствующую действительности и вместо этого предлагает выдвинуть на первый план «зарегламентированную повседневную жизнь». Они поддерживают идею исторического рассмотрения гэдээровского общества, которое учло бы множественность трактовок и противоречивость гэдээровской жизни и ее общества¹⁹.

Сегодня термин «проработка прошлого» имеет на востоке Германии негативное значение. Как и «воссоединение через поглощение» ГДР Западной Германией, видится и «осмысление» — процесс, руководимый с Запада, который выносит суждения об индивидуальном и коллективном прошлом²⁰. Это мнение вкупе с опытом обесценивания культуры Восточной Германии и ее личных достижений в рамках процесса воссоединения, а также реальной потерей рабочих мест и радикальными переменами во всех сферах жизни привело в середине девяностых годов к ностальгии и своеобразному «бунтарскому самосознанию». «Остальгия» оспорила гегемонию Западной Германии и представила альтернативное понимание того, что называется «быть немцем»²¹. С западногерманской точки зрения это восточногерманское «самосознание противоречия» только осложняет процесс срастания двух частей Германии²². С середины девяностых годов, однако, бунтарское «самосознание „осси“» все больше уступает место еле уловимому ощущению «возвращения домой», что опять же допускает гибкую позицию по отношению к «другим» немцам²³. В иных случаях восточногерманское самосознание и ностальгия, пусть и в виде метафор, продолжают действительно существовать: например, в дискуссии экспертов в Берлине, а также в риторике участников процесса осмысления, которые и дальше видят в этом опасность для нее и национального самосознания.

Продвижение образа ГДР как «диктатуры СЕПГ» с трудом справляется с категоризацией людей, прежде всего потому, что оно частично направлено на тех, кто жил в то время,

но не находит отражения «своей ГДР» в осмыслении. Тем самым провозглашение «бунтарского самосознания» или «самосознания противоречия», которые часто связывают с положительными оценками гэдээровского прошлого, является лишь эмоциональной реакцией, опирающейся на собственную роль в современном обществе. Те, кого касаются данные категории, приравнивают свое прошлое к современной «политике самосознания». Антрополог Энтони Аппиа использует данное понятие для описания неоднозначной ситуации с социальными движениями, выступающими за права дискриминируемых групп²⁴. В определенные исторические моменты дискриминируемые общественные группы наделяют используемые в их отношении пейоративные понятия позитивными значениями с целью получить признание большей части общества. Аппиа упоминает в этой связи прежде всего движения негров и гомосексуалистов в США. Так, они по-новому использовали обозначения, данные им белым, гетеросексуальным обществом большинства: из Black (черный) появилась Black Power (власть черных), а геи и лесбиянки стали Gay Rights-Movement (движение за права геев). Это явление объясняет превращение в Германии «осси-брюзги» в «гордого осси» и «по образованию – гражданин ГДР» и объясняет реакцию, с которой при помощи риторического «заградительного вала» защищаются достижения ГДР. Далее Аппиа подчеркивает, что носители подобного общественного самосознания с трудом воспринимают этот аспект своего Я как нечто личное. В борьбе за признание они все еще воспринимаются другими участниками группы или остальным обществом как черные, геи (или восточные немцы), и от них ожидают определенного поведения или воззрений – неважно, негативных или позитивных. По мнению Аппиа, подобная ситуация создает трудности для индивидуального самосознания.

Политика прошлого в Федеративной Республике отражает и воспроизводит эти проблемы. Пока окончательная моральная оценка гэдээровского прошлого все еще находится в процессе формирования, восточные немцы вновь и вновь ощущают свое самосознание и жизненный опыт объектом политизации и пристального внимания общественности.

Личности, которые чувствуют себя предметом оценки или осуждения, реагируют проведением границы в области самосознания и политики. Таким образом, уже сама терминология «проработки диктатуры СЕПГ» создает ненужные барьеры и разделение на диктатуру и прекрасную повседневность, на Восток и Запад, а также создает разделение внутри восточногерманского общества на активных участников процесса осмысления и остальную ностальгирующую часть. Тем не менее политика самосознания и остальгия в Восточной Германии сегодня менее заметны, чем 15 лет назад. Означает ли это, что работа над воспоминаниями нормализовалась? И каким должен быть подход к гэдээровскому прошлому, чтобы восточные немцы нашли в нем место и для своей биографии?

Восточногерманский опыт в зеркале осмысления прошлого

Вопрос о современном подходе к гэдээровскому прошлому мы в похожей форме задали и нашим собеседникам в рамках проекта, осуществленного в 2007–2008 гг. Наши респонденты принадлежали к различным поколениям и придерживались разных политических воззрений²⁵. Некоторые из них были родом из прежней Федеративной Республики, большинство же проживали в ГДР. Большая часть опрошенных относилась к образованному среднему классу. Используя метод нарративного интервью²⁶, мы расспросили собеседников об их жизненном опыте и в конце каждого рассказа задавали дополнительные вопросы: среди прочего спрашивали о современном подходе к гэдээровскому прошлому. В дальнейшем мы будем опираться на ответы, данные на наши вопросы.

Интервью подтвердили тезис о влиянии опыта, приобретенного в настоящем, на воспоминания, которые, в свою очередь, постоянно пересматриваются и по-новому оцениваются. Не только сегодняшняя жизнь, но особенно опыт после падения Берлинской стены и в начале девяностых годов оказывают большое влияние. Здесь ответы на вопрос о современном подходе отражают сложность динамики коллективной работы над памятью и личным самосознанием. На первый взгляд, очевидны различия между оценками того, что

отдельная личность считает «достойным памяти», и текущей дискуссией об осмыслении. При более детальном рассмотрении, однако, можно заметить, что личные мнения и общественные дебаты в 2007 г. не так сильно расходятся. В ответ на наш вопрос мы услышали как частные суждения о подходе к прошлому, так и описания личных воспоминаний, которые нередко противопоставлялись официальной историографии о ГДР, но при этом не ставили под сомнение диктаторский характер этого государства. Кроме того, комментарии четко выявили сферу проблем, с которыми сталкивается современное осмысление: от серьезных конфликтов между Востоком и Западом и необходимостью работы над вопросами передачи знаний будущим поколениям до признания восточногерманской историографии. Ниже мы прокомментируем эти темы, опираясь на отрывки из интервью. Хотя короткие примеры и скудность в деталях противоречат принятой в антропологии практике, в данном случае они были необходимы, чтобы сохранить анонимность собеседников.

Для многих респондентов вопрос о подходе к гэдээровскому прошлому связан с критической ревизией настоящего. Имевшиеся тогда личные ожидания сравниваются сегодня с реальными обстоятельствами, которые влияют на восприятие прошлых событий. Так, собеседник С. начал свой рассказ с короткого вывода: «Я по ГДР слез не лил»²⁷. При этом, конечно, речь идет о ретроспективном взгляде, который, по мнению самого С., вытекает из его сегодняшних положительных жизненных обстоятельств: «У меня дела идут в нынешней Федеративной Республике лучше, чем в ГДР. Но есть столько же людей, которые уже десять лет как безработные, и они говорят: хочу обратно в ГДР. Это, как мне видится, мой взгляд с той позиции, в которой я сейчас нахожусь».

Размышления о своем личном положении он сравнивает с предполагаемыми мнениями тех, кто менее удачно пережил конец ГДР и воссоединение. С. считает, что реакция таких людей на жизнь в ГДР скорее позитивная, иногда доходящая даже до обобщения «мы хотим вернуть ГДР». Так, прошлое в данном случае сравнивается с настоящим. Как и собеседник С., многие из наших респондентов отмечают улучшение своих жизненных условий по сравнению с прошлым. Это, однако,

не означает, что они оценивают время ГДР негативно. Свобода использовать в своем рассказе различные оценки прошлого указывает на то, в какой степени и каким способом опрошенные чувствуют себя интегрированными в современное общество. Они не давали универсальных ответов на вопросы настоящего, они сравнивали и взвешивали. Нередко наши собеседники занимали при этом позицию стороннего наблюдателя и анализировали настоящее своих соотечественников объективно, исключая себя из анализа. Отказ от иллюзий, каждодневные трудности, создаваемые капиталистической реальностью, социальная незащищенность и прежде всего высокий уровень безработицы — эти аспекты затрагивались в каждом интервью.

Особо упоминались также проблемы взаимоотношений восточных и западных немцев, которые только усугубляли влияние экономических и социальных трудностей. Этот факт подтверждают, например, высказывания собеседника А. Он указывает на то, что сегодняшнее недовольство нужно рассматривать в контексте процесса воссоединения и сохраняющегося дисбаланса между Востоком и Западом, чем он и объясняет для себя упомянутое выше «бунтарское самосознание» восточных немцев. И хотя респондент подчеркивает некоторое смягчение подобной позиции в отношении политики и самосознания в последние годы, тем не менее выражает понимание такого подхода: «Могу сказать, что ГДР, прежде всего в первые годы, воспринималась с этакой язвительностью победителей. Но в какой-то момент такое отношение перестало срабатывать, и все переключилось на такой, знаете, фактор развлечения. Ой, а ты помнишь, тогда было *лечо* и складная палатка-прицеп *кемпинг-фикс* и тому подобное. Все эти дурацкие шоу. Но я думаю, что определенное осмысление сегодня имеет место, особенно что касается СМИ, которые я считаю вполне даже неплохими. Я имею в виду различные телевизионные передачи и прочее. Этот переход случился примерно два-три года назад, не раньше. Отношение ко всему стало более легкое и объективное».

С примирительным подтекстом респондент А. указывает на временное измерение процесса воссоединения. По его мнению, у немцев стало «больше дистанции» к этой теме.

Стало меньше эмоциональных всплесков, как в отношении ностальгических мнений, так и дискуссий о диктатуре. На смену таким всплескам пришла трезвая реакция — такой вывод делает собеседник. Другие респонденты, в свою очередь, не были в этом полностью уверены. Они указывали на сохраняющиеся проблемы в отношениях между восточными и западными немцами. Так, собеседница Х. вспоминает высокомерие жителей прежней Западной Германии, особенно в первые годы после воссоединения. Ее явно оборонительная позиция доказывает, что обиды сохранились до сих пор и даже продолжают существовать в настоящем: «Западные немцы и те, кто нас упрекал, должны были задуматься — а что бы было, если бы они были на нашем месте. Когда ты с детства в этой системе, она тебя окружает и влияет на тебя. Западные немцы стали бы точно такими же, точно так же бы развивались, как и мы».

Комментарий Х. указывает на сложности в понимании ее жизни. Ее жизненный путь, ее развитие, кажется, подвергаются сомнению западными немцами, уверенными в своей правоте. Опыт обесценивания связан с радикальной сменой ценностей, запущенной после воссоединения и предлагавшей альтернативный план жизни, отличающийся от привычного. И здесь становится очевидной связь между личной биографией и коллективной памятью. Собеседница Х. прямо указывает на это: «Мне очень не нравилось, что в первое десятилетие после падения Берлинской стены все стали вдруг осуждать. Не нравилось, что стали делить на черное и белое, и эта нетерпимость, когда ни с того ни с сего люди стали утверждать, что они-то всегда были настоящими борцами Сопротивления. Они выпячивали это мнение. В некоторых случаях они вообще не были никакими борцами, а просто так говорили или себя так позиционировали. Да, мне это тогда очень не нравилось».

Как подчеркивает собеседница, дискурс осмысления, опирающийся на историю диктатуры, создал атмосферу, в которой биографии жителей ГДР обесценивались, затирались и часто масштабно заново интерпретировались. Собеседница Х., как и респондент А., подтверждает, что сегодня появилась возможность для альтернативных интерпретаций.

Она сама и ее окружение с пониманием относятся к собственным действиям и реагируют менее оборонительно. Таким образом, собеседница тоже подчеркивает временное измерение работы над воспоминаниями и признает, что отношения между Западом и Востоком изменились.

В то время как эти отношения были на протяжении последних двадцати лет важной темой и еще долго ею останутся, на передний план, как показывают интервью, выходит вопрос коммуникации с будущими поколениями. Так, многие респонденты жалуются на недостаточную осведомленность и понимание того, «как оно тогда было». Собеседница Д. в своем интервью утверждает, что сегодняшняя молодежь не имеет никакого представления о повседневной жизни в ГДР: «Нельзя слепо исходить из общества потребления, в котором мы существуем, в котором выросли мои дети и где тот факт, что у нас есть и то и другое, воспринимается как данность. Я хочу этим сказать, что такая жизнь — это не нечто само собой разумеющееся».

Собеседница затрагивает в своем интервью тему ставшего очевидным непонимания последующими поколениями жизни в ГДР, потому что они выросли в достатке и без ограничений. Различные опыты социализации касаются прежде всего уровня потребления, считает собеседница, что непосредственно влияет на культурные ценности и нормы. Ценности, которые являлись в гэдээровское время частью восточногерманской культуры, сегодня если вообще и имеют какое-либо значение, то очень малое. Но знание тех повседневных мелочей, впоследствии породивших «у одних недовольство, а для других ставших предметом ностальгии», и есть ключ к пониманию тогдашнего общества, считает респондент. Кроме того, данное мнение объясняет, почему наша собеседница и многие другие граждане ГДР имеют в своем запасе не только интересные воспоминания, но и актуальные до сих пор положительные ценности, которые они могли бы передать будущим поколениям.

Многие респонденты указали на важность повседневного опыта для коллективной памяти. Одни выступали за биографическую передачу гэдээровского опыта на семейном и общественном уровне, другие отмечали значение свидетелей

времени, которые могли бы помочь исторической науке лучше понять ту эпоху. Последний тезис подчеркивает и наша собеседница: «И ведь даже не пытаются задействовать в этой работе тех, кто все это пережил на собственном опыте, чтобы объективно обо всем рассказать. Никто не спрашивает, как они пережили воссоединение. А ведь у каждого своя история, и каждый может рассказать о чем-то своем, что ему не нравилось или нравилось. Я думаю, из этого получилось бы хорошее сочетание. Но, как я уже говорила, почему-то восточных немцев, к сожалению, не берут для ведения таких официальных дискуссий».

Заключительный комментарий собеседницы проливает свет на сегодняшнюю область усилий по осмыслению и тем самым отражает властные отношения, которым отчасти подчиняется само осмысление, но которые прежде всего влияют на ее восприятие. Интервью содержат многочисленные указания на разногласия между восточногерманскими и западногерманскими экспертами и на различные горизонты их опыта. Респонденты не углублялись в вопросы о том, что же конкретно определяет гэдээровского эксперта или «правильного» свидетеля времени и означает ли биографическое происхождение автоматически другое толкование прошлого. Эту мысль подтверждает упоминание о непонимании со стороны будущих поколений и озабоченность в этой связи: большинство респондентов, конечно, желают формирования понимания истории ГДР, но с упором на повседневную жизнь. Сведение этой темы к Штази и притеснениям, имевшее место в первые годы осмысления, по мнению респондентов, часто мешает увидеть, что «там на самом деле тоже была жизнь». В данном случае повседневность не означает ностальгию, чего опасались некоторые эксперты — участники общественного слушания. Все собеседники признают в своих комментариях притесняющую сторону государства СЕПГ и считают передачу знаний о ней важной. Повседневная жизнь воспринимается многими как круг тем, которые представляют жизнь в ГДР в ее разнообразии и помогают людям вписаться в историю со своим личным опытом.

Некоторые высказали мнение, что слишком сильный акцент на притеснение приводит к обобщению исторической

картины, равно как и ностальгия, которой пугают историки и политики. По этому поводу свою озабоченность выразил и респондент Ф. Он указал, что любая фиксация на определенных символах, будь то ностальгических, связанных с осмыслением или каких-либо других, смещает фокус на доминирование в повседневной жизни идеологии и тем самым вносит вклад в деполитизацию того времени: «В любом случае [подход к прошлому] недостаточно глубок. Я имею в виду уже упомянутый мной феномен, когда все сводится к нескольким фрагментам. А с другой стороны, у нас есть странный культ и определенные символы ГДР. Но я вспоминаю, что ни одному нормальному подростку [в ГДР] не пришлось бы в голову в свободное время носить футболку с эмблемой Союза свободной немецкой молодежи, если он только не был обязан ее носить. Часто это бывало даже так — эта футболка валялась скомканная в сумке, и если мы знали, что после обеда в школе будет собрание Союза, как обычно раз в два-три месяца, то просто доставали эту мятую футболку, одевали, а поверх нее еще свитер или жилетку».

Этот комментарий показывает важность биографического опыта для настоящего. Он сознательно рисует без ностальгических чувств картину повседневности в ГДР, где вещь с эмблемой Союза молодежи была всего лишь «мятой футболкой», которую надевали только по необходимости. Именно такие личные воспоминания и рассказы о них, как критически заметил собеседник Ф., противодействуют деполитизации и незнанию того времени. В его комментарии затрагивается значение малых жестов и действий, которые совершали люди, чтобы в рамках зарегламентированной повседневной жизни не изменять себе. Как показал данный отрывок из интервью, рассказ о таких, казалось бы, банальных событиях может представить тогдашние навязанные обстоятельства в новом свете, и, надо отдать должное справедливой критике, сделает это гораздо эффективнее, чем концепции однопартийной диктатуры, в которой граждане были неспособны к действию и передавали все в руки правящего меньшинства, не проводя критической оценки.

Данный фрагмент поднимает вопрос об общей оценке ГДР: каким было это государство и его общество? Тот

факт, что на этот вопрос нет однозначного ответа, следует из публичных и частных дискуссий прошлых лет. Более важным кажется всем вместе допустить разнообразные трактовки гэдээровского прошлого, так как государство и общество тоже разнообразны. Эту мысль отражает в своем комментарии респондент И., который вновь ставит под сомнение вопрос о «единственно правильном подходе к гэдээровскому прошлому»: «Мне этот вопрос кажется сложным, поэтому я его немного избегаю. Той самой единственной ГДР-то не существует. Существует, ну я не знаю, система школьного питания в ГДР, существует политическое преследование в ГДР, существует Национальная народная армия в ГДР... ГДР — это большое социальное пространство, где есть много всего, что можно было бы изучать».

В центре внимания, по мнению И., должны прежде всего оказаться различия между гражданами ГДР. Позже он сформулировал то, что определило его собственную биографию и биографию его семьи, а также большей части граждан ГДР: не все беззаветно и преданно верили в ГДР, не каждый плыл по течению. Сам респондент был тогда молодым человеком в позиции изгоя и, как он узнал позднее, уже попал в поле зрения Штази. Если бы ГДР просуществовала дольше, его скорее всего в какой-то момент арестовали бы. Чтобы не выделяться, подчеркивает И., он, следуя совету своей матери, во многом «по-волчьи выл», участвовал во многих вещах, даже когда они ему не нравились. Приведенное И. описание ГДР как «большого социального пространства», рассказ о системе школьного питания в качестве позитивного аспекта и одновременное упоминание политических преследований создают многогранную картину, отражающую противоречия гэдээровского общества.

В интервью, конечно же, поднимался и вопрос достижений ГДР, часто сопровождавшийся добавлением: «Не все было только плохо». Но трактовать это однобоко как проявление ностальгии, которая отвергает критическое осмысление социалистического госаппарата, значит не учитывать другие, важные параметры. Как уже было сказано выше, истории из жизни не должны содержать противоречий, так как они являют собой выражение самосознания рассказываю-

щего и должны разумно и логично представлять его жизнь. Респонденты, не только в рамках отдельных высказываний, но многократно в ходе интервью, повторяли мысль о решениях отдельного человека и ценного для их личного развития опыта. Процесс воссоединения же практически полностью обесценил гэдээровский опыт, путь становления и культуры. В рамках историй о личном опыте это приводит к тому, что многие пытаются вернуть своей тогдашней жизни ценность, часто используя при этом оборонительный подтекст, как в случае собеседницы Л.: «В ГДР не всё было плохо. Было много и хорошего. «Песочного человечка» (детская программа, аналогична «Спокойной ночи, малыши». — *Перев.*) до сих пор показывают, например, и это очень хорошая передача. Много детских передач были хорошего качества, как и само телевидение. И это все больше превозносят, что мне тоже не нравится. Я считаю, что наш Федеральный Президент Кёлер недавно правильно сказал. Он ведь только сейчас снова заговорил на эту тему. Он сказал: конечно, речь идет об уважении биографий и жизненного опыта граждан ГДР. Но нельзя же забывать и другую сторону. Это была диктатура, и об этом нельзя забывать».

Принижение личных жизненных достижений вкупе с обесцениванием ГДР провоцируют оборонительную реакцию, создают эдакий «щит» из риторических высказываний, указывающих на гэдээровское самосознание или остальгию. Комментарий собеседницы Л. демонстрирует, что такая реакция не распространяется на весь образ гэдээровского прошлого. Она признает «достижения», но не упускает из виду и диктатуру и таким образом охватывает своей позицией всю сложность истории ГДР и продолжающегося процесса воссоединения. Отсылка к высказыванию Федерального Президента показывает, что собеседница связывает свою личную оценку с официальной версией историографии. То же самое касалось и таких тем, как «солидарная ГДР», «социально-политические меры», «эмансипация женщин» или «детские ясли в ГДР». Эти темы тоже всплывали в рассказах и каждый раз сопровождалась критическими комментариями. Личный позитивный опыт вместе с выгодными кредитами, освобождениями от кредитных обязательств или государственной

поддержкой при уходе за детьми, которая позволяла развиваться в карьерном плане, особенно часто помещались на чашу весов респондентами-женщинами. Даже если некоторые из них с ностальгией вспоминали об этих мерах как о поддержке со стороны государства, многие тем не менее понимали сопутствовавшие таким инициативам обстоятельства. Они вновь и вновь указывали на такие аспекты, как дефицит жилплощади, недостаточное снабжение потребительскими товарами и тем самым создавали в определенной степени объективную картину.

Если оценки жизненного пути и наблюдения за личным опытом необязательно определяются только ностальгическими образами, то возникает вопрос: не может ли личный опыт повседневной жизни внести свой вклад в официальную трактовку истории. Респонденты, признавая тот факт, что госконтроль касался не всех аспектов жизни («там ведь тоже была жизнь»), указывают на серые зоны гдээровского общества. Так, и те, кого почти не затронули репрессии, и те, кто противопоставлял себя государству и подвергался гонениям, каждый раз убеждали нас, что у всех были и положительные воспоминания. Однако у многих складывалось ощущение, что официальное осмысление упускало этот простой факт частной жизни и счастья, абсолютизировало диктатуру и тем самым не могло охватить тонкие оттенки господства, сопротивления и просто «жизни». Эта оборотная сторона современного авторитарного дискурса о гдээровском прошлом опять-таки имела последствия для самосознания, как следует из приведенного ниже интервью. Респондент Н. активно возразил на утверждение, что граждане ГДР жили в закрытой системе террора и контроля. В интервью он взвешивал свои слова и открыто критиковал интересы, которые, по его мнению, стоят за огульной историографией: «Да, очень много говорят о том, каким неправовым государством была ГДР. Это абсолютизация. Конечно, это государство не было справедливым, это правда. Но вся дискуссия движется как раз в этом направлении. Но при этом не ценится, *недостаточно* ценится, что люди в этой системе как-то должны были выживать, что они работали, были добропорядочны, что у них были семьи, была повседневная жизнь, на которую

эта система влияла. <...> И ведь видно, вот она повседневная жизнь, и в ней люди каждый день сталкивались с системой. Да, мне кажется, для такого осознания очень мало делается. Пропаганда чересчур напирает на одно: это было неправовое государство, оно деформировало людей, и тот, кто там вырос, останется деформированным до конца своих дней. И он уже, конечно, никуда не годится».

Вывод респондента рисует невозможный сценарий. Конечно, граждане Восточной Германии «нужны» объединенной Германии. И тем не менее многие сегодня находятся в ситуации, когда образование, карьера и в принципе гэдээровский опыт не имеют никакой ценности, хоть и являются базовыми составляющими собственного Я. Отрывок из интервью, приведенный выше, заставляет с прискорбием признать, что индивидуальный опыт неотделим от официальной трактовки. Данный пример показывает: воспоминания о ГДР — личные и коллективные — затрагивают проблемы дискурса осмысления, всех пугающей остальгии и связанной с ними болезненной реакции в отношениях между Востоком и Западом. Сильные позиции официального дискурса усложняют восприятие личных воспоминаний как частных аспектов самосознания. Напротив, биография конкретного человека, кажется, вновь и вновь должна обороняться от невысказанных упреков. Эту проблематику затрагивает и комментарий респондента О., который мы приводим в заключение. Из высказывания респондента следует, что ему недостает возможности выразить через свое прошлое не официальную, а просто сентиментальную позицию, связь со своей родиной. «Гэдээровское прошлое сегодня, по сути, вытесняется. Есть отдельные аспекты, которые время от времени выходят на первый план, например критическое осмысление Штази и тому подобное. Но такие моменты, как жизненные достижения отдельного гражданина ГДР или пресловутое чувство родины, которое в ГДР тоже было, такие моменты просто вытесняются. Я не фанат ностальгии и подобных проявлений. Не все было там замечательно, если не сказать было дрянь. Но мы жили в ГДР, мы были счастливы, и, конечно, у нас не было того благосостояния, что имели наши братья и сестры на Западе. Но мы и не ходили там целыми днями повесив нос».

Респондент О. прожил в ГДР большую часть своей жизни и выступает за включение в дискурс нового аспекта, а именно аспекта родины. Этим он открывает новую тему для дискуссии о том, чем же была ГДР. Не только его комментарий, но и высказывания других респондентов показывают, что многим бывшим гражданам ГДР не хватает возможности для выражения своих сентиментальных чувств к тогдашней жизни, которые необязательно являются ностальгией, а скорее основанным на жизненном опыте ощущении Восточной Германии как родины. В дихотомии преступники/диктатура – жертва этой тонкой эмоциональной стороне почти не находится места.

Выводы

Выдержки из интервью доказывают колоссальную сложность работы над воспоминаниями в ситуации, когда государства больше не существует, а его бывшие граждане, напротив, продолжают существовать. В Восточной Германии люди и сегодня критически осмысливают коллективную память о гдээрловском прошлом, при этом с увеличением временного разрыва перспектива взгляда подвергается ревизии и изменению. Интервью показывают, что восприятие официальной историографии зависит не только от воспоминаний о собственной жизни, но и от опыта первых лет после воссоединения, от восприятия властных структур, которым подчиняется официальная историография, и связанного с этим ощущением собственного положения в сегодняшнем обществе.

Большая часть высказанной в интервью критики современного подхода к гдээрловскому прошлому опирается на то, как проводится осмысление, и ее упор на аспект диктатуры тогдашнего государства. Большинство респондентов выступали за такую трактовку прошлого, которая оставила бы место для повседневной жизни, и они смогли бы найти в ней свое отражение, зная, что эта трактовка допускает определенные сентиментальные чувства в отношении жизни в ГДР. Мы считаем, что подобная трактовка позволит людям в своих биографиях затронуть темы господства, контроля и «сопротивления в малом», позволит вывести их на дискуссию

и при этом наверняка не упустит из виду и такие аспекты, как приспособленчество, гражданское мужество и демократические устремления, в поддержку которых выступают и авторы концепции мемориалов. До сегодняшнего дня осмысление политизировало память и тем самым не давало людям возможности глубже анализировать свои воспоминания, не чувствуя себя при этом загнанными в оборонительную роль. Как пишет Аппиа, борьба за признание, которая отчасти наблюдается и в Восточной Германии, не оставляет места размышлениям отдельного человека о различных трактовках прошлого для себя самого и для общества в целом. Различные ученые отмечали, что такие плюралистические общества, как Германия, могли бы найти подход к различным трактовкам прошлого²⁸. Эту мысль преследует и наш проект. Конечно же, необходимо подчеркнуть, что при этом не говорится о принятии любых, огульно обобщающих дискурсов.

«Нормализация» воспоминаний о ГДР означала бы эмоциональную разрядку в дискуссиях и дебатах и привела бы к деполитизации, что отмечали многие респонденты. Образ ГДР, получившийся в результате, был бы многогранным и многозначным. В нем нашлось бы место подчас смешанным и амбивалентным жизненным переживаниям граждан ГДР. Такой образ послужил бы и национальной памяти объединенной Германии, не усиливая при этом внутригерманскую границу. В конце общественного слушания в Берлине Мартин Забров заметил, что ему хотелось бы, чтобы «осмысление было позитивным». «Лучшее оружие против диктатуры – это ирония и юмор», – сказал историк. Мы уверены, что большинство наших собеседников согласились бы с этим.

ОБ АВТОРАХ*

Ютта Браун, родилась в 1967 г., доктор философии, историк, с 1999 г. руководитель проекта современной истории спорта в университете Потсдама. Публикации по теме политической юстиции в Советской зоне оккупации и в ГДР, по проблемам спорта при национал-социализме, а также в послевоенной Германии.

Гунилла Будде, родилась в 1960 г., историк и германист; профессор немецкой и европейской истории XIX–XX вв. в университете имени Карла фон Осецкого в Ольденбурге. Публикации, в том числе: «Женщины как часть интеллигенции. Студентки в ГДР, 1945–1975 гг.», Гёттинген, 2003; в соавторстве с Марейкой Витковски: «Бетховен под знаком свастики. Ольденбургский государственный оркестр во времена национал-социализма», Ольденбург, 2007; «Расцвет бюргерства», Дармштадт, 2009.

Герман Венткер, родился в 1959 г., доктор философии, внештатный профессор Лейпцигского университета, историк; с 1998 г. руководитель берлинского отдела Института современной истории. Публикации по истории британской внешней политики в XIX столетии и по истории СОЗ/ГДР. Публикации, в том числе: «История кризисов реального социализма» (совместно с Х. Биспинком, Й. Даниэлем, Х.-Х. Хертле), Берлин, 2004; «Внешняя политика в узких границах. ГДР в системе международных отношений», Мюнхен, 2007; «Две Германии. 40 лет конкуренции между двумя системами» (вместе с У. Венгстом), Берлин, 2008.

Анзельма Галлинат, родилась в 1977 г., учеба в университете имени Георга-Августа в Гёттингене, с 1999 г. учеба в Даремском университете (Великобритания), там же завершение обучения и защита докторской диссертации по

---

* Пер. с нем. Игоря Шматова.

социальной антропологии на тему «Negotiating Culture and Belonging in eastern Germany: The case of the Jugendweihe»; с 2005 г. доцент на кафедре социологии в университете Ньюкасла (Великобритания). Публикация, в том числе: «The ethnographic into ethnography» (в соавторстве с П. Коллинз); «Difficult Stories: Public Discourse and Narrative Identity in Eastern Germany», в «Ethos» 71 (12), 2006.

Томас Гроссбёльтинг, родился в 1969 г., изучал Новейшую историю, католическую теологию и германистику в университетах Кёльна, Бонна, Мюнстера и Рима; 2005–2007 гг. — руководитель отдела образования и исследований в аппарате федерального уполномоченного по изучению архивов Штази; 2007 г. — профессор истории Нового времени в университете Магдебурга; 2008 г. — профессор на кафедре германистики университета Торонто, приглашенный профессор в центре международных исследований Мунка; 2009 г. — профессор Новой и Новейшей истории в университете Мюнстера. Публикации, в том числе: «Прошлое в настоящем. Об осмыслении опыта диктатуры на Востоке и Западе Европы» (совместно с Дирком Хоффманом), Гёттинген, 2006; «В царстве труда. Отражение общественных порядков на промышленных выставках 1790–1913 гг.», Мюнстер, 2008; «Коммунизм в кризисе. Десталинизация 1956 г. и ее последствия» (совместно с Роджером Энгельманом и Германом Венткером), Гёттинген, 2008.

Райнер Карлш, родился в 1957 г., профессор, историк-экономист и публицист; с 2008 г. участник исследовательского проекта на кафедре экономической и социальной истории технического университета в Хемнице. Автор книг по истории экономики и предпринимательства XIX–XX столетий и по истории СОЗ/ГДР, в том числе: «Единственно уплатившие? Ремонтные платежи СОЗ/ГДР 1945–1953 гг.», Берлин, 1993; «Урановая тайна. Рудные горы в фокусе мировой политики 1933–1960 гг.», Берлин, 2002 (совместно с Збынеком Земаном); «Уран для Москвы. Висмут — популярная история», Берлин, 2007.

Сабине Киттель, изучала социологию в социологическом институте Свободного университета в Берлине, там же

защитила докторскую диссертацию; ассистент-исследователь в университете в городе Ньюкасл-апон-Тайн в рамках проекта «The socialist past today. The German Democratic Republic in private, public and institutional discourses». Публикации, в том числе: «Операция “Белые автобусы”». История и подоплека операции по спасению еврейских узников шведским Красным Крестом» в книге Ирит Кгнебель (издатель) «Картины холокоста: еврейские женщины и дети в концентрационном лагере Равенсбрюк», Берлин, 2009; «Освобождение — выживание — свобода. Рассказы об освобождении» в той же книге; «Places for the Displaced»: биографические примеры преодоления тяжелых воспоминаний бывшими еврейскими женщинами-узницами, выжившими в концентрационных лагерях, в США», Хильдесхайм, 2006.

Кристоф Клесман, родился в 1938 г., профессор современной истории, с 1996 по 2004 г. директор исследовательского центра современной истории в Потсдаме. Основные направления научной работы: немецкая и польская история XX столетия. Публикации, в том числе: «Немецкое прошлое — общий вызов» (совместно с Х. Миссельвитцем и Г. Вихертом), 1999, «Рабочие в «государстве рабочих», Бонн, 2007.

Вольфганг Ламбрехт, родился в 1973 г., изучал историю и французский язык в университете Гейдельберга; в 2007 г. защитил докторскую диссертацию. Публикации, в том числе: «Между идеологией и прагматизмом — III реформа высшей школы (1965—1971) на примере высшей технической школы Карл-Маркс-Штадта», Мюнстер, 2007; «“Большая реформа высшей школы” — когда-то это уже было? О постоянном возвращении всецело инновационных “Больших скачков» в немецкой политике высшей школы”», в «Deutschland Archiv» 41 (2008) 1.

Кристоф Линкс, родился в 1954 г., изучал философию и латиноамериканистику в Берлине и Лейпциге; 1980—1986 гг. — редактор отдела Латинской Америки в газете «Берлинер Цайтунг»; 1986—1989 гг. — ассистент в руководстве издательства Aufbau-Verlag; осенью 1989 г. — участие в создании одного из первых новых частных издательств в ГДР; 2008 г. — защита

докторской диссертации; работа в качестве издателя и публициста; публикации, в том числе: «Мимо цели. Немецкое единство – промежуточные итоги» (совместно с Ханнесом Барманом), Берлин, 2005.

Марк-Дитрих Озе, родился в 1966 г., доктор философских наук, историк; с 2003 г. – ответственный редактор журнала «Deutschland Archiv. Zeitschrift für das vereinte Deutschland». Публикации по истории молодежи, церкви, оппозиции и диссидентства в ГДР. Публикации, в том числе: «Молодежь после постройки Берлинской стены. Приспособление, протест и своеволие (ГДР 1961–1974)», Берлин, 2003.

Патрис Г. Потрус, родился в 1961 г., доктор философии, 1996–1999 гг. и 2001–2006 гг. – научный сотрудник исследовательского центра современной истории в Потсдаме; 2000 г. – защита докторской диссертации; с 2007 г. – исследователь в международном проекте по изучению проблем труда в фонде «Воспоминания, ответственность и будущее» (куратор проекта – кафедра современной истории Рурского университета в Бохуме. Публикации по истории ГДР и истории миграции, в том числе: «Прибытие–будни–отъезд. Миграция и межкультурные связи в обществе ГДР» (совместно с Кристианом Т. Мюллером), Кёльн, 2005.

Маттиас Рогг, родился в 1963 г., изучал Новую и Новейшую историю, историю Средних веков и историю искусства; 1998 г. – защита докторской диссертации; профессиональный военный; в настоящее время сотрудник штаба планирования федерального министерства обороны; 2008 г. – получение должности доцента. Публикации: «Ландскнехты и наемники: изображения солдат в искусстве XVI столетия», Падерборн, 2002; «Война и военные в кино XX столетия» (совместно с Бернхардом Кьяри и Вольфгангом Шмидтом), Мюнхен, 2003; «Армия народа? Военные и общество в ГДР», Берлин, 2009.

Штефан Хаас, родился в 1962 г., изучал историю Средних веков и Новую историю, философию, музыковедение и германистику в Майнце и Мюнстере; в 2005 г. профессор университета Торонто (Канада) и руководитель канадского

бюро германской службы академических обменов; с 2008 г. руководитель кафедры теории и методов исторической науки в университете Гёттингена; постоянный участник проектов по изучению вопросов практической реализации жилищной политики в ГДР и истории культуры и коммуникации ноябрьской революции 1918 г. Публикации по теории истории и науки, истории культуры, истории управления.

Дирк Хоффман, родился в 1963 г., изучал Новую и Новейшую историю, историю Восточной Европы и экономику в университете Людвиг-Максимилиана в Мюнхене; в 1994 г. защитил докторскую диссертацию; с 1994 г. — научный сотрудник Института современной истории Мюнхен—Берлин, берлинский филиал; внештатный преподаватель в университете Гумбольдта в Берлине. Публикации, в том числе: «Создание и кризис плановой экономики, Управление рынком труда в СОЗ/ГДР в 1945—1963 гг.», Мюнхен, 2002; «ГДР в эпоху Ульбрихта. Насильственная перестройка и несостоявшаяся модернизация», Цюрих, 2003; «Отто Гротеволь (1894—1964). Политическая биография», Мюнхен, 2009.

Рюдигер Шмидт, родился в 1956 г., доктор философии, изучал историю, социологию и политологию. Научный сотрудник института истории университета Отто фон Герике в Магдебурге.

КОММЕНТАРИИ

Томас Гроссбёльтинг

ЛЕГЕНДЫ ГДР В КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ И В НАУКЕ

- 1 Ernst Richert: Das Zweite Deutschland – Ein Staat, der nicht sein darf, Gütersloh 1964.
- 2 Telegramm vom 13.10.1949, zit. nach Ilse Spittmann; Gisela Helwig (Hg.): DDR-Lesebuch. Von der SBZ zur DDR 1945–1949, Köln 1989, S. 266.
- 3 Zit. nach Bernd Faulenbach: Nur eine «Fußnote der Weltgeschichte»? Die DDR im Kontext der Geschichte des 20. Jahrhunderts, in: Bilanz und Perspektiven der DDR-Forschung. Hg. von Rainer Eppelmann, Bernd Faulenbach, Ulrich Mählert im Auftrag der Stiftung Aufarbeitung, Paderborn 2003, S. 1–26.
- 4 Vgl. www.ostel.eu (25. 6. 2009).
- 5 Vgl. die auch mit Blick auf die DDR-Aufarbeitung helllichtige Analyse der Rezeption des Buches von Daniel J. Goldhagen bei Peter Weingart: Die Stunde der Wahrheit? Zum Verhältnis der Wissenschaft zu Politik, Wirtschaft und Medien in der Wissensgesellschaft, Weilerswist 2001.
- 6 Vgl. zur Kritik an der skizzierten Vorgehensweise Bodo von Borries: Vergleichendes Gutachten zu zwei empirischen Studien über Kenntnisse und Einstellungen von Jugendlichen zur DDR-Geschichte, Hamburg 2008, http://www.berlin.de/sen/bildung/politische_bildung/ (15. 7. 2008).
- 7 Vgl. v. a. aus literaturwissenschaftlicher Perspektive Eva Banchelli: Ostalgie: eine vorläufige Bilanz, in: Fabrizio Cambi (Hg.): Gedächtnis und Identität. Die deutsche Literatur der Wiedervereinigung, Würzburg 2008, S. 57–68.
- 8 James McAdams: Judging the past in Unified Germany, Cambridge 2001, S. 9.
- 9 Vgl. ebd.; Jennifer A. Yoder: From East Germans to Germans? The New Postcommunist Elites, Duke University Press, 1999; Anne S'adah: Germany's Second Chance. Truth, Justice and Democratization, Cambridge 1998; Paul Cooke: Representing East Germany Since Unification: From Colonization to Nostalgia, London 2005, u.v.m.

- 10 Andrew H. Beattie: Learning from the Germans? History and Memory in German and European Discourses of Integration, in: PORTAL-Journal of Multidisciplinary International Studies 4(2007) 2, S. 18. [http://epress.lib.uts.edu.au / ojs / index.php / portal](http://epress.lib.uts.edu.au/ojs/index.php/portal) (25. 6. 2009).
- 11 Andrew H. Beattie: Playing Politics with History. The Bundestag Inquiries into East Germany, New York 2008, S. 233.
- 12 Jennifer A. Yoder: Truth without Reconciliation in Post-Communist Germany: An Appraisal of the Enquete Commission on the SED Dictatorship in Germany, in: German Politics 8(1999) 3, S. 59–80.
- 13 Lutz Niethammer: Methodische Überlegungen zur deutschen Nachkriegsgeschichte. Doppelgeschichte, Nationalgeschichte oder asymmetrisch verflochtene Parallelgeschichte?, in: Christoph Kleßmann; Hans Misselwitz; Günter Wichert (Hg.): Deutsche Vergangenheiten – eine gemeinsame Herausforderung. Der schwierige Umgang mit der doppelten Nachkriegsgeschichte, Berlin 1999, S. 307–327, hier 311f.
- 14 Vgl. dazu die exzellente Studie von Andreas Glaeser: Divided in Unity. Identity, Germany and the Berlin Police, Chicago 2000.
- 15 Vgl. neben vielen anderen John S. Brady; Sarah Elise Wiliarty: How Culture matters, in: German Politics & Society, (20) 2002, S. 4.
- 16 Mary Fulbrook: Ein ganz normales Leben. Alltag und Gesellschaft in der DDR, Darmstadt 2008, S. 309f.
- 17 Ebd. v
- 18 Ebd., S. 17.
- 19 Ebd., S. 314.
- 20 Vgl. dazu die Überlegungen von Saskia Handro: 1989 und wir. Geschichtsdidaktische Reflexionen, in: Geschichte für heute. Zeitschrift für historisch-politische Bildung 2(2009) 2, S. 5–14, hier 13.

Райнер Капли

«НА МИРОВОМ УРОВНЕ»

- 1 Vgl. Sönke Friedreich: Autos bauen im Sozialismus. Arbeit und Organisationsstruktur in der Zwickauer Automobilindustrie nach 1945, Leipzig 2008, S. 530ff.
- 2 Vgl. Sönke Friedreich: Autos bauen im Sozialismus. Arbeit und Organisationsstruktur in der Zwickauer Automobilindustrie nach 1945, Leipzig 2008, S. 530ff.

- 3 Vgl. Rainer Karlsch; Raymond G. Stokes: Faktor Öl. Geschichte der Mineralölwirtschaft in Deutschland 1859–1974, München 2003, S. 171ff.
- 4 Vgl. Edgar Fischer: Tradition und High-Chem. Eine chlorreiche Geschichte im Raum Bitterfeld-Wolfen, Leipzig 2005.
- 5 Vgl. Raymond G. Stokes: Von Trabbis und Acetylen – die Technikentwicklung, in: Andre Steiner (Hg.): Überholen ohne einzuholen. Die DDR-Wirtschaft als Fußnote in der deutschen Geschichte?, Berlin 2006, S. 107.
- 6 Vgl. Johannes Bähr: Die Firmenabwanderung aus der SBZ/ DDRund aus Berlin-Ost (1945–1953), in: Wolfram Fischer; Uwe Müller; Frank Zschaler (Hg.): Wirtschaft im Umbruch, St. Katharinen 1997, S. 229–249; Peter Hefe: Die Verlagerung von Industrie- und Dienstleistungsunternehmen aus der SBZ/ DDRnach Westdeutschland unter besonderer Berücksichtigung Bayerns (1945–1961), Beiträge zur Unternehmensgeschichte Bd. 4, Stuttgart 1998.
- 7 Vgl. Wolfgang Mühlfriedel; Edith Hellmuth: Carl Zeiss in Jena 1945–1990, Köln u. a. 2004.
- 8 Vgl. Rainer Karlsch; Jochen Laufer (Hg.): Sowjetische Demontagen in Deutschland 1944–1949. Hintergründe, Ziele und Wirkungen, Berlin 2002.
- 9 Vgl. Rainer Karlsch: Allein bezahlt? Die Reparationsleistungen der SBZ/ DDR 1945–53, Berlin 1993, S. 232ff.
- 10 Vgl. insbesondere Albrecht Ritschl: Aufstieg und Niedergang der Wirtschaft der DDR: Ein Zahlenbild 1945–1989, in: Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte 1995, Heft 2, S. 11–46; Hans-Jürgen Wagener: Zur Innovationsschwäche der DDR-Wirtschaft, in: Johannes Bähr; Dietmar Petzina (Hg.): Innovationsverhalten und Entscheidungsstrukturen. Vergleichende Studien zur wirtschaftlichen Entwicklung im geteilten Deutschland 1945–1990, Berlin 1996. S. 21–48(im Folgenden Bähr / Petzina: Innovationsverhalten); Oskar Schwarzer: Sozialistische Zentralplanwirtschaft in der SBZ/ DDR. Ergebnisse eines ordnungspolitischen Experiments (1945–1989), Stuttgart 1999; Jeffrey Kopstein: The Politics of Economic Decline in East Germany, Chapel Hill, London 1997; Andre Steiner: Von Plan zu Plan. Eine Wirtschaftsgeschichte der DDR, München 2004(im Folgenden Steiner: Von Plan zu Plan).
- 11 Vgl. Jaap Sleifer: Planning Ahead and Falling Behind. The East German Economy in Comparison with West Germany 1936–2002. Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte, Beiheft 8, Akademie Verlag, Berlin 2006, S. 69ff.

- 12 Vgl. Christoph Buchheim: Die Wirtschaftsordnung als Barriere des gesamtwirtschaftlichen Wachstums in der DDR, in: Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte, 82, 1995, S. 194–210; ders.: Kriegsfolgen und Wirtschaftswachstum in der SBZ/ DDR, in: Geschichte und Gesellschaft 25, 1999, S. 515–529; Hans-Jürgen Wagener: Zur Innovationsschwäche der DDR-Wirtschaft, in: Bähr / Petzina: Innovationsverhalten, S. 21–48; Harry Nick: Zu den Ursachen für das Scheitern des sowjetischen Wirtschaftsmodells, in: Camilla Warnke; Gerhard Huber (Hg.): Kritik der deutsch-deutschen Ökonomie. Konzeptionen, Positionen und Methoden wirtschaftswissenschaftlicher Forschung in Ost und West, Berlin 1995.
- 13 Vgl. Jörg Roesler: Alles nur systembedingt? Die Wirtschaftshistoriker auf der Suche nach den Ursachen der Wirtschaftsschwäche der DDR, in: Heiner Timmermann (Hg.): Die DDR–Politik und Ideologie als Instrument, Berlin 1999, S. 213–232.
- 14 Vgl. Wilma Merkel; Stefanie Wahl: Das geplünderte Deutschland. Die wirtschaftliche Entwicklung im östlichen Teil Deutschlands von 1949 bis 1989, Bonn 1991; Bart van Ark: The Manufacturing Sector in East Germany. A Reassessment of Comparative Productivity Performance 1950–1988, in: Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte 1995, Teil 2, S. 75–100; Jaap Sleifer: Planning Ahead and Falling Behind.
- 15 Vgl. Gerd R. Hackenberg: Wirtschaftlicher Wiederaufbau in Sachsen 1945–1949/ 50, Köln, Weimar, Wien 2000.
- 16 Vgl. Rainer Karlsch: Umfang und Struktur der Reparationslieferungen aus der SBZ/ DDR 1945–1953. Stand und Probleme der Forschung, in: Christoph Buchheim (Hg.): Wirtschaftliche Folgelasten des Zweiten Weltkrieges in der SBZ/ DDR, Baden-Baden 1995.
- 17 Vgl. Rainer Karlsch; Harm Schröter (Hg.): «Strahlende Vergangenheit». Studien zur Geschichte der Wismut, St. Katharinen 1996; Rainer Karlsch: Uran für Moskau. Die Wismut – eine populäre Geschichte, Berlin 2007.
- 18 Die Technikgeschichte der Wismut AG bzw. SDAGWismut ist umfangreich in der Chronik der Wismut (1999, siehe Homepage der Wismut GmbH) nachzulesen.
- 19 Vgl. Kathrin Möller: Wunder an der Warnow. Zum Aufbau der Warnowwerft und ihrer Belegschaft in Rostock-Warnemünde (1945 bis 1961), Bremen 1998.
- 20 Vgl. Dietrich Strobel; Günter Dame: Schiffbau zwischen Elbe und Oder, Herford 1993, S. 111.

- 21 Vgl. Helga Schultz: Die sozialistische Industrialisierung – toter Hund oder Erkenntnismittel? [Diskussion], in: Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte (JWG) 1999/ 2, S. 105–113; Hans-Ulrich Wehler: Deutsche Gesellschaftsgeschichte 1949–1990, München 2008, S. 92.
- 22 Vgl. Horst Barthel: Die wirtschaftlichen Ausgangsbedingungen der DDR, Berlin 1978.
- 23 Vgl. Jörg Roesler: «Eisen für den Frieden». Das Eisenhüttenkombinat Ost in der Wirtschaft der DDR, in: Aufbau West – Aufbau Ost. Die Planstädte Wolfsburg und Eisenhüttenstadt in der Nachkriegszeit, Berlin 1997 (im Folgenden Roesler: «Eisen für den Frieden»).
- 24 Vgl. Jochen Czerny: Der Aufbau des Eisenhüttenkombinats Ost 1950/ 51, Dissertation A, Universität Jena 1970; Helmut Wienert: Die Stahlindustrie in der DDR, Berlin 1992; Helmut Kinne: Beitrag zur Geschichte der Eisen- und Stahlindustrie der DDR. Bandstahlkombinat Eisenhüttenstadt, im Auftrag des Verbandes Deutscher Eisenhüttenleute (Düsseldorf), Berlin 1995; Roesler: «Eisen für den Frieden»; Stefan Unger: Eisen und Stahl für den Sozialismus. Modernisierungs und Innovationsstrategien der Schwarzmetallurgie in der DDR von 1949 bis 1971, Berlin 2000.
- 25 Vgl. Dorothee Kohler: Der Stahlstandort Eisenhüttenstadt: ein «sozialistisches» Fossil-Mer?, in: Comparativ, Heft 3/ 1999.
- 26 Vgl. Stefan Unger: Innovationsprobleme in der Schwarzmetallurgie der DDR: Die Einführung des Stranggießens, in: Lothar Baar; Dietmar Petzina (Hg.): Deutsch-Deutsche Wirtschaft 1945 bis 1990. Strukturveränderungen, Innovationen und regionaler Wandel. Ein Vergleich, St. Katharinen, 1999, S. 224f. (im Folgenden Baar / Petzina: Deutsch-Deutsche Wirtschaft).
- 27 Vgl. ESPAG. Geschichte eines Unternehmens. Vom Gaskombinat zur Aktiengesellschaft, Bautzen 1993.
- 28 Vgl. Steiner: Von Plan zu Plan, S. 88.
- 29 Vgl. Protokoll der 3. Parteikonferenz der SED 1956, Berlin 1956, S. 281.
- 30 Vgl. Burghard Ciesla: Die Transferfalle: Zum DDR-Flugzeugbau in den fünfziger Jahren, in: Dieter Hoffmann; Kristie Macrakis (Hg.): Naturwissenschaft und Technik in der DDR, Berlin 1997, S. 194f. (im Folgenden Hoffmann / Macrakis: Naturwissenschaft).
- 31 Vgl. Hans-Liudger Dienel: «Das wahre Wirtschaftswunder» – Flugzeugproduktion, Fluggesellschaften und innerdeutscher Flugverkehr im West-Ost-Vergleich 1955–1980, in: Bähr / Petzina: Innovationsverhalten, S. 341–370.

- 32 Vgl. Gerhard Barkleit; Heinz Hartlepp: Zur Geschichte der Luftfahrtindustrie der DDR 1952–1961, Dresden 1995; Hans-Liudger Dienel: Der Neuaufbau der zivilen Luftfahrt im deutsch-deutschen Vergleich, in: Technikgeschichte 63(1996), S. 285–301.
- 33 Vgl. Rainer Karlsch: Der Traum vom Öl – zu den Hintergründen der Erdölsuche in der DDR. Vierteljahrsschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte, 80(1993), S. 63–87.
- 34 BArch, Berlin-Lichterfelde, SAPMO, IV 2/ 603/ 74.
- 35 Vgl. Harm Schröter: Ölkrisen und Reaktionen in der chemischen Industrie beider deutscher Staaten, Freiburger Arbeitspapiere Nr. 12, Freiberg 1995, S. 8.
- 36 Vgl. Dolores L. Augustine: Red Prometheus. Engineering and Dictatorship in East Germany 1945–1990, Cambridge / London 2007, S. 115ff. (im Folgenden Augustine: Red Prometheus); Mike Reichert: Kernenergiewirtschaft in der DDR. Entwicklungsbedingungen, konzeptioneller Anspruch und Realisierungsgrad (1955–1990), St. Katharinen 1999.
- 37 Vgl. Augustine: Red Prometheus, S. 125ff.
- 38 Vgl. Günter Spur: Vom Wandel der industriellen Welt durch Werkzeugmaschinen, München, Wien 1991, S. 511.
- 39 Vgl. Jörg Roesler: Im Wettlauf mit Siemens. Die Entwicklung von numerischen Steuerungen für den DDR-Maschinenbau im deutsch-deutschen Vergleich, in: Baar / Petzina: Deutsch-Deutsche Wirtschaft, S. 349–389.
- 40 Vgl. Gerhard Jehmlich: Geschichte des VEBPentacon Dresden, Manuskript 2008.
- 41 Vgl. ebd.
- 42 Vgl. Steiner: Von Plan zu Plan, S. 129ff.
- 43 Vgl. André Steiner: Die DDR-Wirtschaftsreform der sechziger Jahre. Konflikt zwischen Effizienz- und Machtkalkül, Berlin 1999, S. 555.
- 44 Hans-Hermann Hertle: Diskussion der ökonomischen Krisen in der Führungsspitze der SED, in: Theo Pirker (Hg.): Der Plan als Befehl und Fiktion. Wirtschaftsführung in der DDR. Gespräche und Analysen, Opladen 1995, S. 335f. (im Folgenden Pirker: Der Plan).
- 45 Vgl. Olaf Klenke: Ist die DDR an der Globalisierung gescheitert? Frankfurt a. M., 2001, S. 84.
- 46 Vgl. Jörg Roesler: Industrieinnovation und Industriespionage in der DDR, in: Deutschland Archiv, Jg. 27(1994), Heft 10.

- 47 Vgl. Friedrich Naumann: Vom Tastenfeld zum Mikrochip – Computerindustrie und Informatik im «Schrittmaß» des Sozialismus, in: Hoffmann / Macrakis: Naturwissenschaft, S. 261–281.
- 48 Vgl. Roesler: Im Wettlauf mit Siemens, in: a. a. O., S. 367.
- 49 Vgl. Susanne Franke; Rainer Klump: «Die stolzesten Grafen sind die Polygrafen». Über Eigenbild und Fremdeinschätzung des ost- und westdeutschen Druckmaschinenbaus, in: Baar / Petzina: Deutsch-Deutsche Wirtschaft, S. 390–421.
- 50 Vgl. Reinhold Bauer: PKW-Bau in der DDR. Zur Innovationsschwäche von Zentralverwaltungswirtschaften, Frankfurt a. M., 1999; Peter Kirchberg: Plaste, Blech und Planwirtschaft. Die Geschichte des Automobilbaus in der DDR, Berlin 2000 (im Folgenden Kirchberg: Plaste).
- 51 Vgl. Kirchberg: Plaste, S. 565ff.
- 52 Zit. nach Hans-Hermann Hertle: Die Diskussion der ökonomischen Krisen in der Führungsspitze der SED, in: Pirker: Der Plan, S. 318.
- 53 Vgl. Steiner: Von Plan zu Plan, S. 197.
- 54 Vgl. Gernot Gutmann; Hannsjörg F. Buck: Die Zentralplanwirtschaft der DDR – Funktionsweise, Funktionsschwächen und Konkursbilanz, in: Eberhard Kurth (Hg.): Die wirtschaftliche und ökologische Situation der DDR in den 80er Jahren, Opladen 1996, S. 6ff.
- 55 Vgl. Günter Kusch; Rolf Montag; Günter Specht; Konrad Wetzker: Schlussbilanz – DDR. Fazit einer verfehlten Wirtschafts- und Sozialpolitik, Berlin 1991.

Томас Гроссбёльтинг

ГДР – «Государство Штази»?

- 1 Понятия Штази и Министерство государственной безопасности (или МГБ) в нижеследующем употребляются как синонимы.
- 2 См. по этому вопросу в качестве показательного примера публикации в связи с высказываниями премьер-министра земли Саксония Станислава Тиллиха: Traurig und betroffen. Sachsens Ministerpräsident zu seiner DDR-Vergangenheit, in: Frankfurter Allgemeine Zeitung vom 25. November 2008, и по поводу интервью премьер-министра земли Мекленбург–Передняя Померания Эрвина Зеллеринга: Frankfurter Allgemeinen Sonntagszeitung vom 22. März 2009.
- 3 Vgl. Andrew H. Beattie: Playing Politics with History. The Bundestag Inquiries into East Germany, New York 2008, S. 233 (im Folgenden Beattie: Playing).

- 4 Vgl. Laurence H. McFalls: Political Culture and Political Change in Eastern Germany, in: German Politics and Society 20, Nr. 2 (2002); John S. Brady; Sarah Elise Wiliarty: How Culture Matters: Cultural and Social Change in the Federal Republic of Germany, in: German Politics and Society 20, Nr. 2 (2002), S. 4; A. James McAdams: Judging the Past in Unified Germany, Cambridge 2001, S. 13; Annette Leo: Keine gemeinsame Erinnerung. Geschichtsbewusstsein in Ost und West, in: Aus Politik und Zeitgeschichte (B 40—41/2003), S. 4 und 13.
- 5 Stephen Brockmann: Literature and German Reunification, Cambridge 1999, S. 83.
- 6 Andreas Glaeser: Divided in Unity. Identity, Germany and the Berlin Police, Chicago; London 2000, S. 347 f.
- 7 Vgl. u. a. McAdams: Judging; Beattie: Playing; Paul Cooke: Representing East Germany since Unifikation. From Colonization to Nostalgia, Oxford ; New York 2005; Anne Sa'adah: Germany's Second Chance: Trust, Justice, and Democratization, Cambridge 1998.
- 8 См. по этому вопросу, в частности, публикацию Доротеи Вирлинг «Штази и воспоминания» в: Jens Gieseke (Hg.): Staatssicherheit und Gesellschaft. Studien zum Herrschaftsalltag in der DDR, Göttingen 2007 (im Folgenden Gieseke: Stasi und Gesellschaft).
- 9 Vgl. Beattie: Playing, S. 233.
- 10 Jens Gieseke: Einleitung, in: ders., Stasi und Gesellschaft, S. 11—35.
- 11 Ebd., S. 12.
- 12 Vgl. Lothar Mertens in seiner Rezension zu Clemens Burrichter; Gerald Diesner (Hg.): Auf dem Weg zur «Produktivkraft Wissenschaft», Leipzig 2002, in: H-Soz-Kult, 22. April 2003.
- 13 Vgl. Jens Gieseke: Der Mielke-Konzern. Die Geschichte der Stasi 1945—1990, Stuttgart 2001, S. 232 (im Folgenden Gieseke: Mielke-Konzern).
- 14 Vgl. Petra Bock: Vergangenheitspolitik im Systemwechsel. Die Politik der Aufklärung, Strafverfolgung, Disqualifizierung und Wiedergutmachung im letzten Jahr der DDR, Berlin 2000, S. 84 f. (im Folgenden Bock: Vergangenheitspolitik).
- 15 Zitat und zum Folgenden Gieseke: Mielke-Konzern, S. 241.
- 16 Vgl. Gieseke: Mielke-Konzern, S. 232; Hoppert, Leo: «Egon reiß die Mauer ein ...» Leipziger Demo-Sprüche, Münster 1990.
- 17 Vgl. Bock: Vergangenheitspolitik, S. 166.
- 18 Zitat bei Jens Hüttmann: DDR-Geschichte und ihre Forscher. Akteure und Konjunkturen der bundesdeutschen DDR-Forschung, S. 367 und 369 (im Folgenden Hüttmann: DDR-Geschichte).

- 19 Во всяком случае, это следует из высказываний Вольфганга Бергхофера, бывшего обер-бургомистра Дрездена. Vgl. <http://www.3sat.de/3sat.php?http://www.3sat.de/kulturzeit/themen/107234/index.html> (14. 4. 2009).
- 20 Vgl. Bock: Vergangenheitspolitik, S. 433.
- 21 Vgl. Helmut Müller-Enbergs: Inoffizielle Mitarbeiter des Ministeriums für Staatssicherheit, Bd. 3, Berlin 2008.
- 22 Vgl. für grundlegende Informationen und Statistiken http://www.bstu.bund.de/cln_028/nn_712450/DE/MfS-DDR-Geschichte/Grundwissen/grundwissen_node.html_nnn=true (20. 4. 2009).
- 23 Zitat bei Hüttmann: DDR-Geschichte, S. 369.
- 24 Vgl. dazu Axel Vornbäumen: Im Dienste seiner Identität. Ein Mythenmann, der dem Kommunismus alles zu verdanken hatte – auch sein Leben. Zum Tod des DDR-Spionagechefs Markus Wolf, in: Tagesspiegel (Berlin) vom 11. November 2006, S. 3.
- 25 Vgl. Silke Schumann: Vernichten oder Offenlegen? Zur Entstehung des Stasi-Unterlagen-Gesetzes. Eine Dokumentation der öffentlichen Debatte 1990/91, Berlin 1995.
- 26 Vgl. Gieseke: Mielke-Konzern, S. 197 f.
- 27 Vgl. den entsprechenden Internetauftritt <http://www.mfsinsider.de/>; auch Reinhard Grimmer u. a. (Hg.): Die Sicherheit. Zur Abwehrarbeit des MfS, 2 Bde., Berlin 2002.
- 28 Vgl. Walter Süß: Staatssicherheit am Ende. Warum es den Mächtigen 1989 nicht gelang, eine Revolution zu verhindern, Berlin 1999, S. 703.
- 29 Vgl. u. a. Rainer Eckert: «Entnazifizierung» und «Entkommunisierung». Aufarbeitung der Vergangenheit in Deutschland, in: Eckhard Jesse; Steffen Kailitz (Hg.): Prägekräfte des 20. Jahrhunderts. Demokratie, Extremismus, Totalitarismus, Baden-Baden 1997, S. 305–325, hier 316.
- 30 Vgl. Hüttmann: DDR-Geschichte, S. 359.
- 31 О результатах «старых» исследований деятельности Штази см.: Jens Gieseke: Die Geschichte der Staatssicherheit, in: Rainer Eppelmann; Ulrich Mählert (Hg.): Stand und Perspektiven der DDR-Forschung, Paderborn 2003, S. 117–125.
- 32 Christoph Kleßmann: Zwei Staaten, eine Nation. Deutsche Geschichte 1955–1970, Bonn ²1997, S. 671.
- 33 Jens Hüttmann: Die «Gelehrte DDR» und ihre Akteure. Strategien, Inhalte, Motivationen: Die DDR als Gegenstand von Lehre und Forschung an deutschen Universitäten. Unter Mitarbeit von Peer Pasterneck, Wittenberg 2004, S. 33 ff.

- 34 Zitat und zum Weiteren Jens Gieseke: Zeitgeschichtsschreibung und Stasi-Forschung. Der besondere deutsche Weg der Aufarbeitung, in: Siegfried Suckut; Jürgen Weber (Hg.): Stasi-Akten zwischen Politik und Zeitgeschichte. Eine Zwischenbilanz, S. 218–239, hier 224.
- 35 Vgl. ebd., S. 225.
- 36 Vgl. generell Peter Weingart: Stunde der Wahrheit? Zum Verhältnis der Wissenschaft zu Politik, Wirtschaft und Medien in der Wissensgesellschaft, Göttingen 2001.
- 37 Vgl. die hellsichtige Analyse von Michael Zank, Goldhagen in Germany: Historians' Nightmare & Popular Hero. An Essay on the Reception of Hitler's Willing Executioners in German, in: Religious Studies Review, vol. 24 no. 3 (July 1998), S. 231–240.
- 38 Vgl. Hans-Ulrich Thamer: Vom Tabubruch zur Historisierung? Die Auseinandersetzung um die «Wehrmachtausstellung», in: Martin Sabrow; Ralph Jessen; Klaus Große Kracht (Hg.): Zeitgeschichte als Streitgeschichte. Große Kontroversen nach 1945, München 2003, S. 171–187; Karl Heinrich Pohl: «Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941–1944». Überlegungen zu einer Ausstellung aus didaktischer Perspektive, in: ders. (Hg.): Wehrmacht und Vernichtungspolitik. Militär im nationalsozialistischen System, Göttingen 1999, S. 141–163.
- 39 Jens Gieseke: Die Einheit von Wirtschafts-, Sozial- und Sicherheitspolitik. Militarisierung und Überwachung als Probleme einer DDR Sozialgeschichte der Ära Honecker, in: Zeitschrift für Geschichtswissenschaft, 51 (2003) 11, S. 996–1021.
- 40 Peter Jochen Winters: Unrecht harret des Urteils, in: Frankfurter Allgemeine Zeitung vom 7. Januar 1992.
- 41 Joachim Gauck: Stasi-Hysterie auch Resultat geringer Vergangenheitsbewältigung, in: Berliner Morgenpost vom 19. September 1991.
- 42 Vgl. Marianne Birthler: Ohne Erinnerungskultur kein Selbstbewusstsein, in: vorgänge, 1 (2003), S. 22–30, hier 24.
- 43 Vgl. u. a. Friedrich Schorlemmer: Versöhnung mit der Wahrheit. Nachschläge und Vorschläge eines Ostdeutschen, München 1992. О начале дискуссии см.: Silke Schumann: Vernichten oder Offenlegen? Zur Entstehung des Stasi-Unterlagen-Gesetzes. Eine Dokumentation der öffentlichen Debatte 1990/91, Berlin 1995. Помимо этого существует обширный материал, освещающий дискуссию в связи с юридическими аспектами, главным образом закона об архиве Штази и различных поправок к нему, содержание которой здесь мы, однако, не анализируем.

- 44 Vgl. Wolfgang Schäuble: Der Vertrag. Wie ich über die deutsche Einheit verhandelte, Stuttgart 1991, S. 273.
- 45 Können wir uns einen Gauck leisten?, in: Junge Welt vom 5. Februar 1994, S. 6.
- 46 Более подробный анализ и примерную периодизацию см.: Andrea Fleschenberg: Vergangenheitsaufklärung durch Aktenöffnung in Deutschland und in Portugal?, Münster 2004, S. 107–202.
- 47 Matthias Wagner: Das Stasi-Syndrom, Berlin 2001, S. 3.
- 48 Vgl. Wolfgang Engler: Vom Moloch zum Mythos. Das lange Leben der Staatssicherheit, in: Kursbuch 124 Verschwörungstheorien (Juni 1996), S. 153–162.
- 49 Vgl. Peter Marcuse: Das Feindbild Stasi sichert dem Westen den Status quo, in: Frankfurter Rundschau vom 14. Mai 1992, S. 18.
- 50 Hans-Joachim Maaz: Die Entrüstung. Deutschland, Deutschland-Stasi, Schuld und Sündenbock, Berlin 1992; Tilman Moser: Vorsicht Berührung. Über Sexualisierung, Spaltung, NS-Erbe und Stasi-Angst, Frankfurt a. M. 1992.
- 51 Vgl. Dorothee Wierling: Stasi und Erinnerung in: Gieseke: Stasi und Gesellschaft, S. 187 ff.; Vgl. dies.: The East as the Past. Problems with Memory and Identity, in: German Politics and Society 2 (1996), S. 53–71.
- 52 David Childs: The Shadow of the Stasi, in: Patricia Smith (Hg.): After the Wall. Eastern Germany since 1989, London 1999, S. 93–107, hier 94.
- 53 Zum 100. Todestag veröffentlichte die Post der DDR eine Gedenkbriefmarke, das MfS-Wachregiment war nach ihm benannt, öffentliche Denkmale gab es meines Wissens nicht.
- 54 За этот участок работы отвечала главным образом центральная группа анализа и информации МГБ. Vgl. BStU, MfS ZAIG 07424. По вопросу вербовки новых кадров также см. соответствующие разделы в: Jens Gieseke: Die hauptamtlichen Mitarbeiter der Staatssicherheit. Personalstruktur und Lebenswelt 1950–1989/90, Berlin 2000 (im Folgenden Gieseke: Mitarbeiter).
- 55 Reinhard Hillich: Spielmaterial. Zur Darstellung des MfS in der Kriminalliteratur der DDR, in: Horch und Guck. Zeitschrift zur kritischen Aufarbeitung der SED-Diktatur, 2 (1993), S. 1–10.
- 56 Vgl. Gieseke: Mitarbeiter, insbesondere die jeweiligen Abschnitte zur «Inneren Verfassung».
- 57 Сокращенное название «Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем», созданной

- в 1917 г., которая была предшественницей советской секретной службы КГБ и тем самым прообразом Министерства государственной безопасности ГДР. Первым руководителем ВЧК был Феликс Эдмундович Дзержинский (1877–1926).
- 58 Vgl. Gieseke: Mielke-Konzern, S. 190 f.
- 59 Babett Bauer: Kontrolle und Repression. Individuelle Erfahrungen in der DDR 1971–1989, Göttingen 2006.
- 60 Wolfgang Schwantz: «Mensch, ist es denn wirklich schon so schlimm..?», in: Jean Villain (Hg.): Die Revolution verstößt ihre Väter. Aussagen und Gespräche zum Untergang der DDR, Bern 1990, S. 153.
- 61 Vgl. die knappe Skizze bei Hüttmann: DDR-Geschichte, S. 374–377.
- 62 Vgl. Karl Wilhelm Fricke: Geschichtsrevisionismus aus MfS-Perspektive. Ehemalige Stasi-Kader wollen ihre Geschichte umdeuten, in: DeutschlandArchiv 1 (2006), S. 490–495.
- 63 Stefan Heym: Der Winter unseres Missvergnügens. Aus den Aufzeichnungen des OV Diversant, München 1996, S. 14.
- 64 Vgl. Stefan Wolle: Leben mit der Stasi. Das Ministerium für Staatssicherheit im Alltag, in: Helga Schultz; Hans-Jürgen Wagener (Hg.): Die DDR im Rückblick. Politik, Wirtschaft, Gesellschaft, Kultur, Berlin 2007, S. 79.
- 65 Vgl. Gieseke: Einleitung, in: ders.: Stasi und Gesellschaft, S. 11–35.
- 66 Alle Zitate bei Hüttmann: DDR-Geschichte, S. 367 und 369.
- 67 Vgl. Robert Darnton: Der letzte Tanz auf der Mauer. Berliner Journal 1989–1990, München 1991, S. 72.
- 68 Vgl. Gieseke: Mielke-Konzern, S. 25.
- 69 Цитата и последующая информация, как и уже приведенные сведения, заимствованы у Mary Fulbrook: Ein ganz normales Leben. Alltag und Gesellschaft in der DDR, Darmstadt 2008, S. 257.
- 70 Более подробный критический разбор подхода Фулброк см.: Jens Gieseke: Rezension zu The People's State: East German Society from Hitler to Honecker, New Haven, London 2005, in: German History 24 (2006), S. 118–120.
- 71 Vgl. dazu die erste Annäherung von Barbara Miller: Narratives of Guilt and Compliance in Unified Germany. Stasi Informers and their Impact on Society, New York 1999.
- 72 Vgl. A. James McAdams: German Officials as Historians, in: Wolfgang Schluchter; Peter Quint (Hg.): Der Vereinigungsschock. Vergleichende Betrachtung zehn Jahre danach, Velbrück 2001, S. 213–237, hier 217.

- 73 Interview mit Peter-Michael Diestel, in: Die Welt vom 21. April 1990, S. 4.
- 74 Der Spiegel, April 2 (1990), S. 21 f.
- 75 Vgl. Helmut Müller-Enbergs: Inoffizielle Mitarbeiter des Ministeriums für Staatssicherheit, Bd. 3: Statistiken mit CD-ROM, Berlin 2008.
- 76 Vgl. Helmut Müller-Enbergs: Inoffizielle Mitarbeiter des Ministeriums für Staatssicherheit: Richtlinien und Durchführungsbestimmungen, Berlin 1996, S. 198 und öfter.
- 77 Vgl. Robert Gellately: Allwissend und allgegenwärtig? Entstehung, Funktion und Wandel des Gestapo-Mythos, in: Gerhard Paul; Klaus-Michael Mallmann (Hg.): Die Gestapo – Mythos und Realität, Darmstadt 2003, S. 47–70; Vgl. Gieseke: Mielke-Konzern, S. 119 f.

Марк-Дитрих Озе

«Мы оттягивались на полную катушку»

- 1 Об этом еще в 1947 г. говорил Вальтер Ульбрихт: Ulrich Mählert: Die Freie Deutsche Jugend 1945–1949. Von den «Antifaschistischen Jugendausschüssen» zur SED-Massenorganisation, Paderborn 1995, S. 255 (im Folgenden Mählert: Freie Deutsche Jugend).
- 2 Erich Honecker: Die Jugend der Deutschen Demokratischen Republik und die Aufgaben unserer Zeit, 20. 10. 1972, in: ders.: Reden und Aufsätze, Bd. 2, Berlin (Ost) 1977, S. 63.
- 3 Erich Honecker: Abschlussrede zum Pfingsttreffen der FDJ, Karl-Marx-Stadt, 15. 5. 1967, in: ders.: Zur Jugendpolitik der SED. Reden und Aufsätze von 1945 bis zur Gegenwart, Berlin (Ost) 1977, S. 293.
- 4 Vgl. Ulrich Mählert; Gerd-Rüdiger Stephan: Blaue Hemden – Rote Fahnen. Die Geschichte der Freien Deutschen Jugend, Opladen 1996, S. 33 (im Folgenden Mählert/Stephan: Blaue Hemden), und insgesamt Mählert: Freie Deutsche Jugend.
- 5 Erklärung der kirchlichen Vertreter zu den Verhandlungen über die Freie Deutsche Jugend, 26. 2. 1946, in: Mählert/Stephan: Blaue Hemden, S. 34.
- 6 Peter Skyba: Vom Hoffnungsträger zum Sicherheitsrisiko. Jugend in der DDR und Jugendpolitik der SED 1949–1961, Köln u. a. 2000, S. 100 (im Folgenden Skyba: Hoffnungsträger). Das Folgende ebd.
- 7 Verfassung der Freien Deutschen Jugend, o. D., in: Mählert/Stephan: Blaue Hemden, S. 76.

- 8 Vgl. Marc-Dietrich Ohse: Jugend nach dem Mauerbau. Anpassung, Protest und Eigensinn (DDR 1961–1974), Berlin 2003, S. 64–81 (im Folgenden Ohse: Jugend); für die fünfziger Jahre Skyba: Hoffnungsträger, S. 414–418.
- 9 Vgl. insgesamt Ellen Ueberschär: Junge Gemeinde im Konflikt. Evangelische Jugendarbeit in SBZ und DDR 1945–1961, Stuttgart 2003 (im Folgenden Ueberschär: Junge Gemeinde). Zum Folgenden: Ohse: Jugend, S. 25–34.
- 10 Vgl. Skyba: Hoffnungsträger, S. 103 f.; Edeltraud Schulze; Gert Noack (Hg.): DDR-Jugend. Ein statistisches Handbuch, Berlin 1995, S. 184–187. Zum Folgenden ebd.
- 11 Vgl. Bettina Ernst-Bertram; Jens Planer-Friedrich: Pfarrerskinder in der DDR. Außenseiter zwischen Benachteiligung und Privilegierung, Berlin 2008.
- 12 Jugendweihe-Gelöbnis (1969), in: Christoph Kleßmann: Zwei Staaten, eine Nation. Deutsche Geschichte 1955–1970, Göttingen; Bonn 1988, S. 573 (im Folgenden Kleßmann: Zwei Staaten).
- 13 Beschluß des Ministerrats, 2. 6. 1953, in: Hermann Wentker: Die Einführung der Jugendweihe in der DDR: Hintergründe, Motive und Probleme, in: Hartmut Mehringer (Hg.): Von der SBZ zur DDR. Studien zum Herrschaftssystem in der Sowjetischen Besatzungszone und in der Deutschen Demokratischen Republik, München 1995, S. 139–165, hier 144.
- 14 Ohse: Jugend, S. 233–244.
- 15 Jugendweihe-Gelöbnisse, 1958 und 1969, in: Kleßmann: Zwei Staaten, S. 573 f.
- 16 Vgl. Peter Helmberger: Blauhemd und Kugelkreuz. Konflikte zwischen der SED und den christlichen Kirchen um die Jugendlichen in der SBZ/DDR, München 2008, S. 239–241 (im Folgenden Helmberger: Blauhemd); Ohse: Jugend, S. 232–235.
- 17 Vgl. Helmberger: Blauhemd, S. 238 f.; Ohse: Jugend, S. 233–244. Zum Folgenden ebd., S. 48–52.
- 18 Vgl. Detlef Pollack: Kirche in der Organisationsgesellschaft. Zum Wandel der gesellschaftlichen Lage der evangelischen Kirchen in der DDR, Stuttgart 1994 (im Folgenden Pollack: Kirche).
- 19 Friedrich-Wilhelm Krummacher; Gottfried Noth: Schreiben an Willi Stoph, 26. 9. 1966, in: Ohse: Jugend, S. 233 f.
- 20 Vgl. Ueberschär: Junge Gemeinde, S. 170–306; Helmberger: Blauhemd, S. 129–206, 280–300; Skyba: Hoffnungsträger, S. 208–233, und insgesamt Pollack: Kirche, S. 96–156, 257–274.

- 21 Vgl. Dirk Moldt: Zwischen Haß und Hoffnung. Die Blues-Messen 1979–1987. Eine Jugendveranstaltung der Evangelischen Kirche Berlin-Brandenburg in ihrer Zeit. Eine Dokumentation, Berlin 2008.
- 22 Vgl. Ohse: Jugend, S. 109–116, 356–363; Peter Wurschi: Rennsteigbeat. Jugendliche Subkulturen im Thüringer Raum 1952–1989, Köln u. a. 2007, S. 56–71 (im Folgenden Wurschi: Rennsteigbeat).
- 23 Detlef Pollack: Politischer Protest. Politisch-alternative Gruppen in der DDR, Opladen 2000, S. 196–200.
- 24 Vgl. ebd., S. 137–142; Ehrhart Neubert: Geschichte der Opposition in der DDR 1949–1989, Berlin 1997, S. 704–716.
- 25 In: Wurschi: Rennsteigbeat, S. 201.
- 26 Vgl. Tilmann Grammes; Ari Zühlke: Ein Schulkonflikt in der DDR. Dokumentenband, Bonn 1991; Lars-Broder Keil: Das Risiko, eine eigene Meinung zu haben. Zur Relegation von Schülern der Berliner EOS «Carl von Ossietzky» im Herbst 1988, in: Deutschland Archiv 41 (2008) 4, S. 684–690.
- 27 Vgl. Ohse: Jugend, S. 186 f., und insgesamt Thomas Ammer: Widerstand an DDR-Oberschulen 1945 bis 1968, in: Klaus-Dietmar Henke u. a. (Hg.): Widerstand und Opposition in der DDR, Köln u. a. 1999, S. 125–136.
- 28 Vgl. Birgit Gebhardt: Der «Fall Anklam». Schülerprotest an der EOS Anklam im September 1961, in: Ulrich Herrmann (Hg.): Protestierende Jugend. Jugendopposition und politischer Protest in der deutschen Nachkriegsgeschichte, Weinheim / München 2002, S. 45–51.
- 29 Achim Beyer: Urteil: 130 Jahre Zuchthaus. Jugendwiderstand in der DDR und der Prozess gegen die Werdauer Oberschüler, Leipzig 2003.
- 30 Vgl. Patrik von zur Mühlen: Der «Eisenberger Kreis». Jugendwiderstand und Verfolgung in der DDR 1953–1958, Bonn 1995.
- 31 Vgl. Waldemar Krönig; Klaus-Dieter Müller: Anpassung, Widerstand, Verfolgung. Hochschule und Studenten in der SBZ und DDR 1945–1961, Köln 1994; Gerald Wiemers; Jens Blecher: Studentischer Widerstand an der Universität Leipzig 1945–1955, Beucha 1998; Thomas Ammer: Universität zwischen Demokratie und Diktatur. Ein Beitrag zur Nachkriegsgeschichte der Universität Rostock, Köln 1969; Hartwig Bernitt; Friedrich-Franz Wiese: Arno Esch. Eine Dokumentation, Dannenberg 1994.
- 32 Jürgen Wede, in: Michael Rauhut: Beat in der Grauzone. DDR-Rock 1964 bis 1972 –Politik und Alltag, Berlin 1993, S. 151 und 155 (im Folgenden Rauhut: Beat).

- 33 Vgl. insgesamt Michael Rauhut: *Rock in der DDR. 1964 bis 1989*, Bonn 2002; ders.: *Beat*; ders.: *Schalmei und Lederjacke. Rock und Politik in der DDR der achtziger Jahre*, Erfurt 2002 (im Folgenden Rauhut: *Schalmei*); Uta G. Poiger: *Jazz, Rock, and Rebels. Cold War Politics and American Culture in a Divided Germany*, Berkeley u. a. 1999; Mark Fenimore: *Sex, Thugs and Rock 'n' Roll. Teenage Rebels in Cold-War East Germany*, New York; Oxford 2007.
- 34 Vgl. Gerhard Jörns; Gert Geißler: *Jugendhilfe in der DDR*, in: Falk Blask; Gert Geißler (Hg.): *Einweisung nach Torgau. Texte und Dokumente zur autoritären Jugendfürsorge in der DDR*, Berlin 1997, S. 31–91.
- 35 Vgl. Yvonne Liebing: *All You Need Is Beat. Jugendsubkultur in Leipzig 1957–1968*, Leipzig 2005, S. 61–94; Ohse: *Jugend*, S. 83–89.
- 36 Vgl. Günter Agde (Hg.): *Kahlschlag. Das 11. Plenum des ZK der SED*, 2. Aufl., Berlin 2000.
- 37 Vgl. Anna Pelka: *Jugendmode und Politik in der DDR und in Polen. Eine vergleichende Analyse*, Osnabrück 2008.
- 38 O. Verf. [Amt für Jugendfragen?], *Standpunkt zum Entwurf des Zivilgesetzbuches, o. D. [1970/71]*, in: Ohse: *Jugend*, S. 305.
- 39 Vgl. Michael Rauhut; Thomas Kochan (Hg.): *Bye Bye, Lübben City. Bluesfreaks, Tramps und Hippies in der DDR*, Berlin 2004. Zum Folgenden Vgl. Rauhut: *Rock*, S. 70–73; Wurschi: *Rennsteigbeat*, S. 152–164, 250–255.
- 40 Rauhut: *Schalmei*, S. 138.
- 41 Vgl. Peter Förster: *Die Entwicklung des politischen Bewußtseins der DDR-Jugend zwischen 1966 und 1989*, in: Walter Friedrich u. a. (Hg.): *Das Zentralinstitut für Jugendforschung Leipzig 1966–1990. Geschichte, Methoden, Erkenntnisse*, Berlin 1999, S. 70–165, Tab. 3, S. 85. Das Folgende ebd., Tab. 50, S. 103 f.
- 42 Ebd., Tab. 1, S. 82; Ohse: *Jugend*, Tab. 7a, S. 329.
- 43 Vgl. Lutz Niethammer: *Erfahrungen und Strukturen. Prolegomena zu einer Geschichte der Gesellschaft in der DDR*, in: Hartmut Kaelble u. a. (Hg.): *Sozialgeschichte der DDR*, Stuttgart 1994, S. 95–115, hier 110; Klaus Schroeder: *Der SED-Staat. Geschichte und Strukturen der DDR*, München 1998, S. 200.
- 44 Vorlage des FDJ-Zentralrates für das SED-Politbüro, 6. 12. 1972, BArch DY30/J IV 2/2/1426, Bl. 1; Jugendgesetz, 28. 1. 1974, GBl DDR 1974/I, Nr. 5, Präambel.
- 45 Willi Stoph, *Rede*, 1963, in: Ohse: *Jugend*, S. 7.

- 46 Vgl. Falco Werkentin: Politische Strafjustiz in der Ära Ulbricht, Berlin 1995, S. 249; Skyba: Hoffnungsträger, S. 304–322, 331–357.
- 47 In: Rauhut: Rock, S. 128.

Гунилла Будде

Эмансипированное общество

- 1 Cp. Ute Gerhard: Die staatlich institutionalisierte «Lösung» der Frauenfrage. Zur Geschichte der Geschlechterverhältnisse in der DDR / Hartmut Kaelble и др. (ред.): Sozialgeschichte der DDR, Stuttgart 1994 (далее – Kaelble: Sozialgeschichte), с. 383–403, здесь 386–387.
- 2 Frau von heute 25, 1961; Frau von heute 31, 1961; Frau von heute 44, 1959.
- 3 Gunilla Budde: «Tüchtige Traktoristinnen» und «schicke Stenotypistinnen». Frauenbilder in den deutschen Nachkriegsgesellschaften / Konrad Jarausch; Hannes Siegrist (ред.): Amerikanisierung und Sowjetisierung in Deutschland 1945–1970, Frankfurt a. M., 1997, с. 243–273.
- 4 Andrea Feth: Hilde Benjamin. Eine Biographie, Berlin 1997, S. 219.
- 5 Gisela Helwig: Einleitung, in: dies.: Hildegard Maria Nickel (ред.): Frauen in Deutschland 1945–1992, Bonn 1993, S. 9–21, hier 11 f. (im Folgenden Helwig: Einleitung).
- 6 Das Familienrecht der DDR. Lehrkommentar, Berlin (Ost) 1966, с. 55 f.
- 7 Cp. Ina Merkel: ... und Du, Frau an der Werkbank. Die DDR in den 50er Jahren, Berlin 1990.
- 8 Cp. Christine Müller (ред.): James Dean lernt kochen. Männer in der DDR, Darmstadt 1986.
- 9 SAPMO-BA-DY30/IV 2/17/24.
- 10 Für Dich 1, 1963, с. 3.
- 11 SAPMO-BA-DY34/7763.
- 12 SAPMO-BA-DY30/IV 2/2.042/17.
- 13 Bundesarchiv-Filmarchiv, Fiche-Nr. 98.
- 14 Vgl. Gunilla Budde: Alles bleibt anders. Die Institution der «Familie» zwischen 1945 und 1975 im deutsch-deutschen Vergleich, in: Maria Oppen; Dagmar Simon (ред.): Verharrender Wandel. Institutionen und Geschlechterverhältnisse, Berlin 2004, с. 69–98.

- 15 Helwig: Einleitung, с. 15.
- 16 Ina Merkel: Leitbilder und Lebensweisen von Frauen in der DDR, in: Kaelble: Sozialgeschichte, с. 359–382, hier 373.
- 17 Значительно выросшее количество врачей-женщин, несомненно, способствовало тому, что в ходе дебатов об абортх мнение гинекологов и интересы женщин были учтены в гораздо большей мере, чем в 50-е — начале 60-х годов. Ср. в этой связи: Donna Harsch: Society, the State and Abortion in East Germany. 1950–1972, in: American Historical Review, Vol. 102, No. 1, с. 53–84.
- 18 Согласно Закону о защите матери и ребенка от 27 сентября 1950 г. будущей матери до родов предоставлялся пятидневный отпуск, после родов — шесть недель отпуска (GBl. Nr. 111, с. 1037). В Постановлении о продлении до- и послеродового отпуска (GBl. II, Nr. 82, с. 636) от 5 сентября 1963 г. дородовой отпуск был продлен на одну неделю, а послеродовой — на две недели. 10 мая 1972 г. оплачиваемый послеродовой отпуск был продлен еще на четыре недели (GBl. Nr. 27, S. 314), так что продолжительность оплачиваемого послеродового отпуска составила 18 недель. 27 мая 1976 г. был введен «бэби-год»: каждая мать после рождения второго и каждого последующего ребенка получала теперь оплачиваемый отпуск до достижения этим ребенком одного года (GBl. I, Nr. 19, с. 269).
- 19 В 1952 г. предоставление «дня на домашние работы» в ГДР было упорядочено, причем одинокие бездетные женщины сначала его не получали. См. в этой связи: Carola Sachse: Ein «heißes Eisen»; о дебатах в Восточной и Западной Германии о «дне на домашние работы»: Gunilla Budde (ред.): Frauen arbeiten. Weibliche Erwerbstätigkeit in Ost- und West-deutschland nach 1945, Göttingen 1997 (далее: Budde: Frauen arbeiten), S. 252–285, hier 254–258; тот же автор: Der Hausarbeitstag. Gerechtigkeit und Gleichberechtigung in Ost und West 1939–1994, Göttingen 2002.
- 20 Интервью с проф. д-ром Анитой Грандке, взятое 7 октября 1999 г. в Берлинском университете имени Гумбольдта.
- 21 SAPMO-BA-DY30/IV 2/2.042/34.
- 22 По сравнению с ситуацией в ФРГ рост этих показателей в ГДР действительно впечатляет. В 1950 г. потребность в детских садах была удовлетворена лишь на 25%, десятилетием позже — лишь на 33%. См. также: Robert G. Moeller: Geschützte Mütter. Frauen und Familien in der westdeutschen Nachkriegspolitik, München 1997, S. 280 ff.
- 23 SAPMO-BA-DY24/2854.

- 24 Erika Bordag-Wettengel: Die technischen Wissenschaften – kein Monopol der Männer, in: Das Hochschulwesen [Высшее образование] 10/1962, с. 219–224, здесь 220.
- 25 Ср. соответствующие дискуссии в 1962–1965 гг., ставшие откликом на «Заявление о женщинах»: SAPMO-BA-DY30/IV2/902/437 и SAPMO-BA-DY53/21/612/7431.
- 26 См. обзор о современном профессорско-преподавательском составе в университетах, вузах и медицинских академиях: BA MHF DR3/6265 и SAPMO-BA-DY30/IV 2/904/437. См. также: Gunilla Budde: Frauen der Intelligenz. Akademikerinnen in der DDR 1945–1975 [Представительницы интеллигенции. Женщины с высшим образованием в ГДР в 1945–1975 гг.], Göttingen 2003, с. 165 ff.
- 27 Ср. Karin Zachmann: Frauen für die technische Revolution. Studentinnen und Absolventinnen Technischer Hochschulen in der SBZ/DDR, in: Budde: Frauen arbeiten, с. 121–156; тот же автор: Mobilisierung der Frauen. Technik, Geschlecht und Kalter Krieg in der DDR, Frankfurt a. M.; New York 2004.
- 28 SAPMO-BA, DY24/898: Protokoll der 1. Mädchenkonferenz der FDJ vom 12. bis 13. Juni 1958 in Buna.
- 29 SAPMO-BA, DY30/IV 2/17/43.
- 30 Erich Honecker: Die Aufgaben der Parteiorganisation bei der weiteren Verwirklichung der Beschlüsse des XI. Parteitages der SED, Berlin 1987, с. 94.
- 31 Собственные подсчеты на основе биографических материалов, в кн.: Gabriele Baumgartner; Dieter Hebig (ред.): Biographisches Handbuch der SBZ/DDR 1945–1990, 2 Bde. [Биографический справочник СЗО/ГДР 1945–1990, 2 тома], München 1996 (далее: Baumgartner/Hebig: Biographisches Handbuch).
- 32 Министрами были: Хильде Бенъямин (Hilde Benjamin, 1953–1967, министр юстиции), Маргот Хонеккер (Margot Honecker, 1963–1989, министр народного образования), Эльзе Цайссер (Else Zaisser, 1952–1953, министр народного образования); заместители министра: Гертруд Бобек (Gertrud Bobeck, 1954–1958, министерство народного образования), Рут Фабиш (Ruth Fabisch, 1954–1957, министерство пищевой промышленности), Ута Никкель (Uta Nickel, 1988–1989, министерство финансов), Эдит Эзер (Edith Oeser, 1969–1979, министерство высшего и среднего специального образования), Аннелизе Тёдтманн (Anneliese Toedtman, 1972–1986, министерство здравоохранения).

- 33 Среди них такие известные деятели, как Вилли Штоф (Willi Stoph), Эрих Мильке (Erich Mielke), Пауль Вандель (Paul Wandel, министр народного образования 1949–1952), Отто Гротеволь (Otto Grotewohl), Луитрольд Штайдле (Luitpold Steidle, министр здравоохранения 1950–1958); подсчет по кн.: Baumgartner/Hebig: Biographisches Handbuch [Биографический справочник].
- 34 Подсчитано по кн.: Baumgartner/Hebig: Biographisches Handbuch.
- 35 Kriemhild Hildebrand: Einige Bedingungen der Heranbildung eines sozialistischen wissenschaftlichen Nachwuchses. Диссертация, Rostock 1968, с. 203.
- 36 Интервью с д-ром Бригиттой Лёйшнер (дипломированный германист), взятое 30.04.1996 в Берлин-Вильгельмсхаген (частный дом).
- 37 Rita Kuczynski: Mauerblume. Ein Leben auf der Grenze, München 1999, с. 141.
- 38 Интервью с д-ром Ингеборг Аллин (музыковед), взятое 27.08.1998 в Берлин-Митте (частная квартира).
- 39 BA-DR3/2196: Отчет университета Ростока, 6.5.1964, тема: докторские диссертации молодых ученых-женщин.
- 40 BA-DR3/2196: Universität Rostock. Prorektorat für den wissenschaftlichen Nachwuchs. Zwischenbericht über den Stand der Erfüllung des Frauenförderplanes 1965, Förderung weiblicher Nachwuchswissenschaftler. BA-DR3/2106: Bericht über die Arbeit der Martin-Luther-Universität mit dem Communiqué des Politbüros des ZK der SED ««Die Frau – der Frieden und der Sozialismus»».
- 41 BA-DR3/B1182/1: Ministerium für Hoch- und Fachschulwesen, Abt. Kader und Qualifizierung, 7.05.1971.
- 42 Christa Wolf: Selbstversuch. Traktat zu einem Protokoll, in: Sarah Kirsch и др.: Geschlechtertausch. Drei Geschichten über die Verwandlung der Verhältnisse, Darmstadt 1980.
- 43 Там же. С. 95–96.

Кристоф Клесман

Угрюмая лояльность и прекрасная показуха

- 1 Peter Hübner: Arbeiterklasse als Inszenierung, in: Richard Bessel; Ralph Jessen (Hg.): Die Grenzen der Diktatur. Staat und Gesellschaft in der DDR, Göttingen 1996, S. 199–223, hier 219. Более

- обстоятельно я осветил эту проблему в моей книге, которая лежит в основе настоящей публикации: Arbeiter im «Arbeiterstaat» DDR. Deutsche Traditionen, sowjetisches Modell und westdeutsches Magnetfeld, Bonn 2007, Kapitel VI.1 (im Folgenden Kleßmann: Arbeiter).
- 2 So Ina Merkel: Arbeiter und Konsum, in: Peter Hübner; Klaus Tenfelde (Hg.): Arbeiter in der DDR, Essen 1999, S. 527–553, hier 543.
  - 3 Kleßmann: Arbeiter, S. 654.
  - 4 Textauszug in Christoph Kleßmann: Die doppelte Staatsgründung. Deutsche Geschichte 1945–1955, 5. erw. Aufl., Bonn 1991, S. 417.
  - 5 Об обсуждении и оценках событий того времени см.: Werner Müller: Gründung unter Zwang – Ein Streit ohne Ende? Plädoyer für den Begriff Zwangsvereinigung, in: Deutschland Archiv 24 (1991), S. 52–58.
  - 6 Wolfgang Leonhard: Die Revolution entläßt ihre Kinder, Köln 1955, S. 429–440.
  - 7 Zitiert bei Beatrix Bouvier: Ausgeschaltet! Sozialdemokraten in der Sowjetischen Besatzungszone und in der DDR 1945–1953, Bonn 1996, S. 11.
  - 8 Dazu Kleßmann: Arbeiter, Kapitel I.11.
  - 9 Klaus Ewers: Einführung der Leistungsentlohnung und verdeckter Lohnkampf in den volkseigenen Betrieben der SBZ 1947–1949, in: Deutschland Archiv 134 (1980), S. 612–633.
  - 10 Ebd., S. 623.
  - 11 Jörg Roesler: Vom Akkordlohn zum Leistungslohn, in: Zeitschrift für Geschichtswissenschaft 32 (1984), S. 778–795, hier Anm. 158. REFA bedeutet: Reichsausschuss für Arbeitszeitermittlung.
  - 12 Patrick Major: The death of KPD. Communism and Anti-Communism in West Germany 1945–1956, Oxford 1997.
  - 13 Wolfgang Buschfort: Das Ostbüro der SPD. Von der Gründung bis zur Berlin-Krise, München 1991.
  - 14 Genauer dazu Kleßmann: Arbeiter, Kapitel II.2.
  - 15 Zit. in ebd., S. 187.
  - 16 Ebd., S. 190.
  - 17 Franz Walter; Tobias Dürr; Klaus Schmidtke: Die SPD in Sachsen und Thüringen zwischen Hochburg und Diaspora. Untersuchungen auf lokaler Ebene vom Kaiserreich bis zur Gegenwart, Bonn 1993; Günter Braun: Die SED-Kreisleitung Altenburg und die «Genossen

- in Uniform». Eine lokalhistorische Skizze zum Verhältnis zwischen SED und SMAD in einem traditionellen Zentrum der deutschen Arbeiterbewegung, in: Klaus Schönhoven; Dietrich Staritz (Hg.): Sozialismus und Kommunismus im Wandel, Köln 1993, S. 352–377; Peter Alheit u. a.: Gebrochene Modernisierung – Der langsame Wandel proletarischer Milieus. Eine empirische Vergleichsstudie ost- und westdeutscher Arbeitermilieus in den 50er Jahren, 2 Bde., Bremen 1999.
- 18 Ilko-Sascha Kowalczyk; Armin Mitter; Stefan Wolle (Hg.): Der Tag X – Der 17. Juni 1953. Die «innere Staatsgründung» der DDR als Ergebnis der Krise 1952/54, Berlin 1995, S. 45 f.
- 19 Zusammenfassend dazu Kleßmann: Arbeiter, Kapitel III.
- 20 Klaus Ewers; Thorsten Quest: Die Kämpfe der Arbeiterschaft in den volkseigenen Betrieben während und nach dem 17. Juni, in: Ilse Spittmann; Karl-Wilhelm Fricke (Hg.): Der 17. Juni 1953. Arbeiteraufstand in der DDR, Köln 1982, S. 23–55.
- 21 Иллюстративный материал по данному вопросу см.: Kleßmann: Arbeiter, Exkurs.
- 22 Rüdiger Soldt: Zum Beispiel Schwarze Pumpe: Arbeiterbrigaden in der DDR, in: Geschichte und Gesellschaft 24 (1998), S. 88–109. Eine Potsdamer Dissertation hat jetzt die sozialistischen Brigaden genauer erforscht: Thomas Reichel: «Sozialistisch arbeiten, lernen und leben» – Zur Geschichte der «sozialistischen Brigadebewegung» in der DDR (1959 bis 1989), Diss. Potsdam 2008 (im Folgenden Reichel: Sozialistisch arbeiten).
- 23 Результаты опросов см.: Kleßmann: Arbeiter, S. 396 f.
- 24 Alf Lüdtke: «Helden der Arbeit» – Mühen beim Arbeiten. Zur mißmutigen Loyalität von Industriearbeitern in der DDR, in: Hartmut Kaelble u. a. (Hg.): Sozialgeschichte der DDR, Stuttgart 1994, S. 188.
- 25 Kleßmann: Arbeiter, S. 243–248.
- 26 Oskar Anweiler: Bildungspolitik, in: Christoph Boyer; Klaus-Dietmar Henke; Peter Skyba (Hg.): Geschichte der Sozialpolitik in Deutschland seit 1945, Bd. 10, Baden-Baden 2008, S. 543–582, hier 568 f., 581.
- 27 Walter Friedrich: Mentalitätswandlungen der Jugend in der DDR, in: Aus Politik und Zeitgeschichte B 16–17 (1990), S. 30.
- 28 Zit. in Reichel: Sozialistisch arbeiten, S. 271.
- 29 Der Spiegel Nr. 51, 1989. Следует, однако, также указать на то, что роль производственных коллективов в ходе общественно-политического «перелома» была более значительной, чем ее представляют в большинстве известных публикаций на эту

- тему; Vgl. Bernd Gehrke; Renate Hürtgen (Hg.): Der betriebliche Aufbruch im Herbst 1989: Die unbekannte Seite der DDR-Revolution, Berlin 2001.
- 30 Jens Gieseke: Die Einheit von Wirtschafts-, Sozial- und Sicherheitspolitik, in: Zeitschrift für Geschichtswissenschaft 51 (2003), S. 996–1021, hier 1021.
- 31 Die aufgeschlüsselten Daten bei Wolfgang Jäger: Die Überwindung der Teilung. Der innerdeutsche Prozess der Vereinigung 1989/90, Stuttgart 1998, S. 413–421.

Памфус Г. Помфус

ГДР как «оплот международной солидарности»

- 1 Vgl. Rainer Münz: Phasen und Formen der europäischen Migration, in: Steffen Angenendt (Hg.): Migration und Flucht. Aufgaben und Strategien für Deutschland, Europa und die internationale Gemeinschaft, Bonn 1997, S. 34–48.
- 2 Vgl. Siegfried Grundmann; Irene Müller-Hartmann; Ines Schmidt: Migration in, aus und nach Ostdeutschland, in: Soziologen-Tag Leipzig 1991. Soziologie in Deutschland und die Transformation großer gesellschaftlicher Systeme, hrsg. im Auftrag der Gesellschaft für Soziologie (Ostdeutschland) von Hansgünter Meyer, Berlin 1992, S. 1577–1609 (im Folgenden Grundmann u. a.: Migration).
- 3 Walter Ulbricht 1968 zur Begründung der neuen sozialistischen DDR-Verfassung, zit. in Christoph Kleßmann: Zwei Staaten, eine Nation. Deutsche Geschichte 1955–1970, Bonn 1988, S. 564.
- 4 Об этом, например, свидетельствуют репрессии по отношению к чеченцам и крымским татарам и их депортация во время и после Второй мировой войны, см.: Jörg Baberowski: Der Feind ist überall. Stalinismus im Kaukasus, München 2003.
- 5 Vgl. Christine Griese; Helga Marburger: Zwischen Internationalismus und Patriotismus. Konzepte des Umgangs mit Fremden und Fremdheit in den Schulen der DDR, Frankfurt a. M. 1995, bes. S. 115.
- 6 Vgl. Olaf Groehler: Antifaschismus – Vom Umgang mit einem Begriff, in: Ulrich Herbert; Olaf Groehler: Zweierlei Bewältigung. Vier Beiträge über den Umgang mit der NS-Vergangenheit in den beiden deutschen Staaten, Hamburg 1992, S. 29–40.
- 7 Vgl. Andreas Malycha: Die SED. Geschichte ihrer Stalinisierung 1946–1953, Paderborn 2000.

- 8 Vgl. Christoph Classen: Fremdheit gegenüber der eigenen Geschichte. Zum öffentlichen Umgang mit dem Nationalsozialismus in beiden deutschen Staaten, in: Jan C. Behrends; Thomas Lindenberger; Patrice G. Poutrus (Hg.): Fremde und Fremd-Sein in der DDR. Zu historischen Ursachen der Fremdenfeindlichkeit in Ostdeutschland, Berlin 2003, S. 101–126 (im Folgenden Behrends/Lindenberger/Poutrus: Fremde).
- 9 Vgl. Ulrich Herbert: Fremdarbeiter. Politik und Praxis des «Ausländer-Einsatzes» in der Kriegswirtschaft des Dritten Reiches, Neuaufl., Bonn 1999.
- 10 Vgl. Constantin Goschler: Schuld und Schulden. Die Politik der Wiedergutmachung für NS-Verfolgte seit 1945, Göttingen 2005, S. 361–412.
- 11 Vgl. Herfried Münkler: Antifaschismus und antifaschistischer Widerstand als politischer Gründungsmythos der DDR, in: Aus Politik und Zeitgeschichte B 45, 1998, S. 16–29.
- 12 Jürgen Danyel: Die Opfer- und Verfolgtenperspektive als Gründungskonsens? Zum Umgang mit der Widerstandstradition und der Schuldfrage in der DDR, in: ders. (Hg.): Die geteilte Vergangenheit. Zum Umgang mit Nationalsozialismus und Widerstand in beiden deutschen Staaten, Berlin 1995, S. 31–46.
- 13 Vgl. Alexander von Plato (Hg.): Speziallager in Deutschland 1945 bis 1950. Studien und Berichte, Berlin 1998.
- 14 Zur Situation der Vertriebenen in der SBZ/DDR Vgl. Michael Schwartz: Vertriebene und «Umsiedlerpolitik». Integrationskonflikte in den deutschen Nachkriegs-Gesellschaften und die Assimilationsstrategien in der SBZ/DDR 1945–1961, München 2004.
- 15 Vgl. Norman Naimark: Die Russen in Deutschland. Die Geschichte der sowjetischen Besatzungszone 1945 bis 1949, Berlin 1997.
- 16 Vgl. Kurt Arlt: «... stets wachsam zu sein im fremden Land!» Zum Selbstverständnis der sowjetischen Truppen in der DDR, in: Hans Ehlert; Matthias Rogg (Hg.): Militär und Gesellschaft in der DDR. Forschungsfelder, Ergebnisse, Perspektiven, Berlin 2004, S. 205–224, hier 209.
- 17 Vgl. Jan C. Behrends: Freundschaft, Fremdheit, Gewalt. Ostdeutsche Sowjetunionbilder zwischen Propaganda und Erfahrung, in: Gregor Thum (Hg.): Traumland Osten. Das östliche Europa in der Wahrnehmung der Deutschen, Göttingen. 2006, S. 157–180.
- 18 Vgl. Christian Th. Müller: «O' Sowjetmensch!» Beziehungen von sowjetischen Streitkräften und DDR-Gesellschaft zwischen Ritual und

- Alltag, in: Christian Th. Müller; Patrice G. Poutrus (Hg.): *Ankunft – Alltag – Ausreise. Migration und interkulturelle Begegnungen in der DDR-Gesellschaft*, Köln u. a. 2005, S. 17–134 (im Folgenden Müller/Poutrus: *Migration*).
- 19 Vgl. Ute Frevert: *Die Sprache des Volkes und die Rhetorik der Nation. Identitätssplitter in der deutschen Nachkriegszeit*, in: Arnd Bauerkämper u. a. (Hg.): *Doppelte Zeitgeschichte. Deutsch-Deutsche Beziehungen 1945–1990*, Bonn 1998, S. 18–31.
- 20 Zit. bei Sigrid Meuschel: *Legitimation und Parteiherrschaft in der DDR. Zum Paradox von Revolution und Stabilität in der DDR*, Frankfurt a. M. 1992, zit. nach Reihenfolge: S. 110, 277 f., 279.
- 21 Vgl. Alf Lüdtke: «Helden der Arbeit» – Mühen beim Arbeiten. Zur mißmutigen Loyalität von Industriearbeitern in der DDR, in: Hartmut Kaelble u. a. (Hg.): *Sozialgeschichte der DDR*, Stuttgart 1994, S. 188–213.
- 22 Vgl. Dagmar Langenhan: «Halte dich fern von den Kommunisten, die wollen nicht arbeiten!» Kollektivierung der Landwirtschaft und bäuerlicher Eigen-Sinn am Beispiel Niederlausitzer Dörfer (1952 bis Mitte der sechziger Jahre), in: Thomas Lindenberger (Hg.): *Herrschaft und Eigen-Sinn in der Diktatur. Studien zur Gesellschaftsgeschichte der DDR*, Köln; Weimar; Wien 1999, S. 119–165.
- 23 Vgl. Jonathan R. Zatlin: *Polnische Wirtschaft, deutsche Ordnung? Zum Umgang mit den Polen in der DDR*, in: Müller/Poutrus: *Migration*, S. 295–316.
- 24 Vgl. Grundmann u. a.: *Migration*, S. 1577–1609.
- 25 Dagmar Henke: *Fremde Nähe – nahe Fremde: Ein Beitrag zur Ausländerarbeit der Kirchen in der ehemaligen DDR*, in: *Berliner Theologische Zeitschrift* 9.1, 1992, S. 119–132, hier 121.
- 26 Vgl. Andrzej Stach; Saleh Hussain: *Ausländer in der DDR. Ein Rückblick*, hrsg. von der Ausländerbeauftragten des Senats von Berlin, Berlin 1991 (im Folgenden Stach/Hussain: *Ausländer*).
- 27 Все данные в этом разделе (если не указано иное) взяты из: Damian Mac Con Uladh: «Studium bei Freunden?» *Ausländische Studierende in der DDR bis 1970*, in: Müller/Poutrus: *Migration*, S. 175–220.
- 28 Vgl. Irene Runge: *Ausland DDR. Fremdenhaß*, Berlin 1990, S. 107.
- 29 Vgl. Roland Wiedmann: *Strukturen des Ausländerstudiums in der DDR*, in: Hans F. Illy; Wolfgang Schmidt-Streckenbach (Hg.): *Studenten aus der Dritten Welt in beiden deutschen Staaten*, Berlin 1987, S. 67–99.

- 30 Vgl. Bernd Bröskamp; Gabriele Jaschok; Andreas Noschak (Red.): Schwarzweiße Zeiten. AusländerInnen in Ostdeutschland vor und nach der Wende. Erfahrungen der Vertragsarbeiter aus Mosambik: Interviews – Berichte – Analysen, hrsg. vom Informationszentrum Afrika e. V., Bremen 1993, S. 83 (im Folgenden Bröskamp u. a.: Schwarzweiße Zeiten).
- 31 Vgl. Siegfried Mampel: Die Sozialistische Verfassung der DDR. Text und Kommentar, Goldbach 1997, S. 597 f.
- 32 Vgl. Heidemarie Beyer: Entwicklung des Ausländerrechts in der DDR, in: Manfred Heßler (Hg.): Zwischen Nationalstaat und multikultureller Gesellschaft. Einwanderung und Fremdenfeindlichkeit in der Bundesrepublik Deutschland, Berlin 1993, S. 211–227.
- 33 Vgl. Patrice G. Poutrus: Zuflucht im Ausreiseland. Zur Geschichte des politischen Asyls in der DDR, in: Jahrbuch für Historische Kommunismusforschung 2004, S. 355–378.
- 34 Vgl. Bernhard von Plate: Die Außenpolitik und internationale Einordnung der DDR, in: Werner Weidenfeld; Hartmut Zimmermann (Hg.): Deutschland-Handbuch. Eine doppelte Bilanz, Bonn 1989, S. 589–604, hier 601 f.
- 35 Vgl. Patrice G. Poutrus: Mit strengem Blick. Die sogenannten «Polit. Emigranten» in den Berichten des MfS, in: Behrends/Lindenberger/Poutrus: Fremde, S. 205–224.
- 36 Vgl. Michael Stolle: Inbegriff des Unrechtsstaates. Zur Wahrnehmung der chilenischen Diktatur in der deutschsprachigen Presse zwischen 1973 und 1989, in: Zeitschrift für Geschichtswissenschaft 51.9, 2003, S. 793–813.
- 37 Vgl. Jost Maurin: Die DDR als Asylland. Flüchtlinge aus Chile 1973–1989, in: Zeitschrift für Geschichtswissenschaft 51.9, 2003, S. 814–831.
- 38 Vgl. dazu Jens Gieseke: Die hauptamtlichen Mitarbeiter der Staatssicherheit. Personalstruktur und Lebenswelt 1950–1989/90, Berlin 2000, S. 304 ff.
- 39 Vgl. dazu Katharine Hite: «When the Romance Ended». Leaders of the Chilean Left. 1968–98, New York 2000, S. 45.
- 40 Обзор правительственных соглашений представлен в: Sandra Gruner-Domic: Zur Geschichte der Arbeitskräftemigration in die DDR. Die bilateralen Verträge zur Beschäftigung ausländischer Arbeiter (1961–1989), in: Internationale wissenschaftliche Korrespondenz zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung 32.2, 1996, S. 204–240.

- 41 Vgl. Andreas Müggenburg: Die ausländischen Vertragsarbeitnehmer in der ehemaligen DDR. Darstellung und Dokumentation, hrsg. von der Beauftragten der Bundesregierung für die Belange der Ausländer, Berlin 1996, S. 81.
- 42 Vgl. Helga Marburger (Hg.): «Und wir haben unseren Beitrag zur Volkswirtschaft geleistet» – eine aktuelle Bestandsaufnahme der Situation der VAN (Vertragsarbeitnehmer) der DDR vor und nach der Wende, Berlin 1993, S. 24.
- 43 Vgl. Almuth Berger: Die Ausländerpolitik der DDR im Spannungsfeld von ideologischem Anspruch und Sicherheitsbedürfnissen, in: Tagungsbericht Ausländerpolitik in der DDR am Beispiel der Vertragsarbeiter, hrsg. von der Bundeszentrale für Politische Bildung, Berlin 1998, S. 6–11, hier 6.
- 44 Vgl. Annegret Schüle: «Die ham se sozusagen aus dem Busch geholt» Die Wahrnehmung der Vertragsarbeitskräfte aus Schwarzafrika und Vietnam durch Deutsche im VEB Leipziger Baumwollspinnerei, in: Behrends/Lindenberger/Poutrus: Fremde, S. 309–324.
- 45 Vgl. Bröskamp u. a.: Schwarzweiße Zeiten, S. 57.
- 46 Vgl. Eva-Maria Elsner: Zwischen Nationalismus und Internationalismus. Über Ausländer und Ausländerpolitik in der DDR 1949–1990. Darstellung und Dokumente, Rostock 1994, S. 56.
- 47 Zit. in Michael Feige: Vietnamesische Studenten und Arbeiter in der DDR und ihre Beobachtung durch das MfS, Magdeburg 1999, S. 85 und 69 (im Folgenden Feige: Vietnamesische Studenten).
- 48 Vgl. Stach/Hussain: Ausländer, S. 18 f.
- 49 Vgl. Almut Riedel: Erfahrungen algerischer Arbeitsmigranten in der DDR. «Hatten och Chancen ehrlich», Opladen 1994; Vgl. allgemein Marianne Krüger-Potratz: Anderssein gab es nicht: Ausländer und Minderheiten in der DDR. Mit Beiträgen von Dirk Jasper und Georg Hansen, Münster; New York 1991.
- 50 Vgl. Feige: Vietnamesische Studenten, S. 83, 108–121.
- 51 Vgl. Dennis Kuck: «Für den sozialistischen Aufbau ihrer Heimat»? Ausländische Vertragsarbeitskräfte in der DDR, in: Behrends/Lindenberger/Poutrus: Fremde, S. 271–281.
- 52 Elisabeth Bronfen; Benjamin Marius: Hybride Kulturen. Einleitung zur anglo-amerikanischen Multikulturalismusdebatte, in: dies.; Therese Steffen: Hybride Kulturen. Beiträge zur anglo-amerikanischen Multikulturalismusdebatte, Tübingen 1997, S. 1–29, hier 7.
- 53 Michael Brie: Verordneter Liberalismus. DDR und Rechtsradikalismus. Wer ein autoritäres Erbe antreten will, muß ihm auch gerecht

- werden, in: Freitag. Die Ost-West-Wochenzeitung vom 18. August 2000.
- 54 Vgl. Heinrich Sippel; Walter Süß: Staatssicherheit und Rechtsextremismus, Bochum 1994.
- 55 Jan C. Behrends; Dennis Kuck; Patrice G. Poutrus: Fremd-Sein in der staatssozialistischen Diktatur. Zu historischen Ursachen von Fremdenfeindlichkeit und rassistischer Gewalt in den neuen Bundesländern, in: Susan Arndt (Hg.): Afrikabilder. Studien zu Rassismus in Deutschland, Münster 2001, S. 184–204.
- 56 Patrice G. Poutrus: Alles unter Kontrolle? Zur Bedeutung der BStU-Quellen für die zeithistorische Migrationsforschung, in: Jens Gieseke (Hg.): Staatssicherheit und Gesellschaft. Studien zum Herrschaftsalltag in der DDR, Göttingen 2007, S. 318–338.

Герман Вентклер
За мир и дружбу народов?

- 1 Aufruf zum 35. Jahrestag der Gründung der Deutschen Demokratischen Republik, in: Neues Deutschland vom 21./22. Januar 1984, S. 1.
- 2 So u. a. Werner Hänisch u. a. (Autorenkollektiv): Geschichte der Außenpolitik der DDR. Abriß, Berlin (Ost) 1984, S. 24 f.
- 3 Ebd, S. 25.
- 4 Wörterbuch der Außenpolitik und des Völkerrechts, hrsg. vom Institut für internationale Beziehungen an der Akademie für Staats- und Rechtswissenschaften der DDR, Berlin (Ost) 1980, S. 64.
- 5 Vgl. dazu Hermann Wentker: Außenpolitik in engen Grenzen. Die DDR im internationalen System 1949–1989, München 2007, S. 556 (im Folgenden Wentker: Außenpolitik in engen Grenzen).
- 6 Vgl. Michael Lemke: Die Deutschlandpolitik der DDR zwischen Moskauer Oktroi und Bonner Sogwirkung, in: Jürgen Kocka; Martin Sab-row (Hg.): Die DDR als Geschichte. Fragen – Hypothesen – Perspektiven, Berlin 1994, S. 181–185.
- 7 Петр Абрасимов в 1992 г. в интервью газете «Известия» утверждал, что, строго говоря, ГДР можно сравнить с гомункулусом, который был выращен в советской пробирке. Zit. nach Fred Oldenburg: Eine endliche Geschichte. Zum Verhältnis DDR-UdSSR 1970 bis 1990, in: Gisela Helwig (Hg.): Rückblicke auf die DDR. Festschrift für Ilse Spittmann-Rühle, Köln 1995, S. 163.

- 8 Siehe Hermann Wentker: Die Staatsräson der DDR, in: Günther Heydemann; Eckart Klein (Hg.): Staatsräson in Deutschland, Berlin 2003, S. 143–161, hier 153–157.
- 9 Vgl. Hope Harrison: Driving the Soviets up the Wall. Soviet-East German Relations, 1953–1961, Princeton 2003, S. 34–48 (im Folgenden Harrison: Driving the Soviets up the Wall).
- 10 Der Begriff nach Richard Löwenthal: Vormachtkontrolle und Autonomie in der Entwicklung des Sowjetblocks, in: ders.; Boris Meissner (Hg.): Der Sowjetblock zwischen Vormachtkontrolle und Autonomie, Köln 1984, S. 18; Vgl. dazu auch Hermann Wentker: Entsatellisierung oder Machtverfall? Das sowjetische Imperium und die innerstaatlichen Krisen im Ostblock (1953–1981), in: Henrik Bispinck; Jürgen Danyel; Hans-Hermann Hertle; Hermann Wentker (Hg.): Aufstände im Ostblock. Zur Krisengeschichte des realen Sozialismus, Berlin 2004, S. 231–255.
- 11 Vgl. Harrison: Driving the Soviets up the Wall; Matthias Uhl; Armin Wagner (Hg.): Ulbricht, Chruschtschow und die Mauer. Eine Dokumentation, München 2003.
- 12 Vgl. Michael Lemke: Die Berlinkrise 1958 bis 1963. Interessen und Handlungsspielräume der SED im Ost-West-Konflikt, Berlin 1995, S. 173–227.
- 13 Vgl. Jan Foitzik: Sowjetische Hegemonie und Ostintegration der DDR, in: Dierk Hoffmann; Michael Schwartz; Hermann Wentker (Hg.): Vor dem Mauerbau. Politik und Gesellschaft in der DDR der fünfziger Jahre, München 2003, S. 44 f.
- 14 Vgl. Hermann Wentker: Bedroht von Ost und West. Die Entstalinisierungskrise von 1956 als Herausforderung für die DDR, in: Roger Engelmann; Thomas Großbölting; Hermann Wentker (Hg.): Kommunismus in der Krise. Die Entstalinisierung 1956 und die Folgen, Göttingen 2008, S. 149–166.
- 15 Vgl. dazu Lutz Prieß; Vaclav Kural; Manfred Wilke (Hg.): Die SED und der «Prager Frühling» 1968. Politik gegen einen «Sozialismus mit menschlichem Antlitz», Berlin 1996.
- 16 Vgl. Mary Elise Sarotte: Dealing with the Devil: East Germany, Detente and Ostpolitik, 1969–1973, Chapel Hill 2001.
- 17 Vgl. Ralf Ahrens: Gegenseitige Wirtschaftshilfe? Die DDR im RGW – Strukturen und handelspolitische Strategien 1963–1976, Köln; Weimar; Wien 2000, S. 270–302.
- 18 Vgl. Michael Kubina; Manfred Wilke (Hg.): «Hart und kompromißlos durchgreifen». Die SED contra Polen 1980/81. Geheimakten der SED

- Führung über die Unterdrückung der polnischen Demokratiebewegung, Berlin 1995.
- 19 Zit. nach Michael Lemke: *Einheit oder Sozialismus? Die Deutschlandpolitik der SED 1949–1961*, Köln; Weimar; Wien 2001, S. 351.
- 20 Vgl. Wentker: *Außenpolitik in engen Grenzen*, S. 417–421.
- 21 Vgl. Heinrich Potthoff: *Im Schatten der Mauer. Deutschlandpolitik 1961–1990*, Berlin 1999, S. 156–164.
- 22 Honeckers Rede gedruckt in: *Neues Deutschland vom 26./27. November 1983*, S. 3.
- 23 13 октября 1980 г. Хонеккер, выступая в Гере, потребовал признать гражданство ГДР, распустить Центральную службу по сбору доказательств и других свидетельств нарушения прав граждан ГДР в Зальцгиттере, преобразовать постоянные представительства в посольства и урегулировать вопросы, связанные с прохождением внутригерманской границы вдоль Эльбы «в соответствии с международным правом», т.е. по середине главного фарватера. Напечатано в: *Innerdeutsche Beziehungen. Die Entwicklung der Beziehungen zwischen der Bundesrepublik Deutschland und der Deutschen Demokratischen Republik 1980–1986. Eine Dokumentation*, hrsg. vom Bundesministerium für innerdeutsche Beziehungen, Bonn 1987, S. 77.
- 24 Die Vorlage Schürers für die Politbürositzung am 31. Oktober 1992 in: *Deutschland Archiv* 25 (1992), S. 1112–1120.
- 25 Zu dieser Auseinandersetzung William Glenn Gray: *Germany's Cold War: The Global Campaign to Isolate East Germany, 1949–1969*, Chapel Hill; London 2003 (im Folgenden Gray: *Germany's Cold War*).
- 26 Vgl. Ulf Engel; Hans-Georg Schleicher: *Die beiden deutschen Staaten in Afrika: Zwischen Konkurrenz und Koexistenz*, Hamburg 1998, S. 89–103 (im Folgenden Engel/Schleicher: *Die beiden deutschen Staaten in Afrika*).
- 27 Vgl. Gray: *Germany's Cold War*, S. 209–217; Wentker: *Außenpolitik in engen Grenzen*, S. 284–287, 290 f.
- 28 So Honecker gegenüber Fidel Castro am 3. April 1977, zit. nach Jochen Staadt (Hg.): *Auf höchster Stufe. Gespräche mit Erich Honecker*, Berlin 1995, S. 62.
- 29 Vgl. Engel/Schleicher: *Die beiden deutschen Staaten in Afrika*, S. 245, 251–253.
- 30 Vgl. auch Hans-Joachim Döring: «Es geht um unsere Existenz». *Die Politik der DDR gegenüber der Dritten Welt am Beispiel von Mosam-*

bik und Äthiopien, Berlin 1999. Döring sieht allerdings die Politik der DDR gegenüber diesen Staaten seit 1977 wirtschaftlich motiviert.

Ютта Браун

**«Раз в неделю всяк из нас
спорту посвяти хоть час»**

- 1 Manfred Ewald: Ich war der Sport. Wahrheiten und Legenden aus dem Wunderland der Sieger, Berlin 1994 (im Folgenden Ewald: Ich war der Sport).
- 2 Willi Knecht: Laufen Sozialisten schneller?, in: Deutschland Archiv 1/1969, S. 1–9.
- 3 Horst Möller: Worin lag das «national» Verbindende in der Epoche der Teilung, in: Hans Günter Hockerts (Hg.): Koordinaten deutscher Geschichte in der Epoche des Ost-West-Konflikts. München 2004, S. 307–324, hier 311.
- 4 SED/ZK/Westabteilung: «Sportpolitische Argumentation für die weitere Vorbereitung unserer Olympiakader auf die Olympischen Spiele 1972 in Sapporo und München», SAPMO DY 30/IVA2/1002/14.
- 5 Grundlinie der Entwicklung des Leistungssports in der DDR bis 1980, in: Hans Joachim Teichler: Die Sportbeschlüsse des Politbüros, Köln 2002, S. 567.
- 6 Vgl. Günther Wonneberger: Die Auswirkungen des Leistungssportbeschlusses von 1969 auf den Basketballsport in Leipzig – Erinnerungen eines Zeitzeugen, in: Giselher Spitzer; Harald Braun (Hg.): Der geteilte deutsche Sport. Tagung der dvs-Sektion Sportgeschichte vom 24–26. März 1995 in Potsdam, Köln 1997, S. 155–158.
- 7 Seminarplan für den Komplex «Nachwuchsleistungssport» vom März 1971, SAPMO DY 30/IVA2/18/3.
- 8 Vgl. Hans Joachim Teichler; Klaus Reinartz: Das Leistungssportsystem der DDR in den 1980er Jahren und im Prozeß der Wende, Schorn-dorf 1999, S. 123 (im Folgenden Teichler/Reinartz: Leistungssport-system).
- 9 Tonbandmitschnitt der Rede von Klaus Eichler bei der Tagung des DTSB am 7. November 1989 in Kleinmachnow, SAPMO DY 12 (1124) A 12241/12242.
- 10 Ewald: Ich war der Sport, S. 74.
- 11 Футбол как один из наиболее популярных видов спорта был отнесен к категории «Спорт I». Тем не менее это никак не сказалось на повышении качества работы со спортивным резервом.

- 12 Футбольный тренер из Йены позволяет себе помечтать, потому что он реалист, см.: Frankfurter Allgemeine Zeitung vom 18. September 1986.
- 13 Interview der Autorin mit Lothar Kurbjuweit am 7. Juli 2006 in Jena.
- 14 Vgl. zu den Gesamtkosten des Leistungssports Teichler/Reinartz: Leistungssportsystem, S. 87 ff.
- 15 Vgl. Rene Wiese: Staatsgeheimnis Sport. Die Abschottung des Leistungssportsystems der DDR, in: Jutta Braun; Rene Wiese: Sport und Diktatur, in: Historische Sozialforschung 1/2007, S. 154–171.
- 16 Volker Kluge: Wir waren die Besten – der Auftrag des DDR-Sports, in: Irene Diekmann; Hans Joachim Teichler: Körper, Kultur und Ideologie. Sport und Zeitgeist im 19. und 20. Jahrhundert, Mainz 1997, S. 169–216.
- 17 Mit dem Germina Speeder durch Ost-Berlin. Funsport in der DDR, in: Der Spiegel vom 30. Dezember 2005.
- 18 Rene Wiese; Ronald Huster: Brettsegeln in der DDR, in: Hans Joachim Teichler (Hg.): Sport in der DDR. Eigensinn, Konflikte, Trends, Köln 2003, S. 425–500 (im Folgenden Teichler: Sport in der DDR).
- 19 Ewald an Erbach, 29. 9. 1986, betr. Surfschule Schnitzler, BAB DR 5/1638.
- 20 Kurt Repmann: Die konfliktreiche Entwicklung des Karatesports in der DDR, in: Teichler: Sport in der DDR, S. 500–531.
- 21 Vgl. Hans Joachim Teichler: Sport in der DDR, in: Deutschlandarchiv 3/2004, S. 414–421.
- 22 D. K. an DTSB-Abteilungsleitung, 26. 10. 1983, SAPMO DY 12 3359.
- 23 Vgl. Constanze Bartel: Die Entwicklung des Langlaufs in Deutschland vor und nach der Wiedervereinigung unter besonderer Berücksichtigung des Marathonlaufs, Magisterarbeit, Univ. Göttingen. November 2005, S. 47.
- 24 Eingabe H. N. aus Brandenburg, 10. 1. 1983, SAPMO DY 12/3357.
- 25 Generalsekretär des Basketballverbandes an die Abt. Sport II Berlin, 21. 4. 1989, SAPMO DY 12/A12358.
- 26 Hans Joachim Teichler: Konfliktlinien des Sportalltags. Eingaben zum Thema Sport, in: ders.: Sport in der DDR, S. 535–560, hier 559.
- 27 Eingabe D. K., 1. 11. 1983, SAPMO DY 12/3359.
- 28 Ewald an Krenz, 1. 10. 1985, SAPMO DY 30 IV 2/2.039/247.
- 29 Zu Balzer und Pöhland Vgl. Jutta Braun: Sportler zwischen Ost und West, in: Aus Politik und Zeitgeschichte 29–30/2008, S. 38–45.

- 30 Ebd.
- 31 Vgl. Giselher Spitzer: IM Schattenreich. Inoffizielle Mitarbeiter im Sport: Fallstudie Leipzig, in: Grit Hartmann (Hg.): Goldkinder. Die DDR im Spiegel ihres Spitzensports, Leipzig 1997, S. 188–204, hier 188 f.
- 32 Zit. nach Jens Genschmar; Veit Püzug: Der Dirigent. Hans Jürgen «Dixie» Dörner. Eine deutsche Fußballkarriere, Göttingen 2007, S. 237–248, hier 243 ff.
- 33 DDR-Trio lehnte eine Rückkehr ab. Meldung der Deutschen Presseagentur, 14. 11. 1986.
- 34 Zu dieser Praxis im Nationalsozialismus und in der DDR Vgl. ausführlich Erik Eggers: Die «Privilegierten» und der «Annex», in: Jutta Braun; Hans Joachim Teichler (Hg.): Sportstadt Berlin im Kalten Krieg, Berlin 2006, S. 184–238.
- 35 5–6 августа 1988 г. газета «Спортэхо» опубликовала список сильнейших пловцов мира. Сбежавший пловец Йенс-Петер Берндт отсутствовал в нем «по внутренним причинам», как ответил главный редактор газеты Дитер Валес на вопрос «Зюддойче цайтунг». См.: Sportecho ignoriert Berndt. Kein Listenplatz, in: Süddeutsche Zeitung vom 9. August 1988.
- 36 Среди преследуемых также оказались футбольный тренер Йорг Бергер и игрок футбольного клуба «Динамо» Петер Котте, который был задержан при попытке бегства в ФРГ; Vgl. Teichler: Konfliktlinien, a. a. O., S. 553; Jörg Berger: Meine zwei Halbzeiten – ein Leben in Ost und West, Hamburg 2009.
- 37 Обстоятельства автомобильной аварии в ночь с 5 на 6 марта 1983 г., в результате которой погиб Айгендорф, до настоящего времени остаются невыясненными. В документах МГБ содержатся некоторые косвенные свидетельства, которые позволяют сделать вывод о том, что авария произошла не без участия секретной службы ГДР. Heribert Schwan: Tod dem Verräter! Der lange Arm der Stasi und der Fall Lutz Eigendorf, München 2000.
- 38 Kontaktgift im Kalten Krieg, in: Die Tageszeitung vom 7. März 2008.
- 39 Menschenhändler am Werk, in: Neue Fußball-Woche vom 13. Oktober 1959.
- 40 «Verrat bleibt Verrat», in: Neue Fußball-Woche vom 7. September 1959.
- 41 Vgl. «Erst der Verrat und nun die Lüge», in: Junge Welt vom 28. Juni 1989.

- 42 50. Jahrestag der Gründung des DTSB. «Wen wir grüßen ...» Rede von Gustav-Adolf Schur, in: Beiträge zur Sportgeschichte 24/2007, S. 5–12, hier 10.
- 43 Vgl. hierzu Jutta Braun: Dopen für Deutschland – die Diskussion im vereinten Sport 1990–1992, in: Klaus Latzel; Lutz Niethammer (Hg.): Hormone und Hochleistung. Doping in Ost und West, Köln u. a. 2008, S. 151–172.
- 44 В день, когда была закончена работа над настоящей статьей, т.е. 30 июня 2009 г., впервые спустя почти 20 лет было достигнуто соглашение между спортивными союзами и жертвами допинговых афер в ГДР, которое позволяет надеяться на то, что наконец-то будут урегулированы вопросы с выплатой им пенсий. Vgl.: DOSB und DDR-Dopingopfer legen Streit bei, in: Sueddeutsche-online vom 30. Juni 2009.
- 45 По этому вопросу см. по-прежнему актуальное подробное исследование: Giselher Spitzer: Doping in der DDR. Ein historischer Überblick zu einer konspirativen Praxis, Köln 2004.
- 46 Treffbericht IM Technik, 3. 3. 1977, BStU MfS ZA A 637/79.
- 47 Ebd.
- 48 Ebd.
- 49 IMS Rolf, Treffbericht zum 13. 1. 1977, BStU MfS Leipzig AIM 5330/92.
- 50 Treffbericht IMV Technik, 5. 11. 1974, BStU MfS ZA 637/79.
- 51 Treffbericht IMV Technik, 7. 3. 1977, BStU MfS ZA 637/79.
- 52 IMS Hans, Bericht von Oberstleutnant Radeke, 7. 5. 1975, ZERV-Archiv.
- 53 IMV Technik, Treffbericht 5. 8. 1977, BStU MfS ZA 637/79.
- 54 IMV Technik, Treffbericht 16. 2. 1981, BStU MfS ZA 637/79.
- 55 Krenz an Honecker, 14. 10. 1985, SAPMO DY 30 IV 2/2.039/247.
- 56 Ewald an Krenz, 1. 10. 1985, SAPMO DY 30 IV 2/2.039/247.
- 57 STS 646 ist eine vom SMD häufig verwendete tablettenförmige Anabolikasubstanz.
- 58 Vernehmung Frau Fürst (Name geändert), o. D., ZERV-Archiv.
- 59 Vernehmung A. K., o. D., ZERV-Archiv.
- 60 Vernehmung Fürst, o. D., ZERV-Archiv.
- 61 Neues Forum Leipzig, 4. 12. 1989, abgedruckt in Giselher Spitzer; Hans Joachim Teichler; Klaus Reinartz (Hg.): Schlüsseldokumente zum DDR-Sport, Aachen 1998, S. 328-331.

62 Ebd.

63 «Как ГДР создавала чемпионов», в: Stern vom 29. November 1990; «Ich stehe heute noch dazu», in: Stern vom 29. November 1990.

64 С 1956 по 1964 г. существовала единая общегерманская олимпийская сборная.

65 Этот исследовательский проект был реализован в 2009–2010 гг. рабочей группой «Современная история спорта» университета города Потсдама. Средства для проведения проекта были предоставлены фондом истории диктатуры СЕПГ, спортивным союзом земли Тюрингия, правительством земли Тюрингия и уполномоченным земли Тюрингия по делам архивов министерства государственной безопасности бывшей ГДР.

Кристоф Линкс

ГДР — страна читателей

- 1 Ursula E. Köhler: Lesekultur in beiden deutschen Staaten. 40 Jahre ein Vergleich. Dissertation der Universität Mannheim 1988, in: Archiv für Soziologie und Wirtschaftsfragen des Buchhandels. Sonderdruck des Börsenblattes des Deutschen Buchhandels, Frankfurt a. M., 1990, Teil 2, S. 2522. (Согласно другим исследованиям, чтение на востоке страны также занимает третье или пятое место, на западе — 11-е.)
- 2 Heinz Bonfadelli: Leser und Leseverhalten heute. Sozialwissenschaftliche Buchlese(r)forschung, in: Stiftung Lesen und Deutsche Literaturkonferenz (Hg.): Handbuch Lesen, München 1999, S. 116.
- 3 Klaus Höpcke: Leser und Lesen in Gegenwart und Zukunft. Eröffnungsreferat der internationalen wissenschaftlichen Konferenz des Instituts für Verlagswesen und Buchhandel der Karl-Marx-Universität Leipzig, in: Leser und Lesen in Gegenwart und Zukunft. Leipzig 1990, S. 39.
- 4 Jutta Duclaud: Buchkauf und Buchbesitz, in: Helmut Göhler; Bernd Lindner; Dietrich Löffler (Hg.): Buch — Lektüre — Leser. Erkundungen zum Lesen, Berlin 1989, S. 163.
- 5 Martin Ahrends: Leseland BRDDR?, in: Die Zeit 27/1990.
- 6 Frauke Meyer-Gosau: Leseland? Legoland? Lummerland? Kummerland!, in: Aus Politik und Zeitgeschichte 11/2009, S. 12.
- 7 Vgl. Simone Barck; Martina Langermann; Siegfried Lokatis: Abenteurer im Zeitschriften-Leseland DDR, in: dies. (Hg.): Zwischen «Mosaik» und «Einheit». Zeitschriften in der DDR, Berlin 1999, S. 13–21.

- 8 Эти и последующие данные о количестве издательств содержатся в: Christoph Links: Das Schicksal der DDR-Verlage. Die Privatisierung und ihre Konsequenzen, Berlin 2009.
- 9 Martin Weskott (Hg.): Die vergessenen Bücher. Was mit der Buchproduktion der DDR nach 1990 geschah, Katlenburg 1995.
- 10 Vgl. Johannes Heß: Unternehmensverkäufe der Treuhandanstalt. Verträge im Spannungsfeld zwischen Arbeitsplatzsicherung und Alteiligentümerschutz, Berlin 1997, S. 29.
- 11 Börsenblatt des Deutschen Buchhandels 92/1991, S. 4061.
- 12 Börsenverein des Deutschen Buchhandels (Hg.): Buch und Buchhandel in Zahlen, Frankfurt a. M. 2008, S. 34 f., 61, 122.
- 13 Jörg Roesler: Die Treuhandpolitik. Verkauf und Abwicklung statt Sanierung und Umwandlung, in: Hannes Bahrmann; Christoph Links (Hg.): Am Ziel vorbei. Die deutsche Einheit – Eine Zwischenbilanz, Berlin 2005, S. 102.
- 14 Harry Fauth; Hans Hünich: Zur Geschichte des Buchhandels der DDR, in: Beiträge zur Geschichte des Buchwesens, Bd. V, Leipzig 1972, S. 148 f.
- 15 Nils Kahlefeldt: Abschied vom «Leseland»? Die ostdeutsche Buchhandels- und Verlagslandschaft zwischen Ab- und Aufbruch, in: Aus Politik und Zeitgeschichte 13/2000, S. 31.
- 16 Thomas Mayer: Die Tradition stirbt. Jüngst schloss die Mehring-Buchhandlung, bald macht der Insel Verlag dicht, in: Leipziger Volkszeitung vom 28. Januar 2009, S. 17.
- 17 Stiftung Lesen: Jahrbuch Lesen 1995. Fakten und Trends, Mainz 1995, S. 51 f.
- 18 Börsenverein des Deutschen Buchhandels (Hg.): Buch und Buchhandel in Zahlen, Frankfurt a. M. 2008, S. 19.
- 19 Ebd., S. 26, 38.
- 20 Stiftung Lesen: Jahrbuch Lesen 1995. Fakten und Trends, Mainz 1995, S. 51 f.
- 21 Ebd., S. 19.
- 22 Vgl. die Beiträge im Kapitel «Giftschränke und Nachtwächter» des Sammelbandes von Siegfried Lokatis und Ingrid Sonntag (Hg.): Heimliche Leser in der DDR. Kontrolle und Verbreitung unerlaubter Literatur, Berlin 2008, S. 188–230.
- 23 Stiftung Lesen, Deutscher Kulturrat (Hg.): Kultur im Übergang, Mainz 1993, S. 18–20.
- 24 www.bibliothekssterben.de (20. 5. 2009).

- 25 Helmut Göhler: Lesen international, in: Helmut Göhler; Bernd Lindner; Dietrich Löffler (Hg.): Buch – Lektüre – Leser. Erkundungen zum Lesen, Berlin 1989, S. 236.
- 26 Stiftung Lesen: Lesen in Deutschland 2008, Mainz 2008, S. 25.
- 27 Börsenverein des Deutschen Buchhandels (Hg.): Buch und Buchhandel in Zahlen, Frankfurt a. M. 2008, S. 17.

Рюдигер Шмидт
Историческая победа?

- 1 SAPMO, NY 4036, Nachlass Wilhelm Pieck, Nr. 17: Aufruf der Kommunistischen Partei Deutschlands. Schaffendes Volk in Stadt und Land! Männer und Frauen! Deutsche Jugend! Siehe auch den Abdruck des Aufrufs in der Deutschen Volkszeitung. Zentralorgan der Kommunistischen Partei Deutschlands vom 13. Juni 1945.
- 2 Ebd.
- 3 Vgl. Herfried Münkler: Antifaschistischer Widerstand, frühbürgerliche Revolution und Befreiungskriege. Die Gründungsmythen der DDR, in: ders. (Hg.): Die Deutschen und ihre Mythen, 2. Aufl., Berlin 2009, S. 422 (im Folgenden Münkler: Antifaschistischer Widerstand).
- 4 Здесь и далее это понятие приводится исключительно в современном ему историческом контексте и вне рамок более внимательного рассмотрения его, на мой взгляд, слабой аналитической обоснованности.
- 5 Georgi Dimitroff: Die Offensive des Faschismus und die Aufgaben der Kommunistischen Internationale im Kampf für die Einheit der Arbeiterklasse gegen den Faschismus. Hier nach dem Referat auf dem VII. Weltkongreß der Kommunistischen Internationale am 2. August 1935, in: Gegen Faschismus und Krieg. Ausgewählte Reden und Schriften, Leipzig 1982, S. 50. Vgl. auch den Artikel Faschismus, in: Georg Klaus; Manfred Buhr (Hg.): Philosophisches Wörterbuch, Bd. 1, 12. Aufl., Leipzig 1976, S. 403–406.
- 6 Max Horkheimer: Die Juden in Europa, in: Zeitschrift für Sozialforschung 8 (1939/40), S. 115.
- 7 Josef W. Stalin: Werke, Bd. 6, Berlin (DDR) 1952, S. 253. Vgl. auch Hermann Weber: «Hauptfeind Sozialdemokratie». Zur Politik der deutschen Kommunisten gegenüber Sozialdemokraten zwischen 1930 und 1950, in: Rainer Eckert; Bernd Faulenbach (Hg.): Halb-

- herziger Revisionismus. Zum postkommunistischen Geschichtsbild, München; Landsberg am Lech 1996, S. 25–46.
- 8 Vgl. grundsätzlich Klaus-Michael Mallmann: *Kommunisten in der Weimarer Republik. Sozialgeschichte einer revolutionären Bewegung*, Darmstadt 1995.
  - 9 Vgl. SAPMO, NY 4036, Nachlass Wilhelm Pieck, Nr. 17: Befehl Nr. 2 des Obersten Chefs der Sowjetischen Militäradministration vom 10. 6. 1945.
  - 10 Vgl. Dietrich Staritz; Siegfried Suckut: *Politische Parteien*, in: Martin Broszat; Hermann Weber (Hg.): *SBZ-Handbuch. Staatliche Verwaltungen, Parteien, gesellschaftliche Organisationen und ihre Führungskräfte in der Sowjetischen Besatzungszone Deutschlands 1945–1949*, 2. Aufl., München 1993, S. 435.
  - 11 Archiv der Christlich Demokratischen Partei (ACDP), VII-013, Ost-CDU, Nr. A 0849: Protokoll der ersten Sitzung der Einheitsfront der antifaschistisch-demokratischen Parteien vom 14. 7. 1945.
  - 12 Landeshauptarchiv Potsdam, Rep. 330, KPD-Bezirksleitung Provinz Brandenburg, Nr. I/2/3: Protokoll der Provinzbesprechung aller Parteileiter der Provinz Brandenburg am 27. 6. 1945 in Berlin. Vor den Anwesenden einer vom Politbüro eingesetzten Kommission zur Vorbereitung des 25. Jahrestages der SED-Gründung hatte Ulbricht 1970 unverblümt bekannt: «Wir wollten nur die Staatsmacht haben, weiter nichts! Die antifaschistische demokratische Staatsmacht genügte uns. Wir sagten uns: Wie es dann weitergeht, das werden wir schon sehen.» Nach Ralf Thomas Baus: *Die «antifaschistisch-demokratische Umwälzung» in der sowjetisch besetzten Zone 1945–1949*, in: Konrad-Adenauer-Stiftung (Hg.): *Der Antifaschismus als Staatsdoktrin der DDR*, Sankt Augustin; Berlin 2009, S. 22.
  - 13 SAPMO, NY 4091, Nachlass Bernard Koenen, Nr. 112: *Aufbruch des Geistes. Zur Frage der neuen deutschen Volkskultur*. Referat von Fritz Selbmann auf der Kulturtagung des Antifaschistischen Blocks in Leipzig am 29. 6. 1945.
  - 14 ACDP, VII-013, Ost-CDU, Nr. A 0849: Protokoll der ersten Sitzung der Einheitsfront der antifaschistisch-demokratischen Parteien vom 14. 7. 1945.
  - 15 SAPMO, DY 30/IV 2/6.02, Sozialistische Einheitspartei Deutschlands, Abteilung Wirtschaftspolitik 1945–1949, Nr. 14: Walter Ulbricht im Rundschreiben Nr. 17/46 an die Landes- und Provinzialvorstände betr. Anweisungen für die Durchführung der Wahlkampagne vom 17. 8. 1946. Vgl. auch das Rundschreiben Nr. 22/46 zur Führung der Wahlkampagne zu den Landtags- und Kreistagswahlen vom 28. 9. 1946.

- 16 SAPMO, DY 30/IV 2/13, Sozialistische Einheitspartei Deutschlands, Abteilung Staat und Recht 1946–1962, Nr. 6: Bericht des Landesvorstandes Brandenburg zum II. Parteitag der SED (1947).
- 17 SAPMO, DY 30/IV 2/13, Sozialistische Einheitspartei Deutschlands, Abteilung Staat und Recht 1946–1962, Nr. 6: Bericht des Landesvorstandes Brandenburg zum II. Parteitag der SED (1947).
- 18 Vgl. dazu auch ACDP, VII-013, Ost-CDU, Nr. A 0847: Выступление Гротеволья на заседании Совместного комитета антифашистских демократических партий 5 августа 1948 г., в котором впервые участвовали также Демократическая крестьянская партия и Объединение свободных немецких профсоюзов. Гротеволь подверг резкой критике позицию ХДС за ее якобы недостаточную поддержку целей СЕПГ. В частности, он заявил: «Социалистическая единая партия Германии обеспокоена тем фактом, что один из членов этого комитета — я имею в виду не его лично, а представляемую им партию — по различным политическим вопросам занял позицию, которая не соответствует ранее сформулированным представлениям о блоковой политике и особенно точке зрения на нее Социалистической единой партии».
- 19 Landeshauptarchiv Brandenburg, Ld. Br. Rep. 206, Wirtschaftsministerium, Nr. 225: Befehl Nr. 34 des Chefs der Verwaltung der SMA der Provinz Brandenburg vom 28. 2. 1947.
- 20 Landeshauptarchiv Magdeburg, Rep. K, Ministerium für Wirtschaft und Verkehr, Nr. 7156: Durchführung von SMAD-Befehl Nr. 82 vom 29. 4. 1948 und des Gesetzes vom 30. 5. 1947: Übertragung von Vermögenswerten auf antifaschistisch-demokratische Organisationen im Zuge der Wiedergutmachung.
- 21 SAPMO, NY 4109, Nachlass Anton Ackermann, Nr. 18: Referat auf der Tagung des Parteivorstandes der SED am 14./15. 1. 1948 über die «marxistische Analyse der Ereignisse der Jahre 1848/1849».
- 22 Politische Richtlinien zur Durchführung der Veranstaltungen 1848/1948. Zum hundertsten Jahrestag der Revolution 1848/49, SAPMO, NY 4109.
- 23 Vgl. auch Helga A. Wesh: «Antifaschistisch-demokratische Umwälzung» und politische Säuberung in der sowjetischen Besatzungszone Deutschlands, in: Klaus Dietmar Henke; Hans Woller (Hg.): Politische Säuberung in Europa. Die Abrechnung mit Faschismus und Kollaboration nach dem Zweiten Weltkrieg, München 1991, S. 84–107.
- 24 SAPMO, DY 30/IV 2/6.02, Sozialistische Einheitspartei Deutschlands, Abteilung Wirtschaftspolitik 1945–1949, Nr. 14: Rundschreiben Nr. 12 des ZK der SED vom 10. 7. 1946.

- 25 Landesarchiv Merseburg, Bestand KPD-SED, Nr. I/2/3/1: Unsere Stellungnahme zu bestimmten Schichten der Nazis, o. D.
- 26 Vgl. Clemens Vollnhals: Politische Säuberung als Herrschaftsinstrument. Entnazifizierung in der Sowjetischen Besatzungszone, in: Andreas Hilger; Mike Schmeitzner; Ute Schmidt (Hg.): Diktaturdurchsetzung, Instrumente und Methoden der kommunistischen Machtsicherung in der SBZ/DDR 1945–1955, Dresden 2001, S. 127–138.
- 27 Vgl. hier nur Antonia Grunenberg: Antifaschismus – ein deutscher Mythos, Reinbek 1993, S. 120.
- 28 Bernd Faulenbach: Einführung zur 30. Sitzung der Enquete-Kommission «Aufarbeitung von Geschichte und Folgen der SED-Diktatur in Deutschland» am 5. März 1993, in: Deutscher Bundestag (Hg.): Materialien der Enquete-Kommission, Bd. 3, Baden-Baden/Frankfurt a. M. 1994, S. 101.
- 29 Stephan Hermlin: In den Kämpfen dieser Zeit, Berlin 1995, S. 29. Den Hinweis auf diese Fundstelle verdanke ich der Lektüre von Münkler: Antifaschistischer Widerstand, S. 438.
- 30 SAPMO, DY 30/IV 1/2, Stenographische Niederschrift über die Parteikonferenz der Sozialistischen Einheitspartei Deutschlands vom 25. bis 28. Januar 1949 im Hause der Deutschen Wirtschaftskommission zu Berlin.
- 31 Vgl. zur Rezeption der Vereinigten Staaten in der DDR der fünfziger Jahre auch Ina Merkel: Eine andere Welt. Vorstellungen von Nordamerika in der DDR der fünfziger Jahre, in: Alf Lüdtke; Inge MarBolek; Adelheid v. Saldern (Hg.): Amerikanisierung. Traum und Alptraum im Deutschland des 20. Jahrhunderts, Stuttgart 1996, S. 245–254.
- 32 Vgl. Werner Müller: Kommunistische Intellektuelle in der SBZ und in der frühen DDR, in: Gangolf Hübinger; Thomas Hertfelder (Hg.): Intellektuelle in der deutschen Politik, Stuttgart 2000, S. 239–265.
- 33 Vgl. Jean Mortier: Ein Buchmarkt mit neuen Strukturen. Zur Verlagspolitik und Buchplanung in der SBZ 1945–1949, in: Klaus R. Scherpe; Lutz Winckler (Hg.): Frühe DDR-Literatur. Traditionen, Institutionen, Tendenzen, Berlin 1988, S. 63 (im Folgenden Scherpe/Winckler: Frühe DDR-Literatur). Vgl. zur Erteilung der Lizenzen auch Günter Raue: Journalismus in der Übergangsperiode. Zu Entstehung, Funktion und Profilierung des späteren DDR-Journalismus in der antifaschistischdemokratischen Umwälzung (1945–1949), Dissertation B, Leipzig 1983, S. 48 und 82.

- 34 Vgl. Anneli Hartmann: Erneuerung der deutschen Kultur? Zur sowjetischen Kultur- und Literaturpolitik in der SBZ und frühen DDR, in: Scherpe/Winckler: Frühe DDR-Literatur, S. 35.
- 35 Anna Seghers: Das siebte Kreuz, 27. Aufl., Darmstadt 1987, S. 5.
- 36 Die Darstellung Westhofens (gemeint ist das KZ Osthofen) basiert auf Berichten von Häftlingen des Konzentrationslagers Dachau.
- 37 Petra Boden: Antifaschismus als Ordnungsgröße in der germanistischen Literaturwissenschaft der DDR, in: Claudia Keller (Hg.): Die Nacht hat zwölf Stunden, dann kommt schon der Tag. Antifaschismus, Geschichte und Neubewertung, Berlin 1996, S. 219–233 (im Folgenden Keller: Die Nacht).
- 38 Beschluss des ZK der SED: Der neue Kurs und die Aufgaben der Partei vom 26.07.1953, in: Dokumente der Sozialistischen Einheitspartei Deutschlands, Bd. IV, Berlin 1954, S. 449; DDR, Werden und Wachsen. Zur Geschichte der Deutschen Demokratischen Republik, Berlin 1975, S. 240.
- 39 Vgl. grundsätzlich auch Bernd Faulenbach: Die «Verarbeitung» des 17. Juni 1953 in der DDR und in der Bundesrepublik, in: Ulrich Mähler (Hg.): Der 17. Juni 1953. Ein Aufstand für Einheit, Recht und Freiheit, Bonn 2003, S. 252–272.
- 40 С ноября 1961 г. это название прочно утвердилось в политическом лексиконе, понятие «стена» на тот момент стало неполиткорректным; Vgl. Bernd Bonwetsch; Alexej Filitow: Chruschtschow und der Mauerbau. Die Gipfelkonferenz der Warschauer-Pakt-Staaten vom 3.–5. August 1961, in: Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte 48 (2000) 1, S. 155, sowie Horst Dieter Schlosser: Die deutsche Sprache in der DDR zwischen Stalinismus und Demokratie. Historische, politische und kommunikative Bedingungen, Köln 1990, S. 216.
- 41 Hermann Kant: Die Aula, Frankfurt a. M. 1977, S. 39.
- 42 Karl-Heinz Jakobs: Das endlose Jahr. Begegnungen mit Mäd, Düsseldorf 1983, S. 232 f.
- 43 Jürgen Danyel: Antifaschismus als Geschichtswissenschaft, programmatischer Anspruch, Wissenschaftsmentalität und selbstverschuldete Unmündigkeit der ostdeutschen Zeitgeschichtsschreibung zum Nationalsozialismus, in: Keller: Die Nacht, S. 203–219.
- 44 Hans-Georg Soeffner; Dirk Tänzler: Figurative Politik. Prolegomena zu einer Kultursoziologie politischen Handelns, in: dies. (Hg.): Figurative Politik. Zur Performanz der Macht in der modernen Gesellschaft, Opladen 2002, S. 17–34.

- 45 Vgl. Herfried Münkler: Der Antifaschismus als Gründungsmythos der DDR, in: Reinhard Brandt; Steffen Schmidt (Hg.): Mythos und Mythologie, Berlin 2004, S. 223.
- 46 Vgl. Monika Gibas: «Auferstanden aus Ruinen und der Zukunft zugewandt!». Politische Feier- und Gedenktage der DDR, in: Sabine Behrenbeck; Alexander Nützenadel (Hg.): Inszenierungen des Nationalstaats. Politische Feiern in Italien und Deutschland seit 1860/1871, Köln 2000, S. 191–220, und Adelheid v. Saldern: Öffentlichkeiten in Diktaturen. Zu den Herrschaftspraktiken im Deutschland des 20. Jahrhunderts, in: Günther Heydemann; Heinrich Oberreuter (Hg.): Diktaturen in Deutschland – Vergleichsaspekte. Strukturen, Institutionen und Verhaltensweisen, Bonn 2003, S. 451.
- 47 Vgl. dazu Thomas Heimann: Bilder von Buchenwald. Die Visualisierung des Antifaschismus in der DDR 1945–1990, Köln, Weimar, Wien 2005 (im Folgenden Heimann: Bilder von Buchenwald).
- 48 Der Roman von Aplitz hatte bis 1989 insgesamt 58 Auflagen erzielt mit weltweit über drei Millionen verkauften Exemplaren; Vgl. ebd., S. 71.
- 49 Vgl. die Übersicht bei Heimann: Bilder von Buchenwald, S. 244–248.
- 50 Münkler: Antifaschistischer Widerstand, S. 440.
- 51 Karl Schmid (Hg.): Gedächtnis, das Gemeinschaft stiftet, Freiburg 1985.
- 52 Vgl. zur Unterscheidung von kommunikativem und kulturellem Gedächtnis Jan Assmann: Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen, München 1992, S. 52–55 und passim.
- 53 Так, например, стабильность возрастного состава властной элиты СЕПГ – в 1989 г. членами Политбюро партии являлись представители обеих возрастных групп партийных функционеров, родившихся в период между 1907 и 1915 и между 1926 и 1937 г. – свидетельствует о неизменном доминировании в руководстве партии представителей того поколения, которое приобрело свой общественно-политический опыт еще в годы Веймарской республики, представителей, которым после окончания войны было уже за сорок. Вторую возрастную группу составляло «антифашистское поколение», чей наиболее значимый политический опыт был связан непосредственно с созданием ГДР или так называемыми годами строительства Республики.
- 54 Cornelia Fischer; Hubert Anton: Auswirkungen der Besuche von Gedenkstätten auf Schülerinnen und Schüler. Breitenau – Hadamar – Buchenwald. Bericht über 40 Explorationen in Hessen

und Thüringen. Studie im Auftrag der hessischen und thüringischen Landeszentralen für Politische Bildung, Wiesbaden, Erfurt 1992, S. 35 f.

55 Zit. nach Bernd Siegler: Auferstanden aus Ruinen. Rechtsextremismus in der DDR, Berlin 1991, S. 115 f.

Дирк Хоффман

Иллюзия социальной защищенности

- 1 Vgl. Günter Manz; Ekkehard Sachse; Gunnar Winkler (Hg.): Sozialpolitik in der DDR. Ziele und Wirklichkeit. Berlin 2001.
- 2 Vgl. Hans-Ulrich Wehler: Deutsche Gesellschaftsgeschichte, Bd. 5: Bundesrepublik und DDR 1949–1990, München 2008 (im Folgenden Wehler: Bundesrepublik und DDR), S. 342–347.
- 3 Jürgen Kocka: Der Blick über den Tellerrand fehlt, in: Frankfurter Rundschau, 22. August 2003.
- 4 Vgl. Dierk Hoffmann; Michael Schwartz: Einleitung, in: dies. (Hg.): Sozialstaatlichkeit in der DDR. Sozialpolitische Entwicklungen im Spannungsfeld von Diktatur und Gesellschaft 1945/49–1989, München 2005, S. 1–9, hier 1.
- 5 Ausführlicher hierzu: Dierk Hoffmann: Aufbau und Krise der Planwirtschaft. Die Arbeitskräftelenkung in der SBZ/DDR 1945–1963, München 2002 (im Folgenden Hoffmann: Aufbau und Krise der Planwirtschaft).
- 6 BArch, DQ 2 / 1767, Vermerk der Abt. I vom 26. 6. 1947, S. 2.
- 7 BArch, DQ 2 / 1537, Niederschrift über den Verlauf der Arbeitstagung der DVAS am 6./7. 1. 1948 in Leipzig, S. 9.
- 8 BArch, DQ 2 / 1711, Niederschrift der Tagung, S. 4 f.
- 9 BArch, DC 15 / 325, Bl. 12–19, hier § 3 des Verordnungsentwurfs.
- 10 Arbeit und Sozialfürsorge 3 (1948), S. 220–222.
- 11 Vgl. dazu Hoffmann: Aufbau und Krise der Planwirtschaft, S. 498–504 und 516–525.
- 12 Arbeit und Sozialfürsorge 2 (1947), S. 38–42.
- 13 BArch, DQ 2 / 1237, Bericht der DVAS (Juristische Abt.) über die Tagung der arbeitsrechtlichen Kommission des FDGB am 9./10. 5. 1946.
- 14 Arbeit und Sozialfürsorge 2 (1947), S. 471 f.

- 15 Vgl. Andre Steiner: Von Plan zu Plan. Eine Wirtschaftsgeschichte der DDR, München 2004 (im Folgenden Steiner: Von Plan zu Plan).
- 16 Wilfried Rudloff: Die Tradition der deutschen Wohlfahrtspflege und der Weg der DDR, in: Ingolf Hübner; Jochen-Christoph Kaiser (Hg.): Diakonie im geteilten Deutschland. Zur diakonischen Arbeit unter den Bedingungen der DDR und der Teilung Deutschlands, Stuttgart 1999, S. 37–61, hier 44. Vgl. Sven Korzilius: «Asoziale» und «Parasiten» im Recht der SBZ/DDR. Randgruppen im Sozialismus zwischen Repression und Ausgrenzung, Köln u. a. 2005.
- 17 Thomas Lindenberger: «Asoziale Lebensweise». Herrschaftslegitimation, Sozialdisziplinierung und die Konstruktion eines «negativen Milieus» in der SED-Diktatur, in: Geschichte und Gesellschaft 31 (2005), S. 227–254, hier 231.
- 18 Gesetzblatt der DDR 1961, Teil I, S. 27–49, hier 29 (§ 2, Abs. 1 und 2).
- 19 Der Zentrale Runde Tisch der DDR. Wortprotokolle und Dokumente. Bearbeitet, mit einem einleitenden Essay versehen und hrsg. von Uwe Thaysen, Bd. IV: Identitätsfindung?, Wiesbaden 2000, S. 974.
- 20 Protokolle der Volkskammer der DDR. 9. Wahlperiode (1986–1990), S. 548.
- 21 Vertrag über die Schaffung einer Währungs-, Wirtschafts- und Sozialunion zwischen der Bundesrepublik Deutschland und der Deutschen Demokratischen Republik vom 18. 5. 1990, in: Die Verträge zur Einheit Deutschlands. Textausgabe mit Sachverzeichnis und einer Einführung von Prof. Dr. Ingo von Münch, München 1990, S. 1–18, hier 9–12 (§§ 17–25).
- 22 Vgl. für die Bundesrepublik Hans Günter Hockerts: Integration der Gesellschaft. Gründungskrise und Sozialpolitik in der frühen Bundesrepublik, in: Zeitschrift für Sozialreform 32 (1986), S. 25–41.
- 23 Zu den Prozentangaben Wolfgang Zank: Wirtschaft und Arbeit in Ostdeutschland 1945–1949. Probleme des Wiederaufbaus in der Sowjetischen Besatzungszone Deutschlands, München 1987, S. 173 (Tab. 25).
- 24 Hoffmann: Aufbau und Krise der Planwirtschaft, S. 270.
- 25 BArch, DQ 2/1013, Kurzbericht des Ministeriums für Arbeit und Gesundheitswesen vom 25. 8. 1950, S. 1.
- 26 Vgl. Marcel Boldorf: Sozialfürsorge in der SBZ/DDR 1945–1953. Ursachen, Ausmaß und Bewältigung der Nachkriegsarmut, Stuttgart 1998.
- 27 Vgl. Hoffmann: Aufbau und Krise der Planwirtschaft, S. 188–195.

- 28 Vgl. Steiner: Von Plan zu Plan, S. 58.
- 29 Vgl. Gerhard A. Ritter: Der Preis der Einheit. Die Wiedervereinigung und die Krise des Sozialstaates, München 2006, S. 427, Anm. 27.
- 30 Vgl. Hans Günter Hockerts: Sozialpolitische Entscheidungen im Nachkriegsdeutschland. Alliierte und deutsche Sozialversicherungspolitik 1945 bis 1957, Stuttgart 1980.
- 31 Verordnung über die Erhöhung der Renten vom 17. 8. 1950, in: Gesetzblatt der DDR 1950, S. 844.
- 32 Vgl. Dierk Hoffmann: Sozialpolitische Neuordnung in der SBZ/DDR. Der Umbau der Sozialversicherung 1945–1956, München 1996.
- 33 SAPMO-BArch, DY 30/IV 2/3/171.
- 34 SAPMO-BArch, DY 30/IV 2/2/140, Protokoll der Politbürositzung vom 28. 3. 1951.
- 35 Gesetzblatt der DDR 1953, S. 822 f.
- 36 Vgl. Dierk Hoffmann: Sozialistische Rentenreform? Die Debatte über die Verbesserung der Alterssicherung in der DDR 1956/57, in: Stefan Fisch; Ulrike Haerendel (Hg.): Geschichte und Gegenwart der Rentenversicherung in Deutschland. Beiträge zur Entstehung, Entwicklung und vergleichenden Einordnung der Alterssicherung im Sozialstaat, Berlin 2000, S. 293–309.
- 37 Vgl. Christoph Boyer; Peter Skyba: Sozial- und Konsumpolitik als Stabilisierungsstrategie. Zur Genese der «Einheit von Wirtschafts- und Sozialpolitik» in der DDR, in: DeutschlandArchiv 32 (1999), S. 577–590.
- 38 Vgl. Johannes Freich; Martin Frey: Handbuch der Geschichte der Sozialpolitik. Bd. 2: Sozialpolitik in der Deutschen Demokratischen Republik, München, Wien ²1996, S. 349.
- 39 SAPMO-BArch, DY 30 / 32428, Denkschrift «Sozialpolitik der SED» vom April 1980.
- 40 Wehler: Bundesrepublik und DDR, S. 44.
- 41 SAPMO-BArch, DY 34, 42 / 1033 / 4614, Schreiben Fritz Buchows vom 21. 6. 1948 an die FDGB-Landesleitung Sachsen.
- 42 BArch, DQ 1/1420, Bl. 350, Matern am 11. 3. 1949 an den stellvertretenden DWK-Vorsitzenden und LDP-Vorsitzenden Hermann Kastner.
- 43 SAPMO-BArch, NY 4090/572, Bl. 223 f., Ziller am 27. 10. 1956 an Grotewohl. Vgl. ebd., Bl. 225–241, Analyse der ZK-Abt. Arbeit, Sozial- und Gesundheitswesen vom 23. 10. 1956.
- 44 Neues Deutschland vom 2. August 1956, S. 4.

- 45 BArch, DA 1/7221, Stenographisches Protokoll der 30. Sitzung des Ausschusses für Arbeit und Sozialpolitik der DDR-Volkskammer am 15. 4. 1971.
- 46 Ebd., S. 9.
- 47 BArch, DE 1/VA 56296, Bl. 434–456, hier Bl. 438, Notizen Heinz Klopfers über die Politbürositzung am 27. 11. 1979 zum Planentwurf 1980.
- 48 Ebd., Bl. 446. Erstmals zitiert bei Peter Skyba: Sozialpolitik als Herrschaftssicherung. Entscheidungsprozesse und Folgen in der DDR der siebziger Jahre, in: Clemens Vollnhals; Jürgen Weber (Hg.): Der Schein der Normalität. Alltag und Herrschaft in der SED-Diktatur, München 2002, S. 39–80, hier 69.
- 49 BArch, DE 1/VA 56317, Notizen Klopfers über Beratung bei Honecker am 16. 5. 1989. Erstmals zitiert bei Hans-Hermann Hertle: Die Diskussion der ökonomischen Krisen in der Führungsspitze der SED, in: Theo Pirker; Rainer M. Lepsius; Rainer Weinert: Der Plan als Befehl und Fiktion. Wirtschaftsführung in der DDR, Opladen 1995, S. 309–345, hier 344.

Штефан Хаас

«Мы строим квартиры»

- 1 В основе настоящей публикации – материалы исследований в рамках проекта по изучению реализации жилищной и градостроительной политики в ГДР и в Федеративной Республике, осуществленного при поддержке Фонда Герды Хенкель.
- 2 Эти и последующие высказывания относятся к информационному фильму «Wir bauen Wohnungen». Informationsfilm, DDR 1952. Оригинал находится в фильмотеке архива земли Берлин. Его копия была использована при подготовке настоящего аналитического материала, особенно следующий эпизод фильма: Sequenz Nr. 6, Subsequenz Diskussion mit Architekten und Bauingenieuren, Minuten 5.54–7.22.
- 3 Тему, которая рассматривается в этой публикации, в ГДР часто определяют как «участие в управлении («Mitbestimmung»»). В настоящем материале будет показано, что «участие граждан в управлении» политическими процессами было не столько целью, сколько имитацией такого участия. По этой причине в последующем изложении понятие «участие граждан» служит аналитическим инструментом, чтобы провести деконструкцию

- этого понятия в его переданном употреблении и заложенного в нем содержания.
- 4 По истории жилищного строительства и градостроительной деятельности в ГДР вышло множество работ. Vgl. zentral u. a. Joachim Palutzki: *Architektur in der DDR*, Berlin 2000 (im Folgenden Palutzki: *Architektur*). Werner Durth; Jörn Düwel; Niels Gutschow: *Architektur und Städtebau der DDR. Die frühen Jahre*, Berlin 2007; Martin Pauli: *Öffentliche und private Steuerung von Stadtentwicklung in unterschiedlichen Gesellschaftssystemen. Ein Vergleich ost- und westdeutscher Städte*, Münster 2005.
  - 5 Bundesarchiv Berlin, Bestand DR 1/4015.
  - 6 BArch DR 1/4015.
  - 7 BArch DRI/4355.
  - 8 BArch DRI/4015: Brief des Ministeriums für Aufbau an das Staatliche Filmkomitee vom 20. 7. 1953.
  - 9 BArch DR 1/4015.
  - 10 BArch DR 1/4593, Spielplangestaltung 1953.
  - 11 Всё еще почти отсутствуют подтвержденные объективными данными исследования об участии граждан в управлении, в которых бы содержался анализ этого участия на всех этапах инстанционного движения рассматриваемых вопросов. Важные наработки содержатся, в частности, в: Jörg Roesler: *Gab es sozialistische Formen der Mitbestimmung und Selbstverwirklichung in den Betrieben der DDR? Zur Rolle der Brigaden in der betrieblichen Hierarchie und im Leben der Arbeiter*, in: *Utopie kreativ* 31/32 (1993), S. 122–138; Grit Bühler: *Mythos Gleichberechtigung in der DDR. Politische Partizipation von Frauen am Beispiel des Demokratischen Frauenbunds Deutschlands*, Frankfurt a. M. 1997; Petra Jung-hans: *Mitwirkung und Mitbestimmung der Betriebsgewerkschaftsleitung in den Betrieben der DDR. Eine empirische Untersuchung in Ost-Berliner Industriebetrieben*, Berlin 2004; Renate Hürtgen: *Zwischen Disziplinierung und Partizipation. Vertrauensleute des FDGB im DDR-Betrieb*, Köln u. a. 2005.
  - 12 Günther Schulz: *Wiederaufbau in Deutschland. Die Wohnungsbau-politik in den Westzonen und der Bundesrepublik von 1945 bis 1957*, Düsseldorf 1994, S. 179.
  - 13 R. Hillebrecht; A. Dähn: *Fundamente des Aufbaues* (Schriftenreihe des Bundes Deutscher Architekten Hamburg, 4), Hamburg 1948, S. 98.
  - 14 Zit. nach: *Gute Erfolge beim Aufbau des sozialistischen Dresdens*, in: *Sächsische Zeitung* vom 1. Juni 1953.

- 15 Сфера участия граждан в управлении все еще недостаточно исследована, ощущается также недостаток исследований, которые позволили бы дать более дифференцированную картину тех управленческих структур в ГДР, которые отвечали за принятие конкретных решений. По вопросу о функционировании внутривластных структур, принимающих решения, см.: Harold Hurwitz: Die Stalinisierung der SED. Zum Verlust von Freiräumen und sozialdemokratischer Identität in den Vorständen 1946–1949, Opladen 1997. Andreas Malycha: Die SED. Geschichte ihrer Stalinisierung 1946–1953, Paderborn u. a. 2000.
- 16 BArch DH 1/43945, Vorschläge zur Verbesserung der Arbeit im MfA [Ministerium für Aufbau] 1951, 29. Juli 1951, MfA ohne Namen.
- 17 Ebd.
- 18 Statut in Gesetzblatt 55/1953, S. 593. Das Folgende nach BArch DH 1/44708, 18. Mai 1953, MfA, Statut des Beirats für Architektur beim Ministerrat der DDR.
- 19 Ebd.
- 20 Здесь и в последующем использованы материалы газеты «Sächsische Zeitung» vom 5. Oktober 1952: In welcher Wohnung möchten Sie wohnen?
- 21 Ebd.
- 22 Ebd.
- 23 Ebd.
- 24 Ebd.
- 25 BArch DY 30/IV 2/6.06/44, Tätigkeit der deutschen Bauakademie, Abschrift eines Leserbriefes: Helmut Framke, Berlin Karow, 9. 6. 1952, an Redaktion der Berliner Zeitung. Betr. Bildbericht in der illustrierten Beilage der Berliner Zeitung Nr. 23 vom 8. Juni 1952.
- 26 Die Akte BArch DH1/43819 enthält Materialien zur Finanzierung und zu Stellenplänen der im angesprochenen Film abgebildeten Berliner Bauausstellung von 1952.
- 27 Stadtarchiv Dresden, 4.1.9, Dezernat Aufbau 174.
- 28 BArch DH1/38608, 4. Juni 1952, Niederschrift zur Besprechung der oben genannten Kommission.
- 29 BArch DH1/38608, 5. Juni 1952, Vorschlag Lockhoffs.
- 30 Ebd.
- 31 Ebd.
- 32 Ebd.

33 Ebd.

34 Ebd.

35 Ebd.

36 Vgl. Anne Hampele: «Arbeite mit, plane mit, regiere mit». Zur politischen Partizipation von Frauen in der DDR, in: Gisela Helwig; Hildegard Maria Nickel (Hg.): Frauen in Deutschland 1945–1992, Bonn 1993, S. 281 ff.; Waltraud Cornelißen: Politische Partizipation von Frauen in der alten Bundesrepublik und im vereinten Deutschland, in: Helwig/Nickel: Frauen in Deutschland, a. a. O., S. 321–350.

37 Stadtarchiv Dresden, 4.1.9, Dezernat Aufbau 174.

38 Das neue Dresden – Deine Stadt. 1951 geht's richtig los. Dresden wird ein großer Bauplatz sein – und auch Du kannst mithelfen, in: Sächsische Zeitung vom 4. November 1950.

39 BArch, SAPMO, DY 30IV All 6.06/53, Konzeption für eine zentrale Ausstellung mit Werken der Architektur, der bildenden und architekturgebundenen Kunst und Grafik anlässlich des 20. Jahrestages der DDR, vorgelegt bei den Abteilungen für Bauwesen und Kultur beim ZK/SED am 5. 9. 1968.

40 Stellungnahme der Abteilung Bauwesen ZK/SED vom 29. 7. 1969 zur Konzeptionsvorlage, in: BArch, SAPMO, DY 30 IV A2/6.06/53.

41 Vgl. Palutzki: Architektur, S. 119.

42 Thomas Hoscislawski: Bauen zwischen Macht und Ohnmacht. Architektur und Städtebau in der DDR, Berlin 1991, S. 153.

43 Vgl. Palutzki: Architektur, S. 169.

44 Zit. nach ebd., S. 161.

45 Frank Betker: «Einsicht in die Notwendigkeit». Kommunale Stadtplanung in der DDR und nach der Wende 1945–1994, Stuttgart 2005; diese Arbeit geht besonders am Beispiel von Halle und Rostock der institutionellen Einbindung der Architekten und Städteplaner in der DDR nach.

46 Protokoll der Politbürositzung vom 15. 1. 1957, BArch, SAPMO, DY 30/J IV 2/2 A/543.

47 Gerhard Kosel: Unternehmen Wissenschaft. Die Wiederentdeckung einer Idee. Erinnerungen, Berlin (Ost) 1989, S. 247 ff.

48 В настоящее время автор работает над монографией о реализации жилищной и градостроительной политики в ГДР, где будут рассмотрены и эти вопросы генерации решений в сетевых дискурсах.

Matthias Rogg
Армия народа?

- 1 Это последнее построение в Штраусберге заснято группой кинематографистов армейской киностудии ГДР. Все происходящее на плацу — и внешняя неслаженность действий вышедших на построение солдат, и апатичное выражение лиц собравшихся, и ободряющие слова командира о том, что 3 октября ННА прекращает свое существование, но не прекращается жизнь ее военнослужащих, — передает атмосферу напряженного ожидания неясного будущего для многих из них. «Flaggenwechsel», DDR, 1991, 27 Min. Produktion des Armeefilmstudios der NVA (D 502).
- 2 www.mgfa.de; zu den Zielen und Methoden einer modernen Militärgeschichte der DDR Vgl. den programmatischen Aufriss von Heiner Bröckermann; Torsten Diedrich; Winfried Heinemann; Matthias Rogg; Rüdiger Wenzke: Die Zukunft der DDR-Militärgeschichte. Gedanken zu Stand und Perspektiven der Forschung, in: Militärgeschichtliche Zeitschrift (MGZ), 66 (2007), S. 71–99.
- 3 Vgl. Torsten Diedrich; Rüdiger Wenzke: Die getarnte Armee. Geschichte der Kasernierten Volkspolizei der DDR 1952 bis 1956, Berlin 2001; Bruno Thoß (Hg.): Volksarmee schaffen — ohne Geschrei! Studien zu den Anfängen einer >verdeckten Aufrüstung< in der SBZ/DDR 1947–1952, München 1994.
- 4 Vgl. Torsten Diedrich: Waffen gegen das Volk. Der 17. Juni 1953 in der DDR, München 2003.
- 5 Vgl. Armin Wagner: Walter Ulbricht und die geheime Sicherheitspolitik der SED. Der Nationale Verteidigungsrat der DDR und seine Vorgeschichte (1953–1971), Berlin 2002.
- 6 Vgl. Rüdiger Wenzke: Die NVA und der Prager Frühling 1968: Die Rolle Ulbrichts und der DDR-Streitkräfte bei der Niederschlagung der tschechoslowakischen Reformbewegung, Berlin 1995.
- 7 Vgl. Daniel Giese: Die SED und ihre Armee. Die NVA zwischen Politisierung und Professionalisierung 1956–1965, München 2002; Frank Hagemann: Parteiherrschaft in der NVA. Zur Rolle der SED bei der inneren Entwicklung der DDR-Streitkräfte (1956–1971), Berlin 2002.
- 8 Vgl. Stephan Fingerle: Waffen in Arbeiterhand? Die Rekrutierung des Offizierkorps der Nationalen Volksarmee und ihrer Vorläufer, Berlin 2001; о бывших военнослужащих вермахта в вооруженных органах ГДР см.: Daniel Niemetz: Das feldgraue Erbe. Die Wehrmachtinflüsse im Militär der SBZ/DDR, Berlin 2006.

- 9 Vgl. Rüdiger Wenzke (Hg.): Staatsfeinde in Uniform? Widerständiges Verhalten und politische Verfolgung in der NVA, Berlin 2005.
- 10 Vgl. Christian Th. Müller: Tausend Tage bei der «Asche». Unteroffiziere in der NVA. Untersuchungen zu Alltag und Binnenstruktur einer «sozialistischen» Armee, Berlin 2003 (im Folgenden Müller: Tausend Tage bei der «Asche»); ders.: Überlegungen zur Sozialisation der Wehrpflichtigen und Zeitsoldaten in der NVA, in: MGM, 58 (1999), S. 367–393; Matthias Rogg: «Vor dem Kasernentor macht der Sozialismus halt». Zur Lebenswirklichkeit von Armeeingehörigen und ihrer Familien in der NVA, in: Hans Ehlert; Matthias Rogg (Hg.): Militär, Staat und Gesellschaft in der DDR. Forschungsfelder, Ergebnisse, Perspektiven, Berlin 2004, S. 585–603 (im Folgenden Ehlert/Rogg (Hg.): Militär, Staat und Gesellschaft in der DDR).
- 11 Vgl. Christian Sachse: Aktive Jugend – wohlerzogen und diszipliniert. Wehrerziehung in der DDR als Sozialisations- und Herrschaftsinstrument (1960–1973), Münster 2000 (im Folgenden Sachse: Aktive Jugend); Michael Koch: Die Einführung des Wehrunterrichtes in der DDR, hrsg. von der Landeszentrale für politische Bildung Thüringen, Eisenach 2000.
- 12 В частности, о системе гражданской обороны и Немецком Красном Кресте в ГДР см.: Clemens Heitmann: Schützen und Helfen? Luftschutz und Zivilverteidigung in der DDR 1955 bis 1989/90, Berlin 2006; ders.: Trotz Volksaufstand und Mauerbau: Die kontinuierliche Militarisierung der DDR-Gesellschaft – dargestellt am Beispiel des ostdeutschen Roten Kreuzes in den Jahren 1952 bis 1962, in: Torsten Diedrich; Ilko-Sascha Kowalczuk (Hg.): Staatsgründung auf Raten? Auswirkungen des Volksaufstandes 1953 und des Mauerbaus 1961 auf Staat, Militär und Gesellschaft in der DDR, hrsg. im Auftrag des MGFA und der Bundesbeauftragten für die Unterlagen des Staatssicherheitsdienstes der ehemaligen DDR, Berlin 2005, S. 317–339.
- 13 По этим вопросам см. недавно вышедшее обстоятельное исследование автора: Matthias Rogg: Armee des Volkes? Militär und Gesellschaft in der DDR, Berlin 2008 (im Folgenden Rogg: Armee des Volkes?).
- 14 В конце 80-х годов в ГДР на 16,8 млн граждан приходилось примерно 170 тыс. военнослужащих ННА и около 50 тыс. военнослужащих пограничных войск. В Федеративной Республике при населении 61 млн человек в армии служили 495 тыс. солдат. Даже если увеличить эту цифру за счет военнослужащих федеральной пограничной службы и более многочисленных полувоенных подразделений, то и тогда в процентном соотношении численность

военнослужащих в ГДР на 50% превышала численность военных подразделений на Западе Германии.

- 15 Помимо 170 тыс. военнослужащих ННА и 50 тыс. военнослужащих пограничных войск к военным формированиям в ГДР следует также отнести: 113 тыс. сотрудников министерства внутренних дел (в том числе 60 тыс. сотрудников немецкой народной полиции, 8 тыс. сотрудников таможенной службы, 6,4 тыс. транспортных полицейских), 14 тыс. сотрудников народной полиции, находящихся на казарменном положении в состоянии полной боевой готовности, почти 90 тыс. штатных сотрудников министерства государственной безопасности, 640 тыс. членов спортивно-технического общества, 491 тыс. членов системы гражданской обороны, почти 190 тыс. членов так называемых боевых групп на промышленных предприятиях (боевые отряды рабочего класса), а также 150 тыс. бывших военнослужащих, организованных в «добровольных коллективах резервистов», Vgl. Rogg: *Armee des Volkes?*, S. 6–8.
- 16 Erich Honecker: «Der Schutz des sozialistischen Vaterlandes liegt in guten Händen». Ansprache beim Besuch eines Truppenteils der Landstreitkräfte der NVA am 8. Juni 1978, in: Erich Honecker. *Dem Frieden unsere Tat. Ausgewählte Reden und Aufsätze zur Militär- und Sicherheitspolitik der SED (1977–1981)*, Berlin (Ost) 1982, S. 105–109, hier 109.
- 17 Zur Geschichte des Warschauer Paktes Vgl. Frank Umbach: *Das rote Bündnis. Entwicklung und Zerfall des Warschauer Paktes 1955 bis 1991*, Berlin 2005; Torsten Diedrich; Winfried Heinemann; Christian Ostermann (Hg.): *Der Warschauer Pakt. Von der Gründung bis zum Zusammenbruch 1955–1991*, Berlin 2008.
- 18 Vgl. Klaus-Peter Hartmann: «Soldatenalltag in der NVA» – Überlegungen zum Forschungsgegenstand, in: *Was war die NVA? Studien – Analysen – Berichte. Zur Geschichte der Nationalen Volksarmee*, Berlin 2001, S. 197–210, hier 208; Dagmar Pietsch: *Motivation des Wehrdienstes*, in: Wolfgang Wünsche (Hg.): *Rührt Euch! Zur Geschichte der NVA*, Berlin 1998, S. 391–411, hier 394 f. Огромное значение обеспечения мира во всем мире для населения ГДР также подтверждают результаты эмпирических социальных исследований. По вопросу о методике и проблемах при проведении опросов общественного мнения в ГДР см.: Rogg: *Armee des Volkes?*, S. 24–27; о восприятии угрозы молодежи: ebd., S. 215–217.
- 19 Vgl. Rogg: *Armee des Volkes?*, S. 55–59; einen instruktiven Dokumentarteil bietet die ältere Untersuchung von Karl-Günter

- Schirmmeister: Erziehung zum Haß: Geistige Militarisierung der DDR, Stuttgart 1987, S. 114–253.
- 20 Komprimiert in: Armee für Frieden und Sozialismus. Geschichte der Nationalen Volksarmee der DDR, Berlin (Ost) 1985, S. 14 ff.; kritisch dazu Paul Heider: Ideologische Indoktrination und Traditionspflege in der Nationalen Volksarmee, in: Ehlert/Rogg (Hg.): Militär, Staat und Gesellschaft in der DDR, S. 303–321.
- 21 Vgl. Rogg: Armee des Volkes?, S. 47–49.
- 22 Vgl. Müller: Tausend Tage bei der «Asche», S. 107–110; Christian Ripp: Die «sozialistische Soldatenpersönlichkeit». Die soziale Konstruktion des preußischen Wehrpflichtigen in der DDR, in: Potsdamer Studien zur Frauen- und Geschlechterforschung, 4 (2002), 1 und 2, S. 82–97.
- 23 Kleines Politisches Wörterbuch, Berlin (Ost) 1978, S. 613.
- 24 В частности, см. справочник для будущих кадровых военных, изданный Главным политическим управлением ННА: Vom militärischen Beruf, 9. Aufl., Berlin (Ost) 1986.
- 25 В частности, см. блестящее исследование Lydia Ebersbach: «Wenn ich groß bin werd ich auch Panzerfahrer!» Elemente sozialer Militarisierung in der Vorschul- und Unterstufenerziehung der DDR unter besonderer Berücksichtigung der Kinderzeitschriften. Magisterarbeit, Historisches Institut der Universität Potsdam 2005; Joachim-Rüdiger Groth: Wehrerziehung in der DDR durch Kinderbücher. Eine Dokumentation aus Publikationen der Jahre 1979–1981, in: Deutschland Archiv 12 (1981), S. 1266–1275.
- 26 Vgl. Uwe Blachnik: Wehrunterricht in der Schule, in: Materialien der Enquete-Kommission «Aufarbeitung von Geschichte und Folgen der SED-Diktatur in Deutschland», 12. Wahlperiode des Deutschen Bundestages. Hrsg. vom Deutschen Bundestag, Bd. S. 277–288; Sachse: Aktive Jugend.
- 27 Die tatsächliche wehrerzieherische Wirksamkeit der GST ist allerdings in Frage zu stellen, Vgl. Rogg: Armee des Volkes?, S. 86–95.
- 28 Ein Überblick bei Rogg: Armee des Volkes?, S. 105–169.
- 29 «Des Volkes Soldaten» (1965), s/w, 40 Min., D 069.
- 30 Ausführlich dazu Rogg: Armee des Volkes?, S. 209–274.
- 31 Vgl. Zivilcourage und Kompromiss. Bausoldaten in der DDR 1964–1990. Bausoldatenkongress Potsdam, 3.–5. September 2004. Eine Dokumentation, Berlin 2005.
- 32 Vgl. Rüdiger Wenzke: Die Nationale Volksarmee (1956–1990), in: Torsten Diedrich; Hans Ehlert; Rüdiger Wenzke (Hg.): Im Dienst der

- Partei. Handbuch der bewaffneten Organe, Berlin 1998, S. 423–535, hier 432 f.; Müller: Tausend Tage bei der «Asche», S. 15 f.
- 33 Vgl. Müller: Tausend Tage bei der «Asche», S. 57 f., 75 und 95 f.
- 34 Bundesarchiv Militärarchiv (BA-MA), P 26331, WBK Potsdam, Ergebnisse der Musterung 1984 (Jahrgang 1966), hier: WKK Königs Wusterhausen, Bl. 47: «Der stärkste Einfluß auf die Wehrpflichtigen für einen militärischen Beruf, für den Dienst auf Zeit und zur Herausbildung eines sozialistischen Wehrmotivs erfolgt an den Oberschulen.» Vgl. auch Bl. 50 und 128 f.
- 35 Zu den ablehnenden Gründen Vgl. BA-MA, P 2024, WBK Cottbus (1982–1985), Politabteilung, Sonderinformation, hier: Meldungen über das Stimmung- und Meinungsbild der im Mai 1982 einzuberufenden Wehrpflichtigen, Bl. 39–41.
- 36 Ausführlich bei Rogg: Armee des Volkes?, S. 220–226.
- 37 Vgl. Stefan Wolle: Die heile Welt der Diktatur. Alltag und Herrschaft in der DDR 1971–1989, Bonn 1999, S. 172–177.
- 38 «NVA» (2005), 98 Min., Regie: Leander Haußmann; Buch: Thomas Brussig.
- 39 Beispielhaft: BA-MA, P 2978, PHV, Bericht über soziologische Untersuchungen zu Problemen der militärischen Disziplin in der NVA (August 1973), Bl. 38.
- 40 BA-MA, P-2979, PHV – Abteilung Soziologische Analysen, Soziologische Untersuchungen, hier: Über die Ausprägung der Verteidigungsbereitschaft von Jugendlichen vor Ableisten ihres Wehrdienstes (März 1982), Bl. 243.
- 41 BA-MA, WBK Potsdam, Politische Grundhaltung, Analyse Musterungsjahrgänge 1960–62, 1963–64, hier: Informationen über die politische Grundhaltung der Wehrpflichtigen des Musterungsjahrgangs 1961 (10. 5. 1978), Bl. 13.
- 42 BA-MA, P-1949, Chef der PHV, Protokoll Nr. 1/82 der Sitzung des Sekretariats der Politischen Hauptverwaltung der NVA vom 24. 3. 1982, hier: Untersuchungen zur Wehrbereitschaft der Reservisten der NVA, Bl. 7.
- 43 Der Fokus der nachfolgenden Betrachtung liegt auf den Grundwehrdienst leistenden Soldaten. Zum System und zur Lebenswelt der Berufssoldaten Vgl. Rogg: «Vor dem Kasernentor ...», a. a. O.; Rogg: Armee des Volkes?, S. 403–426.
- 44 Vgl. Ralf Gehler; Dirk Keil: Die andere Realität. Alltagserfahrungen Wehrdienstleistender in den Kasernen der DDR, in: Wolfgang Kaschuba; Ute Mohrmann (Hg.): Blick-Wechsel Ost-West. Beob-

- achtungen zur Alltagskultur in Ost- und Westdeutschland, Tübingen 1992, S. 326-338; Thomas Spanier: In Erinnerung an meine Dienstzeit. 18 Monate als Wehrpflichtiger in der NVA, in: Manfred Backera (Hg.): NVA – Ein Rückblick für die Zukunft. Zeitzeugen berichten über ein Stück deutscher Militärgeschichte, Köln 1992, S. 27–42, hier 30; Vgl. auch die Fernsehdokumentation von Michael Erler: Dienen bei der NVA. Bis zum letzten Zapfenstreich (MDR, 11. 3. 2003).
- 45 Vgl. Rogg: Armee des Volkes?, S. 278 f.
- 46 Das von Erving Goffman entwickelte Theorem der «totalen Institution» konnte von Christian Müller überzeugend für die NVA operationalisiert werden, Vgl. Müller: Tausend Tage bei der «Asche», S. 155–157.
- 47 Jürgen Fuchs: Fassonschnitt, Reinbek 1984, S. 100.
- 48 Vgl. Martin Kunze; Klaus Schirmer; Wolfgang Wünsche: Die militärische Tätigkeit – Grund- und Rahmenbedingungen des Soldatenalltags in der NVA, in: Was war die NVA?, a. a. O., S. 211–238, hier 219; Klaus-Peter Hartmann: Zu den Dienst- und Lebensbedingungen in der NVA, in: Was war die NVA?, a. a. O., S. 270–283, hier 272.
- 49 Vgl. Egbert Fischer; Werner Knoll: Zu wesentlichen Rahmenbedingungen und Inhalten des Alltagslebens in der Nationalen Volksarmee, in: Was war die NVA?, a. a. O., S. 239–269, hier 260 f.; Pietsch: Motivation des Wehrdienstes, S. 396.
- 50 Vgl. Rogg: «Vor dem Kasernentor ...», a. a. O., S. 588 f.
- 51 Vgl. Christopher Winkler: Die NVA im Blick westallierter Militärs? Die Militärverbindungsmissionen, in: Ehlert/Rogg (Hg.): Militär, Staat und Gesellschaft in der DDR, S. 97–112.
- 52 Vgl. Handbuch militärisches Grundwissen. NVA-Ausgabe. 3. Aufl., Berlin (Ost) 1971, S. 217.
- 53 Beispiele bei Rogg: Armee des Volkes?, S. 378 f.
- 54 Dienstvorschrift 010/0/007. Urlaub, Ausgang und Dienstbefreiung. Urlaubsvorschrift (Lit.-Nr. 78/89) (1989).
- 55 Vgl. Rogg: Armee des Volkes?, S. 375–380.
- 56 Vgl. die Aussage von Werner Patzer, Generalmajor der NVA und Chef der Verwaltung Org. / Auffüllung (1967–1990), im MGFA am 10. 12. 1998, Befragungsprotokoll S. 21 f.
- 57 Jens Bisky: Geboren am 13. August. Der Sozialismus und ich, Berlin 2004, S. 136.
- 58 Zur Mediennutzung in NVA-Kasernen Vgl. Rogg: Armee des Volkes?, S. 365-375.

- 59 Примеров неудовлетворительных санитарно-гигиенических условий огромное количество. Они стали неотъемлемой частью литературы, посвященной воспоминаниям об армейской службе. См., в частности: Christoph Brumme: Tausend Tage, Köln 1997, S. 71: «Умывальник на тридцать человек, душа нет, ванна для ног длиной в пять метров, в ней мыли ноги, в нее выплевывали зубную пасту. На полу плавал липкий серый соус. В некоторых окнах не было стекол».
- 60 BA-MA, DVH 7/44891, Protokoll der Sitzung des Militärrates der Landstreitkräfte am 25. 10. 1989, hier: Die Jahresanalyse der Eingaben- und Beschwerdetätigkeit im Bereich der Landstreitkräfte für den Berichtszeitraum vom 1. 8. 1988 bis 31. 7.1989, Bl. 110.
- 61 BA-MA, AZN P-2672, PHV – Verwaltung staatsbürgerliche Arbeit, hier: Protokoll 8/89 der Sitzung des Sekretariats der PHV, Sekretariatsvorlage vom 12. 9. 1989, Bl. 43.
- 62 Vgl. Rogg: Armee des Volkes?, S. 309–321.
- 63 Vgl. Rogg: Armee des Volkes?, S. 342 f.
- 64 BA-MA, P-2660, Chef der PHV – Sekretariat, Protokoll der Sekretariatsitzung der PHV vom 30. 8. 1988, hier: Zu aktuellen Entwicklungen im Wehrbewußtsein und Überlegungen für die politische und militärische Führungstätigkeit, Bl. S. 20–28, Vgl. auch Rogg: Armee des Volkes?, S. 343-352.
- 65 BA-MA, DVW 1/ 55604, MfNV, Sekretariat – Kollegiumsprotokoll vom 27. 5. 1977, hier: Information zu einigen Problemen der Erziehung der Armeeingehörigen und Grenzsoldaten, Vortrag Chef der PHV, Bl. 26.
- 66 BStU, MfS, HA IX, Nr. 4709, Einschätzungen der Strömungen sozialistischer Beziehungen und Angriffs- und Widerstandshandlungen in den Streitkräften sowie Angriffe auf Militärangehörige und Zivilpersonen im 1. Halbjahr 1978, Bl. 3.
- 67 BStU, MfS, HA I, Nr. 15912, Kollegiumsvorlage, Bericht über die Entwicklung der militärischen Disziplin und Ordnung (1987–1988), Bl. 235.
- 68 Vgl. Rogg: Armee des Volkes?, S. 352–361.
- 69 Spanier: In Erinnerung an meine Dienstzeit, a. a. O., S. 30.
- 70 Vgl. Christian Th. Müller: Die EK-Bewegung in den Kasernen der NVA. Eine Form «sekundärer Anpassung» in «totalen Institutionen», in: Ehlert /Rogg (Hg.): Armee, Staat und Gesellschaft in der DDR, S. 559–583; Ralf Gehler: «EK, EK, EK – bald bist du nicht mehr da!» Soldatenkultur in der Nationalen Volksarmee, Hagenow 1998; Rogg:

- Armee des Volkes?, S. 328–341. Die EK-Bewegung erfasste im Übrigen auch die jüngeren Unteroffiziere der NVA, Vgl. Müller: Tausend Tage bei der «Asche», S. 243–248.
- 71 Zum empirischen Befund Vgl. Rogg: Armee des Volkes?, S. 426–436.
- 72 Vgl. allgemein Wenzke: Die Nationale Volksarmee, a. a. O., S. 460; Volker Koop: Abgewickelt? Auf den Spuren der Nationalen Volksarmee, Bonn 1995, S. 38; Pietsch: Zur Soldatenfamilie, in: Was war die NVA?, S. 338–359, hier 353.
- 73 Vgl. Rogg: Armee des Volkes?, S. 319.
- 74 Beispielhaft BA-MA 30/ 102, Die weitere Verbesserung der Arbeitsund Lebensbedingungen für die Familien der Berufssoldaten der NVA als Bestandteil sozialistischer Familienpolitik unter Berücksichtigung der Erfordernisse der Landesverteidigung, Diplomarbeit HU Berlin 1972; Vgl. dazu auch Rogg: «Vor dem Kasernentor ...», a. a. O.

Вольфганг Ламбрехт

«УЧИТЬСЯ У ФИНЛЯДИИ ЗНАЧИТ УЧИТЬСЯ У ГДР?»

- 1 Сокращение для «Programme for International Student Assessment».
- 2 Vgl. Lernen für die Welt von morgen. Erste Ergebnisse von PISA 2003, www.oecd.org/dataoecd/48/48/34474315.pdf (15. 03. 2009); Pisa-Studie der OECD 2003, <http://gaebler.info/pisa/2003-2.htm> (15. 3. 2009).
- 3 Sabine Pamperrien: Von Finnland lernen, heißt von der DDR lernen, in: Netzeitung vom 11. Januar 2007, <http://www.netzeitung.de/feuilleton/490410.html> (15. 3. 2009).
- 4 Vgl. Bildung auf Finnisch – Interview mit Michael Pfeifer [Dipl.-Päd., wiss. Mitarb. am Institut für Schulentwicklungsforschung der Universität Dortmund, der Verf.], auf: Bildungserver-Innovationsportal – Innovative Projekte und Programme von Bund und Ländern für Qualitätsentwicklung des Bildungssystems vom 13. 11. 2006, <http://www.bildungserver.de/innovationsportal/bildungplus.html?artid=588> (15. 3. 2009).
- 5 Vgl. Ralph Hartmann: DDR-Angebot für Annette Schavan, in: Os-sietzky – Zweiwochenschrift für Politik, Kultur, Wirtschaft, 5/2007, <http://www.sopos.org/aufsaeetze/45f66ccb20702/Lphtml> (15. 3. 2009); Hilft das DDR-Schulsystem aus der PISA-Krise? MDR-Umschau vom 29. April 2005, <http://www.mdr.de/umschau/909860.html> (15.3. 2009); «Schule war in der DDR besser» – Beitrag im Onli-

- ne-Forum von n-tv vom 7. Dezember 2004, <http://n-v.de/307524.html> (15.3. 2009).
- 6 «Traust du dir diese Aufgabe zu?» Interview mit dem neuen Staatssekretär [Mecklenburg-Vorpommerns, der Verf.] Udo Michallik vom 15. November 2006, <http://www.cdurostock.de/content/online/michal-lik.php> (15. 3. 2009).
  - 7 Thüringer Familien- und Bildungspolitik/Besuch in Finnland, <http://jmem-familiendienst.de/index.php/Aktuelles-aus-Politik-Forschung/Thuringer-Familien-und-Bildungspolitik/-Besuch-in-Finnland.html> (15. 3. 2009).
  - 8 Vgl. Peter Lübbe: Kulturelle Auslandsbeziehungen der DDR – Das Beispiel Finnland, Bonn 1981, S. 13 f. und 54–112 (im Folgenden Lübbe: Auslandsbeziehungen DDR).
  - 9 Vgl. Wolfgang Huck u. a.: Finnland, in: Internationales Handbuch der Berufsausbildung, Baden-Baden 1995, S. 9 (im Folgenden Huck: Finnland).
  - 10 Vgl. Finnish National Board of Education: Geschichte des Bildungssystems [in Finnland, der Verf.], <http://www.opf.fi/english/pageLast.asp?path=447,4699,9615,11131> (15. 3. 2009).
  - 11 Vgl. Sandra Müller: Das finnische Bildungssystem – Ursachen und Hintergründe für den Bildungserfolg, Saarbrücken 2008 (Magisterarbeit), S. 11–22 (im Folgenden Müller: Finnisches Bildungssystem).
  - 12 Vgl. OECD (Hg.): Classification of Educational Systems in OECD Member Countries: Finland – Germany – Japan, Paris 1973, S. 11 (im Folgenden OECD: Educational Systems).
  - 13 Vgl. Europäisches Zentrum für die Förderung der Berufsbildung (Hg.): Das Berufsbildungssystem in Finnland, Luxemburg 1998, S. 34.
  - 14 Vgl. Huck: Finnland, S. 49–63; OECD: Educational Systems, S. 11.
  - 15 Vgl. Müller: Finnisches Bildungssystem, S. 48.
  - 16 Vgl. Huck: Finnland, S. 62–66.
  - 17 Vgl. OECD (Hg.): Reviews of National Policies for Education: Finland Higher Education, Paris 1995, S. 64–77 (im Folgenden OECD: Higher Education).
  - 18 Vgl. Paavo Malinen: Der Hochschulbereich in Finnland: eine problemorientierte Untersuchung, in: Jens Peter Christensen u. a.: Universitäten und Hochschulen im Wandel, Teil 1 (Finnland, Dänemark, Norwegen, Schweden), Gießen 1987, S. 3–5; OECD: Higher Education, S. 41.

- 19 Vgl. Lübbe: *Auslandsbeziehungen DDR*, S. 68.
- 20 Vgl. Wolfgang Lambrecht: *Wissenschaftspolitik zwischen Ideologie und Pragmatismus: Die III. Hochschulreform (1965–71) am Beispiel der TH Karl-Marx-Stadt, Münster 2007*, S. 94–97 und 383 f. (im Folgenden Lambrecht: *Wissenschaftspolitik*).
- 21 Programm der SED vom 18. 1. 1963, in: ZK der SED (Hg.): *Dokumente der SED: Beschlüsse und Erklärungen des Parteivorstandes, des ZK sowie seines Politbüros und seines Sekretariats*, Bd. 9, Berlin [Ost] 1965, S. 250.
- 22 Grundsätze für die Gestaltung des einheitlichen sozialistischen Bildungssystems vom 16. 4. 1964 (Auszug), in: Siegfried Baske: *Bildungspolitik in der DDR 1963–76, Dokumente*, Berlin [West] 1979, S. 67.
- 23 Ebd., S. 73; Vgl. Gesetz über das einheitliche sozialistische Bildungssystem vom 25. 2. 1965, GBl. der DDR 1965 I, Nr. 6, S. 87 (im Folgenden Gesetz über das einheitliche sozialistische Bildungssystem).
- 24 Ebd., S. 80; Vgl. Gesetz über das einheitliche sozialistische Bildungssystem, S. 86.
- 25 Kommentar zum Leserbrief «Nicht zielführend» zum Bericht «Von der Leyen fordert bessere Bezahlung für Tagesmütter» in der Passauer Neuen Presse vom 22. Dezember 2008, in: Online-Leserbriefforum der Passauer Neuen Presse vom 27. Dezember 2008, <http://www.pnp.de/nachrichten/artikel.php?cid=29-22602412&Ressort=bay&BNR=0> (15. 3. 2009).
- 26 Beschluss des Staatsrates der DDR zur Weiterführung der III. Hochschulreform und die Entwicklung des Hochschulwesens bis 1975 vom 3. 4. 1969, GBl. der DDR 1969 I, Nr. 3, S. 9.
- 27 Vgl. Lambrecht: *Wissenschaftspolitik*, S. 9 und 156–217.
- 28 Vgl. Gunnar Boalt u. a.: *Bildungsforschung und Schulreform in Schweden*, Stuttgart 1968, S. 11–17.
- 29 Так, на VII съезде СЕПГ в 1967 г. Вальтер Ульбрихт провозгласил, что к 1980 г. количество студентов увеличится в 2,5 раза, а по естественнонаучным дисциплинам даже в 3,5 раза. Спустя всего лишь год было заявлено, что эти цели будут достигнуты уже к 1975/1976 г. Однако с переходом руководства страны от Вальтера Ульбрихта к Эриху Хонеккеру и связанными с этими изменениями в расстановке приоритетов расширение сферы высшего образования было приостановлено. Vgl. Lambrecht: *Wissenschaftspolitik*, S. 171–176 und 250–255.
- 30 Vgl. Verordnung über die Gewährung von Stipendien an Studierende der Universitäten und Hochschulen vom 3. 2. 1955, GBl. der DDR

- 1955 I, Nr. 11, S. 101–103; Anordnung über den Fortfall von Studiengebühren an den Universitäten, Hoch- und Fachschulen vom 1. 2. 1957, GBl. der DDR 1957 I, Nr. 18, S. 163.
- 31 Vgl. Lambrecht: Wissenschaftspolitik, S. 71–83.
- 32 Vgl. Oskar Anweiler u. a.: Bildungssysteme in Europa, Weinheim und Basel, 4. Aufl., 1996, S. 59, 74, 86 und 101; Betsy Hadden: Das Bildungswesen, in: Willi Paul Adams u.a. (Hg.): Länderbericht USA II, Bonn 1990, S. 522–546.
- 33 Vgl. Lambrecht: Wissenschaftspolitik, S. 285–288.
- 34 Gesetz über das einheitliche sozialistische Bildungssystem, S. 86.
- 35 Vgl. Paavo Lipponen: Warum wir Finnen Pisa-Sieger sind, <http://www.finland.de/dfgnrw/dfg043a-pisa29.htm> (15. 3. 2009); PISA und das finnische Schulsystem, <http://finland-ruft.de/kultur-gesellschaft/pisa-und-das-finnische-schulsystem/> (15. 3. 2009); Informativische Bildung weltweit: Finnland – Das Schulsystem Finnlands, http://tu-dresden.de/die_tu_dresden/fakultaeten/fakultaet_informatik/smt/dil/ib/laen-dervergleich/finland/finland (15. 3. 2009).

Ансельма Галлинат и Забине Киттель

О современном подходе к гэдээровскому прошлому

- 1 См. по этому вопросу заявление для прессы министра культуры ФРГ Бернда Ноймана: <http://www.bundesregierung.de/Content/DE/Pressemitteilun-gen/BPA/2008/06/2008-06-18-bkm-gedenks-taettenkonzept.html>.
- 2 Комитет по культуре и средствам массовой информации: Beschlussempfehlung und Bericht. Fortschreibung der Gedenkstättenkonzeption des Bundes. Verantwortung wahrnehmen, Aufarbeitung stärken, Gedenken vertiefen, Berlin 2007.
- 3 Martin Sabrow u. a.: Wohin treibt die DDR-Erinnerung? Dokumentation einer Debatte, Göttingen 2007 (im Folgenden: Sabrow: Wohin treibt die DDR-Erinnerung?).
- 4 Das Forschungsprojekt «The socialist past today. The German Democratic Republic in private, public and institutional discourses» wurde 2007 und 2008 an der Universität Newcastle upon Tyne (GB) durchgeführt und vom Economic and Social Research Council (GB) finanziert.
- 5 Эксперты были назначены отдельными партиями. В их число вошли: профессор Клаус Шредер, д-р Штефан Волле, оба представители исследовательского объединения «Государство СЕПГ»

- Свободного университета города Берлина; профессор Йоахим Шолтысек из Боннского университета; профессор Вольфганг Бенц из центра исследований антисемитизма Технического университета Берлина; профессор Мартин Забров, центр исследований современной истории, Потсдам; профессор Саломон Корн, вице-президент центрального совета евреев; профессор Бернд Фауленбах, Рурский университет Бохума. Профессор Манфред Вилке из Берлина, а также профессор Клаус-Дитмар Хенке не смогли принять участие в работе, однако они представили свои заключения в письменном виде.
- 6 Richard Schröder: *Wir sind zum Trübsinn nicht verpflichtet*, in: *Die Zeit*, 48/2006, http://www.zeit.de/2006/48/Wir_sind_zum_Trübsinn_nicht_verpflichtet.
  - 7 Monika Deutz-Schroeder; Klaus Schroeder: *Soziales Paradies oder Stasi-Staat? Das DDR-Bild von Schülern – ein Ost-West-Vergleich*, Berlin; München 2008. Опрос, проведенный среди старшеклассников в возрасте до 16–17 лет, должен был выявить уровень исторических знаний, касающихся недавней немецкой истории и в первую очередь то, как они представляют ГДР. По словам Шредера, исследование показало явно недостаточный уровень знаний о ГДР, причем он был существенно ниже в новых федеральных землях, чем в старых. Чем ниже уровень знаний, тем более позитивно школьники оценивали социалистическое государство.
  - 8 Еще в 2005 г. Забров приводил аргументы в пользу того, что, как следует из задач, поставленных перед его тогдашней комиссией, Федеративная Республика должна совершить поворот от политического к историческому осмыслению событий современной истории. См. Sabrow: *Wohin treibt die DDR-Erinnerung?*
  - 9 В ходе рабочих дискуссий часто проявлялись различные подходы партий к оценке прошлого ГДР, а также национал-социалистического режима. К сожалению, здесь не представляется возможным детально остановиться на этом вопросе; Vgl. auch Peter Steinbach: *Im Schatten des dritten Reiches*, in: Christoph Klessmann u. a. (Hg.): *Deutsche Vergangenheiten – eine gemeinsame Herausforderung*, Berlin 1999.
  - 10 Paul Connerton: *How societies remember*, Cambridge 1989.
  - 11 Aleida Assmann: *Erinnerungsräume. Formen und Wandlungen des kulturellen Gedächtnisses*, München 1999; Vgl. dies.: *Der lange Schatten der Vergangenheit: Erinnerungskultur und Geschichtspolitik*, München 2006.

- 12 Dan P. McAdams: *The stories we live by. Personal myths and the making of the self*, New York 1993; Gabriele Rosenthal: *Erlebte und erzählte Geschichte. Gestalt und Struktur biographischer Selbstbeschreibungen*, Frankfurt a. M. 1995 (im Folgenden: Rosenthal: *Erlebte und erzählte Geschichte*).
- 13 Charlotte Linde: *Life-Stories. The creation of coherence*, Oxford 1993.
- 14 Maurice Halbwachs: *Das kollektive Gedächtnis*, Frankfurt a. M. 1985.
- 15 Vgl. Barbara Misztal: *Theories of Social Remembering*, Maidenhead 2003.
- 16 Об этом свидетельствует имеющаяся литература по антропологии, например: Tanya Richardson: *Kaleidoscopic Odessa. History and place in contemporary Ukraine*, Toronto 2008; Deema Kaneff: *Who owns the past? The politics of time in a ›model‹ Bulgarian village*, London 2004; Katharine Verdery: *The political lives of dead bodies. Reburial and post socialist change*, New York 2000.
- 17 Vgl. Dominic Boyer: *Ostalgie and the Politics of the Future in Eastern Germany*, in: *Public Culture* 18 (2006) 2, S. 361–381; Ruth Wittlinger; Martin Larose: *No Future for Germany's Past? Collective Memory and German Foreign Policy*, in: *German Politics* 16 (2007) 4, S. 481–495.
- 18 Vgl. dazu z. B. Peter Dudek: *Vergangenheitsbewältigung. Zur Problematik eines umstrittenen Begriffs*, in: *Aus Politik und Zeitgeschichte* 42 (1992) 1–2, S. 44–53; Michael Wolffsohn: *Doppelte Vergangenheitsbewältigung*, in: Klaus Sühl (Hg.): *Vergangenheitsbewältigung 1945 und 1989. Ein unmöglicher Vergleich?* Berlin 1994, S. 37–43.
- 19 Siehe u. a. Thomas Lindenberger: *Herrschaft und Eigensinn in der Diktatur. Studien zur Gesellschaftsgeschichte der DDR*, Köln 1999; Stefan Wolle: *Die heile Welt der Diktatur. Alltag und Herrschaft in der DDR 1971–1989*, Berlin 1998; Konrad Jarausch: *Dictatorship as experience. Towards a sociocultural history of the GDR*, Oxford 1999.
- 20 Der Begriff «Vereinigung durch Übernahme» wird von dem Soziologen Glaeser benutzt; siehe Andreas Glaeser: *Divided in Unity: Identity, Germany and the Berlin Police*, Chicago 2000.
- 21 Daphne Berdahl: «(N)ostalgie» for the present. *Memory, longing and East German things*, in: *Ethnos* 64 (1999) 2, S. 192–211; dies.: *Where the world ended. Re-unification and identity in the German borderland*, Berkeley 1999.
- 22 Siehe dazu Bernd Fessen: *Ressentiment und Fehlwahrnehmung. Deutsche Mühen mit der Vereinigung*, in: *Berliner Debatte* Initial 4/5 (1995), S. 132–144.

- 23 Siehe dazu Anselma Gallinat: Being «East German» or Being «At home in eastern Germany»? Identity as Experience and as Rhetoric, in: *Identity: Global Studies in Culture and Power* 15 (2008) 6, S. 665–686.
- 24 Anthony Appiah: Identity, authenticity and survival, in: Amy Gutmann (Hg.): *Multiculturalism. Examining the politics of recognition*, Princeton 1994, S. 149–163.
- 25 Всего мы проинтервьюировали 32 мужчин и женщин, работающих в различных организациях. Примерно две трети из них были мужчинами, менее одной четверти проинтервьюированных были жителями старой Федеративной Республики. Опрашиваемые родились в период между 1949 и 1981 г. Примерно одна четверть из них были членами СЕПГ в бывшей ГДР, менее одной трети участвовали в движении за гражданские права.
- 26 Siehe dazu z. B. Rosenthal: *Erlebte und erzählte Geschichte*.
- 27 Имена интервьюируемых граждан скрыты. Записи устных интервью были тщательно отредактированы для лучшей удобочитаемости, при этом содержание текстов не подвергалось никаким изменениям.
- 28 Z. B. Gerard Delanty; Chris Rumford: *Rethinking Europe. Social theory and the implications of europeanisation*, London 2005.

Книги издательств
«Социум», ИРИСЭН и «Мысль»
можно купить в интернет-магазине
sotsium.ru

**ГДР : МИРОЛЮБИВОЕ ГОСУДАРСТВО,
ЧИТАЮЩАЯ СТРАНА, СПОРТИВНАЯ НАЦИЯ?**

ТОМАС ГРОССБЁЛЬТИНГ
редактор-составитель

Подписано в печать 20.10.2017. Формат 60х90/16
Объем 24 п. л.

Издательство «Мысль»
тел. (495) 330-51-98